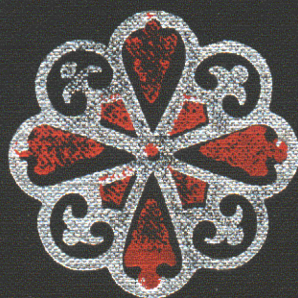
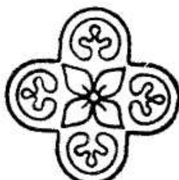
ОЧЕРКИ ПО АРХЕОЛОГИИ БЕЛОРУССИИ

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ОЧЕРКИ ПО АРХЕОЛОГИИ БЕЛОРУССИИ

ЧАСТЬ II

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА И ТЕХНИКА» МИНСК 1972

Под редакцией
кандидатов исторических наук
Г. В. ШТЫХОВА, Л. Д. ПОБОЛЯ

О 95 **Очерки** по археологии Белоруссии. Ч. **II.** Мн., «Наука и техника», 1972. 248 с. (АН БССР. Ин-т истории). **1050** экз. **1 р. 58 к. В** перепл.

Вторая часть монографии посвящена истории западных земель Руси в **IX—XIII** вв. **В** книге рассматривается история восточнославянских племен, которые проживали на территории Белоруссии в IX—X вв.: полоцких кривичей, дреговичей, радимичей. Здесь широко представлены материалы из раскопок древних городов X—**XIII** вв. Много место уделено изучению сельского хозяйства, ремесла, торговли, денежного обращения, обобщены сведения о древней архитектуре, выдающихся произведениях прикладного искусства, памятниках нумизматики, сфрагистики, эпиграфики.— Лит. с. **216—**235.

1-6-2 / 5-72 902.5

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1970 г. вышла в свет первая часть «Очерков по археологии Белоруссии». В ней изложена древняя история населения республики, начиная от первого появления здесь человека до возникновения раннефеодального общества (раздел I «Каменный и бронзовый века», раздел **II** «Железный век»).

Вторая часть очерков представляет **III** раздел этого труда и посвящена обобщению археологических материалов по истории западных земель Киевской Руси, точнее, древних земель **IX—XIII** вв. на территории Белоруссии. Там, где это необходимо, затрагивается более ранний период.

В книге поставлены вопросы этнической истории, формирования полоцких кривичей, дреговичей, радимичей, сделана попытка осветить их максимально, используя новейшие вещественные источники. Социально-политическая история отражена здесь не очень широко, поскольку имеющиеся археологические данные не многим дополняют сведения письменных источников, которые довольно полно использованы и интерпретированы в изданиях «Истории БССР» и других работах.

Настоятельная необходимость изучения древней деревни диктуется потребностью понять истоки важнейших явлений раннефеодальной истории восточного славянства. Следует уточнить время появления земледелия как основы хозяйства, отделения от земледелия ремесла, определить рубеж между первобытнообщинной и феодальной формациями. Тем не менее и письменные, и археологические материалы фрагментарны и незначительны, поэтому жизнь деревни в очерках показана далеко не полно. В первую очередь это относится к топографии, размерам, планировке сельских поселений.

Подробные, яркие материалы получены в послевоенные годы при раскопках летописных городов IX—**XIII** вв., их в Белоруссии около 40. Удалось выяснить историческую топографию Полоцка, Минска, Витебска, Гродно, Турова, Пинска, Волковыска, Новогрудка и других городов. Прослежены важнейшие этапы становления и развития этих городов. Археологические данные интерпретируются в соответствии с сообщениями письменных источников, главным образом летописей.

Значительное внимание обращено на первое упоминание того или иного города в письменных источниках. Это имеет особое практическое значение. Обычно от этих дат условно отсчитывают возраст города, отмечают юбилеи. Наиболее достоверные сведения на этот счет содержатся в древних летописях. Если в другом источнике город упомянут ранее

и его существование подтверждено археологическими раскопками, то такую дату следует считать первоначальной.

В исторической и краеведческой литературе встречаются неточности и расхождения в определении дат первого упоминания городов в источниках, что объясняется во многих случаях характером самих источников. В Киевской Руси после принятия христианства новый год по-прежнему начинали по старой традиции весной (с 1 марта), хотя счет лет велся по византийской эре, согласно которой год начинался 1 сентября. Этим объясняется то, что в разных летописях, рассказывающих об одних и тех же событиях, датировка шла с разницей на единицу. Так, знаменитый поход коалиции князей в Полоцкую землю по Лаврентьевской летописи был в 1127 г., а по Ипатьевской — в 1128. Здесь дата 1127/8 г.

Соотношение датировок в разных летописных статьях и сводах рассмотрено в фундаментальном труде Н. Г. Бережкова «Хронология русского летописания», опубликованном в 1963 г. Поправка дат по Бережкову в очерках не принята во внимание. Во всех случаях датировки даются аналогичные летописным.

До недавнего времени первое упоминание о Пропошске (Славгороде), Кречюте (Кричеве) и других городах относили к 1150 г. Они названы в уставной грамоте князя Ростислава Смоленского. Я- Н. Щапов и польский ученый А. Поппэ доказали, что этот документ написан в 1136 г.

Лукомль, Логойск, Друцк названы в «Поучении» Владимира Мономаха, написанном примерно в 1117 г., без обозначения дат событий. Опустошение Полоцкой земли, когда упомянуты пункты, относится (по А. С. Орлову и Д. С. Лихачеву) к 1078 г.

В предлагаемой книге отведено много места исследованию ремесла и торговли, денежного обращения. Обобщены сведения о сфрагистике, эпиграфике, о выдающихся памятниках прикладного искусства, монументальном зодчестве. Поскольку хозяйство было все-таки раннефеодальным, натуральным, было бы неправильно преувеличивать в экономике Руси значение городского ремесла и торговли. Сами города были, помимо всего прочего, центрами развития сельского хозяйства, а подлинными хозяевами их были феодалы.

Работу выполнили научные сотрудники Института истории Академии наук Белорусской ССР (сектор археологии): Г. В. Штыхов (глава VIII § 1, глава X § 1,3, глава XI §1, 2, 3, глава XII § 1, 2, 3, 4, а также введение к каждой из пяти глав, карты к главам VIII, IX и общее заключение), П. Ф. Лысенко (глава VIII § 2, 3, глава X § 2, 3, глава XI § 1), Я- Г. Зверуго (глава VIII § 4, 5, глава IX § 1, глава X § 4), Т. Н. Коробушкина (глава IX § 2, 3), М. А. Ткачев (глава XII § 3). Кроме этого, в ее написании приняли участие кандидат исторических наук В. Р. Тарасенко (глава VIII § 3, глава IX § 1, 3, глава XII § 2) и доцент Белорусского государственного университета В. Н. Рябцевич (глава XI § 3).

Справочный аппарат подготовлен Т. Н. Коробушкиной, ею составлены географические указатели. Иллюстрации выполнены художниками М. Н. Федосеевым, Ш. И. Бектинеевым, Г. И. Кацаповым, фото — Е. И. Фроловым.

РАЗДЕЛ III

ДРЕВНИЕ ЗЕМЛИ БЕЛОРУССИИ (IX—XIII вв.)

Глава VIII

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

Дошедшие до нас письменные источники не дают ответа, какое население обитало на территории Белоруссии в третьей четверти I тысячелетия н. э., не говоря о более раннем времени. Данные гидронимики и топонимики лишь в некоторой степени проливают на это свет.

В середине XIX в. А. Киркор отмечал необходимость привлечения топонимических материалов для определения соотношений славянских и балтийских этнических элементов на территории Белоруссии и призывал «исследовать названия древнейших мест, рек, озер и т. д. и из наречий, которым принадлежат эти названия, определить границы»[1].

Одним из первых подобных исследований была работа А. А. Кочубинского. По Кочубинскому, территория древнего расселения литовцев представляла собой значительную часть Белоруссии и ограничивалась с юга северным бассейном Припяти, а с востока бассейном Березины [2]. О наличии большого числа названий рек балтийского происхождения в Белоруссии говорили и другие исследователи [3]. А. Л. Погодин расширил территорию древнего обитания балтов главным образом на восток. Он впервые обратил внимание на реликты балтийской гидронимии в бассейне Оки [4]. О том, что древний слой балтийской гидронимики есть и в верховьях Волги, писал Е. А. Карский [5].

Исследованием балтийской гидронимики занимался литовский языковед К. Буга. Он пришел к выводу, что Верхнее Поднепровье и Среднее Подвинье были родиной предков балтийских племен. В первой половине I тысячелетия н. э. балтийские племена Подвинья и Верхнего Поднепровья разделялись на две большие группы — предков литовцев, проживавших еще в середине I тысячелетия н. э. в бассейнах верхнего Днепра, Березины, Сожа и в части Верхнего Подвинья, и предков латышей, которые жили севернее и главным образом северо-западнее древних литовских племен. По мнению К. Буги, южная граница расселения балтов совпадала с таким крупным естественным рубежом, как Припять. Славяне находились южнее. Вся дальнейшая история балтов представлялась К. Буге как непрерывное вытеснение их славянами [6].

Немецкий лингвист М. Фасмер обратил внимание на северные и восточные районы древнего балтийского ареала. По его заключению, старая балтийская территория включала не только Верхнее Поднепровье, Среднее и Верхнее Подвинье, но и части бассейнов Ловати, Великой, Волги и Оки. М. Фасмер делил проживавшие здесь балтийские племена на две группы.

Одна из них занимала правобережье Днепровского бассейна (между реками Припять и Западная Двина) и часть левобережья в верховь-

ях Сожа. Другую группу он причислял к восточным балтам. Они жили в Смоленском Поднепровье, средней и верхней части бассейна Западной Двины, в верховьях Волги и Оки [7].

В последние годы значительный вклад в изучение гидронимии Верхнего Поднепровья внесли В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев. Они утверждают, что область балтийских гидронимов шире, чем считали ранее: балтийская гидронимия охватывает весь бассейн Десны и правобережье левого ее притока Сейма; -наличие здесь непосредственных балтоиранских языковых контактов очевидно. До этого считалось, что балты в древности не заходили так далеко на юго-восток. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев пересмотрели южную границу балтийской гидронимии в области правобережья Днепра. На территории Белоруссии южную границу балтийской гидронимии обычно проводили несколько севернее Припяти, по 53 параллели (примерно по линии Пружаны — Слуцк — Рогачев — Костюковичи). В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев отметили несколько десятков балтийских гидронимов как по Припяти, так и ее правым южным притокам и вместе с тем указали на повторяемость некоторых гидронимов к северу и югу от Припяти. Они усомнились в «изолирующей роли Припяти» к древности, как это считал К- Буга и др. Исследования В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева намного увеличили количество известных балтийских гидронимов в верховьях Днепра. В северном направлении балтийская гидронимия Верхнего Поднепровья переходит в бассейн Западной Двины. Наибольшим удельным весом обладает балтийская гидронимия бассейна Березины. «Относительное количество таких названий здесь столь значительно, а балтийский характер их так очевиден, что не вызывает никакого сомнения мысль об относительно недавнем пребывании на этой территории балтийского населения». Последнее подтверждается и некоторыми прямыми историческими свидетельствами, пишут В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев. Одним из наиболее значительных скоплений балтийской гидронимики оказался бассейн Сожа.

Выявление весьма значительного количества балтийских гидронимов в Верхнем Поднепровье (700—800 названий) и их равномерное распространение на этой территории привели В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева к выводу, что в Верхнем Поднепровье в I тысячелетии первых веках II тысячелетия н. э. жили племена балтийского происхождения. Они в своей основной массе не отступили к северо-западу, когда эту область начали колонизировать славяне, а постепенно ассимилировались. Такое предположение объясняет сохранение на этой территории большого числа балтийских гидронимов и их славянизированный фонетический облик.

В разных местах Верхнего Поднепровья балтийская гидронимика имеет свой возраст, т. е. в одних местах славяне появились раньше, в других позже. Соответственно с этим различается и славянская гидронимика — более поздняя и ранняя. Поздней считается славянская гидронимика бассейна Березины. Самые ранние славянские гидронимы выявлены в бассейне Десны. Следовательно, славяне проникли на Десну значительно раньше.

По мнению В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, расселение восточных славян к северу шло по рекам Днепровского бассейна и в первую очередь по течению самого Днепра. Для исследователей очевиден факт более позднего освоения славянами правобережья Днепра к северу от Припяти. Славяне пришли сюда с востока, с днепровского левобережья, и лишь потом, «уже на глазах истории», распространялись к северу, вытесняя или ассимилируя балтийское, население.

Нельзя не согласиться с выводом, что вклад балтийского населения в историю Верхнего Поднепровья [8], а следовательно, и в историю кривичей, радимичей, дреговичей весьма значителен. Гипотезы лингвистов о позднем заселении славянами Верхнего Поднепровья и Подвинья широко использовал в своих выводах московский археолог В. В. Седов.

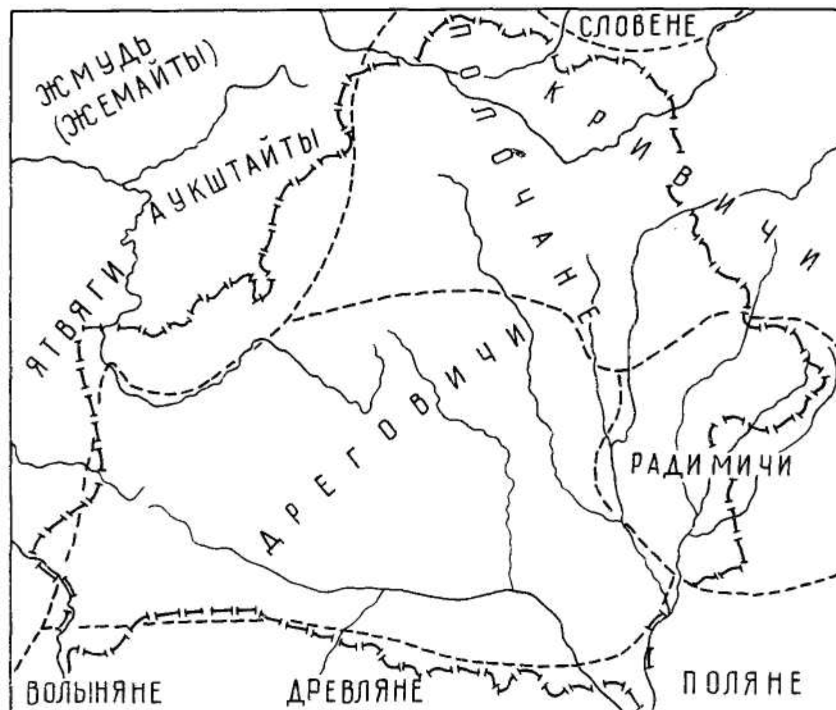

Рис. 1. Карта расселения этнических групп восточных славян на территории Белоруссии в IX—X вв.

Однако основная территория Белоруссии была заселена, по-видимому, славянами ранее, чем допускают Топоров, Трубачев, Седов. Новейшие лексические исследования подтверждают славянскую принадлежность зарубинецкой культуры[9]. Если в дальнейшем не будут найдены новые лингвистические данные, противоречащие этому выводу, то нужно будет признать, что значительная часть южной Белоруссии была заселена славянами во всяком случае на рубеже нашей эры.

Несколько по-иному будет решаться и проблема истории населения северной Белоруссии. Уже Буга допускал, что славяне появились севернее Припяти около середины I тысячелетия н. э., а в VI VIII вв. они проникли на территорию Виленской земли [10]. Латышский лингвист Я. Эндзелин, основываясь на языковых данных, говорит, что тесные балтославянские связи начинаются около 800 г.[11] Лингвистические данные свидетельствуют о наличии славянского и смешанного эстонско-славянского населения на юго-восточной окраине Эстонии в VI — VIII вв., где известен выруский диалект эстонского языка, который по сравнению с прочими эстонскими диалектами воспринял больше всего славянских элементов [12].

На территории Белоруссии исследователи выделяют несколько топонимических пластов: на северо-западе три пласта — древнейший

прибалтийско-финский, балтийский и верхний, славянский; в средней части Белоруссии, на территории Минской области и в некоторых прилегающих районах, различаются два пласта — древний, балтийский (неизвестный балтийский язык) и новый, славянский; в южной части республики (Гомельская, Брестская области и некоторые прилегающие районы) славянский топонимический пласт, по утверждению доктора географических наук В. А. Жучкевича, единственный.

Основной фон топонимии Белоруссии — старославянские и современные белорусские названия. Поселения с балтийскими названиями очень редко располагаются по крупным рекам, чаще всего они стоят вдали от них у небольших водотоков. Славянское население, следовательно, распространялось по речным долинам, охватывая в междуречьях балтийские очаги. При длительных контактах племен славянское население восприняло балтийскую гидронимию, которая дошла до наших дней[13].

В «Повести временных лет» называются этнические группы славян в Восточной Европе в последней четверти I тысячелетия н. э. По отношению к ним в исторической и археологической литературе часто употребляются выражения «восточнославянские племена», «летописные племена», «племена «Повести временных лет».

Термин «племена» относительно восточных славян весьма условен. На самом деле это были значительные этнические группировки, так называемые «союзы племен», в основе которых лежали не только родоголеменные, но и территориальные, экономические и политические связи. По существу это примитивные народности, или «народцы», находившиеся на различных уровнях консолидации. Развитие этих группировок шло по пути превращения их в государство[14].

Летописные данные о славянах в Восточной Европе служат важным источником, определяющим местоположение отдельных этнических группировок в VIII—IX вв. Но летописи не дают сводной картины их расселения. Нет даже единого списка племен. Они упомянуты в разных местах летописи. Всего здесь названо 15 племен: поляне, ильменские словене, древляне, северяне, полочане, кривичи, дреговичи, вятичи, радимичи, волыняне, дулебы, бужане, тиверцы, уличи, белые хорваты. При этом не дано соотношение между ними, не ясно, были ли такие племена, которые составляли часть других объединений [15]. Летопись свидетельствует, что некоторые из племенных объединений (поляне, северяне, древляне, полочане, дреговичи и словене) имели свои «княжения» до образования Киевской Руси.

Приобретает большое научное значение вопрос о соотношении археологических памятников Восточной Европы с летописными известиями о славянских группировках. Им в конце XIX в. занялся выдающийся русский археолог А. А. Спицын. Он пытался сопоставить данные «Повести временных лет» о расселении славян в Восточной Европе с археологическими древностями соответствующих районов. Выяснилось, что в древностях восточных славян столько же археологических районов, сколько названо в летописи «племен». Однако как А. А. Спицын, так и его последователи привлекали археологические материалы преимущественно XI—XIII вв. Учитывая устойчивость древних обычаев, типов украшений, эти материалы в какой-то мере могут служить для определения или уточнения границ.

Для того чтобы представить более правильную картину расселения славян в Восточной Европе в VIII—IX вв., советские исследователи в последние годы обратились к археологическим памятникам этих столетий. Выявление памятников VI—VIII вв., тщательное установление свя-

зи между ними и летописными данными имеет огромное значение для решения проблемы происхождения восточных славян.

Распространение кремации умерших у населения средней полосы Восточной Европы в течение длительного времени, вплоть до конца I тысячелетия н. э., было значительным препятствием для решения важных этногенетических проблем. В пламени костров погибал погребальный инвентарь. По тем же причинам палеоантропологические данные, кото-

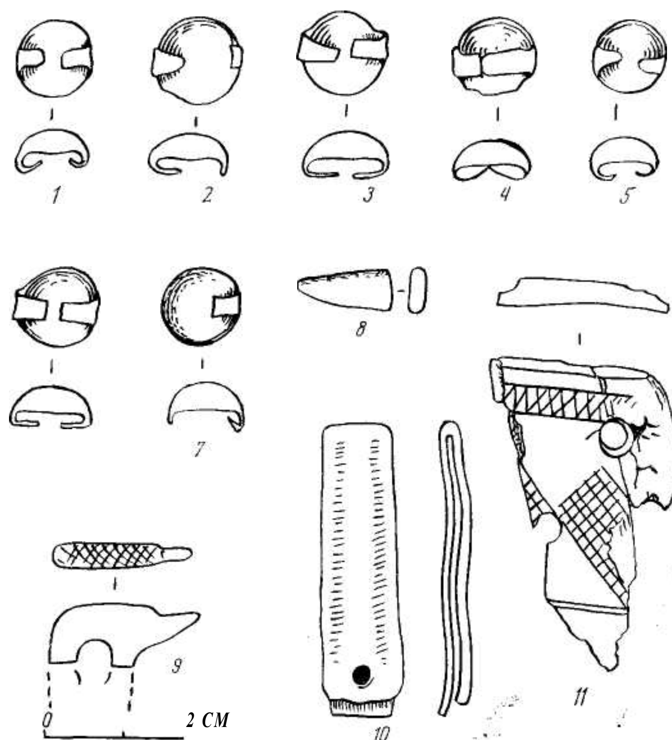

Рис. 2. Вещи из длинного кургана V—VI вв. в урочище Атоки близ деревни Янковичи Россонского района:

1—7—бронзовые бляшки-скорлупки; 8—остаток кости; *10*—бронзовое изделие, *9, 11*—фрагменты орнаментированных костяных изделий

рыми сейчас располагают исследователи, относятся лишь к раннефеодальному периоду, когда был распространен обычай трупоположения в курганной насыпи или под ней.

Изучая и анализируя краниологический материал (черепа) из погребений X—XIII вв., исследователи единодушно отмечают неоднородность антропологического состава племенных групп восточного славянства и считают это результатом их формирования на основе древнего местного балтекого, финно-угорского, ираноязычного населения.

Антропологи выделили пять локальных антропологических типов [16]. Для раннесредневекового славянского населения Верхнего Поднепровья и Подвинья характерна долихокрания и средняя ширина лица [17]. К этому типу относятся черепа из курганных погребений дреговичей, радимичей, а также смоленских и полоцких кривичей. Краниологические данные об этих племенах не обнаруживают заметных различий, в то же время

они сходны с материалами некоторых групп латгалов. По наблюдениям В. В. Седова, территория распространения этого антропологического типа детально совпадает с ареалом древних балтийских племен, о котором можно судить по данным гидронимии[18]. В науке утвердился взгляд о влиянии аборигенного балтийского населения на формирование антропологического типа раннесредневекового населения Белоруссии (дреговичей, радимичей, кривичей). Действительно, это славянское население в какой-то части сложилось за счет ассимиляции балтов. Однако значения этого факта в истории населения Белоруссии нельзя преувеличивать. Советский антрополог В. П. Алексеев подчеркивает, что краниологический материал свидетельствует о меньшей роли дославянского (балтского) субстрата в этногенезе белоруссов, чем финно-угорского в этногенезе русской народности [19].

1. ПОЛОЦКИЕ КРИВИЧИ

Незадолго до образования древнерусского государства Белорусское Подвинье заселяли кривичи. Кривичей обычно всегда считали славянами, связывали с ними археологические памятники типа длинных курганов. В последнее время, однако, высказываются серьезные сомнения даже в интерпретации понятия «кривичи» в смысле «славяне»[20], есть сомнения и в принадлежности этих курганов славянам [21].

Топонимические данные. Ввиду сравнительно поздних непосредственных сведений **о** кривичах в письменных источниках представляют интерес данные топонимики, которые можно использовать для выяснения истории происхождения и путей расселения кривичей. Этому уделил много внимания польский историк Г. Ловмянский.

Патронимические названия поселений на «вичи», «ичи» (Волосовичи, Дедиловичи) — подтверждение пребывания здесь славян [22]. Эти топонимы близки к этнонимам, обзначавшим древние славянские племена (ободричи, лютичи, велятичи — среди поморских славян, кривичи, радимичи, вятичи, дреговичи — у восточных славян). Г. Ловмянский проделал большую работу по картографированию патронимических наименований и пришел к выводу, что славяне появились на большой территории лесной полосы Восточной Европы не позднее VII в. н. э.[23]

Значительное место в своем исследовании Г. Ловмянский уделил Белоруссии и всей территории, на которой, согласно летописи, жили кривичи. Патронимические названия в этих областях распространены кучно, в виде отдельных островков. Г. Ловмянский полагает, что славяне продвигались сюда и оседали группами среди балтийского населения и со временем либо были ассимилированы балтами, либо ассимилировали балтов, что случалось чаще.

Граница между литовскими и славянскими племенами установилась, по мнению Г. Ловмянского, в Белорусском Понеманье (по линии Слоним — Волковыск—Гродно — Новогрудок, а также Минск — Заславль — Логойск) уже к **VII** в. н. э. В эту пограничную зону, слабо заселенную балтийскими племенами, рано проникали дреговичи и кривичи. Следы этого процесса Г. Ловмянский отмечает вдоль всего правого берега Немана до устья Березины.

Большая группа кривичей осела на востоке от Ошмян (район Молодечно, Воложина, Крево, Сморгони). Севернее от Молодечно образовалась вторая группа кривичей. Она доходила до озер Свирь и Нарочь.

На широкой пограничной полосе вдоль границы Латвии названия на «вичи» почти отсутствуют. Это говорит о редких поселениях кривичей.

Однако в районе Браслава и отсюда по направлению к Друе встречается значительное количество этих названий.

Согласно Полоцкой ревизии 1552 г., в районе Полоцка в XVI в. насчитывалось 17% патронимических названий. Можно не сомневаться, что среди них были и очень древние. Большинство их — на левом берегу Западной Двины, там, где известно наибольшее количество курганов с трупосожжением. Сам Полоцк лежит по правую сторону Западной Двины. Здесь на реке Дриссе тоже встречаются эти названия, выявлены и древнейшие на Полотчине курганы с трупосожжением. Г. Ловмянский

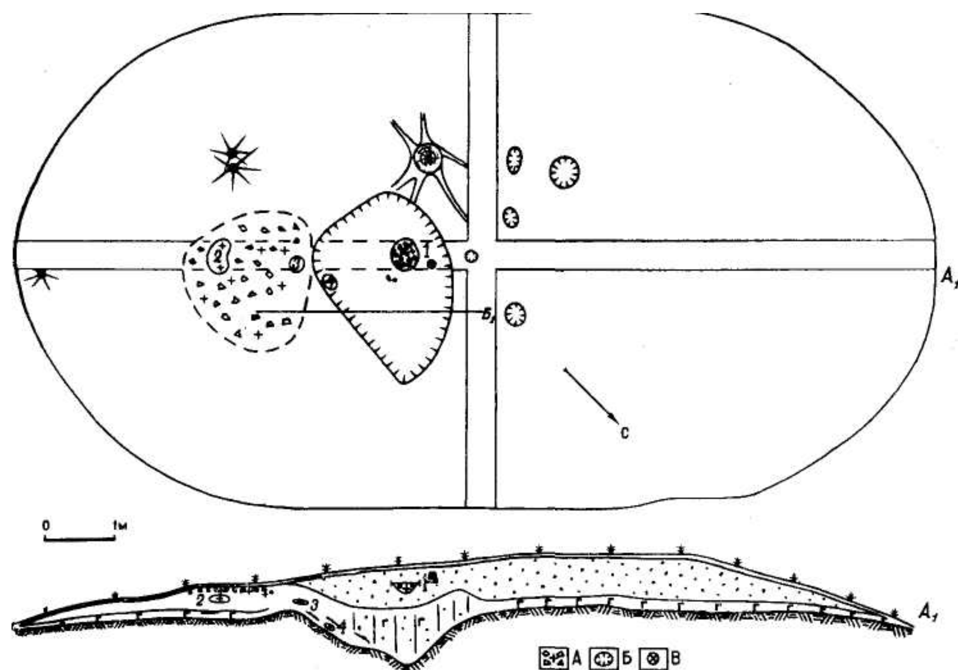

Рис. 3. План удлиненного кургана V—VI вв. Повалишино возле деревни Янковичи:
1—*4*—трупосожжения, а—фрагменты керамики с пережженными костями, б—ямы в материке, в—погребение в урне, накрытой слабопрофилированным сосудом

отмечает много таких топонимов в бассейне Уллы и Лукомки и определяет здесь особую племенную группу кривичей. Это же утверждает он и в отношении Витебска. Таким образом, на левом берегу среднего течения Западной Двины можно «азвать три племенных группы кривичей— полоцко-дриссенскую, лукомльскую, витебскую.

Г. Ловмянский полагает, что кривичи двигались в северном направлении к Валдайской возвышенности, где находятся истоки Западной Двины, Волги, Днепра. Вдоль Валдайской возвышенности тянется длинная цепь топонимов такого же рода, очень многочисленных для севера.

Патронимические названия есть и вдоль Великой, возле Изборска и в окрестностях Порхова. Псков со всех сторон окружен такой топонимикой. Однако этого нельзя сказать о Смоленске. По Г. Ловмянскому, Смоленск возник несколько позже. Вдоль по Днепру топонимические следы древнего славянского- населения более многочисленны возле Орши, Копыси, Шклова, Могилева, Старого Быхова. Эти города окружены

патронимическими названиями. Названия, о которых идет речь, есть в верхнем течении Друти, Березины, под Борисовом и Червенем. Их много в районе Мстиславля, Кричева, Черикова [24].

Распространение патронимических названий и те наблюдения, которые сделал Г. Ловмянский, могут служить дополнительным аргументом в пользу славянской принадлежности памятников третьей четверти I тысячелетия н. э. в северной Белоруссии, этническая принадлежность которых служит предметом спора.

Этноним и топонимы «кривичи». О происхождении названия «кривичи» существует значительная литература, библиография которой рассмотрена в специальной публикации Ю. Верещаки в 1923 г. По сообщению немецкого хрониста XIV в. Петра Дусбурга, у пруссов и литовцев будто бы был верховный жрец Криве-Кривейте (судья-судей). В XVIII в. Г. Миллер высказал мысль о происхождении этнонима «кривичи» от имени этого полулегендарного первосвященника, ссылаясь на существование в языческие времена тесных религиозных связей между балтами и кривичами. А. Шлецер отверг такой взгляд, справедливо утверждая, что созвучие здесь случайное. Н. А. Карамзин не согласился со Шлецером и сослался на Адама Бременского (умер в 1076 г.), по которому «русские, будучи еще язычниками, дружно жили с литовцами и часто ездили в Жмудь... на поклонение их кумирам». Ссылка эта интересна, но не имеет прямого отношения к рассматриваемому вопросу. Тем не менее мнение Н. М. Карамзина разделяли многие авторы (Т. Нарбут, А. Киркор и др.) Однако М. К- Любавский доказал несостоятельность книжной легенды о Криве-Кривейте [25].

Высказывались и другие предположения. В. Н. Татищев объяснял название «кривичи» из сарматского слова «креве» (верх реки), другие авторы считали кривичей потомками фракийского народа кробизов или кровизов и исходили из этого при объяснении этимологии.

С. М. Соловьев разделял мнение о происхождении названия «кривичи», как и «дреговичи», от местности, ими занятой [26]. Территория Белоруссии обильна болотами, топями, трясинами (древнерусское «дрягва»). По-белорусски болото — «дрыгва», по литовски — «кирба». Отсюда, па предположению С. М. Соловьева, произошли названия «дреговичи» и «кривичи».

Однако В. Завигневич писал, что название «дреговичи» произошло, вероятно, от собственного имени, а не от слова «дрягва», как обычно считают историки [27]. В соответствии с этим крупнейший лингвист нашего времени М. Фасмер полагает, что слово «кривичи» происходит от имени родоначальника племени «Кривь» [28].

Действительно, «кривичи» это патронимическое название, такое же, как и «радимичи», «вятичи», «дреговичи» и пр. Летописец прямо называл племена от родоначальников Радима и Вятко: «радимичи» и «вятичи». Возможно, полагает А. И. Попов, названия «радимичи» и «вятичи» принадлежали первоначально только династическим родам, впоследствии эти названия были распространены на племенные группы и занимаемые ими земли [29]. Так могло произойти и с «кривичами». По мнению П. Шафарика, вначале название относилось к «одному колену» и только потом распространилось на славян, проживавших на севере.

Но есть еще одно мнение, по которому этноним «кривичи» понимается как кровнородственные, близкие по происхождению.

В латышском языке слово «кривичи» упрочилось для обозначения восточных славян. Латыши поныне продолжают называть всех русских krievi («криеви»), а земли, населенные ими,— krievija («криевия»). Это»

важно учитывать в том смысле, что латгалы граничили только с кривичами.

Из этнонима «кривичи» возникли соответствующие топонимы, хорошо известные на территории Белоруссии. Подобные топонимы обычно появлялись на чужой иноплеменной или инонациональной территории. Они подчеркивали отличие жителей данного населенного пункта от коренного. Названия населенных пунктов с этномической основой «кривичи» свидетельствуют о возникновении кривичских поселений — колоний на территории расселения других племен. В специальной литературе неоднократно приводились наиболее бесспорные доказательства их происхождения от этнонима «кривичи» [30]. Топонимы «крывічы» известны з Зельвенском, Ивьевском, Солигорском, Глубокском, Пинском районах; «крывічане» — в Докшицком районе; «крэйванцы» — в Ошмянском районе; «крэва» — в Сморгонском районе. По данным 1915 г., группа близко расположенных друг от друга деревень находилась на территории современного Воложинского района: «Малыя Крывічы», «Вялікія Крывічы», «Крывічы». Два населенных пункта под одним названием «Крывічы» расположены в 8 км друг от друга в Мядельском районе. Местечко «Крэвалоск» упоминается в документе 1657 г. близ Ошмян.

Многие названия на территории юго-восточной Латвии свидетельствуют о связях ее древнего населения с кривичами[31].

Следует отличать все эти названия, «есомденно связанные с этнонимом «кривичи», от подобных по звучанию наименований типа Кривец, Кривляне, Кривик и т. п. В малоизвестной работе А. Матача, опубликованной в 1925 г., картографировано огромное их количество на всей территории, где проживали кривичи, включая верховья Волги, но, по-видимому, действительный ареал этих топонимов окажется намного шире. Такие наименования встречаются и в Посожье на территории радимичей, что отметила Г. Ф. Соловьева в статье «К вопросу о приходе радимичей на Русь». Совсем не обязательно все подобные названия связывать с этнонимом «кривичи».

Письменные источники о кривичах. Во вводной части «Повести временных лет» в трех местах говорится о расселении славян. В первом случае речь идет о восточной ветви. Здесь говорится о полочанах и ничего о кривичах. В другом месте упоминается о «княжениях» у восточных славян. После смерти братьев — основателей Киева «держати почаша род их княженье в полях, а в древлях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане. От них же кривичи, иже седять на верх Волги, и на верх Двины и на верх Днепра, их же град есть Смоленск, туде бо седять кривичи». Вслед за этим дается перечисление славянских «племен». Среди них названы полочане, а кривичи пропущены летописцем. П. Шафарик считал это случайностью[32]. Однако в третьем месте, где говорится о восточнославянских «племенах» и некоторые из них упомянуты по нескольку раз, кривичи не фигурируют. И только в конце повествования, описывая нравы и обычаи восточнославянских «племен», летописец упоминает их [33].

Еще одно сообщение о кривичах есть в летописной статье 859 г.: «Имаху дань варязи из заморья на чудь и на словенех, на мери и на всех кривичех». В 862 г. кривичи вместе с другими «племенами» изгнали варягов за море, но потом, как сказано в летописной легенде, чудь, словене, кривичи призвали варяжских князей. Далее идет следующий текст: «И прия власть Рюрик и раздавая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городам суть находници варязи, а перьвии насельници-в Новегороде словене, в Полотьсте кривичи, в Ростове меря, в Беле-озере весь в Муроме мурома».

В 881 г. отправился Олег с варягами, чудью, словенами, весью и кривичами (изборскими и полоцкими) против смоленских кривичей, которые добровольно отдали ему город. Во время похода Олега (906 г.) и Игоря (944 г.) против греков в числе их воинов упомянуты кривичи. В походе Владимира Святославича на Полоцк (980 г.) участвовали варяги, словене, чудь, кривичи [34]. В 1127/8 г. великий киевский князь Мстислав предпринял поход на «кривичей», т. е. в Полоцкую землю. Полоцкие князья в Ипатьевской летописи под 1140 и 1162 гг. и в Воскресенской летописи под 1129 и 1162 гг. названы кривичскими. После этого «кривичи» исчезают со страниц древнерусских летописей.

Название «кривичские земли» сохранилось за территорией северной Белоруссии вплоть до первой четверти XIV в. По сообщениям немецкого хрониста П. Дусбурга, когда прусский полководец Генрих напал осенью 1314 г. на Литву, то прежде всего пошел «в землю Кривития (Crivitae) и город ее называемый Новогородок (Novagardia) взял» [35].

В 1382 г. Полоцк уже назывался замком Белой Руси [36].

Ранние сообщения о кривичах в «Повести временных лет» действительно дают повод сомневаться в том, можно ли эту группу отнести к славянам. Однако летописец не причисляет кривичей и к неславянским народам. Особое значение приобретает сообщение о кривичах в сочинении византийского автора середины X в. Константина Багрянородного (913—959). «Славяне,— говорит он,— зависящие от киевских русов, именно кривичане, лучане и прочие славяне, зимою рубяше на горах своих деревья и выделывают из них лодки, которые весной, когда снег стает, спускают в ближние озера» [37]. Как видим, Константин Багрянородный прямо называет кривичей славянами.

Автор «Повести временных лет» отнес к славянам объединение «полочан». Во вводной части «Повести» сказано: «Се бо токмо словенеск язык в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, север, бужане, зане седоша по Бугу, послеже же велыняне. В се суть инин языци, иже дань дають Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, земигола, корсь, норома, либь: си суть свой язык имуще».

Вопрос о «полочанах» как отдельной восточнославянской группе племен неоднократно поднимался в специальной литературе. Большинство исследователей пришли к выводу, что такого племени не существовало. Убедительно аргументировал это П. Ы. Третьяков. По его мнению, название «полочане» — результат нового территориального деления Киевской Руси [38]. Полочанами называли жителей Полоцка и его земли, вернее, более древней ее части, ибо в состав Полоцкой земли в XI в. входили не только полоцкие кривичи. Н. П. Барсов писал, что «полочане» произошли от названия города «Полоцк», как «смоляне» — от Смоленска, «куряне»—от Курска и т. д.[39] А. Г. Кузьмин полагает, что термин «полочане» появился в летописи в 60-е годы XI в. и что ошибка эта связана с вокняжением Всеслава Полоцкого в Киеве [40].

В легенде о признании варягов, имеющей, как доказал А. А. Шахматов, северное происхождение, перечисляются все северные племена, полочане там тоже не упоминаются [41]. В сообщении о походе на Киев в 882 г. князя Олега в Лаврентьевской летописи упоминаются чудь, варяги, меря, кривичи. Полочан здесь нет.

Идя на Киев в том же году, Олег обложил данью северные племена — словен, кривичей и мерю. Полочан нет и здесь. Они не назваиы также в описании похода Олега на Константинополь в 907 г., где фигурируют кривичи и прочие 12 славянских и неславянских племен. Однако летописец, рассказывая об условиях договора, по которому греки обя-

зывались платить дань русским городам, среди этих городов называет Полоцк. Вероятно, жители Полоцка участвовали в походе. В походе Игоря на Константинополь (944 г.) принимали участие варяги, русь, поляне, словене и кривичи, тиверцы и печенеги. Полочан летописец не называет.

В древнейших летописных сводах, предшествовавших «Повести временных лет» и восстановленных А. А. Шахматовым, «полочане» отсутствуют. По-видимому, составитель «Повести временных лет», которая создавалась в Киеве в начале XII в., ошибочно причислил жителей Полоцка (полочан) к числу северных восточнославянских «племен». Тем не менее эта ошибка примечательна. Летописец знал, что полочане—это кривичи, а ведь, как уже выяснено, полочан он считал славянами.

Фраза из летописи: «Полочане. От них же кривичи...» породила споры среди исследователей о названиях «кривичи» и «полочане». Некоторые полагали, что «кривичи» происходят от «полочан». Многие утверждали, что кривичи жили к северу от полочан [42].

Происхождение названия «полочане» древнерусский летописец связывает с названием реки Полота. Полочане, утверждает летописец, пришли и осели на Двине и «нарекошася полочане, речьки ради, яже втечеть в Двину, имянем Полота». Однако от Полоты происходит название города, а от Полоцка — полочане. В данном случае летописец не говорит о первоначальном расселении полочан по Полоте. На это он намекает далее, когда речь идет о княжении «на Полоте иже полочане». Но и здесь его можно понимать иначе: княжение основано с центром в Полоцке, который стоит на Полоте, а жители называются «полочане».

Польский историк Г. Ловмянский продолжает придерживаться взгляда, согласно которому «полочане» представляют собой «малое племя», проживавшее на Полоте. Оно явилось ядром «большого племени», т. е. полочанского союза племен [43]. Г. Ловмянский рисует картину генезиса Полоцкой земли. Для этого он привлекает, кроме летописных сообщений, данные топонимики. На наш взгляд, полностью нельзя присоединиться к мнению Г. Ловмянского о первоначальной локализации «полочан». Основанием для сомнений служит то обстоятельство, что на Полоте, общая протяженность которой составляет 60—70 км, очень мало археологических памятников, а известные курганы датируются XI—XII вв. Почвы в этом крае не плодородные, болота чередуются с песками. К первоначальной территории «полочан» Г. Ловмянский относит также течение реки Дриссы, на которой выявлены древнейшие длинные курганы. Основная масса курганов полоцких кривичей IX—X вв. находится южнее Полоцка, по берегам Ушачи и близлежащих озер [44].

Летописные «кривичи» — название собирательное. Это самая большая этническая семья племен в Восточной Европе на территории, где сложилась Киевская Русь. В летописях встречаются сообщения: одна .часть кривичей участвует в походе на другую. Так было в 881 г., когда Олег с кривичами (надо думать изборскими и полоцкими) отправляется в поход против смоленских кривичей. В 980 г. в походе Владимира на Полоцк участвовали кривичи (вероятно, изборские).

Обычно исследователи различают три ветви кривичского союза «племен» — кривичей полоцких, смоленских, изборских. Соответственно у кривичей было несколько племенных центров: Полоцк, Смоленск, вероятно, Изборск [45]. Быть может, летописец совершил ошибку, назвав полочан отдельным «племенем», таким, как дреговичи, радимичи, но ошибка эта незначительная, если под этим разумеется западная ветвь кривичей. Полоцкие кривичи — федерация племен, выделившаяся из кривичской со своим старым центром Полоцком, по которому в летописи они

названы «полочанами». В Полоцке было свое княжение полоцких кривичей, как это следует из «Повести временных лет».

Длинные курганы. С кривичами обычно связывают погребальные памятники — «длинные курганы». Понятие это считается общепринятым в археологической литературе. Это валообразные насыпи длиной в несколько десятков метров, шириной 8—10 м, высотой 1—2 м. Длинным курганам сопутствуют удлиненные овальные, круглые, реже четырехугольные и другие фигурные насыпи.

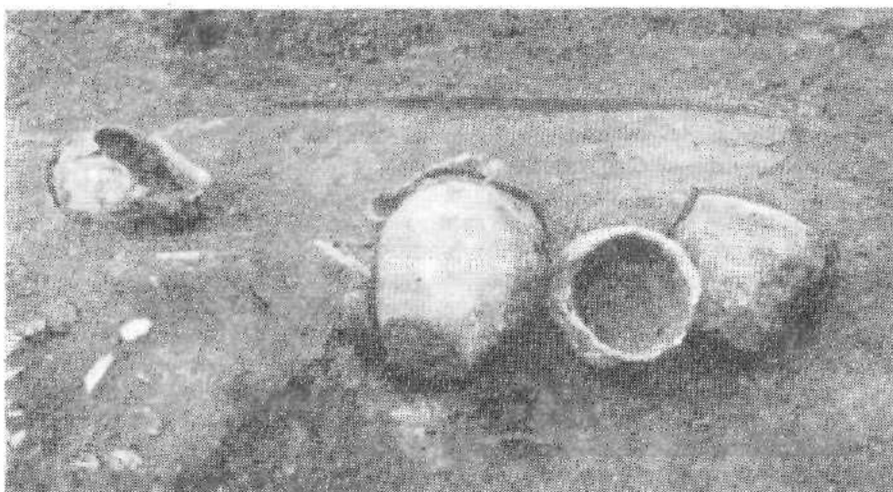

Рис. 4. Горшки IX — начала X в. в кургане около деревни Рудня Полоцкого района (исследование А. Г. Митрофанова)

И. И. Ляпушкин включает в понятие «длинные курганы» вес перечисленные курганы, кроме круглых[46]. С. А. Тараканова длинными курганами считает все валообразные насыпи, а к группе удлиненных относит квадратные, четырехугольные и овальные. Она предложила взять за основу деления курганов на длинные и удлиненные не длину курганов, а форму[47]. В. В. Седов предлагает относить к длинным курганам валоподобные насыпи, которые имеют вытянутые в плане очертания. Членение валообразных погребальных насыпей на длинные и удлиненные представляется ему бесперспективным и нецелесообразным [48].

Смоленский археолог Е. А. Шмидт считает возможным называть длинными такие насыпи, длина которых значительно превышает ширину, а удлиненными — курганы, у которых длина несколько больше ширины [49]. Кроме этого, Е. А. Шмидт предложил расширить содержание понятия «длинные курганы», распространяя его на археологическую культуру длинных курганов. В широком смысле «длинные курганы» Верхнего Поднепровья, по Е. А. Шмидту, это погребальные памятники конца VII—IX вв., содержащие одно или несколько трупосожжений по строго определенным обрядам, аналогичным погребальным инвентарем, включающим украшения балтийских типов. При этом форма кургана не служит определяющим признаком. Она может быть круглой, овальной и очень длинной [50]. Определение понятия «длинные курганы», которое дает Е. А. Шмидт, может быть распространено на территорию Полоцкого Подвипья с одной существенной поправкой: датировать эти памятники следует второй половиной I тысячелетия н. э:

Длинные курганы известны в области распространения кривичей, названной в летописи «верховья Днепра, Западной Двины, Волги», а также в бассейне Великой и некоторых других районах. По подсчетам В. В. Седова, ныне известно около 300 могильников, имеющих длинные (валообразные) насыпи [51]. Это невысокие насыпи длиной от 15—35 м до 50—90 м. В Белорусском Подвинье преобладают насыпи длиной 15—35 м. Но есть курганы, длина которых превышает 100 м. Этим курганам сопутствуют так называемые удлиненные—в 9—15 м. Обычно длинные

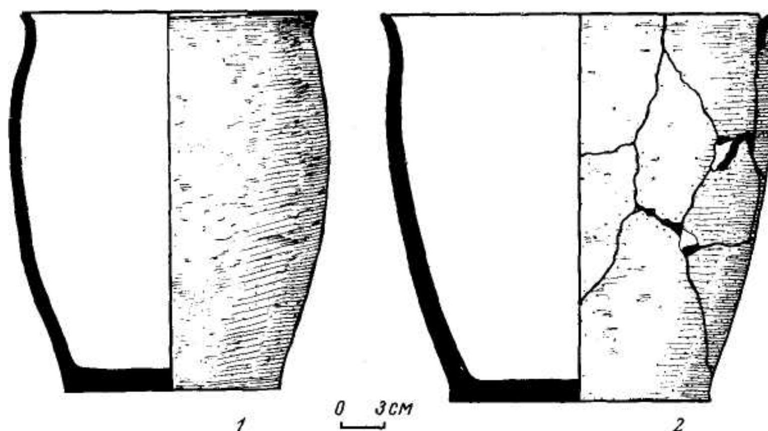

Рис. 5. Слабопрофилированные лепные урны V—VI вв. 1 — из длинного кургана Атоки, *2* — из круглого кургана № 4 Повалишино

и удлиненные курганы располагаются вместе с полусферическими, круглыми в плане насыпями. Встречаются насыпи, близкие к четырехугольным.

Длинные курганы содержат несколько захоронений по обряду трупосожжения (от 2—3 до 12—18). Обычно их причисляют к коллективным усыпальницам патриархальной семьи в период распада родовых отношений. Насыпь удлинялась постепенно с каждым новым погребением. Е. А. Шмидт проследил, что длинные курганы начинаются на Смоленщине курганами округлой формы, которые затем в зависимости от количества захоронений и характера их расположения в насыпи становятся либо удлиненными, либо длинными. Некоторые насыпи возводились в один прием.

Умершего вместе с принадлежащими ему вещами сжигали на костре, затем в глиняный горшок (урну) собирали останки, ставили в основании насыпи или в верхней ее части. Горшок ставился вверх дном, прикрывая небольшую ямку, в которой и находились остатки сожжения. Есть захоронения без урны. Сожженные кости помещались в небольшую ямку. Употребление урн из бересты характерно для Смоленщины. Украшения и другие предметы погибали в пламени костров, поэтому большинство захоронений по обряду трупосожжения безынвентарные.

Удлиненные курганы известны на пограничье современных Белоруссии, Литвы и Латвии. На западном берегу озера Дрисвяты между деревнями Машули и Шалтени раскопан удлиненный курган с В-образными пряжками VI—VIII вв.

На территории восточной Латвии известны 23 могильника с длинными, удлиненными и круглыми курганами. Эти памятники, обычно этнически смешанные, принадлежали латгалам, финно-уграм, кривичам и даже новгородским словенам, которые здесь проживали [52].

Хорошо изучены длинные и удлиненные курганы Смоленщины, где они распространены в бассейне Днепра, Сожа и в верховьях Западной Двины. Они датируются С. А. Шмидтом VII—IX вв. и по обряду захоронения весьма близки к памятникам Полотчины. В курганах Смоленщины часто встречаются балтийские украшения. Есть захоронения с лошадью, что характерно для погребального обряда литовских племен [53].

Ранние длинные и удлиненные курганы выявлены на Псковщине и в верховьях Западной Двины. Представляют интерес погребения, сделанные в заранее подготовленную насыпь[54]. К псковской группе длинных курганов примыкают курганы юго-восточной Эстонии [55].

О длинных и удлиненных курганах Белорусского Понеманья довольно часто упоминается в специальной литературе [56]. Однако о широком распространении их говорить достаточных оснований нет [57].

Курганные древности северной Белоруссии. На основной территории бывшего Полоцкого княжества (Витебская область и северная часть Минской) выявлено огромное количество курганов. Число курганных групп приближается к 900, в которых (насчитывается в общей сложности до 17 тыс. курганов [58].

Курганные могильники изучали в разное время многие исследователи. В дореволюционные годы раскопки вели Константин и Евстафий Тышкевичи, К- А. Говорский, Ф. О. Вильчинский, М. Ф. Кусцинский, Р. Г. Игнатьев, Е. Р. Романов, Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич, Ф. В. Покровский. Особое значение имеют раскопки, которые предприняли на Полотчине в советское время А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский (Рудня, Бельчицы, Горовые, Старое Село, Черкасове Заславль и др.). Результаты этих исследований изданы [59]. Л. В. Алексеев [60], И. И. Ляпушкин, В. В. Седов систематизировали в недавно вышедших работах почти все материалы из раскопанных курганов Полоцкой земли.

Однако оставалось неясным, когда появились древнейшие длинные курганы на Полотчине, какое отношение они имеют к круглым курганам и к поселениям третьей четверти I тысячелетия н. э. с керамикой типа верхнего слоя Банцеровщины, наконец, имеется ли связь между культурой длинных курганов и бесспорными славянскими древностями X—XII вв. Ответы на эти вопросы можно было дать лишь после новых широких раскопок и получения конкретных достоверных материалов.

С 1960 по 1971 г. полоцко-витебский отряд Белорусской археологической экспедиции Института истории АН БССР (руководитель Г. В. Штыхов) вел исследование курганных древностей Полоцкой земли. Раскопано 142 насыпи в 28 курганных группах: Янковичи— Атоки (2 кургана), Янковичи — Повалишино (7), Янковичи — Рудня (3), Борки (9), Дорохи (9), Варганы (2), Лятохи (1), Рудня (5), Глинище (20), Малое Стахово (1), Бононь (7), Пукановка (6), Слободка (12), Бельчица (1), Плусы (14), Кострица (2), Минтурово (1), Заславль (17), Лукомль (4), Получье (2), Захарничи (5), Пчельник — Кищина Слобода (2), Борисов (1), Вышедки (2), Закурье (4), Копысица (2), Прохабы (1) [61].

В ходе этих исследований удалось выявить древнейшие курганы середины I тысячелетия н. э., а также VII—VIII вв. Полученные данные позволяют по-новому осветить историю полоцких кривичей.

Наиболее древние длинные, а также сопутствующие им удлиненные и круглые курганы обнаружены в окрестностях деревни Янковичи Россонского района в 30 км севернее Полоцка. В 4—5 км от деревни, в урочище Атоки, на левом берегу Дриссы расположена группа из трех насыпей — одной длинной и двух круглых. Валообразный курган имеет длину ПО м, ширину 9 м, высоту 1—1,5 м. Он был полностью раскрыт **в** 1967—1969 гг.

В кургане обнаружены три трупосожжения. В одном случае в слабопрофилированной лепной урне, похожей на сосуды типа верхнего горизонта Банцеровщины, в другом — сожжение на материке, в третьем — в насыпи. В каждом случае найдено от 1 до 3 кг кальцинированных (пережженных) костей. Во втором погребении среди костей были обнаружены фрагменты костяных орнаментированных украшений, 19 бронзовых бляшек-скорлупок. Такие бляшки датируются серединой I тысячелетия н. э. (V—VI вв.)[62].

В 2 км от курганной группы Атоки, ближе к бывшему поселку Повалишино, обнаружена другая интересная группа курганов. Всего здесь 11 насыпей. Один удлиненный, остальные круглые. Удлиненный курган (12Х7Х0,8 м) насыпан в два приема. В верхней части под дерном найдены трупосожжения в лепных слабопрофилированных сосудах. Некоторые сосуды покрыты расчесами. В круглых курганах также найдены трупосожжения в лепных слабопрофилированных урнах, датируемых

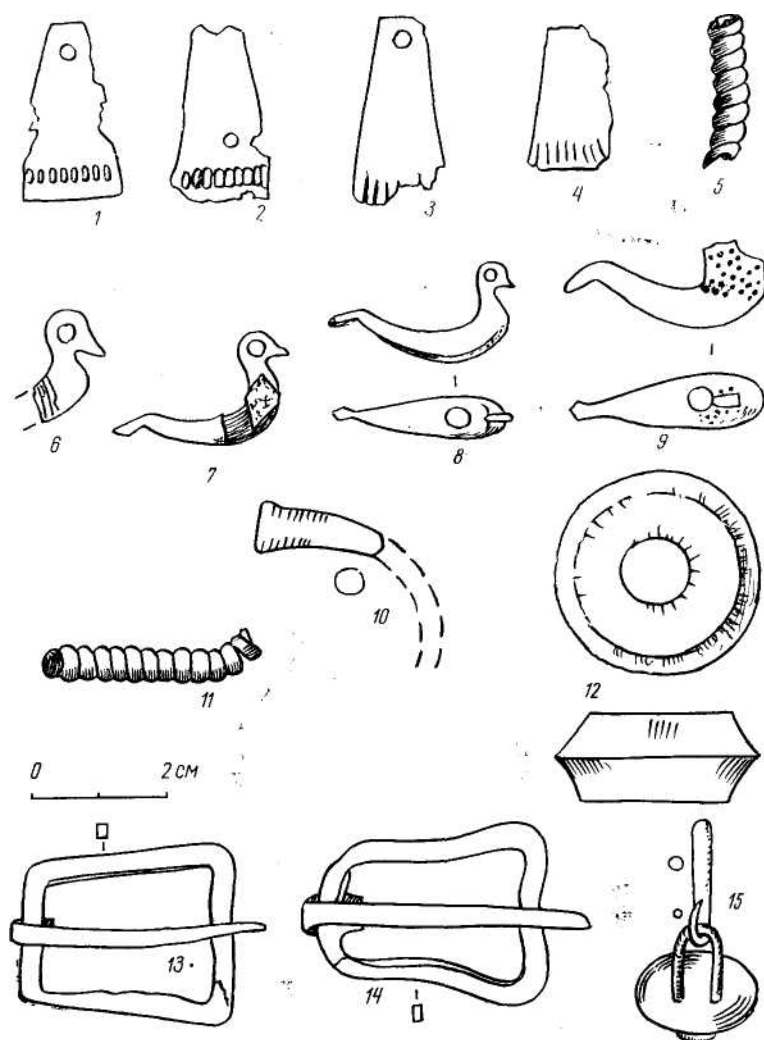

Рис. 6. Предметы VIII в. из курганов у деревни Борки:
1—4, 6—9, 14, 15 — из кургана № 2, ,5—из кургана № 3, *12*—из кургана № *10— 11* из кургана № 6, *13*—из кургана № 5

третьей четвертью I тысячелетия н. э. и напоминающих керамику верхнего слоя Тушемли и памятников северной и средней Белоруссии.

Подобное явление обнаруживали археологи и раньше. В 1928 г. А. Н. Лявданский исследовал круглый курган из группы курганов близ деревни Горовые в 16 км на северо-запад от Полоцка. Захоронение помещено в урну, прикрытую сверху другим сосудом. Она представляла собой очень архаическую керамику баночной формы с немного отогнутым наружу краем [63]. Такие же случаи захоронений известны в удлиненном кургане V—VI вв. Михайловского могильника в верховьях Западной Двины, а также в насыпи круглого кургана у деревни Жеребятино возле Гдовска на Псковщине [64].

В насыпи круглого кургана, расположенного рядом с длинным курганом второй группы (возле Старого Села под Витебском), А. Н. Лявданский вместе с пережженными костями обнаружил два сосуда архаической слабопрофилированной формы.

В 15 км от деревни Янковичи, на левом берегу Дриссы, возле деревни Борки Вельского сельсовета Полоцкого района, расположена группа из 20 курганов (одна насыпь длинная, остальные — круглые или овальные). В 1970—1971 гг. изучено 6 круглых курганов, 2 овальных, 1 длинный.

В круглом кургане № 2 трупосожжение произведено на месте его сооружения. Остатки кремации тщательно собраны и помещены в аккуратно вырытую в грунте ямку. В ней содержится около 200 поврежденных огнем вещей: 15 костяных уточек, 20 бронзовых трапециевидных подвесок, железная пряжка с вогнутыми боками, спиральки и др.

Курган № 6 овальный. Под насыпью — трупосожжение в трех местах. В одном случае кости в ямке, над которой помещен лепной горшок вверх дном. Второй сосуд лежал на боку. Найдены остатки 5 спиралек, 3 трапециевидные подвески, сплавы стеклянных бус из синеватого стекла, бронзовая гривна с утолщенными концами, пластинчатый браслет. В круглом кургане № 7 под насыпью трупосожжение человека, лошади и быка. Длинный курган № 9 (25х9х2 м) оказался пустым.

Всего в курганах обнаружено 5 небольших лепных сосудов. По форме они очень отличаются от тушемлянских сосудов и имеют точные аналогии с керамикой длинных курганов Смоленщины. Раскопанные здесь курганы относятся к VIII в. Обращает на себя внимание распространение среди погребального инвентаря миниатюрных костяных уточек, аналоги которым тоже есть в курганах Смоленщины [65]. Курганы возле деревни Борки сменяют по времени Янковичские курганы и являются результатом сложных этнических процессов, происходивших в последней четверти I тысячелетия н. э. на Полотчине.

Такая же картина, как в бассейне Дриссы, выявлена в 1971 г. в верховьях Ловати возле деревни Дорохи Городокского района Витебской области. Здесь, на южном берегу озера Санница, на площади в несколько квадратных километров разбросаны группами и в одиночку 150—200 насыпей, по форме круглых, овальных и удлиненных. В первой курганной группе близ деревни вскрыто 7 курганов (3 овальных и 4 круглых). Наиболее интересны 1, 4, 5-й курганы, содержащие трупосожжения на подсыпке. В овальном кургане 1 обнаружен лепной слабопрофилированный сосуд и железные удила. В круглом кургане 4 — два погребения в урнах, накрытых перевернутыми сосудами. Керамика лепная, слабопрофилированная. Урна из первого погребения имеет в верхней части валик. Во втором погребении обнаружена оплавленная стеклянная бусина синего цвета. Курган 5 содержал два погребения в ямках.

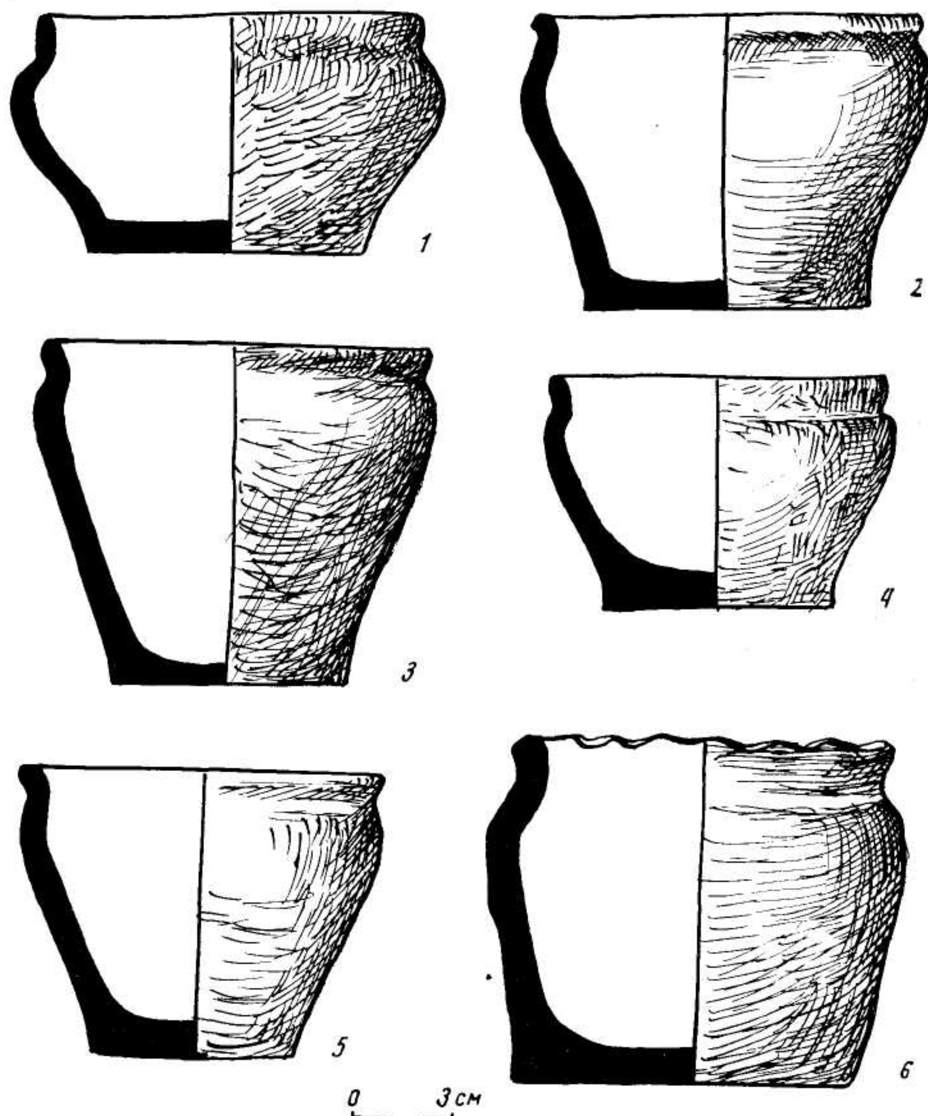

Рис. 7. Лепная керамика VIII — IX вв. из курганов Витебской области:
1—4—деревня Борки Полоцкого района, 5—*6*—курганная группа II около деревни Досохи Городокского района

В одном случае сверху ямки поставлены две небольшие урны, накрытые одним большим сосудом. Керамика из всех курганов (1, 4, 5) лепная, слабопрофилированная, похожая в большинстве случаев на керамику верхнего горизонта Банцеровщины. Имеет она аналогии и среди сосудов из известного могильника близ деревни Акатово на Смоленщине [66]. Примерная дата курганов V—VII вв. н. э.

Во второй курганной группе, расположенной в 2 км от первой, раскопан овальный курган. Под насыпью на горизонте следы небольшого ритуального кострища. Остатки трупосожжения, произведенного на стороне, были помещены в небольшой ямке на горизонте почти в центре кургана. Сверху поставлены два лепных небольших сосуда, перевернутых вверх дном. Они имеют округлые плечики и по форме типичны для длинных курганов Смоленщины VIII—IX вв. Среди кальцинированных костей найдены две бронзовые спиральки, обломки плоского височного кольца, орнаментированного выпуклым пояском, 15 небольших оплавленных вещей.

В Белорусском Подвинье основное количество сохранившихся до настоящего времени курганных погребений находится южнее Полоцка, по берегам Ушачи и близлежащих озер. Наиболее изученной является курганная группа возле деревни Рудня. Насыпи удлиненные, четырехугольные и круглые в плане. Они возведены на месте селища V—VII вв. Сосуды из этих курганов VIII—IX вв. Вылеплены от руки и весьма близки к керамике из длинных курганов Смоленщины. Есть горшки, подправленные на гончарном круге, а на поверхности одного из них нанесен волнистый орнамент. От погребального инвентаря сохранились остатки бус, глиняное пряслице, бубенец, накладки для пояса. Встречаются предметы восточнобалтийских типов — спиральные пронизки, вероятно, от женского головного убора, шейные гривны и др. А. Н. Лявданский датировал могильник VIII—IX вв.[67] Однако нельзя признать такую датировку без оговорки. В курганной группе есть насыпи, сооруженные в X в. Примерно то же самое можно сказать о датировке первой курганной группы возле Старого Села под Витебском, насыпанной на месте селища третьей четверти I тысячелетия и изучавшейся в 1928 г. А. Н. Лявданским. Редкий случай обнаружения в одном кургане наряду с двумя лепными одного сосуда кружальной выделки. Лепные сосуды схожи с керамикой длинных курганов, а круговой типичен для славянских древностей X в.

Курганный могильник возле деревни Глинище Полоцкого района служит подтверждением тому, что между длинными курганами третьей четверти I тысячелетия н. э. и круглыми насыпями X—XII вв. Полоцкой земли есть генетическая преемственность. Этот курганный могильник насчитывает до 60 круглых насыпей. Из 20 раскопанных курганов в 19 обнаружены трупосожжения, а в одном — трупоположение. Датировка курганов — конец IX — начало XI в. Среди вещевого материала наряду с кружальной керамикой представлены лепные сосуды, весьма сходные с теми, которые обнаруживаются в длинных и удлиненных курганах VIII—IX вв.[68]

Особый интерес представляют височные кольца VIII—IX вв. Это узкопластинчатые изделия с заходящими концами, зачастую орнаментированные выпуклыми поясками, с двух сторон которых есть зубчатая нарезка. Они обнаружены и в длинных, и в круглых курганах на Смоленщине и в Полоцком Подвинье. Таковы курганы, исследованные в Слободе на берегу озера Сапшо и близ деревень Акатово на Смоленщине, Рудня и Глинище под Полоцком, Дорохи на Витебщине, Бельмонт на кривичско-литовском пограничье [69].

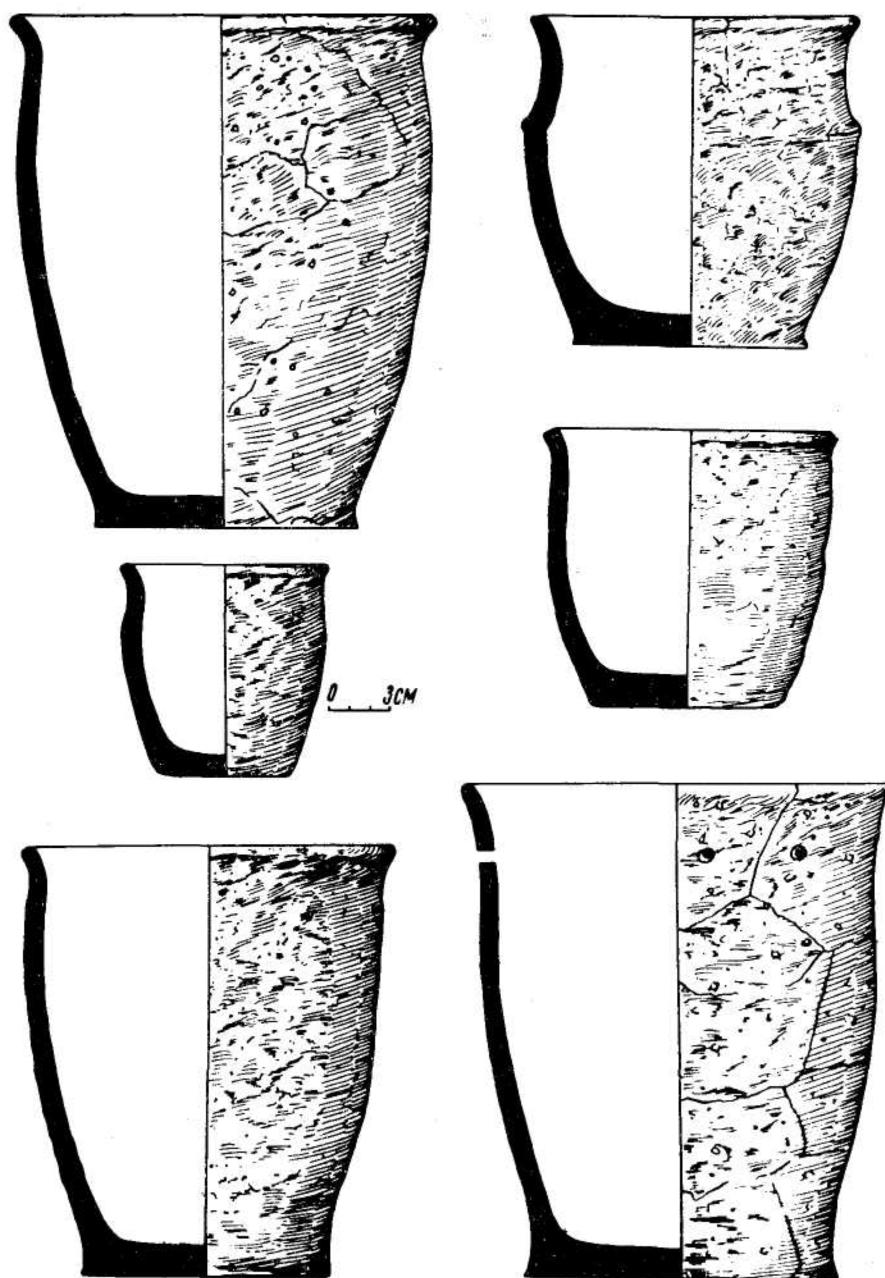

Рис. 8. Лепные урны и сосуды из круглых и овальных насыпей курганной группы I близ деревни Дорохи (третья четверть I тысячелетия н. э.)

Таких височных колец нет на территории Восточной Прибалтики. Во всяком случае, они не обнаружены в литовских или латгальских курганах. По форме прототипы этих вещей можно встретить в древностях Восточной Прибалтики — шейные гривны. Есть основания считать височные кольца женским украшением ранних кривичей.

Обращает внимание наличие в культуре длинных курганов VII—IX вв. вещей, имеющих аналогии не столько в балтийских древностях, сколько в угро-финских. Например, костяные уточки весьма распространены в древностях Прикамья.

На рубеже X—**XI** вв. в погребальных памятниках кривичей, как и других славянских племен лесной полосы Восточной Европы, получает распространение трупоположение. Умерших клали в курганах, как правило, головой на запад. В устройстве кривичских курганов XI—**XII** вв. много общих восточнославянских черт. По внешнему виду они ничем не отличаются от полусферических курганов **IX**—X столетий. В **XI**—**XII** вв. преобладало трупоположение в основании насыпи (Черкасово, Богриново, Борисов, Кострица, Заславль, Закурье). Но нередки захоронения в грунтовых ямах под насыпью (Захарничи, Плусы, Грязивец, Вышедки), появившиеся на Полотчине в **XI** в. и существовавшие позже на протяжении **XII** в.

Хорошо изучен курганный могильник конца X — начала XII в. в окрестности Заславля. Он состоял из шести групп, в которых насчитывался 271 курган[70]. Исследователями раскопано 86 курганов. Обычай погребения — трупоположение на грунте, где предварительно разводился костер. Умершие лежали головой на запад, однако есть случаи, когда мужчин клали головой на восток. Материалы могильника уточняют вопрос о южной границе между кривичами и дреговичами, которая проходила в районе Минска и Заславля.

Захоронения в курганах **XI**—**XII** вв. довольно богаты, особенно много встречается женских украшений. Для полоцких и смоленских кривичей X—**XIII** вв. характерен определенный тип женских украшений — височные браслетообразные кольца с завязанными концами. Диаметр колец 5—11 см. Их носили у висков на кожаной головной повязке обычно по три с каждой стороны. У кривичей Торопецкого Подвинья и Смоленщины были распространены крупные кольца с аккуратно завязанными концами. Височные кольца полоцких кривичей, как правило, меньших размеров и не так тщательно завязаны.

При раскопках женских погребений на Полотчине, кроме височных колец, найдены бусы и подвески, входившие в состав ожерелий, а также перстни, браслеты, шейные гривны, пряжки и пр. Широкое распространение у кривичей имели стеклянные боченкообразные или цилиндрические золоченые бусы.

В мужских погребениях встречаются копья, топоры. Более часты ножи, пряжки и глиняные горшки, изготовленные на гончарном круге[71]. Глиняная посуда характерна и для мужских, и для женских захоронений. Большинство предметов всех погребений принадлежит восточнославянским типам.

Формирование кривичей. Проблема происхождения кривичей тесно связана с этнической интерпретацией погребений в длинных курганах. Большинство исследователей рассматривали эти памятники как славянские кривичские погребения (В. И. Сизов, Н. Н. Чернягин, П. Н. Третьяков, С. А. Тараканова, Г. П. Гроздилов, В. В. Седов и др.) А. А. Спицы н несколько раз пересматривал свою точку зрения, считая длинные курганы литовскими памятниками, затем славянскими и финскими. И. И. Ляпушкин считал их памятниками балтов [72].

М. Х. Шмидехельм связывает появление на юго-востоке Эстонии длинных курганов с продвижением на север славянских племен и называет их погребениями славянизированных балтов. В последнее время предполагают, что длинные курганы Псковщины и смежных районов Эстонии принадлежали чудским племенам [73]. По мнению В. А. Уртана, длинные курганы и сопутствующие им круглые на восточной окраине Латвии являются кривичскими. С появлением славян на этой территории в середине I тысячелетия н. э. связывает длинные и круглые курганы Э. Д. Шноре[74].

В исторической и археологической литературе высказывались мысли о расселении кривичей или, точнее, той части славян, из которой сформировались кривичи из областей Среднего Поднепровья через Смоленщину [75].

В. В. Седов, приводя доказательства в пользу славянской принадлежности длинных курганов, отстаивает идею о расселении славян-кривичей с запада из венедской группы раннего славянства в VI в. первоначально в бассейне Великой и Псковского озера, а затем через два столетия они появились в Смоленском Поднепровье [76]. .

Е. А. Шмидт обобщает данные о формировании смоленских кривичей: в VII—VIII вв. их можно рассматривать как союз племен, включающий славян и балтов, в котором происходили процессы ассимиляции балтов вплоть до IX—X вв.[77]

Новые материалы из раскопок курганов и иных памятников Полоцкого Подвинья позволяют констатировать: во-первых, древнейшие длинные и круглые курганы на Полотчине возникали одновременно около середины I тысячелетия н. э. (V—VI вв.), т. е. не позднее, чем длинные курганы возникли на Псковщине и, по-видимому, на Смоленщине.

Во-вторых, эти курганы принадлежали населению, оставившему памятники типа верхнего слоя Банцеровщины, Дедилович в Белоруссии, которые родственны культуре верхнего слоя Тушемли на Смоленщине.

В-третьих, в VII—VIII вв. в длинных курганах появляются новые типы керамики (с округлыми плечиками). Эти курганы обнаруживают в устройстве и деталях погребального обряда генетическую преемственность с курганами X в. типа глинищанских под Полоцком, принадлежность которых летописным полочанам или, вернее, полоцким кривичам не может подлежать сомнению.

Обнаружение на севере Белоруссии в пределах летописной территории расселения кривичей древнейших длинных и одновременных им круглых курганов середины I тысячелетия н. э. с керамикой, подобной сосудам из верхнего горизонта городищ Тушемли, Банцеровщины, Колочина, создает сложность в этнической интерпретации этих двух групп синхронных памятников. П. Н. Третьяков, отстаивающий точку зрения расселения ранних славян на значительной территории Белоруссии, безоговорочно считает памятники типа Тушемли балтийскими [78]. В итоге мы оказываемся перед сложной дилеммой: рассматривать ли древнейшие длинные курганы Полотчины погребениями балтов или следует усомниться в интерпретации городищ типа Тушемли — Колочина V—VII вв. как исключительно балтийских.

Быть может, памятники V—VII вв., как упомянутые городища, так и курганы, отражают тот период истории, когда славяне проникли на обширные территории, заселенные балтами, и в значительной мере ассимилировались здесь. В результате сложилась смешанная балто-славянская культура. В северной и северо-восточной ее части возник локальный вариант, характеризуемый появлением наряду с круглыми

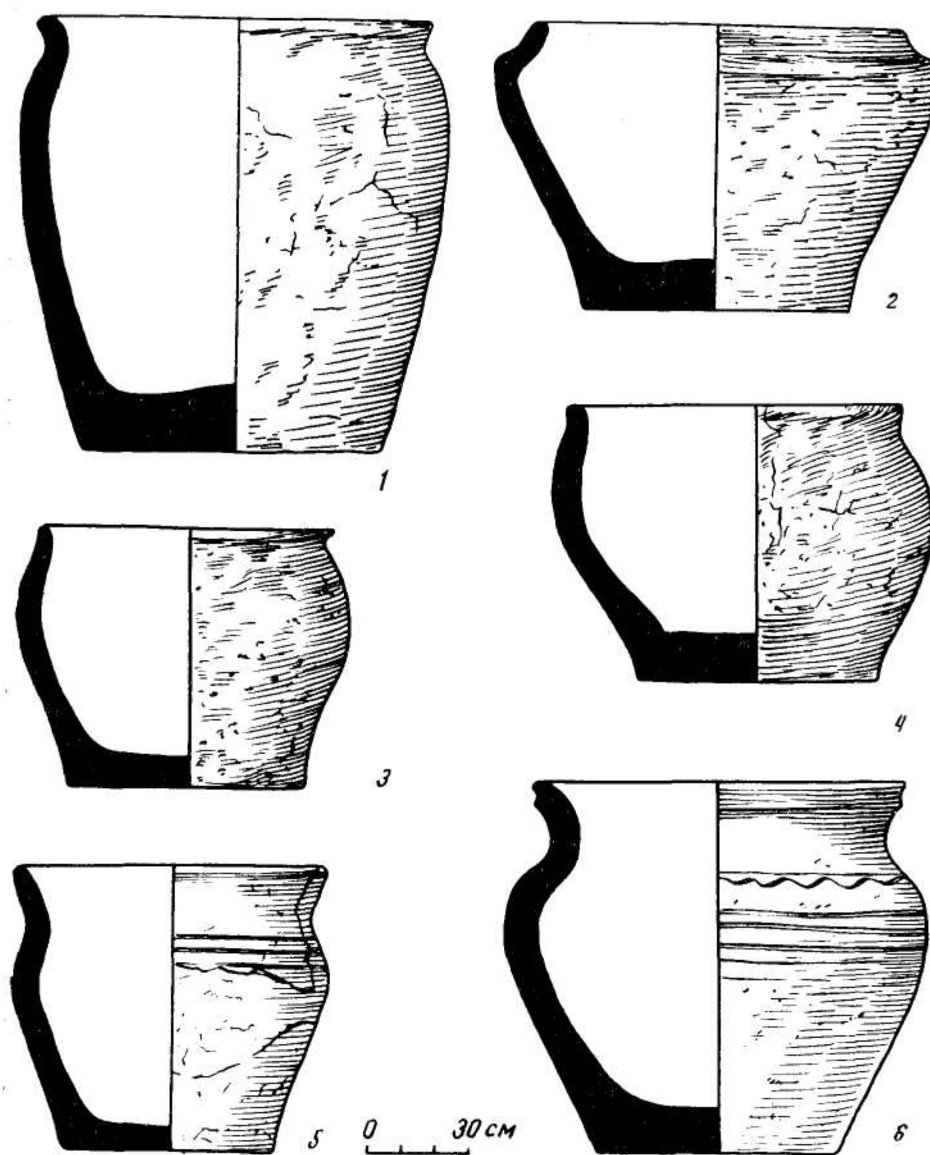

Рис. 9. Керамика X в. из курганов у деревни Глинище под Полоцком:
1—*4*—лепные сосуды, 5—*6*—круговые горшки

курганами с трупосожжениями длинных валообразных насыпей. Примерно в конце VII—VIII вв. имела место вторая волна славянской колонизации, тоже не совсем успешная. Балтийские элементы в культуре длинных курганов этого времени, а следовательно, и в культуре ранних кривичей занимают значительное место. Это свидетельствует о сложных, не до конца выясненных взаимоотношениях между славянским и балтским населением в период, предшествующий образованию восточнославянского государства Киевской Руси.

По-видимому, отношения эти в разное время были различными. Имели место мирное сосуществование славян и балтов, военные столкновения между ними, вытеснение одного этноса другим, ассимиляционные процессы, причем ассимилировали не только славяне балтов, но з ряде случаев славяне были ассимилированы балтами. Контакты славянской, балтийской и финно-угорской культур постоянно осуществлялись в пределах очень широкой полосы, и их продолжительность была большой. Поэтому в разных частях этой полосы славянские древности ранее X в. очень трудно или даже невозможно отделить от балтийских.

Только в IX столетии с возникновением постоянных укрепленных пунктов колонизации, непосредственных предшественников раннефеодальных городов (Полоцк, Витебск, Лукомль), процесс колонизации и славянизации был близок к завершению. В ходе этого процесса происходило формирование полоцко-смоленских кривичей. Он начался с середины I тысячелетия н. э. и закончился примерно в X в. Процесс такой имел место и на Псковщине в среде финно-угорского населения.

2. ДРЕГОВИЧИ

В период заселения славянами Восточно-Европейской равнины территория современной центральной и южной Белоруссии была занята дреговичами — одним из восточнославянских племенных союзов. В «Повести временных лет» дреговичи впервые упоминаются в предании о расселении славян: «А друзии седоша межи Припятью и Двиною и нарекошася дреговичи».

Происхождение племенного названия дреговичей принято связывать с природно-географическими особенностями Припятско-Двинского междуречья, богатого низменными заболоченными участками, непроходимыми болотами — дрегвой.

В дальнейшем летописец перечисляет дреговичей среди этнических групп, достигших значительного уровня общественного развития и уже имевших «свое княжение» еще до возникновения древнерусского государства с центром в Киеве. Проводя этническое разграничение восточных славян от их соседей, летописец вновь упоминает дреговичей в числе славянских племенных союзов.

Твердая дата первого упоминания в русских летописях о дреговичах отсутствует. Первым достоверным письменным сообщением о них следует считать упоминание Константина Багрянородного, который называет дреговичей в числе славян, платящих дань киевскому князю.

Очередное летописное упоминание о дреговичах относится к 1116 г., когда минский князь «Глеб бо бяше воевал дреговичи и Случеск пожог». Эта запись свидетельствует о сохранившемся в памяти летописца и населения древнерусского государства XII в. членении территории по этническому признаку. В этом сообщении следует видеть указание на политическую разобщенность Минска и Слуцка, но из него нельзя сделать вывод о их различной этнической принадлежности, так как

археологические памятники близ этих городов говорят об их принадлежности к одной этнической группе — дреговичам. В последний раз на страницах русских летописей «дреговичи» названы в 1149 г.[79]

Ввиду явной недостаточности письменных сообщений решающее значение в освещении многих аспектов жизни, быта, истории этого летописного «племени» приобретает изучение принадлежащих дреговичам археологических памятников. Летописец, сделавший запись о расселении славян, не затруднил себя точным описанием границ расселения славянских племен. Вероятнее всего, твердо фиксированных границ между «племенами» не существовало. Были довольно расплывчатые пограничные полосы со смешанным населением. Летописец ограничился лишь общим определением областей расселения «союзов племен», указывая в качестве географических ориентиров реки и крупные озера. Его сведения о заселении дреговичами территории между Припятью и Двиной нельзя считать точными. Более поздние летописные сообщения свидетельствуют, что в северной части этой территории селились кривичи, а в западной — ятвяги, принадлежащие к западнобалтийской этнической группе. Археологический материал рубежа I и II тысячелетий н. э. на этой территории также неоднороден, что говорит о расселении различных племенных союзов (это же подтверждают более поздние летописные сообщения) и противоречит первоначальному утверждению летописи о заселении дреговичами всей территории Припятско-Двинского междуречья.

Ввиду того что решить вопрос о расселении дреговичей на основании летописных сообщений оказывается невозможным, значение основного источника приобретают материалы изучения археологических памятников. На территории центральной и южной Белоруссии известны многочисленные курганы, городища и селища славянского облика, датированные IX—XIII вв.

Изучение курганных древностей дреговичей началось еще в XIX в., однако длительное время носило случайный характер. В 1810—1811 гг. Ф. Е. Нарбут раскопал несколько курганов в окрестностях Рогачева и Старого Быхова. В 20-е годы XIX в. З. Доленга-Ходаковский описал археологические памятники бывшего Бобруйского уезда Минской губернии. На протяжении 30 лет занимался раскопками курганов в окрестностях Слуцка Н. М. Гессе[80]. Оживление в исследованиях древностей дреговичей наступает во второй половине XIX в. В 50—60-х годах раскопки курганов возле Логойска производили К. П. Тышкевич[81] и Н. М. Турбин[82]. Значительную работу по выявлению курганов в Минском уезде проделал Р. Г. Игнатьев [83], сбору древностей и раскопкам курганов в Червенском и Минском уездах — Г. Х. Татур [84]. Раскопки курганов в 70—80-е годы вели М. Ф. Кусцинский, Н. Мыщенков, Н. Я. Авенариус, Н. Я. Янчук, Ф. И. Шимановский, И. Тышкевич [85].

Выдающаяся роль в исследовании курганных древностей дреговичей принадлежит В. З. Завитневичу. Начав исследования в 1885 г., он в течение нескольких полевых сезонов обследовал свыше 80 могильников и раскопал около 700 курганов на обширной территории расселения дреговичей[86]. Его работы носили планомерный и целенаправленный характер, велись на высоком научном уровне и до настоящего времени представляют основной материал по курганным древностям дреговичей. В. З. Завитневич поставил задачу выявить характерные черты погребального обряда и инвентаря дреговичей и по этим признакам проследить их расселение. Он один из первых поставил задачу выработки критерия для классификации курганов по типам, систематизировал их по обряду погребения, самостоятельно пришел к выводу о сменяемости

обряда у одного и того же племени, правильно определил крупные зерненные бусы как украшение, характерное для дреговичей. Однако В. 3. Завитневич неправильно представлял порядок смены обряда у дреговичей, недооценивал значение этноопределяющих предметов для установления племенных границ.

После В. 3. Завитневича незначительные раскопки вели Е. Р. Романов [87] и Ю. В. Шавельский [88].

Широкое исследование дреговических курганов продолжалось после Великой Октябрьской социалистической революции. В это время работы вели В. П. Сущинский, И. X. Ющенко, А. Н. Лявданский, С. А. Дубинский, И. А. Сербов, А. Д. Коваленя, А. Я- Рынейский, С. С. Шутов, И. Р. Колодкин и М. Н. Конвисаров [89]. На территории Западной Белоруссии небольшие работы провели М. Новак и Е. и В. Голубовичи. После Великой Отечественной войны курганы дреговичей исследовали Ю. В. Кухаренко[90], Б. В. Миролюбов, В. В. Седов, П. Ф. Лысенко[91]. Изучению курганных древностей дреговичей посвятили специальные работы А. В. Успенская [92], В. В. Седов [93]. Археологии дреговичей касаются в своих трудах Е. И. Тимофеев, И. П. Русанова [94].

Археологическое изучение курганных древностей на территории Восточной Европы свидетельствует, что восточнославянские «племена» имели специфические, только им свойственные формы отдельных видов женских украшений[95]. Еще В. 3. Завитневич отмечал, что для дреговичей характерны ажурные боченковидные бусы из медной проволоки, украшенные серебряной зернью. Дальнейшие исследования подтвердили правильность этого вывода [96]. Сопоставление ареала этого типа бус с летописной территорией расселения дреговичей позволяет уточнить территорию обитания этого союза племен.

По археологическим данным, территория расселения дреговичей выглядит гораздо меньшей, чем описано во вводной части «Повести временных лет». Граница дреговичей проходит несколько южнее Припяти. На правом берегу Припяти бусы дреговичского типа найдены в курганных могильниках у деревень Борисковичи, Скрыгаловская Слобода, Туровское Болото, Глиница, Рычево, Хильчицы, Теребежово. Эти украшения известны также в верховьях Уборти, в районе расселения летописных древлян. Однако прямые летописные утверждения о принадлежности Овруча и Искоростеня древлянам и явное преобладание могильников с древлянским обрядом погребения не позволяют говорить о заселении верховьев Уборти дреговичами.

Восточная граница расселения дреговичей проходит по Днепру. На левом берегу Днепра известны лишь отдельные курганные могильники с дреговичскими бусами (Кордон, Веточка), а на правом с радимичскими семилучевыми кольцами (Проскурня, Каменка).

На севере граница распространения дреговичских бус идет от Ново-Быхова на Днепре по водоразделу Друти и Березины к Борисову, далее к Логойску и Заславлю.

О западных границах расселения дреговичей в настоящее время нет единого мнения.

Часть ученых справедливо отмечает несколько иной характер погребальных сооружений (с широким применением камней) в районе среднего течения Западного Буга. Летописи сообщают о поселениях в этих районах ятвяжских племен. Это дало повод В. 3. Завитневичу и В. В. Седову западную границу расселения дреговичей провести по обширным Выгоновским болотам.

Другие исследователи придерживаются точки зрения, что дреговичская территория достигала течения Западного Буга, отмечают дрего-

Рис. 10. Оружие и бытовые предметы из мужских курганных погребений дреговичей (X—XIII вв.):

1—2—кресала, *3—6*—пряжки и фибулы, 7—*10*—поясные кольца, 11—ведерная дужка, *12—13*—ножи, *14—15*—топоры, *16*—наконечник копья, 17—кружальный горшок

вичский облик курганных погребений у Белостока, называют дреговичскими города Берестье, Дрогичин Надбужский и Нурец [97].

В Среднем Побужье известны могильники с каменной обкладкой, определяемые как ятвяжские погребальные сооружения так называемого волынского типа, и курганы, близкие дреговичским. Парные курганы волынского типа зафиксированы в единичных случаях [98].

Основным объектом исследования были наиболее многочисленные в этом районе курганы с каменной обкладкой. Эти могильники, близкие, как уже отмечалось, к погребальным сооружениям ятвягов, имеют погребальный инвентарь славянского облика и определяются как принадлежность славянизированных ятвягов. Наличие в каменных курганах филигранных дреговичских бус и отсутствие характерных украшений других племен дают возможность предполагать именно дреговичское влияние на аборигенное ятвяжское население, а следовательно, и дреговичскую колонизацию Среднего Побужья. В настоящий момент этот вопрос не решен окончательно.

Наиболее многочисленной категорией археологических памятников дреговичей являются курганные погребальные сооружения. Они представляют собой земляные насыпи полусферической, коническо-усеченной или квадратной формы высотой чаще всего от 0,8 до 1,8 м. Диаметр курганов 10—12 м.

Обычно курганы располагаются группами до нескольких десятков в одном могильнике. Но известны и такие крупные могильники, как Моховский в Лоевском районе (свыше 600), у деревни Линевка (свыше 300), у деревни Волосовичи (270), у Рычево (свыше 200). По внешнему виду все курганы почти одинаковы, однако по обряду погребения они делятся на курганы с трупосожжениями и курганы с трупоположениями, причем в количественном отношении резко преобладает второй вид захоронений. Курганы с трупосожжением делятся на группу с трупосожжением на стороне, когда в кургане помещаются остатки совершенного на стороне трупосожжения, и группу курганов с трупосожжением непосредственно в кургане. В последней группе встречается трупосожжение в основании кургана и трупосожжение на песчаной подсыпке в .насыпи кургана. Обряд трупосожжения известен по всей территории расселения дреговичей, однако гораздо чаще он встречается в Приднепровье. Однородные могильники с трупосожжением очень редки (в урочище Городинка близ деревни Борисковичи, у деревень Пашковка, Ольса, Несета). Чаще встречаются курганы с трупосожжением в составе могильников с трупоположением (у деревень Рычево, Волосовичи, Любоничи, Скрыгаловская Слобода, Заужелье, Линевка, Казазаевка и др.).

Курганы с трупоположением можно разделить на группы в зависимости от местоположения погребенного: на уровне почвы (на горизонте), в насыпи кургана (на подсыпке), в могильной яме. Трупоположение в насыпи кургана — явление очень редкое. Наиболее широко распространено погребение покойного на горизонте. Все три типа трупоположения хорошо известны на территории расселения дреговичей. В юго-восточной части дреговичской области погребение в яме встречается гораздо чаще, чем в остальных районах, тем не менее даже здесь большинству курганов присущ погребальный обряд трупоположения на горизонте. В могильниках с трупоположением часто встречается только один какой-то тип погребения: с трупоположением покойного на горизонте (у деревень Глиница, Копоткевичи, Рудня, Пацева Слобода, Шаравщина и др.) или с помещением его в могильной яме, углубленной на 0,2—1,6 м в материк (у деревень Вирков, Скрыгаловская Слобода, Бо-

рисковичи и др.)- Есть могильники с обоими типами трупоположениі'і. В последнем случае курганы с различными типами погребений часто концентрируются в разных местах могильника (у деревень Ванюжицы, Митюры, Перехрестье и др.). Захоронения на горизонте в ряде случаев отличаются деталями погребального обряда. Встречаются как пережитки обряда трупосожжения погребение покойного на слое кострища или на зольном слое, имеющем ритуальное значение, обжигание погребенного или гроба на месте сооружения насыпи. Часто погребение умершего производили в гробу, изредка над умершим возводились специальные сооружения в виде бревенчатого сруба в один — два венца, накрытого двускатной крышей, поверх которой насыпался обычный курган. В могильнике у деревни Микуличи в некоторых курганах стенки погребальной ямы обмазаны известковым раствором.

Положение костяков в дреговичских курганах совпадает с общеславянским: на спине, головой на запад. Бывают незначительные отклонения к северо-западу или юго-западу. Ориентировка головой на восток встречается редко и преимущественно в пограничных районах. Изредка попадаются погребения в сидячем положении. В кургане обычно погребался один покойник, однако известны и двойные погребения — мужские, женские, смешанные. Курганы с большим количеством погребенных для дреговичей не типичны и являются погребениями умерших при чрезвычайных обстоятельствах. Между мужскими и женскими погребениями нет различий в деталях погребального обряда.

Погребения дреговичей обычно бедны инвентарем, очень часто он вообще отсутствует. Чрезвычайно бедны захоронения с трупосожжением. Это объясняется гибелью вещей на погребальном кострище. Очень бедны, а в большей своей части и вовсе безынвентарны трупоположения в курганных ямах. Наибольшее количество вещей встречается при погребении покойного на горизонте. Этот инвентарь помогает раскрывать неизвестные стороны жизни дреговичей, так как встречаются орудия труда и предметы быта, оружие и украшения, предметы привозные и местного производства, вещи общеславянского облика, подтверждающие славянскую принадлежность дреговичей и характерные дреговичские предметы, доказывающие принадлежность курганов дреговичам.

Обычно мужские захоронения гораздо беднее женских. Инвентарь женских погребений разнообразнее и многочисленнее. Отдельные категории вещей присущи только мужским погребениям или только женским. Некоторые бытовые предметы встречаются и в мужских, и в женских погребениях. Среди таких предметов более всего глиняной посуды, деревянных ведер, ножей, нагрудных пряжек. Чаще встречаются круговые горшки (целые или черепки от них), иногда поставленные по два и по три, как правило, у ног или у головы покойного. Тулово и плечики некоторых горшков покрыты линейным орнаментом, иногда по плечикам нанесена однорядная или многорядная волна. На донцах горшков иногда встречаются клейма в виде окружностей с точкой в центре, со вписанным крестом, с двумя концентрическими окружностями и т. д. Лепная керамика встречается редко. Довольно часто в мужских и женских погребениях находят деревянные ведра. Широко распространены ножи, очевидно очень необходимые в условиях жизни дреговичей. В мужских погребениях обнаруживают боевые и рабочие топоры, копья, наконечники стрел, перовидные сверла, калачевидные и прорезные кресала. Однако чаще встречаются поясные кольца, пряжки, изредка простые проволочные перстни. В женских погребениях находят серпы — свидетельство занятия дреговичей земледелием, — пряслица, веретена, железные ножницы.

В женских погребениях более всего украшений из бронзы, гораздо меньше из серебра, золотых украшений не обнаружено. Наиболее многочисленны всевозможные бусы — металлические, каменные, хрустальные, янтарные, многоцветные, стеклянные с золотой или серебрянной прокладкой, пастовые. Особого внимания заслуживают металлические, ажурные крупнозерненные бусы из дреговичских курганов.

В женских погребениях дреговичей широко распространены небольшие (диаметром около 2 см) проволочные, так называемые полутораоборотные височные кольца, отсутствующие у северных и восточных соседей, но часто встречающиеся у южных соседей дреговичей[99]. На границе с кривичскими землями иногда в дреговичских погребениях попадаются и кривичские браслетообразные височные кольца. По всей дреговичской территории встречаются небольшие перстнеобразные проволочные височные кольца, а также так называемые киевские трехбусинные узловатые височные кольца. Но на этих кольцах бусы часто изготовлены специфически дреговичским способом, отличающимся от изготовления металлических бус у других племен: на медный проволочный каркас цилиндрической, бочкообразной или круглой формы напаивалась крупная зернь из серебряных шариков, создавая красивое сочетание цветов матово-белого и медно-красного. Такие бусы широко распространены по всей территории расселения дреговичей и почти не известны на других территориях. Эти бусы можно считать этнически определяющим предметом наравне с височными кольцами других славянских союзов племен.

Редки и не характерны для дреговичей гривны и привески. Изготовленные из арабских монет середины X в., привески найдены в различных районах расселения дреговичей. Браслеты в погребениях не многочисленны, в основном простые, проволочные, витые и завязанные, ложновитые, пластинчатые. Широко распространены разнообразные перстни из меди, биллона, серебра: проволочные (простые, спиральные, витые) и пластинчатые (широкосрединные, усатые).

Наличие в дреговичских курганах предметов, хорошо датированных в памятниках других областей, позволяет установить время различных типов дреговичских погребений, а также определить их хронологическую преемственность. В курганах с трупоположением найдены привески из арабских монет середины X в. Бесспорно, они длительное время использовались в качестве монет и прежде, чем попасть в погребение, носились в виде подвесок. Тем не менее по ним вполне доступно датировать появление обряда трупоположения в основании кургана уже в конце X в. Кострища и огнища в курганах с трупоположением являются пережиточными формами предшествующего погребального обряда трупосожжения. Захоронения в подкурганных ямах — дальнейшая ступень развития погребального обряда дреговичей. Об этом говорит исчезновение в инвентаре ранних и появление хронологически поздних предметов, все большее приближение к христианским каноническим нормам погребального обряда (трупоположение покойного в могильную яму в гробу без инвентаря), исчезновение пережитков языческого культа трупосожжения. Хронологически четкой границы смены погребальных обрядов у дреговичей не существует. В зависимости от местных условий отживающий обряд и новый, вытесняющий его, длительное время сосуществуют. Все же определить периоды смены одного обряда другим на основании датированного инвентаря вполне возможно. На территории дреговичей обряд трупосожжения вытесняется обрядом трупоположения в конце X — начале XI в., а обряд трупоположения в подкурганной яме начинает бытовать с середины XII в.[100]

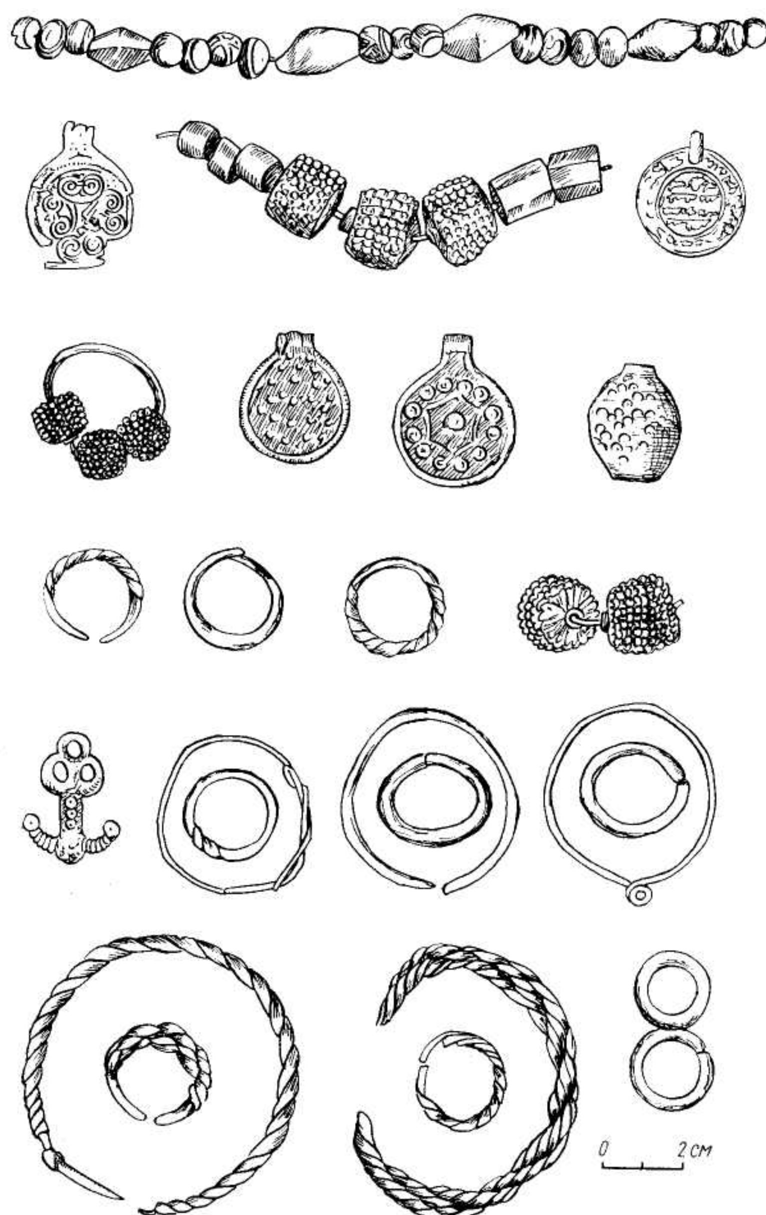

Рис. 11. Женские украшения из курганов дреговичей X—XIII вв.

Распределение на территории расселения дреговичей курганов с наиболее ранним типом погребения (трупосожжением), сопровождаемого наиболее архаичным инвентарем, позволяет высказать предположение, что дреговичи расселились на левобережье Припятского бассейна вначале в основном по Днепру и Березине, а в более западных районах — в несколько более позднее время [101].

Размещение курганных могильников на дреговичской территории дает возможность сделать несколько предположений о плотности населения и местах расселения дреговичей. Огромное количество выявленных курганов говорит о густом заселении в древности данной территории дреговичским населением. Могильники густо располагаются на территории Бобруйского, Червенского, Борисовского, Минского, Копыльского, Клейкого, Слуцкого, Речицкого, Мозырского, Житковичского районов — в местах наиболее плодородных почв и гораздо реже в болотистых местах современных Ивановского, Столинского, Петриковского районов. Расположение дреговичских могильников в районах с наиболее благоприятными для земледелия условиями, а также обнаружение в курганах земледельческих орудий (серпы и топоры) дают основание говорить о земледельческом характере хозяйства населения. К сожалению, сельские поселения дреговичей, как открытого, так и укрепленного типа, до настоящего времени подробно не изучены. Поэтому трудно говорить о расположении и планировке дреговичских поселений. По аналогии с соседней Смоленской землей[102], на наш взгляд, можно предположить, что сельские поселения дреговичей группировались возле городищ, были малодворными (8—9 дворов), обычно располагались по берегам рек и ручьев, в основном имели прибрежно-рядовую планировку. Обычно вокруг одного курганного могильника обнаруживаются остатки нескольких селищ.

Ближайшей генетически увязываемой с дреговичской археологической культурой является культура так называемого житомирского типа (Корчак). В Чехии и Польше культура житомирского типа называется Пражской. Здесь прослеживается ее генетическая преемственность с позднейшей, бесспорно, славянской культурой, а тем самым доказывается и ее славянская принадлежность. Культура житомирского типа широко распространена на соседней с дреговичской территорией Волыни, а на территории дреговичей известна на правобережье Припяти и отдельных пунктах левобережья[103]. Генетическая связь культуры житомирского типа с материальной культурой дреговичей не вызывает сомнений, в связи с чем высказывается предположение о происхождении дреговичей от племен житомирской культуры и постепенном продвижении их с южных районов в более северные[104].

В начальный период летописной истории дреговичи, как и большинство славянских союзов племен, находились на стадии разложения первобытнообщинного строя. Быстрое развитие земледелия привело к распаду патриархальной общины и замене ее территориальной. Из среды общинников выделялась племенная знать, что позволило говорить летописцу об отдельном княжении дреговичей накануне складывания древнерусского государства. В дальнейшем социальная дифференциация пошла еще более быстрыми темпами, князья и бояре резко отличались от простых общинников-смердов своим имущественным и правовым положением. Подтверждение этому мы находим в археологическом материале. Инвентарь одновременных курганных погребений далеко не одинаков. В отдельных погребениях есть разноцветные стеклянные, золоченые, хрустальные и янтарные бусы, дорогие дреговичские медно-серебряные крупнозерненные бусы и остатки золото-

тканой парчи, серебряные височные кольца и перстни. Основная же масса курганов остается безынвентарной или снабженной самым дешевым инвентарем — глиняным горшком, железным ножом или парой бронзовых полутораоборотных колец.

3. РАДИМИЧИ

Во вводной части «Повести временных лет» летописец записал легенду о том, что радимичи, так же, как и их соседи вятичи, расселившиеся на северо-востоке, ведут свое происхождение от поляков (радимичи же и вятичи — от ляхов) и самое название «радимичи» идет от имени их племенного вождя Радима, который поселился со своими родичами на реке Сож. Далее «Повесть временных лет» свидетельствует, что они жили в мире со своими соседями — другими восточнославянскими «племенами», расселившимися на территории Восточно-Европейской равнины.

Летописец дает отрицательную с точки зрения христианской морали характеристику быта радимичей и их соседей вятичей и северян, которые живут в лесу подобно диким зверям, едят «нечистую пищу», умыкают на «бесовских игрищах» себе жен и имеют их по две — три[105]. Происхождение названий «радимичи» и «вятичи» от собственных имен легендарных родоначальников — широко распространенный сюжет исторических легенд раннего средневековья. Несомненно, летописец сгустил краски, противопоставляя «дикарский» быт радимичей и других восточнославянских племен северной, лесной зоны быту киевских полян.

Вместе с тем в этих данных содержатся и достоверные сообщения. По-видимому, радимичи действительно в некотором отношении отставали от других племен по уровню развития экономики и, следовательно, по степени развития феодальных отношений. Любопытны летописные сведения о территории расселения радимичей в бассейне Сожа, что подтверждается археологическими раскопками. У летописца были основания утверждать, что радимичи и вятичи близки по происхождению: семилучевые радимичские височные кольца весьма схожи с вятичскими семилопастными украшениями такого же типа.

О вхождении территории, населенной радимичами, в состав древнерусского государства говорит запись в «Повести временных лет» под 885 г. В ней сообщается о том, как князь Олег (Старый) поехал к радимичам спросить, кому они платят дань, и, услышав, что дань с них взимают хазары, приказал отныне вносить дань ему. Таким образом, наряду с землями других восточных славян в состав Киевской Руси вошла и радимичская земля. Несколько позднее, в 907 г., вместе с варягами и рядом других славянских и неславянских племенных объединений принимали участие в походе Олега на Византию и воины-радимичи.

Еще одно упоминание о радимичах есть в «Повести временных лет» под 984 г. В этом летописном отрывке рассказывается о походе киевского великого князя Владимира Святославича на радимичей [106]. В летописи нет никаких указаний на причины, вызвавшие поход киевского великого князя на радимичей, которые уже около ста лет (с 885 г.) входили в состав древнерусского государства, платили дань киевскому князю. В описании этого похода говорится, что командовавший передовым отрядом княжеского войска воевода Волчий Хвост, встретивший радимичей на реке Пещань, разбил их и обратил в бегство. Летописец сообщает, что радимичи после своего поражения продолжают . платить дань Киеву.

Последнее упоминание о радимичах в летописи в более позднем Ипатьевском своде под 1169 г. связано с описанием одного из эпизодов княжеских междоусобиц и не вносит каких-либо существенных новых данных об исторических судьбах радимичской земли.

Летопись констатирует расселение радимичей «по Сожу». Более определенные границы дают археологические раскопки памятников.

На территории расселения радимичей известны курганные могильники, городища, селища. Наиболее многочисленным видом археологических памятников являются курганные могильники. Первые раскопки курганов радимичей велись в начале XIX в. (Ф. Нарбут)[107]. Однако ранние исследования радимичских курганов большого значения не имели. В 70-х годах XIX в. раскопки курганов близ Обидовичей вели Н. М. Турбин [108], А. С. Уваров[109], а в бассейне Вабли — Д. Я. Самоквасов[110]. В это же время исследовали радимичские курганы М. М. Филонов [111], В. Козлов[112], Е. Р. Романов [113]. В 1890—1891, 1894, 1896 гг. П. М. Еременко в 36 могильниках, расположенных в бассейнах Ипути, Снови и Десны, вскрыл свыше 300 курганов [114]. В 1893 г. раскопки курганов радимичей вел В. Б. Антонович [115], в 1890 г.— В. И. Сизов[116], а в 1892 г. и 1893 г.—М. В. Фурсов [117] и С. Ю. Чоловский [118]. В дальнейшем работу продолжали А. В. Прахов, В. К- Черепанов, С. А. Чуев, а в первом десятилетии XX в.— Е. Р. Романов, С. А. Гатцук и И. Е. Евсеев. Несколько позже раскопки курганов производил С. М. Соколовский, а в 20-х годах XX в.— С. С. Деев, П. С. Ткачевский, С. Х. Боборыкин, И. Х. Ющенко, И. А. Сербов, К. М. Поликарпович, С. А. Дубинский. В послевоенные годы раскопки вели Ф. М. Заверняев и В. А. Падин. С 1962 г. исследования радимичских курганов продолжает Г. Ф. Соловьева[119]. Обобщающая работа по археологии радимичей написана Б. А. Рыбаковым.

Археологические исследования позволили определить характерные для радимичей типы женских украшений и на основании их распространения уточнить территорию расселения радимичей.

Некоторые черты материальной культуры, характерные для ранних радимичей, по-видимому, сохранились в IX—XII вв., когда у этого племени получил распространение обычай погребения в курганах. Типичные для радимичских женщин украшения — семилучевые височные кольца, петлистые и язычковые подвески, характерные для всей радимичской территории, а также двускатно-пластинчатые гривны и биэллипсоидные подвески (в северной части территории расселения радимичей) и подвески «антского типа» (на юге этой территории).

Совпадение географического распространения этих типов женских украшений с территории бассейна Сожа и летописного указания о расселении радимичей «по Сожу» дает основание признать, что эта территория и есть земля радимичей.

По методу картографирования типов женских украшений можно значительно точнее определить границы расселения радимичей, чем это сделал летописец. Западная граница поселений радимичей, начиная со Старого Быхова, проходила в основном вдоль течения Днепра вплоть до впадения Березины. Здесь непосредственными соседями радимичей были дреговичи. Отдельные поселения радимичей известны на правом берегу Днепра, а дреговичей—на левом[120]. Граница радимичских поселений далее идет на юго-восток, пересекает Днепр и Сож несколько севернее впадения Сожа в Днепр и дальше на восток до реки Снов, подымается вдоль его левого берега до окрестностей Стародуба. На всем протяжении этого участка границы радимичской территории соседями радимичей были северяне. От Стародуба несколько восточнее Мглина граница поднимается к правому берегу Болвы, не переходя, однако, на левый берег

Рис. 12. Погребальный инвентарь радимичских курганов XI — XII вв.

этого притока Десны. В вершине этого клина радимичские памятники иногда чередуются с вятичскими и кривичскими.

От Болвы граница радимичской территории резко поворачивает на запад, проходит севернее Рославля и южнее Мстиславля и Чаус, севернее Славгорода пересекает Проню и подходит к Днепру южнее Старого Быхова. К северу от Болвы до Днепра соседями радимичей были кривичи. Обширный треугольник между Мстиславлем, Оршей, Старым Быховом в бассейне Прони и его притока Баси, в том числе и в окрестностях Чаус, в смысле отнесения этой территории к радимичам, кривичам и дреговичам пока остается неясным. Такие неясные в этническом отношении зоны есть и в других пунктах периферии основной радимичской территории, на стыке поселений дреговичей, радимичей и северян в районе Речицы к востоку от Лоева, а также на северо-востоке на правом берегу Болвы [121].

Как видно из короткого обзора границ, земли радимичей располагались в юго-восточной части современной Белоруссии (юг Витебской, восток Могилевской и Гомельской областей), а также в западных районах Брянской и юго-западных Смоленской области РСФСР. При этом на территорию БССР приходится более половины основных радимичских земель.

Инвентарь курганов радимичей еще и сейчас является основным источником изучения материальной культуры и эволюции погребальных обрядов. До начала IX в. радимичи не насыпали курганов. По утверждению летописца, радимичи сжигали своих покойников и прах их ссыпали в погребальные урны, которые они ставили на придорожных столбах («на столпе, на путех»). Этот погребальный обряд можно связать с культом предков, с прахом которых родичи могли сохранять зримую связь.

Как и у других восточнославянских племен, для курганных погребений радимичей характерны обряды трупосожжения или трупоположения.

Погребения трупосожжением немногочисленны, не образуют отдельных курганных групп и встречаются в могильниках в небольшом количестве. Сожжение умершего совершалось непосредственно в кургане на небольшой подсыпке или в основании кургана. В отдельных случаях удалось проследить конструкцию погребального костра. На территории расселения радимичей трупосожжения вскрыты в могильниках у деревень Корма, Софиевка, Вищин, Любны, Старая Рудня, Хотимск, Беседовичи, Батуровка, Пожлужное, Смяличи, Грязивец, Климовичи [122]. Иногда в курганах встречается неполное сожжение умершего. По-видимому, захоронения этого типа относятся ко времени вытеснения трупосожжения более поздним обрядом трупоположения.

Погребения трупоположением, как и у других восточнославянских племен, различаются в зависимости от положения погребенного — в насыпи кургана, в его основании или в подкурганной яме. Захоронения в насыпи кургана немногочисленны и распространены по всей радимичской территории. Умершего клали на специально подготовленную насыпь высотой от 0,2—0,7 до 2—3 м поверх ритуального кострища. Наиболее широко распространен обряд трупоположения в основании кургана, известный на всей радимичской территории. Часть курганов с этим погребальным ритуалом имеет кострища в основании, поверх которых клали умершего. Однако большую часть составляют курганы без ритуального кострища. Погребения в подкурганных ямах немногочисленны у радимичей, хотя и встречаются по всей территории их расселения. Они приходят на смену погребению в основании кургана и отражают растущее влияние христианской религии, являются своеобразным переходным

этапом от языческих курганных погребений к христианским погребениям в яме.

Обычно курганы с трупосожжением имеют лепную или раннюю круговую керамику и датируются IX—X вв. Пережитки трупосожжения (учитывая следы кострища погребений в основании кургана) продолжают встречаться до XII в. Погребения в основании кургана без следов ритуального кострища датируются в основном XI в., хотя этот обряд зафиксирован также в более раннее и более позднее время. Погребения в подкурганной яме встречаются начиная с XI в., бытуют в XII в. Безынвентарные погребения в ямах относятся, по-видимому, к еще более позднему времени [123].

Курганы радимичей очень бедны погребальным инвентарем. В курганах с трупосожжением встречаются единичные находки перстней, браслетов, бус и небольшое количество других предметов. Причина бедности трупосожжений инвентарем в сгорании вещей на погребальном кострище. Также бедны инвентарем, а часто и вообще безынвентарны погребения в подкурганных ямах. В этом случае причина — влияние христианства. Очень различается инвентарь курганов в зависимости от пола погребенных. Только керамика, ножи и пряжки встречаются и в мужских, и в женских погребениях. Мужские погребения беднее женских, но лишь в мужских погребениях встречаются топоры, удила, кресала. Здесь также имеются ножи, бруски, пряжки, поясные кольца, изредка гривны к перстни. В женских погребениях найдены серпы, шиферные пряслица, ножи, иголки, разнообразные украшения — височные кольца (семилучевые, браслетообразные, перстнеобразные), гривны, подвески, бусы (сердоликовые, стеклянные, янтарные, пастовые), браслеты, перстни, нагрудные пряжки и т. д.

Из приведенных выше данных видно, что в основном обряд погребения у радимичей, смена различных типов соответствует типам и времени их бытования у большинства восточнославянских племен. Однако в погребальном обряде радимичей обращает на себя внимание отличительная черта — необычайно высокий процент погребений мужчин с ориентировкой головы на восток. У восточнославянских племен подобная ориентировка не типична. Относительно радимичских погребений с восточной ориентировкой в настоящее время нет единого мнения. Исследователь радимичских древностей Г. Ф. Соловьева видит в этом племенную особенность погребального обряда радимичей [124], а В. В. Седов — пережитки погребального обряда местных балтийских племен, ассимилированных радимичами [125].

Как и у всех восточнославянских союзов племен, у радимичей редко встречаются могильники, содержащие один какой-либо тип погребения. Обычно в одном и том же могильнике есть курганы с различными обрядами захоронения. Наиболее распространенным является погребение на горизонте. Погребения в подкурганной яме малочисленны и не характерны для радимичей; они встречаются по всей территории расселения, однако наиболее часты на южной окраине радимичской территории. Погребения с трупосожжением есть на всей территории расселения радимичей. Тем не менее большинство их сосредоточено по крупным рекам.

Следовательно, радимичи вначале расселились по крупным рекам, затем распространились по их притокам [126].

Еще в 1932 г. Б. А. Рыбаков высказал предположение, что единое в этническом отношении «племя» радимичей разделялось на несколько более мелких групп [127]. Изучая погребальный обряд в курганах на радимичской территории, Г. Ф. Соловьева обратила внимание на некоторые

детали и попыталась выделить 8 локальных районов, объединив их по принципу единства или возможно близкого сходства погребального обряда[128].

Поскольку основная территория радимичей находилась в зоне малоурожайных суглинисто-подзолистых почв, географическое распространение археологических памятников радимичей дает основание заключить, что радимичи направляли свой колонизационный поток в юго-восточном направлении к современным Воронежу и Курску, где были более урожайные черноземные почвы[129].

Несомненно, привозных вещей, предметов вооружения и оснащения воинов в радимичских курганах найдено очень мало, и то лишь на периферии основной радимичской территории (например, в деревнях Гочево и Студенки).

Социальный строй радимичей более длительное время, чем у некоторых других племен, сохранял архаические черты, восходящие к эпохе

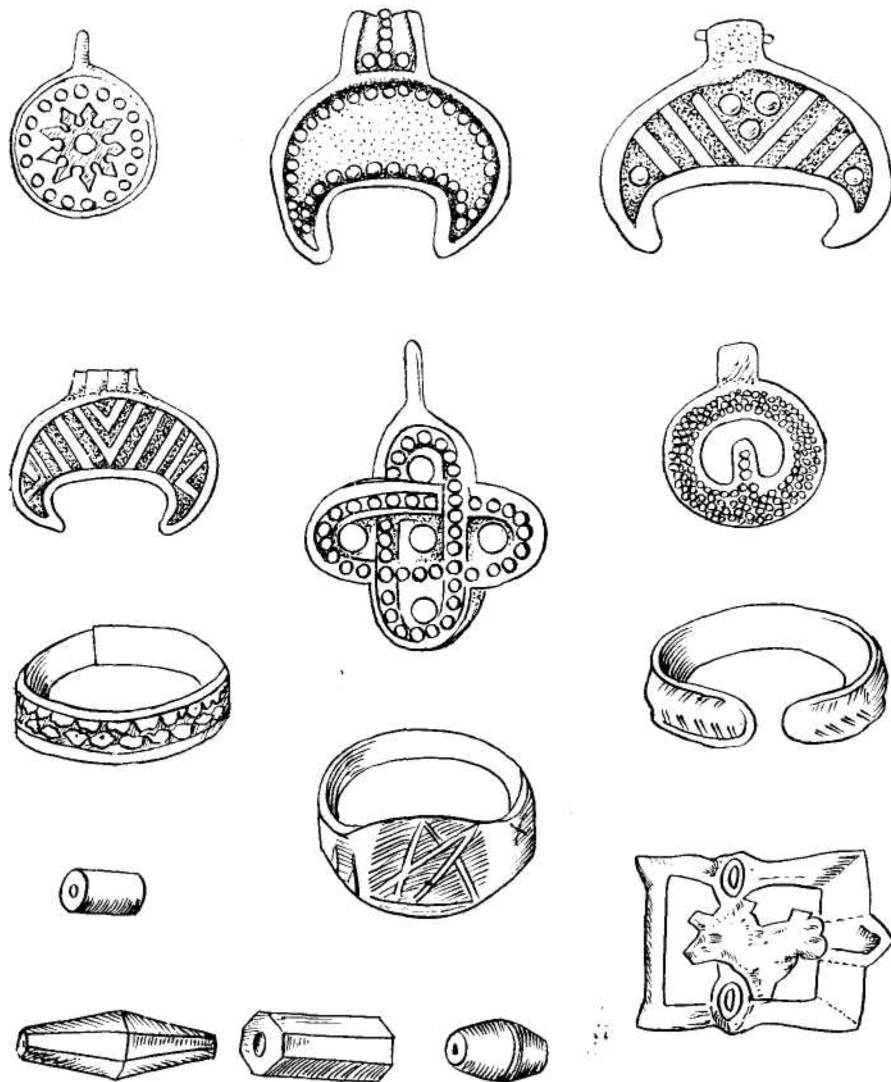

Рис. 13. Женские украшения из курганов радимичей XI — XII вв.

первобытнообщинного строя. Об этом прежде всего свидетельствует отсутствие у радимичей городов в X и даже в XI вв., когда города возникали на территории расселения кривичей, дреговичей и других «племен». По-видимому, у радимичей в меньшей степени была развита специализация ремесла, а также отсутствовала четко выраженная прослойка посредников между производителем и потребителем (торговцем) и воинов-профессионалов. Ремесло и подсобные промыслы не нарушили еще аграрного характера занятий подавляющего большинства радимичского населения.

Один из важнейших вопросов истории радимичей — их происхождение. На сегодняшний день этот вопрос не может считаться решенным. Существует мнение о местном происхождении радимичей [130]. Исследования последних лет, выявившие славянские древности третьей четверти и конца I тысячелетия н. э. на территории радимичей [131], как будто подтверждают это мнение. Однако высказано также предположение о переселении радимичей в бассейн Сожа в относительно позднее время. В последнее время В. В. Седов пытается на основе археологического, лингвистического и антропологического материала подтвердить мысль а переселении радимичей в бассейн Сожа с верховьев Днестра [132].

4. ЯТВЯГИ И ПАМЯТНИКИ НЕМАНСКО-БУГСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Средневековые ятвяги — одна из групп западнобалтийских племен. Под этим названием они известны русской летописи. В польских памятниках и немецких источниках наряду с обычным «ятвяги» нередко встречается и другое название — «судовы» или «судины». Тождественность этих терминов убедительно доказана А. Каминьским [133].

Вслед за немецким хронистом П. Дусбургом подавляющее большинство русских и польских историков издавна относили ятвягов к числу балтийских племен. Однако П. Шафарик причислял ятвягов к сарматским, а Т. Нарбут — к скифским племенам. Д. Шульцем была высказана теория о польском происхождении ятвягов.

В настоящее время вопрос о принадлежности ятвягов к балтийской языковой группе не вызывает споров. К- Буга, Г. Геруллис в своих исследованиях доказали балтийскую принадлежность языка ятвягов. По мнению Я- С. Отрембского, язык ятвягов являлся переходным между балтийскими и славянскими языками и был ближе к прусскому, чем к литовскому и латышскому. Этот же исследователь говорит о большом влиянии ятвяжского языка на польский. Именно в результате этого влияния польская языковая территория расчленена ла две части: восточную и западную. Территорией ятвяжского влияния стала находящаяся по соседству восточная Польша [134].

Нерешенным до сих пор остается вопрос о происхождении названия этих племен. Если этноним «судовы» общепринято связывать с известным в географии Птолемея названием Soudinoi, то объяснения этнонима «ятвяги» самые разноречивые: от литовского jodas-weżas — «черный рак» (Е. С. Свежавский), от предполагаемого названия реки Jotwa (К. Буга), от балтийского jetis — «копье» (А. Брикнер), от древнерусского ято — «стадо, масса» (Гринбергер), от старопрусского azva — «кобыла» (Е. Кухарский) и др. Е. Налепа генетически связывает название «ятвяги» (древнебалтийский вид этнонима Antivingas) с гидронимом «Черная Ганьча» (по-литовски Antia) [135].

Наиболее сложным и дискуссионным остается вопрос и о первичной территории расселения ятвяжских племен.

Основываясь на косвенных свидетельствах русских летописей, сведениях польских хронистов и данных топонимики, большинство, исследователей XIX и начала XX в. придерживалось мнения, что первоначально ятвяги занимали более обширную территорию, чем та, на которой они известны в XIII в. Одни из них (В. Б. Антонович, П. Д. Брянцев, М. К-Любавский, Т. Нарбут, Р. Климас) в состав ятвяжской территории включали Подляшье и Берестейскую землю, другие (Н. П. Барсов, А. М. Андрияшев, И. Д. Беляев) ятвяжскими считали и земли, расположенные по левым притокам Немана — Молчади, Щаре, Зельве, Роси и Свислочи.

Против предположения о первоначальном широком расселении ятвяжских племен выступили Ю. Кулаковский и Н. П. Авенариус. По их мнению, ятвяги никогда не жили южнее Нарева. Известные по сообщениям Яна Длугоша и Матвея Меховита ятвяжские поселения в районе Дрогичина были, по мнению Н. П. Авенариуса, поселениями пленных ятвягов или беженцев. Польский историк Г. Ловмянский ограничивает территорию ятвягов средним течением Немана на севере и востоке, Бобром >на юге и Шешупой на западе.

В последнее время против мнения о широком расселении ятвяжских племен решительно выступает большинство польских историков, археологов и лингвистов (А. Каминьский, Е. Антоневич, Е. Окулич, Я. Исканис, Е. Налепа и др.). Древнюю ятвяжскую территорию они ограничивают районом Сувалкии и ближайшими к ней землями, т. е. той территорией, на которой жили ятвяги в XIII в.[136] Подляшье, Берестейская земля и тем более Верхнее Понеманье, по мнению этих исследователей, никогда не принадлежали ятвягам. Такой же точки зрения придерживается советский археолог Ф. Д. Гуревич [137].

С ограничением древней ятвяжской территории преимущественно Сувалкией не соглашается В. В. Седов. По Седову, данные языкознания, гидронимики и археологии неоспормо свидетельствуют о более широком расселении ятвяжских племен в долетописное время [138].

Древнейшее прошлое ятвяжских племен тесно связано с историей западных земель Руси. Уже в 945 г. среди послов, заключавших договор с греками, фигурирует «ятвяг Гунарев» [139]. Первое сообщение русских летописей о военном столкновении Руси с ятвягами относится к 983 г. Под этим годом в «Повести временных лет» значится: «Иде Володимеръ на ятвягы, и победи ятвягы и взя земли их».

Начатая в X в. борьба русских князей с ятвягами продолжалась в течение XI и XII вв. Через полстолетия после похода Владимира в 1038 г. ходил на ятвягов его сын Ярослав: «Ярослав иде на ятвягы». Чем закончился этот поход, летопись не сообщает. Были ли покорены ятвяги или все ограничилось сбором дани, грабежом населения и пленением некоторых. Скорее всего последнее. Уже сам факт необходимости новых походов показывает, что победа Ярослава была непрочной. Под 1112 г. в «Повести временных лет» сообщается о походе на ятвягов волынского князя Ярослава Святославича[140]. В 1196 г. князь Роман Мстиславич «ходи на ятвягы отомыциваться, бяхоуть бо воевали волость его». Других данных о борьбе князя Романа с ятвягами летопись не сообщает, но утверждает, что воевал он много. В 1205 г. ятвяги в союзе с литовцами сделали набег на Волынскую землю, бились у самых Червенских ворот. «Беда бо бе в земле Володимерстеи от воевания Литовського и ятвяжьского»,— сокрушенно сообщает летописец. Особого напряжения достигает борьба с ятвягами во время княжения Даниила Романовича Галицкого. Под 1227 г. в Ипатьевской летописи есть запись о разгроме ятвягов, «повоевавших Берестье» [141].

В 1248, 1253 и 1258 гг. Даниил и Василько Романовичи совместно с польскими князьями предприняли три больших похода против ятвягоз. Земля ятвягов была сильно разорена и частично подчинена галицко-волынскими и мазовецкими князьями. Ятвяги обещали Даниилу «работе быти» и «городы ра убити в земле своей», а также дань платить «черныя коуны и бель сребро» [142]. Во второй половине XIII в. усилился натиск на ятвяжские земли со стороны немецких крестоносцев.

Письменные источники отдают дань мужеству ятвяжских воинов, отмечают доблесть их воинственных предводителей. Способность ятвягов в течение нескольких веков противостоять натиску значительно превосходивших по силе противников не могла не вызвать уважения современников к этому свободолюбивому и гордому народу.

С середины XIII в. сведения о ятвягах в русских летописах обрываются. Из сообщений польских и немецких хронистов известно, что в конце XIII в. ятвяги были окончательно покорены крестоносцами. В 1283 г. последний независимый ятвяжский нобиль Скурдо, покинув родину, ушел со своим отрядом в Литву [143]. Ятвяжская территория была совершенно опустошена, а население или уничтожено, или переселено в соседние земли (Литву, Польшу, Понеманье). Вскоре ятвяги исчезают со страниц истории.

В Ипатьевской летописи есть сообщения о поселении в 1276 г. литовским князем Тройденом в окрестностях Гродно и Слонима пруссов, искавших на Литве спасения от наступления немецких рыцарей. Я- Отрембский, ссылаясь на неопубликованное исследование Я- Розвадовского о говорах литовского населения некоторых районов Понеманья и работу X. С. Станга, видит в литовцах Слонимщины не потомков пруссов, а потомков ятвяжских переселенцев [144].

Поиски ятвяжских древностей до недавнего времени были безуспешными. Некоторые исследователи (Н. П. Авенариус, Ю. В. Готье) считали ятвягов в археологическом отношении «не поддающимися изучению». Н. П. Авенариус, например, утверждал, что следы ятвягов, как их «временные наскоро сколоченные жилища», так и кладбища — нечего искать. «Проводя большую часть жизни на войне или на охоте, ятвяг, этот вечный бродяга, умирал далеко от своего дома, в дремучем лесу или в открытом бою. Кости его не покоятся на родовом кладбище или в тщательно сложенной каменной могиле. Они легли там, где застала его смерть, и исчезли бесследно» [145].

Однако благодаря неутомимым поискам археологов и прежде всего исследованиям ятвяжской комплексной экспедиции (Польша), ныне известны интересные материалы по истории ятвягов, начиная с первых веков нашей эры.

Наиболее изученный участок ятвяжской территории — Сувалкия (бассейн реки Черной Ганьчи). Ятвяжские курганы Сувалкии или целиком сложены из камней, или сооружены из камней и земли. Диаметр курганов колеблется от 4 до 18—20 м. На вершине насыпи заметны впадины. Поверхностный покров часто состоит из плотно прилегающих друг к другу камней.

Для III—IV вв. характерен обряд трупоположения (Осова, Швайцария, Живая Вода). Подавляющее большинство курганов содержит одно погребение и лишь немногие — два и более. Наряду с трупоположением в III в. и особенно в IV в. встречается трупосожжение. На рубеже IV—V вв. обряд трупосожжения становится господствующим. Ямные погребения чередуются с погребениями в урнах. В так называемых «семейных» курганах были десятки погребений в урнах (Прудишки, Бильвиново, Воловня, Суходолы) [146].

Погребальный инвентарь в каменных курганах III—IV вв. разнообразен. В мужских погребениях — это прежде всего оружие и снаряжение боевого коня (копья, топоры, умбоны, шпоры, удила), в женских — украшения (стеклянные бусы, бронзовые браслеты, бронзовые и серебряные шейные гривны) и мелкие орудия труда (иглы, глиняные пряслица). Так называемые провинциально-римские фибулы, поясные пряжки и различные оковки для ремней найдены как в мужских, так и женских погребениях [147].

В погребениях с трупосожжением инвентарь значительно беднее. Урновые погребения, содержащие украшения (бусы, пряжки и т. п.),— редкое исключение.

Кроме Сувалкии, каменные курганы с трупоположением (III—IV вв.) известны в бассейне верхнего Нарева (Ростолты, Кутово) и на правом берегу Немана (территория Литовской ССР). В Верхнем Понеманье такие курганы не известны. Объясняется это, по-видимому, недостаточной изученностью Гродненщины в археологическом отношении.

На правобережье верхнего Немана (точнее, в междуречье Вилии и верхнего Немана) известны каменные курганы IV—VIII вв. с трупосожжением (Версека, Багота, Мицконис, Девянишкес и др.). В. В. Седов относит эти курганы к ятвяжским погребальным памятникам. Он даже допускает, что они, равно как и каменные могилы более позднего времени, оставлены на этой территории ятвяжским племенем, которое, как и область, населенная ими, в древности называлось Дейновой [148]. А. З. Таутавичюс считает, что курганы междуречья Вилии и Немана — это памятники восточнолитовских племен [149].

Самые поздние трупосожжения в каменных курганах относятся к рубежу I и II тысячелетий н.э. По своему устройству каменные курганы этого времени не отличаются от более ранних, но количество трупосожжений в них не превышает одного-двух. Такие курганы известны почти на всей территории Верхнего Понеманья. В Неманско-Вилийском междуречье они иногда находятся в одних и тех же могильниках, что и курганы середины и второй половины I тысячелетия н. э.[150]

На левом берегу Немана каменные курганы с трупосожжением рубежа I и II тысячелетий известны в окрестностях Новогрудка (Сулятичи), Волковыска (у городища Муравельник) и в других местах. В двух из трех раскопанных Ф. Д. Гуревич курганах близ деревни Сулятичи обнаружены булыжные камни: в одном каменный покров под дерновым слоем, в другом — камни на разных высотах песчаной насыпи. В обоих курганах по одному трупосожжению [151]. Трупосожжение (одно) обнаружено в кургане, раскопанном Я. Г. Зверуго в 1969 г. на окраине Волковыска. В песчаной насыпи этого кургана, начиная с вершины, попадались валуны. Камни, лежащие в основании кургана, образовывали что-то вроде концентрических окружностей. В центре кургана — каменное ядро, сложенное из плотно прилегающих друг к другу камней. Под ядром — две небольшие соединенные между собой ямки, заполненные золой. Никаких вещей ни в насыпи кургана, ни на уровне материка не обнаружено [152].

В Среднем Побужье наиболее поздние каменные курганы с трупосожжением известны по раскопкам С. А. Дубинского (Бацики Дальние, Бацики Ближние, Клюково, Цецели) и И. В. Бирули (Войская, Хотыново).

В XI—XII вв. обряд трупосожжения в каменных курганах сменяется обрядом трупоположения. При этом смена обрядности в разных районах территории распространения каменных курганов происходила неодновременно. Если в Брестском Побужье последние трупосожжения дати-

руются XI в., то в междуречье Немана и Вилии обряд трупосожжения удержался до начала XIII в.[153]

Каменные курганы с трупоположениями XI—XIII вв. широко известны в Среднем Побужье (раскопки 3. Глогера, Т. Дуневского, С. А. Дубинского, И. В. Бирули, В. В. Седова) и в северной части Верхнего Понеманья (раскопки Э. А. Вольтера, 3. Глогера, В. А. Шукевича, С. Яроцкого). В южной части Верхнего Понеманья каменные курганы с трупоположением первых веков II тысячелетия до сих пор остаются неисследованными.

Устройство курганов с трупоположением остается прежним: каменный покров, состоящий из одного или несколько ярусов, или же каменно-земляная насыпь, в которой камень составляет существенный компонент. Есть курганы, сооруженные полностью из камня. Большинство покойников ориентировано головой на запад, хотя встречается ориентация и на восток. Умерших клали на материк или в небольшую подкурганную яму [154]. В 5 из 29 исследованных И. В. Бирулей каменных курганах у деревии Ратайчицы (правый берег Западного Буга) около покойников на уровне залегания скелетов обнаружены значительные скопления золы и углей. В одном кургане покойник лежал на зольно-угольной подсыпке, а в другом зола и угли прикрывали скелет покойника и были насыпаны сверху [155].

В каждом кургане с трупоположением находился, как правило, один скелет, в редких случаях — два-три. В двойных погребениях — обычно женщина и ребенок.

Погребальный инвентарь при поздних трупоположениях довольно разнообразный. В женских погребениях—серебряные и бронзовые перстневидные височные кольца с S-образным или спиральным завитком, перстневидные кольца с заходящими концами. В Среднем Побужье изредка попадаются трехбусинные височные кольца и бронзовые зерненые бусы. В междуречье Немана и Вилии часто встречаются бронзовые или серебряные бляшки с тиснеными узорами (остатки налобной повязки). Стеклянные бусы попадаются редко и еще реже бусы из глины и раковин. Браслеты и перстни из каменных курганов характерны для памятников как славянских, так и балтийских племен. Погребальный инвентарь мужских захоронений представлен копьями, топорами, пряжками, кресалами (калачевидными и овальными). Железные ножи и гончарные сосуды встречаются и в мужских, и в женских погребениях.

В каменных курганах Среднего Побужья наряду с обычными сосудами древнерусского облика попадаются горшки с высокой цилиндрической шейкой, характерные для Мазовии и некоторых других районов Польши.

Вопрос об этнической принадлежности каменных курганов XI—XIII вв. исследователями решается по-разному. Каменные курганы и могилы северной части Верхнего Понеманья А. А. Спицын считал древностями населения Черной Руси [156]. Славянскими памятниками считают курганы Среднего Побужья (включая и каменные) польские археологи. Они связывают эти памятники с дреговичами. В. В. Седов относит каменные курганы Среднего Побужья к памятникам ятвяжских племен [157]. Ю. В. Кухаренко, ранее рассматривавший эти курганы как памятники бужан, в последнее время разделяет точку зрения В. В. Седова [15S]. По мнению И. В. Бирули, этническая принадлежность населения, оставившего каменные курганы Среднего Побужья, пока неясна. Погребальный инвентарь курганов носит несомненно славянский характер, конструкция же насыпей ничем не отличается от ятвяжских памятников [159],

Наряду с каменными курганами на территории их распространения хорошо известны несомненные славянские погребальные памятники. Для

X в.— это насыпанные из земли курганы с трупосожжением, для XI—XIII вв.— такие же земляные курганы с трупоположением. Наличие в Среднем Побужье и Верхнем Понеманье двух типов (славянского и ятвяжского) курганных насыпей X—XIII вв. отражает, по мнению В. В. Седова, разноэтничность населения этого времени [160].

5. ВОСТОЧНОЛИТОВСКИЕ КУРГАНЫ

Кроме предполагаемых ятвяжских погребальных памятников, на территории Белоруссии есть памятники и других балтийских племен. Это так называемые восточнолитовские курганы.

Область распространения восточнолитовских курганов ограничена на севере верхним течением реки Швентойи, на востоке она достигает озера Свирь, на юге охватывает бассейн реки Меркис, на западе проходит по среднему течению Швентойи и Немана. В пределах Белоруссии восточнолитовские курганы сосредоточены в верховьях Вилии [161].

Количество курганов в могильнике сравнительно невелико (чаще всего не превышает 20 насыпей), и лишь отдельные могильники насчитывают их сто и более. В Засвири, например, в конце XIX в. было около двухсот курганов.

Форма курганных насыпей полушаровидная (сферический сегмент, по Ф. В. Покровскому). Диаметр курганов колеблется в пределах от 5—6 до 8—10 м, высота — от 0,6—0,7 до 1 —1,2 м. Курганы диаметром до 15 м и высотой до 2 м единичны. Насыпались курганы из песка и глины.

У более ранних восточнолитовских курганов у основания есть венцы из булыжников. Венец состоит из одного или двух каменных рядов, расположенных параллельно или один на другом. В бассейне реки Меркис насыпи курганов обложены камнями до половины всей высоты. Более поздние курганы рядом с каменными венцами имеют продолговатые ямы или неглубокие рвы.

Исследование курганов восточнолитовского типа началось в середине XIX в. (Ф. О. Вильчинский, Е. и К- Тышкевичи, А. Плятер, Л. Кондратович-Сырокомля). В конце XIX — начале XX в. несколько курганных групп раскопали Э. Вольтер, В. Шукевич. Но особенно значительную работу по изучению восточнолитовских курганов провел Ф. В. Покровский. Он в 1892—1895 гг. исследовал около 200 курганов. Для нас работы Ф. В. Покровского имеют особое значение, так как они проводились преимущественно в бассейне Верхней Вилии.

В начале XX в. курганы восточной Литвы раскапывали В. А. Каширский, П. С. Рыков, Л. Кшивицкий, Т. Довгирд и др. В 20—30-е годы эти памятники исследовали литовские и польские (Е. и В. Голубовичи) археологи. В последние десятилетия большую работу по изучению и систематизации материалов восточнолитовских курганов провели Р. К. Куликаускене, Ф. Д. Гуревич и особенно А. 3. Таутавичюс.

Восточнолитовские курганы делятся на несколько групп. Наиболее ранние из них датируются IV—V вв. н. э. и характеризуются трупоположением. Покойников, как правило, клали в подкурганные грунтовые ямы глубиной от 0,1 до 1,0 м (более глубокие ямы встречаются редко).

Положение костяков вытянутое, головами на запад. В одном кургане находятся одно — два, реже три погребения.

Курганы восточной Литвы отличаются некоторыми особенностями погребального обряда от курганов остальной территории Литвы и юго-восточной Латвии. Здесь нет курганов с коллективными погребениями, которые встречаются в центральной части Литвы и на юго-востоке Латвии. Погребения обычно находятся в грунтовых ямах, тогда как в дру-

гих районах Литвы они расположены на материке или в насыпи кургана. Положенные парами камни, характерные для памятников центральной и северной Литвы, в восточнолитовских курганах не встречаются [162].

Погребальный инвентарь курганов IV—V вв. довольно разнообразен. Основную массу инвентаря составляют украшения. Среди них встречаются распространенные у литовских и латышских племен шейные гривны с лодковидными и коническими концами, витые шейные гривны с петельчатыми концами, стеклянные бусы, арбалетные фибулы. Вместе с тем в погребальном инвентаре восточнолитовских курганов почти не встречаются обычные для остальных литовских племен булавки и обильно представлены подковидные эмалированные фибулы, ажурные эмалированные подвески, манжетные браслеты, височные кольца из бронзовой проволоки круглого или ромбического сечения. По словам А. З. Таутавичюса, область распространения отдельных специфических для восточной Литвы украшений почти полностью совпадает с территорией распространения курганов восточнолитовского типа. Это обстоятельство позволило исследователю говорить о выделении отдельного литовского племени или союза племен, население которого уже в IV—V вв. имело обряд погребения, свои специфические украшения, свою своеобразную одежду [163].

Орудия труда в восточнолитовских курганах IV—V вв. представлены узколезвийными топорами, ножами (в мужских погребениях), серпами, серповидными ножами, шильями, пряслицами (в женских погребениях). Из предметов вооружения неоднократно встречались втульчатые наконечники копий и умбоны щитов.

Наряду с курганными погребениями в восточной Литве известны грунтовые могильники с трупоположением. Покойники лежат в неглубоких ямах головой на запад. Погребальный инвентарь этих могильников тождествен инвентарю синхронных курганов.

В V в. в восточной Литве распространяется обряд трупосожжения. Смена обрядов в разных местах происходила не одновременно. Так, например, в более северных районах погребения с трупоположением встречаются вплоть до VI в., в то время как в бассейне реки Меркис последние трупоположения не выходят за рамки V в. В верхнем течении Вилии курганы, сочетающие обряд трупоположения с трупосожжением, известны по раскопкам Е. и В. Голубовичей у деревни Андреевцы. Из 16 раскопанных здесь курганов 14 содержали трупосожжения и 2 — трупоположения [164].

По внешнему виду курганы с трупосожжением почти ничем не отличаются от курганов с трупоположением: та же полушаровидная форма насыпи, те же каменные венцы у основания курганов, только камней в отдельных случаях становится больше.

Покойники сжигались на стороне. Остатки сожжений иногда помещались в неглубоких грунтовых ямах (Черная Лужа, Римшанцы, Понизье), но чаще всего ссыпались в основании кургана или помещались в его насыпи. В грунтовых ямах могильника у Черной Лужи обнаружены небольшие каменные ящики. Аналогичный каменный ящик был сооружен также в насыпи одного из желядских курганов [165].

Погребений в курганах с трупосожжением значительно больше, чем в курганах с трупоположением. Преобладают курганы, содержащие 2—4 погребения, но иногда их в одном кургане 5—6 (Сморгонь, Черная Лужа) и даже 9—10 (Жвирбляй) [166]. По мнению А. З. Таутавичюса, обычай хоронить нескольких покойников в одном кургане пришел, по-видимому, из южного Занеманья, из земель ятвягов,. с которыми население восточной Литвы уже в IV—V вв. поддерживало тесные связи [167].

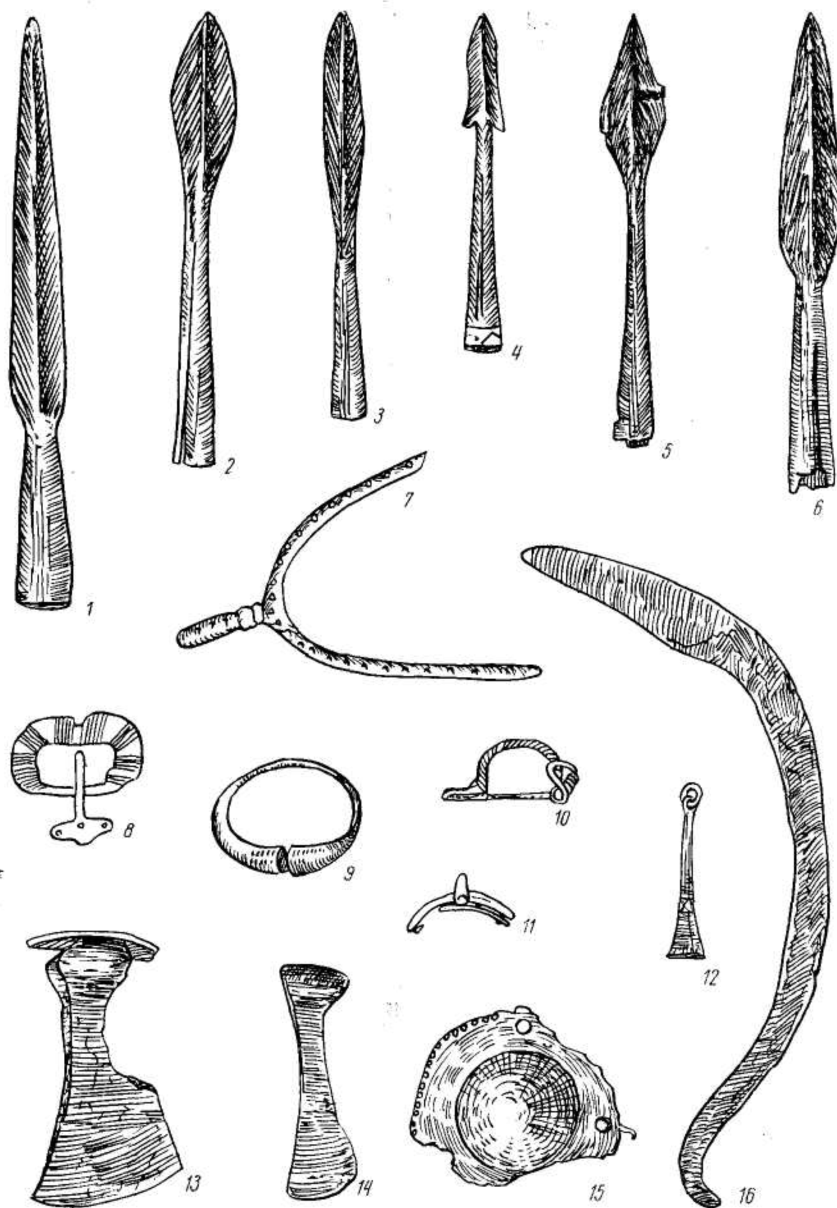

Рис. 14. Предметы из восточнолитовских курганов:

1—6—наконечники копий, 7, 11—шпоры, 5—пряжка, *9*—браслет, *10*—фибула, 1*2*—пинцет, *13, 14*— топоры, *15*—умбон, 16—серп

Погребальный инвентарь ранних трупосожжений мало отличается от погребений с трупоположением. В мужских погребениях обнаружены узколезвийные топоры, серпы, шилья, точильные бруски, поясные пряжки и др. Особенно много в мужских захоронениях V—VIII вв. предметов вооружения. Почти в каждом мужском погребении этого времени встречается один-два, а то и три наконечника копий. Нередки находки шпор, стремян, удил, упряжных колец, пряжек и других частей снаряжения коня. Часто попадаются также детали щитов (умбоны и рукоятки). Поля умбонов иногда украшены тисненым орнаментом. Так, например, в одном из чернолужанских курганов (№ 10) найден умбон, широкие поля которого орнаментированы по краю рядом вогнутовыпуклых точек [168].

Наиболее характерные украшения — шейные гривны с седловидными и плоскими заходящими концами, витые гривны с конусовидными концами, арбалетные фибулы, овальные поясные пряжки, браслеты с утолщенными концами, спиральные перстни.

Погребальный инвентарь (арбалетные фибулы с треугольной ножкой, овальные пряжки с крестообразным язычком и др.) позволяет датировать восточнолитовские курганы с каменными венцами и погребениями по обряду трупосожжения в основном V—VIII вв.[169]

В VIII—IX вв. в восточной Литве уже не встречаются курганы с каменными венцами. У основания курганов появляются продолговатые (овальные) ямы или неглубокие рвы. Теперь восточнолитовские курганы по своему внешнему виду почти не отличаются от курганов соседних славянских племен.

В это же примерно время в погребениях постепенно исчезает оружие. В курганах конца I—начала II тысячелетия оружие встречается уже только в богатых погребениях. Для более ранних из них характерны однолезвийные короткие мечи, для более поздних — двухлезвийные мечи. Согнутый вчетверо меч найден в кургане у деревни Городилово. Головка рукояти меча имела, по-видимому, трехчастную форму, что позволило Ф. Д. Гуревич датировать находку X в.[170]

Вместе с мечом обнаружены золотые бляшки и крупная круглая пряжка, орнаментированная серебрянными накладками и золотыми выпуклыми точками.

В конце I — начале II тысячелетия н. э. в восточной Литве широкое распространение получили появившиеся еще в середине I тысячелетия погребения коней. Известны даже целые курганные группы, состоящие из таких погребений или погребений с трупосожжением, инвентарь которых составляют предметы снаряжения коня [171].

В Будранах (курган № 1) костяк лошади лежал в основании кургана, головой на юго-восток. Расположение костей показывало, что лошадь была убита на месте захоронения. В Понизье (курган № 2) на уровне материка найдены пережженные кости лошади [172].

Изредка в восточнолитовских курганах встречаются глиняные сосуды. При этом их количество обычно не соответствует числу погребений в кургане. Например, в основании кургана № 16 в Засвири обнаружено четыре горшка «плащатой формы», поставленных рядом по прямой линии. Погребений же в этом кургане было только два (оба на грунте) [173]. Иногда число погребений превышает число сосудов. Ф. В. Покровский в свое время высказал предположение, что в этих сосудах в курган приносили остатки трупосожжений [174]. Другие исследователи (например, Р. Якимович) считали такие сосуды просто ритуальными. Подлинное же их назначение до сих пор неясно.

Керамика, встречающаяся в ранних восточнолитовских курганах, сделана вручную. Это небольшие, лишенные всякой орнаментации

сосуды баночных форм, горшки и мисочки. В курганах конца I—начала II тысячелетия н. э. наряду с лепной встречается кружальная керамика. При этом часть сосудов украшена типичным для восточнославяских племен волнистым орнаментом. Вся обнаруженная в кургане керамика восточнолитовского типа, и более ранняя, и белее поздняя, обожжена слабее, чем такая же керамика из городищ.

В вопросе об этнической принадлежности населения, оставившего восточнолитовские курганы, все исследователи единодушны. Все они связывают эти погребальные памятники с литовцами.

Еще в 1896 г. А. А. Спицын писал, что литовские курганы занимали бассейн реки Немана, переходя на его левый берег и бассейн Вилии [175]. Литовскими памятниками считали курганы северного Понеманья В. Антоневич, И. Пузинас, Е. и В. Голубовичи. Эту же точку зрения разделяют и современные исследователи. Различие состоит лишь в том, что одни (М. Гимбутас, Ф. Д. Гуревич, Р. К- Куликаускене) относят восточнолитовские курганы к аукштайтам, другие (Р. Римантене, А. 3. Таутавичюс) связывают их с целыми объединениями (союзами) литовских племен. Поскольку территория распространения восточнолитовских курга нов в ранних письменных источниках называется «Литвою», А. 3. Таутавичюс предлагает население, оставившее эти курганы, называтi «литовцами». Что же касается «аукштайтов», то эти племена впервые упоминаются в бассейне реки Невежис, где курганы восточнолитовского типа не известны [176].

Кроме курганов с трупосожжением, в бассейне Верхней Вилии известны курганы XI—XIII вв. с трупоположением. Еще В. Ф. Покровский высказал предположение, что курганы с трупосожжением принадлежат литовцам, а с трупоположением — славянскому населению (дреговичам) [177]. Позднейшие исследования подтвердили правильность этого предположения с тем лишь добавлением, что наряду с дреговичскими на данной территории были обнаружены погребальные памятники, принадлежащие кривичам.

Население, оставившее восточнолитовские курганы, поддерживало тесные связи с соседними славянскими племенами. На наличие таких связей указывают найденные в восточной Литве стеклянные браслеты, филигранные бусы, сланцевые пряслица, а также найденные в славянских памятниках шейные, гривны восточнолитовского типа. Распространение гончарного круга и волнистого орнамента, общность форм серпов и широколезвийных топоров, общность погребального обряда — все это отражает усилившиеся связи восточной Литвы с древней Русью [178].

Глава IX

ДЕРЕВНЯ И ЕЕ ХОЗЯЙСТВО

Социально-экономическое развитие восточнославянских союзов племен — полян, кривичей, дреговичей, как уже отмечалось, подготовило возникновение государства — Киевской Руси. Их хозяйство к концу I тысячелетия н. э. уже в течение длительного времени было по существу земледельческим. На смену подсечному земледелию приходило пашенное, способствовавшее индивидуализации сельскохозяйственного производства. Родовые отношения быстро распадались, возникало классовое общество. Киевская Русь, минуя рабовладельческую формацию, шла п'О пути развития феодализма.

Переход к пашенному земледелию, развитие ремесла и торговли, возникновение феодальных отношений — все это приводило к распаду родовой общины и формированию сельской. Сельская община, или, как принято, «погост», «мир» (для лесной полосы), «вервь» (для юга), становилась новой ячейкой общества, основанной не на кровнородственных связях, а территориальных.

Для объяснения многих социально-экономических вопросов периода раннего феодализма особое значение имеет изучение истории деревни и ее хозяйства. Как известно, сельское хозяйство и связанное с ним скотоводство составляло основу экономики Киевской Руси. На этой основе развивалось все разнообразие общественной жизни IX—XIII вв.

Древних письменных источников по истории деревни и ее хозяйству очень мало. Именно поэтому особое значение приобретают археологические материалы.

1. СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

В восточнославянских письменных источниках для обозначения сельских поселений употреблялось несколько терминов — село, сельцо, деревня, погост, двор, дом, град[1]. Наиболее распространено «село». Так назывались значительные неукрепленные поселения свободных и феодально-зависимых крестьян-смердов. В Ипатьевской летописи в 1276 г. названы села около Турийска на реке Немане. Слово «деревня» в источниках древней Руси упоминается лишь однин раз. Широко распространился этот термин лишь с XIV в.[2] Е. Э. Бломквист допускает, что поселение без церкви называлось деревней уже в XI в. По мнению Бломквист, в Новгородской земле и на территории Белоруссии для обозначения небольших сельских поселений широко употреблялось слово «весь»[3].

Погостами называли административные центры сельских округов. Здесь происходили мирские сходы, сбор налогов, чинились суды. В погостах строились церкви, а рядом с ними — общинные кладбища[4]. В уставной грамоте Ростислава Мстиславича (1136 г.) упомянуты «погосты-округа», в том числе на территории Белоруссии Басея по реке Басе, притоке Прони[5].

«Селю», «деревня», «погост» во многих источниках значатся как поселения крестьян, «двор», «дом», «град» означают место жительства феодала[6]. Так, в житии Евфросиньи Полоцкой сказано, что полоцкие князья и бояре, посетив в Полоцке князя Бориса Всеславича (умер в 1128 г.), разъехались «в домы своя»[7].

Типам сельских поселений, известным по письменным источникам, соответствуют два типа археологических памятников: открытые неукрепленные селища площадью от нескольких сот квадратных метров до нескольких гектаров и небольшие хорошо укрепленные городища, располагавшиеся нередко вблизи открытых селищ или непосредственно на них [8].

Археологическое изучение сельских поселений Белоруссии началось по существу лишь в послевоенные годы. Сейчас более всего исследована территория Понеманья (Ф. Д. Гуревич) и Припятского Полесья (Ю. В. Кухаренко). В Белорусском Понеманье известно до 60 открытых поселений и около 15 средневековых городищ[9]. В Полесье выявлено около 40 городищ и селищ X—XII вв.[10]

Сельские поселения Белоруссии располагались, как правило, на берегах рек и озер. Такое же размещение поселений характерно как для северо-восточной и северо-западной Руси[11], так и для центральной Смоленщины[12]. Это объясняется тем, что в речных и озерных долинах были более удобные для земледелия участки, луга и пастбища, необходимые для того, чтобы содержать домашний скот. Рыбные богатства водоемов местное (население широко использовало для пополнения пищевых запасов. Кроме того, реки в условиях лесной полосы были удобными путями сообщения.

В Понеманье селища находились обычно на первых надпойменных террасах по берегам Немана, Щары, Роси, Молдачи, Дитвы и других рек. Большинство открытых поселений Понеманья не связано с городищами[13]. В Полесье селища располагались на невысоких песчаных всхолмлениях, в заболоченных поймах или же на прибрежных возвышенностях. Селища, которые связаны с городищами, примыкают вплотную к последним [14].

Размеры неукрепленных поселений сельского типа в исторической литературе не имеют единого определения. Одни исследователи считают, что эти поселения были небольшими, малодворными и, следовательно, имели небольшие размеры[15]. Подтверждение некоторые ученые находят в писцовых книгах, где говорится, что даже в XV—XVI вв. на севере основная масса селений представляла собой поселения в 1—3 двора[16]. Другие историки допускают наличие крупных сельских поселений (наряду с небольшими). Археологические сведения о древнерусских селищах до недавнего времени были очень скудны. Только в последние десятилетия получены данные, позволяющие со всей уверенностью утверждать, что часть поселений и в раннефеодальное время насчитывала по несколько десятков крестьянских дворов и, соответственно, занимала значительную площадь. Большие (ог 2 до 8 га) селища известны ныне на Украине, в центральных районах Смоленской земли, в северо-восточной и северо-западной Руси. На селище близ деревни Докудово Лидского района культурный слой прослеживается на протя-

жении 1,5 км вдоль Немана при ширине полосы до 200 м. Площадь селища у деревни Городиловка была равна примерно 130Х125 м.

Однако не все селища столь велики по размерам. Некоторые из них занимают площадь лишь в несколько сот или десятков квадратных метров. Вполне возможно, что находившиеся здесь поселения действительно состояли из нескольких дворов (может быть даже двух-трех). Пример тому селище близ деревни Ольховка Новогрудского района (урочище Церковище). Оно расположено на левом берегу Немана.

Рис. 15. Земли Белоруссии в XI—XIII вв.:

1—территория со смешанным балто-славянским населением, 2—земли, до начала XII в. принадлежавшие Полоцкому княжеству. 3—земли берестейские, *4*—территория, известная с XIV в. под названием «Черной Руси», 5—центры княжеств до распада на уделы, *6*—центры удельных княжеств в XII в, 7—города, существовавшие в XI—XII вв., в—северная граница «Черной Руси», *9*—границы княжеств (земель), *,10*—современные границы Белорусской ССР

Культурный слой здесь прослеживается лишь на протяжении 100—120 м вдоль берега реки [17].

Изучение древнерусских селищ в центральных районах Смоленской земли дает основание заключить, что, начиная с VIII—X вв., происходит постепеннее уменьшение сельских поселений. Если в IX—X вв. все поселения довольно крупные (площадью от 6,5 тыс. $м^2$ до 40 тыс. $м^2$), то в XI—XIII вв. наряду с крупными появляются и небольшие (от 2 до 5 тыс. $м^2$), а в XIV—XV вв. крупные поселения исчезают совсем и преобладают небольшие селища[18]. Причину такого уменьшения размеров сельских поселений, количества крестьянских дворов- следует искать, несомненно, в росте феодального землевладения, ведшего к захвату

общинных земель и постепенному закабалению крестьян-смердов. Поэтому вполне правомерно допустить, что процесс уменьшения селищ характерен и для белорусской территории.

На территории Белоруссии наиболее крупные раскопки велись на селише близ городища Хотомель в низовьях Горыни (Столинский район Брестской области). Здесь обнаружены остатки 14 жилищ полуземляночного типа. В плане жилища имеют прямоугольную форму. Длина их от 4 до 6 м, ширина — от 2 до 4. м. В материк они углублены на 0,2—0,8 м. В каждой из полуземлянок обнаружен развал глинобитной печи, укрепленной деревянным каркасом. Такие же печи были и возле жилищ (над одной из них был сооружен небольшой шалаш). К некоторым жилищам примыкали легкие деревянные постройки[19].

Полуземляночное жилище квадратной формы (4,5x4,5 м) обнаружено на селище близ села Ходосовичи Рогачевского района Гомельской области. В землю оно углублено на 0,6 м. В юго-восточном углу жилища сохранились остатки печи-каменки, которая, видимо, стояла не на материке, а на срубе или опалубке из дерева. К северу от печи, почти в центре жилища — овальная предпечная яма (3,2x1,2 м) глубиной 0,65 м[20].

Остатки разрушенной полуземлянки, углубленной в материк на 0,9 м, обнаружены на селище у деревни Городиловка Новогрудскюго района. Пол жилища глинобитный.

На материке обнаружены остатки кострища диаметром около 2 м, а вокруг него небольшие ямки от столбиков. В заполнении полуземлянки попадались куски обожженой глиняной обмазки с отпечатками дерева. Такая же глиняная обмазка и обожженный деревянный настил обнаружены на селище у деревни Ковали Слонимского района Гродненской области[21].

Кроме жилищ и хозяйственных построек, на селищах находились различные по форме, размерам и глубине ямы хозяйственного назначения. Одни из них располагались в непосредственной близости от жилищ, другие — между ними. В Городиловке нередко в этих ямах обнаруживались углубления меньших размеров.

О планировке открытых поселений на территории Белоруссии известно, к сожалению, очень немногое. Система в расположении жилищ прослеживается лишь на селище в Хотомеле. Здесь застройка двухрядная, т. е. жилища располагались двумя параллельными рядами. Возможно, что подобно тому, как это установлено в других областях древней Руси, в Белоруссии были также поселения с однорядной приречной застройкой и с так называемой кучевой застройкой, где каждый двор обособлен[22].

Как уже отмечалось, на некоторых селищах или непосредственно вблизи от них располагались городища. Это остатки феодальных усадеб (замков) или городища-убежища, куда во время опасности собиралось население неукрепленных окрестных селищ.

Остатки феодальных замков отличаются от обычных селений не только наличием укреплений, но и характером находок (здесь много предметов вооружения, дорогих импортных вещей) и построек (богатое жилище феодала резко выделяется среди жилищ его слуг и холопов)[23]. От укрепленных поселений городского типа городища (феодальные замки) отличаются небольшими размерами заселенной площади (редко более 1 га), наличием мощных оборонительных сооружений, отсутствием признаков развитого ремесленного производства и торговли, так как основой экономической жизни этих поселений было сельское хозяйство.

От городищ-усадеб следует нтличать подобные им по внешнему облику и устройству грады-крепости, построенные государством и предназначавшиеся для защиты границ древней Руси. Они были населены военными людьми, несшими сторожевую службу на пограничье. Именно эти грады-крепости положили начало большинству городов Белорусского Понеманья, Неманско-Бугского междуречья и других пограничных районов.

В Понеманье к числу феодальных усадеб укрепленного (или замкового) типа относятся городища близ деревень Мстибово (Волковысского района), Збочно (Слонимского района), Индура (Гродненского района).

Мстибовское городище расположено на правом берегу Ольшанки в низинной сильно заболоченной местности. Круглая в плане площадка городища (диаметром 30 м) обнесена мощным (до 5 м высотой) оборонительным валом. Въезд с восточной стороны. К югу и юго-западу от первого вала, там, где местность 'несколько повышается, сохранились остатки второго вала и рва. Вплоть до XVI в. Мстибово называлось Мстибоговым городком, именно потому П. А. Раппопорт высказл предположение, что это городище — остатки замка волынского боярина Мстибога, упоминаемого в Ипатьевской летописи под 1202 г.[24] В культурном слое городища найдены фрагменты кружальной керамики XII—XIII вв. и единичные обломки сосудов XVI—XVIII вв. Следовательно, сооруженное в период феодальной раздробленности укрепление использовалось в какой-то мере и в позднем средневековье.

Городище у деревни Збочно расположено на мысу. С трех сторон (севера, запада, юга) к нему примыкает низинная, частично заболоченная местность. Площадка городища в плане имеет неправильно округлую форму, диаметр ее около 50 м. Над долиной Оковки она возвышается на 5—6 м. Площадка окружена двумя концентрическими кольцевыми валами. Высота внутреннего вала до 2 м, наружного—несколько меньше. Ширина пространства между валами равна 12—20 м. По обнаруженным керамическим материалам и характеру оборонительных сооружений городище датируется XII—XIII вв.[25]

Городище в деревне Индура тоже относится к круглым в плане укреплениям. Оно расположено на невысоком естественном холме. Центральная площадка имеет почти правильную округлую форму. Ее диаметр около 20 м. По всему периметру площадка окружена валом, перед которым сохранились следы рва. Примерно в 20—35 м от внутреннего вала располагался второй вал, наружный. В юго-западной части городища между внутренним и наружным валами находится небольшой отрезок промежуточного вала. Раскопки на городище показали, что культурный слой есть и в центральной части, и на пространстве между валами. К- Т. Ковальская датирует городище XI—XIII вв.[26]

Феодальные усадьбы замкового типа известны не только в Понеманье, но и в других районах Белоруссии. Таково, например, городище Зборов на высоком левом берегу Днепра в Рогачевском районе. Размеры его небольшие — 50х58 м. Площадка укреплена мощными валами и глубоким рвом. Вместе с предметами местного производства на городище найдены привозные изделия — обломок бронзовой чащи с рисунком, изготовленной в Германии, днище тонкостенного стеклянного бокала, многочисленные обломки стеклянных браслетов, в том числе один красного цвета (такие браслеты на Руси не изготовлялись). Размеры памятника, дорогие импортные вещи, обнаруженные здесь, позволили Г. Ф. Соловьевой высказать предположение, что Зборовское городище было замком-резиденцией рогачевских князей. В пользу такого пред-

положения свидетельствует также наличие в 8 км от Зборова курганного могильника дружинников. Найденные на городище материалы относятся в основном к XII в. В XIII в. Зборовское городище перестало существовать [27].

Особого внимания заслуживает тот факт, что время появления феодальных усадеб на территории Белоруссии почти совпадает со временем возникновения поселений этого типа на Смоленщине (там они появились в конце XI—начале XII в.). Именно в этот период во всех областях древней Руси начинает развиваться крупное замлевладение. Хорошо

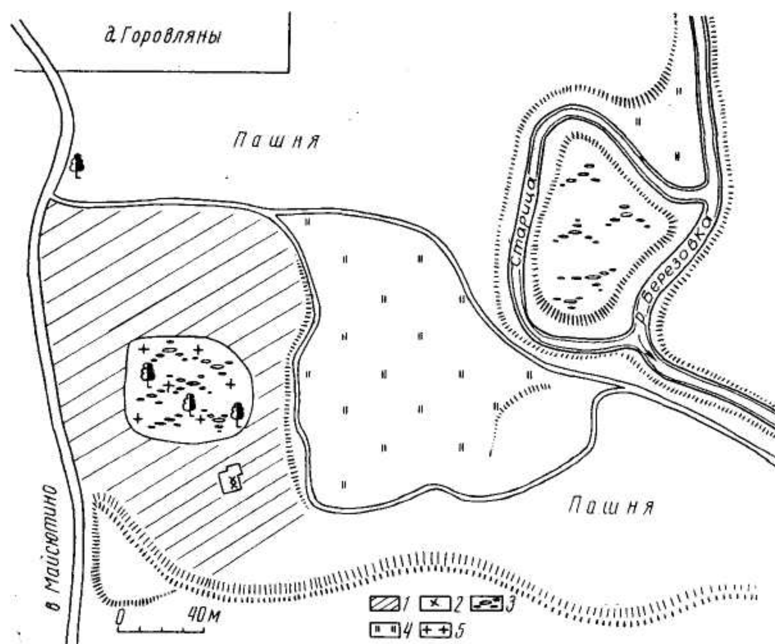

Рис. 16. План селища около деревни Горовляны Глубокского района XI—XII вв.:

1—культурный слой, 2—место находки двух кладов XI в. в 1965 г., 3—кустарник, *4*—луг, *5*—современное кладбище.

укрепленные замки как бы символизировали господство феодалов над жителями окрестных сел и деревень.

Из числа городищ-убежищ наиболее широкому археологическому изучению подвергалось городище вблизи деревни Хотомель. Городище располагается на узкой возвышенности, вытянутой с запада на восток. С севера и юга оно защищено примыкающими болотами и крутыми в этих местах склонами возвышенности, а с запада и востока — дугообразными валами (по два с каждой стороны). Между валами и с напольной стороны внешних валов вырыты рвы. Площадка городища в плане имеет овальную форму (длина 40 м, ширина немногим более 30 м). Никаких остатков жилищ на городище не обнаружено. Вскрыты лишь остатки небольших временных каменных очагов. Орудий труда и украшений найдено мало, но зато довольно много предметов вооружения и военного снаряжения (наконечники копий, стрел, пластинки от панцирей, удила, пряжки и т. д.). При этом характерно, что находки концентрировались по краям площадки городища и почти не встречались в центральной части. Как и другие аналогичные памятники Полесья, го-

родище в Хотомеле не имело постоянного населения. Оно служило убежищем для населения окрестных селищ в случае военной опасности и, по предположению Ю. В. Кухаренко, могло быть центром общественно-религиозной жизни какого-то племени.

Городища-убежища с прилегающими к ним селищами известны и на территории Понеманья. Некоторые из них (Мыто Лидского района, Огородники и Селище Кореличского района, Пурневичи Барановичского района) возникли во второй половине I тысячелетия, но продолжали использоваться и в более позднее время. Другие (например, городище Санюки Слонимского района) были сооружены не ранее, чем на рубеже I и II тысячелетий [28].

Кроме городищ-убежищ, на территории Белоруссии есть значительное количество городищ, которые были местами постоянного обитания и не принадлежали ни к замкам, ни к городищам-убежищам, ни к поселениям городского типа. Ни одно из этих городищ, к сожалению, до сих пор не изучено археологами.

Почти все средневековые городища Полесья располагаются на высоких трудно доступных местах, чаще всего по берегам рек. По площади они примерно в 2 раза превосходят городища предшествующего времени. Наряду с круглыми (островными) городищами, характерными для Полесья, теперь появляются и мысовые, ранее здесь неизвестные.

Наиболее характерны для Белорусского Понеманья оборонительные сооружения, подобные городищам островного и мысового типов. В отличие от Полесья, где островные городища располагаются среди болот, в Понеманье они занимают изолированные холмы [29].

2. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

В дореволюционной исторической литературе господствовало мнение, что у восточных славян была примитивная форма хозяйства и что они были экономически отсталыми. Такой точки зрения придерживались буржуазные историки В. О. Ключевский[30], Н. А. Рожков [31] и др. В их представлении у восточных славян были слабо развиты не только скотоводство и земледелие, но и ремесло. Советские историки, главным сбразом исследователи-археологи, доказали ошибочность подобных предположений. Нет сомнения в том. что уровень экономического развития древней Руси был достаточно высоким. Основой экономической жизни восточных славян было земледелие.

Археологические изыскания подтверждают, что задолго до образования Киевской Руси подсечное земледелие было широко распространено в лесной зоне Восточно-Европейской равнины и что пашенное земледелие возникло из подсечного [32] и на территории Белоруссии. Наряду со скотоводством подсечное земледелие длительное время было основной формой хозяйственной деятельности жителей.

К концу I тысячелетия, н. э. хозяйственная жизнь восточных славян стала уже более сложной; хозяйство — многоотраслевым, а уровень ведения хозяйства достаточно высоким. Среди других отраслей сельского хозяйства земледелию принадлежала первостепенная роль. К IX—X вв. подсечное земледелие сменяется более прогрессивной формой — пашенным земледелием, которое становится господствующим не только в передовых в хозяйственном отношении районах Среднего Поднепровья, но и в северной, лесной зоне. Этот переход хорошо прослеживается и подтверждается археологическими находками на территории Белоруссии.

Изучение развития земледелия здесь на материалах археологических раскопок сопряжено с рядом трудностей.

На территории современной Белоруссии не исследовано полностью ни одно открытое поселение (селище). Находки сельскохозяйственных орудий в курганах редки. Серпы найдены лишь при раскопках погребений возле Полоцка, Новогрудка, Дзержинска, Борисова и в других местах. Сельские поселения деревенского типа изучены слабо, «о все же и здесь есть материалы, позволяющие судить о земледелии этих поселений, например селища близ деревни Хотомель Брестской области. Селище датируется в пределах VI—XII вв. В слоях VIII—IX вв. было найдено два плужмых лемеха, чересло для подрезания верхнего слоя земли во время пахоты, обломки двух серпов и круглого каменного жериова[33].

На Строчицком городище, расположенном в 16 км от Минска, найден сошник ассиметричной формы, принадлежащий двузубой сохе, три обломка серпов и жернова [34].

Здесь же обнаружены зерна культурных растений — озимой ржи, ячменя, пшеницы, конопли, проса, льна. Аналогичные материалы по истории земледелия были получены из раннефеодальных сельских поселений соседней Смоленщины, в частности, на Ковшаровском, Бородинском, Воищенском городищах[35]. В западных землях Руси найдены типичные сельскохозяйственные орудия — сошники, серпы, косы, мотыги, каменные жернова, а также зерна культурных растений — ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, бобовых.

Материалы по земледелию, выявленные в результате раскопок деревенских поселений и феодальных усадеб на территории Белоруссии и соседней Смоленщины, а также полученные при раскопках курганных погребений, по своему характеру существенно не отличаются от материалов из раскопок древних городов.

В раннефеодальный период городские жители наряду с ремеслом и торговлей занимались земледелием, которое играло немаловажную роль в экономической жизни города. Горожане применяли ту же агротехнику, что и в деревне, выращивали те же культуры. Часть культурных растений, найденных при раскопках городов, могла быть завезена из соседней сельской местности, а некоторые земледельческие орудия изготовлены городскими мастерами для сбыта на сельском рынке. Находки, свидетельствующие о земледелии древних городов, дают возможность полнее изучить сельскохозяйственные орудия, способы обработки земли и выращиваемые культуры, систему земледелия, применявшуюся в раннефеодальных землях Белоруссии.

Главными орудиями обработки почвы были сначала деревянные упряжные орудия — рала типа найденного у деревни Каплановичи Несвижского района[36]. Точная его датировка затруднена, но, вероятно, оно относится к раннему железному веку. Это было кривогрядильное рало с полозом без железного наконечника. Здесь же могли применяться такие же рала, но снабженные железными наконечниками. Однако самым распространенным орудием обработки почвы были многозубые и двузубые сохи. Сошники от трехзубых сох найдены в Минске, Орше, Новогрудке, Волковыске, Пинске, Бресте. Они, как и все сошники многозубых сох, имели симметричную форму, небольшие размеры (20—25 см) и устанавливались под небольшим наклоном или почти вертикально к поверхности почвы. Сошник от трехзубой сохи найден в слое XIII в. в Пинске[37]. Изготовлен он из небольшого куска железа с обрубленной в виде треугольника рабочей частью и загнутой трубицеи. Длина сошника 13 см, длина рабочей части 6,5 см, длина трубицы 6,5 см. Сошники от двузубых сох обнаружены в Полоцке на Строчицком городище. Они обычно имеют асимметричную форму и большие размеры (28 см).

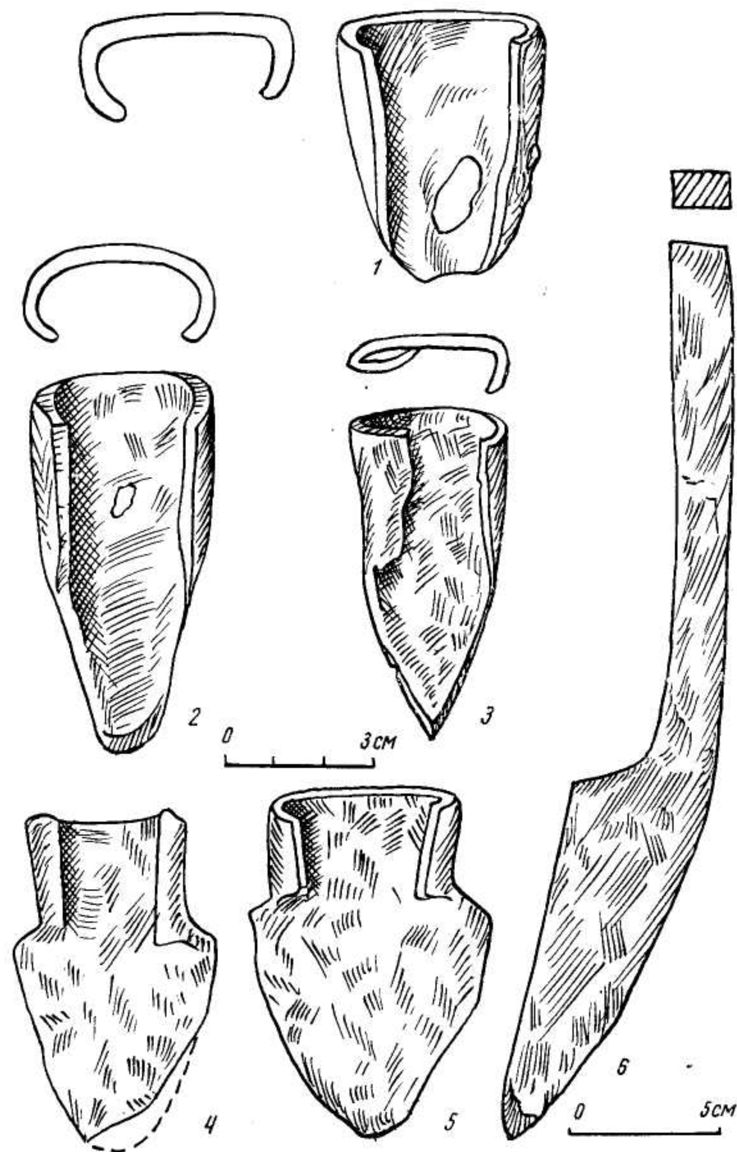

Рис. 17. Орудия обработки почвы:

1—сошник XIII в. (Брест), *2*—сошник XIII в. (Логойск), *3*—сошник XIII в. (Пинск), *4*—*5*—лемех, б—чересло VIII—IX вв. (Хотомель)

При раскопках замчища в Логойске найдено три сошника, один из них сохранился целиком, а два—в обломках [38]. Сошники многозубых и двузубых сох еще не имели специального приспособления для переворачивания пласта земли. Ими можно было только взрыхлять землю на достаточную глубину, особенно двузубыми, которые в этом отношении превосходили многозубые сохи. Зато многозубые сохи были удобны для работы на подсеке и каменистой почве, так как такую соху при надобности легко было извлечь из почвы.

Детали древнего плуга — лемеха и чересла найдены в Белоруссии только на Хотомельском селище. Лемех, а также чересло — неотъемлемая часть примитивного деревянного плуга, который в это время применялся на современной территории Украины. Найденные детали этого плуга на юге Белоруссии — проявление влияния юга. Соха для лесной зоны оказалась удобней, чем плуг, и применялась в Белоруссии вплоть до XIX в. Кроме того, здесь для обработки земли использовались мотыги и лопаты с железными оковками. Мотыги найдены при раскопках Минска и Лукомля в слое XI—XIII вв. Мотыги применялись для работы на огородах и для взрыхления остававшихся не тронутыми сохой полос на подсеке. Для взрыхления земли на посеке, кроме сохи, применялась борона-суковатка, которая делалась из вершины крепкого дерева. Сучья дерева обрубались приблизительно наполовину, а оставшаяся половина каждого сука служила зубьями. К вершине такого дерева привязывалась петля, к которой прикреплялась упряжь тяглового животного. В результате этого сучья такой бороны во время работы всегда находились в наклонном положении. Несомненно, что, кроме суковатки, жители западных земель Руси знали и другие примитивные бороны, сделанные из сучьев. Этнографически известно, что на территории Белоруссии вплоть до XIX в. существовали бороны, плетенные из сучьев, которые имели по 25 зубьев. Зубья вставлялись в гнезда, образованные при пересечении прутьев, и закреплялись парными кольцами из тонкой лозы [39]. Вполне вероятно, что этот тип бороны мог существовать уже в древности и применяться при заделывании семян в почву.

Для снятия урожая, начиная с глубокой древности, применялись серпы. Их находили почти на всех памятниках IX—XII вв. Древнерусские серпы, несмотря на разновидности, по размерам и форме достаточно совершенны и приближаются к серпам, применявшимся вплоть до XX в. Часто лезвия древних серпов имели насечки, это облегчало процесс жатвы. Иногда во время раскопок находят серпы с сохранившимися деревянными ручками, например, в Давид-Городке и в Бресте. Серп, найденный в слое XIII в. в Бресте, имел на ручке крючок из сучка. Очевидно, крючок служил упором для большого пальца, и ручка серпа не вращалась во время работы. Для сенокошения, а также для уборки некоторых культур (вики, гороха и др.) применялись косы-горбуши, которые известны на данной территории еще в V—VII вв. Такая коса найдена на селище у деревни Городище Мядельского района А. Г. Митрофановым в слое V—VII вв. В более позднее время эти косы получили широкое распространение. Их находят на всех памятниках XI—XIII вв.

Молотьба велась деревянными цепами; цеповище, найденное в Полоцке в слое XIII в., имело длину 1,2 м, толщину 4 см[41]. На конце цеповища была выемка круглой формы, где закреплялось било. Несомненно, что, кроме цепов, применялись и другие более простые способы молотьбы. Известно, что повсюду в Белоруссии долгое время сохранялся старинный способ обмолачивания снопов: оббивание о какой-нибудь деревянный предмет[42]. Вполне вероятно, что этот простейший способ обмолачивания зерна знали еще в древности. Обмолоченное зерно затем

очищали от примесей — провеивали на ветру с помощью деревянных лопат. Очищенное зерно хранили в специальных ямах или клетях.

Размол зерна производился каменными жерновами, которые изготавливались из гранита, известняка, песчаника, ракушечника и даже сланца. Все жернова этого времени можно разделить на два вида. К первому относятся жернова, в которых верхний камень одевался на металлический штырь и вплотную прилегал к нижнему. В Лукомле найдено 13 камней от таких жерновов[43]. Второй тип жерновов был более совершенным. В них в специальное отверстие в верхнем камне помеща-

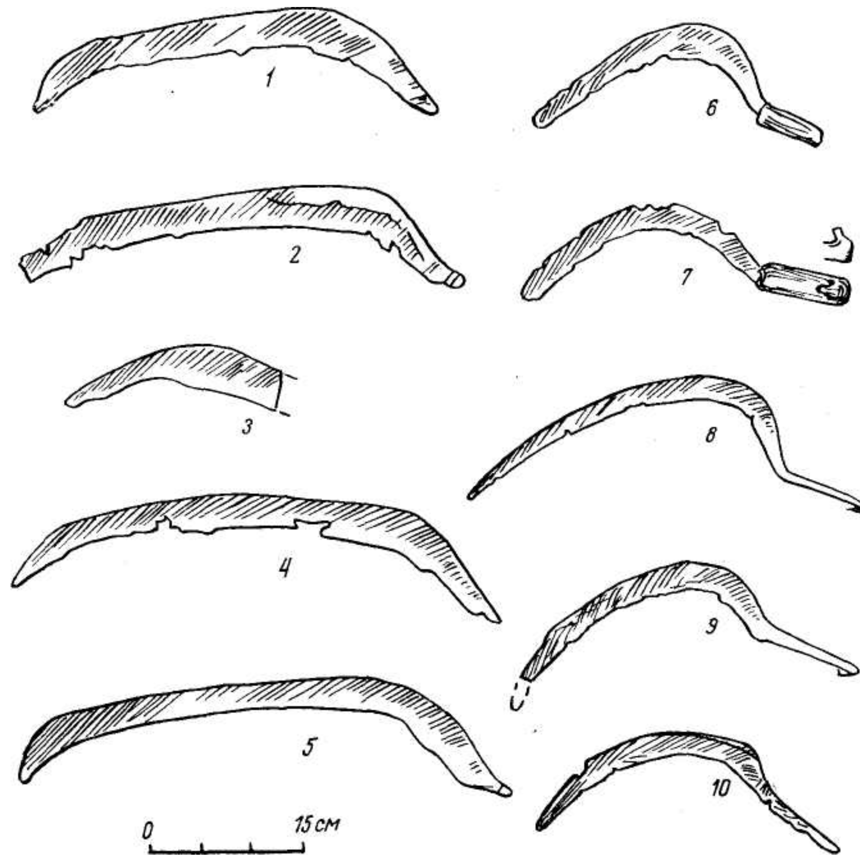

Рис. 18. Серпы и косы XII—XIII вв.:

1—2—косы-горбуши XII в. из Минска, *3*—коса XIII в. из Бреста, *4—5*—косы XIII в. из Полоцка, *6, 8*— ;ерпы XII в. из Давид-Городка, 7—серп XIII в. из Бреста, *9—10* — серпы XI—XII вв. из Минска

лась металлическая или деревянная порхлица, которая позволяла регулировать расстояние между камнями, что давало возможность получать муку разного помола. Детали таких жерновов встречены в Минске[44], Борисове.

Для получения крупы использовались деревянные ступы двух типов. Первый —это обычная деревянная ступа с пестом. Песты были предназначенны для одного человека, а иногда и двух. В Полоцке в слое XIII в. обнружено два двуручных дубовых песта длиной в 80 см. Второй тип — более сложная ножная ступа. Свое название она получила от

того, что приводилась в движение ногами работающего. В Минске было найдено две ножные ступы. Одна из них сохранилась почти целиком. В Бресте в слое XIII в. обнаружена третья на территории Белоруссии ножная деревянная ступа[45]. Правда, рычаг и пест в ней отсутствовали, но, судя по аналогиям со ступой из Минска и этнографическим данным, можно дать ее полное описание. Основание ступы изготовлено из массивной деревянной плахи длиной в 1,6 м и шириной в 0,52 м. Верхняя горизонтальная площадка ступы тщательно обработана и имеет по краю площадки бортик. На расстоянии 30 см от края площадки есть

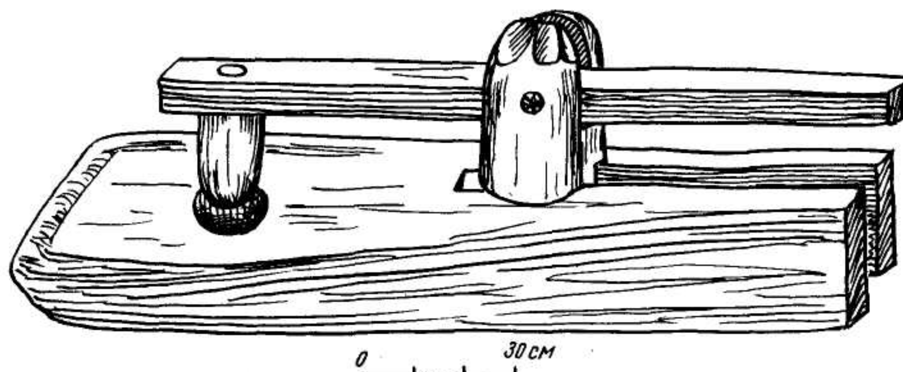

Рис. 19. Ножная ступа XIII в. из Бреста (реконструкция[1])

углубление для засыпки зерна. Оно имеет коническую форму, его глубина составляет 22 см, а начальный диаметр — 14 см. На другом краю есть прямоугольная сквозная вырубка для прохода рычага, крепившегося на короткой оси, для которой в краях вырубки были сделаны три пары гнезд. В рычаге над углублением для зерна закреплялся деревянный пест, который приводился в движение путем перемещения центра тяжести работающего, стоящего на рычаге и держащегося за вбитый в стену колышек-ручку, с одной ноги на другую.

Такие ступы этнографы обнаружили на юго-западе Белоруссии и в наше время [46]. Правда, современные ножные ступы несколько усовершенствованы. Их отличие от древних состоит в том, что вместо массивной плахи они имеют четырехугольный чурбан с отверстием для засыпки зерна.

В IX—XIII зв. на территории современной Белоруссии возделывались почти все известные сейчас земледельческие культуры. Особенно широкое распространение в это время получила рожь, яровая пшеница и ячмень. При исследовании зерен культурных растений, обнаруженных при раскопках, большое значение имеет изучение сорняков, найденных вместе с ними. Количественный состав сорняков дает возможность судить о видах хлебных растений (некоторые сорняки сопутствуют определенным видам культурных растений) и о принадлежности зерновых культур к яровой или озимой форме.

Следовательно, озимая рожь начиная с XI—XII вв. преобладает над всеми другими культурами и становится ведущей хлебной культурой в Минске и его округе, Браславе[47], Гродно[48], Волковыске[49], Турове. Вопрос о времени появления озимой ржи на изучаемой территории сейчас трудно решить. На памятниках более раннего времени вообще нет зерен зтой культуры. Но начиная с XI в. значение озимой ржи все более возрастает, и она становится ведущей хлебной культурой. Несомненно, это связано с применением и распространением паровой системы земле-

делия. В это время озимая рожь занимала ведущее положение среди других зерновых культур также и в Новгородской земле, и на территории современной Литвы[50].

Наряду с озимой рожью возделывалась и яровая, но в гораздо меньших размерах, так как к этому времени она стала вытесняться озимой рожью.

Кроме озимой и яровой ржи, возделывались такие яровые культуры, как пшеница и ячмень. До появления озимой ржи эти культуры были первостепенными, но с внедрением ее в севооборот пшеница и ячмень отступают на второй план. К XI в. в Минской округе был выведен крупнозерный сорт мягкой пшеницы, которая резко отличается по размерам от зерен пшеницы, найденных на других памятниках. Не меньшее значе кие имело возделывание ячменя в связи с тем, что это довольно плодородная и не очень прихотливая культура.

Кроме этих культур, выращивали овес, просо, гречиху, вику, горох, конские и овощные бобы, чину, а из технических — лен и коноплю.

Горох среди зерен культурных растений встречается не очень часто, по эту культуру выращивали здесь еще со времени железного века. Такая же картина наблюдается и на соседних территориях Литвы и Латвии. На городище Кентескалнс[51] (Латвия) горох найден в слоях VII—VIII вв. н. э. Эта находка гороха до недавнего времени считалась самой ранней на территории лесной полосы Восточной Европы. В Белоруссии горох наряду с другими зернами был найден на Банцеровском городище как в ранних (III в. до н. э.— III в. н. э.), так и в поздних (VI—VIII вв. н. э.) слоях[52].

Сейчас есть все основания утверждать, что горох, найденный на Банцеровском городище, является более ранним, чем на городище Кентескалнс.

Зерна овса при раскопках памятников средневековья встречаются реже других культур. Очевидно, в это время он только вводился в севооборот. Еще реже на памятниках этого времени попадается гречиха, найденная только в Гродно и Браславе. Обнаруженные зерна гречихи дают возможность утверждать, что в XI—XII вв. она была известна в Понеманье и даже в более северных районах — в Среднем Подвинье. До недавнего времени ошибочно считали, что гречиха была завезена в Европу арабами только в более позднее время (XV в.).

Найденные при раскопках Минска в слоях XI—XII вв. овощные бобы интересны тем, что это единственная и самая ранняя находка зерен этого растения не только в Белоруссии, но и во всей Восточной Европе. Обычно на археологических памятниках встречаются мелкоплодные конские бобы, которые возделывались на этой территории еще в последних веках I тысячелетия до н. э. Овощные бобы, несомненно, употреблялись в пищу и выращивались в огороде.

Выращивание злаковых культур не исключало развития огородничества и садоводства. По свидетельству письменных и археологических источников, по всей древней Руси были широко распространены капуста, репа, огурцы, свекла, редька, морковь, лук и др.[53] Не были в этом отношении исключением и западные земли Руси. Об этом, например, свидетельствуют находки зерен овощных бобов в Минске, а также огуречные семена, найденные в слое XIII в. в Полоцке.

О садоводстве говорят находки косточек фруктовых деревьев. Косточки вишни и сливы были обнаружены в Минске, Полоцке, Гродно. Кроме того, в Минске в одной из сгоревших хозяйственных построек обнаружены обгоревшие плоды груши. По-видимому, культивировалась и яблоня.

На территории Белоруссии в XI—XIII вв. существовало развитое пашенное земледелие. Изучение сорняков и зерен культурных растений из Гродно, Минска[54], Браслава, Полоцка[55], Волковыска[56] дало возможность установить, что они возделывались на старопахотных землях. Как уже отмечалось, часто вместе с культурными растениями встречались сорняки, которые характерны для давно освоенных почв (например, марь белая, гречишка вьюнковая, гречишка развесистая, пикульник). Озимая рожь, присутствующая в археологических находках при наличии старопахотных земель, высевалась обычно по парам [57]. Она выявлена в Гродно, Браславе, Минске, Турове, Полоцке, Волковыске, причем эта культура начиная с XI—XII вв. занимает ведущее положение среди других хлебных культур. Так, например, в Гродно в XII—XIII вв. она составляла 98% от всех зерен, а в Волковыске в XII в.— 96%. Это говорит о существовании на данной территории паровой системы земледелия в форме либо двуполья, когда вся обрабатываемая пахотная земля делилась на два поля, одно из которых оставлялось под пар, а второе засевалось попеременно яровыми и озимыми культурами, либо трехполья, когда вспаханное поле делилось уже на три части, 2/3 было занято посевами озимых и яровых культур, а 1/3 ежегодно «отдыхала» под паром. Преобладание озимой ржи на некоторых раннесредневековых памятниках Белоруссии позволяет утверждать, что здесь господствующей системой земледелия была трехпольная.

Наряду с господствующей системой пашенного земледелия на территории Белоруссии, как и на территории всей лесной полосы[58], продолжали существовать и другие переходные формы. Переход от подсечного земледелия к паровой системе в форме трехполья был длительным и состоял из ряда промежуточных форм: лесного перелога, пахоты наездом, пестрополья, при котором еще не было выработано чередование посевов, и, наконец, двуполья. В некоторых местах не утратила своего значения и подсечная система, особенно при освоении новых лесных участков.

Археологические материалы, имеющиеся в настоящее время, позволяют говорить о дальнейшем развитии зародившегося еще до IX в. пашенного земледелия и применении паровой системы использования земли не только в центральной, но и в северной Белоруссии.

На юге Белоруссии картина земледелия была пестрой и неоднородной. В районах с плодородными землями паровая система земледелия утвердилась очень рано. В лесистых и болотистых районах Припятского Полесья до XIX в. удержалась экстенсивная форма земледельческого хозяйства в виде лесного перелога, а на ее экономической основе — архаическая семейная организация в виде полесского «дворища». В условиях лесной зоны освоение новых пахотных земель могло происходить только путем применения на более удаленных от населенных пунктов лесных участках подсеки и лесного перелога с постепенным превращением их в старопахотные поля.

3. СКОТОВОДСТВО, РЕМЕСЛО, ПРОМЫСЛЫ

Экономика древней Руси складывалась, в основном, из двух отраслей производства — сельского хозяйства и ремесла. Главным занятием самого многочисленного в древней Руси (как и во всех других феодальных странах конца I и начала II тысячелетия н. э.) сословия — крестьянства было сельское хозяйство. Среди отдельных отраслей сельскохозяйственного производства первое место занимало земледелие.

Другой важной отраслью сельского хозяйства всех древнерусских поселении было скотоводство. Уровень развития скотоводства, удельный вес охоты в хозяйстве подтверждаются данными археологов—остеологическими материалами. Они позволяют определить соотношение отдельных видов домашних животных в стаде, сделать заключение о занятии населения охотой.

Остеологические данные Хотомельского поселения свидетельствуют, О том, что еще задолго до формирования классового общества и государства разведение домашних животных в хозяйственной деятельности

Рис. 20. Скопление костей домашних животных в слое XII—начала XIII віз. на Верхнем замке в Полоцке. Раскопки 1960 г.

населения, проживавшего здесь, занимало несравненно большее место. чем охота. Из 485 костей домашних и диких животных на долю диких приходится всего 54 кости. По отдельным видам домашнего скота первое место занимают находки костей крупного рогатого скота, второе — свиней, далее следуют кости лошади и на последнем кости мелкого рогатого скота [59].

В коллекции костей диких животных из древнего Хотомеля преобладают кости лося, кабана, медведя, одиа-две кости приходятся на долю зубра, косули и птиц. Кроме этого, большой остеологический материал получен на ряде памятников более позднего времени (Полоцк, Минск, Волковыск, Витебск, Гродно, Лукомль, Давид-Городок, Туров, Клецк, Пинск, Новогрудок) [60]. Анализ всех материалов показал, что в основном на городищах преобладали домашние животные: так, в Минске — 87,2% домашних и 12,8% диких, в Полоцке — 78,6 домашних и 17,6 диких, в Турове— 78,2% домашних и 21,8% диких [61]. Подобное соотношение домашних и диких животных наблюдается и в других древнерусских городах (старая Рязань, Псков). Преобладание домашних животных характерно как для древнерусского города, так и для села. Исключение в этом отношении составляют лишь древние Гродно и Волковыск, где в противоположность всем остальным памятникам кости диких животных даже преобладают (43%. костей домашних-и 57% диких в Гродно

и 47 % домашних и 52,1% костей диких животных в Волковыске). В этих городах охота была ведущим промыслом и играла более важную роль, чем разведение домашнего скота. Объясняется это, очевидно, тем, что и Гродно и Волковыск были порубежными городами, Гродно стоит на литовско-ятвяжском пограничье[62], а Волковыск возник на славяно-литовском.

Большинство городов возникло в местах сосредоточения сельского населения. Это обстоятельство не способствовало сохранению в окрестностях городов значительного количества диких животных, следовательно, охота в более или менее крупных размерах не развивалась. Переход к интенсивным формам земледелия на старопахотных полях с использованием тягловой силы — лошадей и быков — при наличии удобных выпасов содействовал развитию скотоводства в качестве одного из основных видов сельскохозяйственного производства.

В городах и сельских поселениях западных земель Руси разводились такие домашние животные, как быки, свиньи, лошади, овцы, козы, собаки, кошки. Ведущее место принадлежало крупному рогатому скоту и свиньям, хотя в отдельных случаях (Гродно, Пинск) значительное место в стаде занимал и мелкий рогатый скот — овцы и козы.

В Новогрудке более всего разводили крупный рогатый скот (26%), на втором месте стояло разведение свиней (22%), на третьем — мелкого рогатого скота (12%). :

Представляют интерес данные о разведении домашних птиц. В Волковыске в слоях XI—XIII вв. обнаружено значительное количество костей домашней курицы, серого гуся и утки (типа кряквы) [63]. Этих же птиц разводили в Новогрудке [64] и в других городах и сельских поселениях.

О целенаправленности охотничьей деятельности населения свидетельствует, как уже отмечалось, видовой состав костей диких животных, обнаруженный во время раскопок. В Полоцке свыше 60% общего количества костей диких животных принадлежит лосю. Далее следуют кости бобра, зубра, кабана, оленя, косули. Обнаружены кости, принадлежавшие медведю, зайцу, выдре, волку. Очевидно, охота на волков велась главным образом, чтобы уберечь домашнее стадо от нападения этих хищников.

В древнем Гродно, где, как уже отмечалось, удельный вес охоты вообще гораздо выше, чем в других древнерусских памятниках, на первом месте — охота на оленя (кости этого животного составили 1/3 общего количества особей), затем на кабана, косулю, зубра, бобра, лося. Небольшое количество остеологических материалов (10%) свидетельствовало об охоте на куницу, зайца, барсука, медведя, выдру, лисицу, волка [65]. Бесспорно, что благородный олень, зубр, тур (остатки которого обнаружены только в Пинске), кабан, косуля и лось истреблялись, в основном, ради мяса; эти животные и дали основную массу костных материалов. Мясо медведей, бобров, барсуков также могло употребляться в пищу. Пушные зверьки — куница, лисица, заяц, выдра и волк по количеству особей составляют лишь несколько больше 5% общего количества диких животных. Однако, как свидетельствуют письменные источники, меха диких животных составляли важную статью экспортной торговли. Если в Хотомеле и в Полоцке основным животным, на которого велась охота, был лось, в Гродно — олень, то в древнем Минске на первом месте зубр, затем лось, кабан и барсук.

В городах южной Белоруссии, Давид-Городке и Клецке, охота в жизни горожан играла тоже довольно значительную роль. Так, в Давид-Городке кости диких животных составляли 41,3%, а в Клецке —

45,7%. Интересно, что значение охоты в хозяйственной жизни жителей Давид-Городка стало заметно увеличиваться с конца XIII и с середины XIV вв.[66] Население Давид-Городка и Клецка охотилось главным образом на мясного зверя (лось, косуля, кабан) и менее на пуганого. Более всего охотники Давид-Городка истребляли бобров. Охота на них велась в течение всего средневековья.

В Новогрудке. кроме обычного оружия охотников (наконечники стрел, копья, дротики), найдено довольно большое количество (19 штук) однотипных и двушипных гарпунов размером от 6 до 14 см, ко-

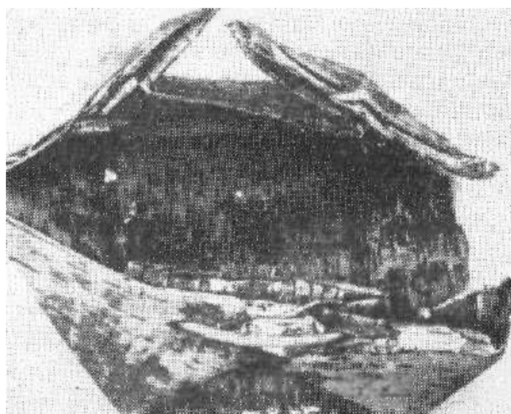

Рис. 21. Туес из бересты XIII в. (Полоцк)

торые датируются рубежом XI—XII вв.[67] Гарпуны — вообще редкие находки. В одной из жилых построек обнаружено восемь гарпунов. Несомненно, эта постройка принадлежала человеку, который охотился на крупного зверя с помощью гарпуна. Иногда гарпун использовался и для закола крупной рыбы.

Кости диких животных составляют в Новогрудке 33% общего количества костей. Здесь охотились на благородного оленя, лося, зубра, косулю, кабана. Костей пушных зверей в остеологическом материале Новогрудка нет. Однако это не означает, что охота па пушного зверя в Новогрудке не велась. Это скорее свидетельствует о том, что в южных городах Белоруссии охотники снимали шкуру с пушного зверя прямо на охоте, а тушу оставляли на месте. Это предположение, высказанное ранее советскими археологами[68], нашло сейчас подтверждение[69].

Интересные результаты получены при изучении костей птиц, найденных на памятниках древнего Волковыска. Среди диких птиц преобладают охотничьи виды — глухари, тетерева, белые куропатки, три вида уток, два вида гусей, журавли, черные аисты. Особняком стоят дневные хищные птицы — орлы-беркуты, ястребы-тетеревятники. По-видимому, они использовались в качестве ловчих птиц [70].

Большой удельный вес охота имела только в некоторых городах юго-запада современной территории Белоруссии. На всей остальной первостепенную роль играло разведение домашнего скота. Охота же в хозяйстве большинства раннефеодальных поселений была дополнительным источником запасов мясной пищи, а также частично служила средством добывания шкур и мехов для изготовления теплой зимней одежды.

Основным же источником питания были продукты земледелия и скотоводства.

Наряду с охотой заметное место в хозяйстве городов древней Руси занимало рыболовство. Об этом свидетельствуют находки костей рыб, рыбьей чешуи, глиняных грузил для сетей, поплавков из бересты, костяных игл для вязания сетей, железных острогов, рыболовных крючков, блесен и гарпунов. Они распространены в большом количестве и повсеместно.

Ихтеологический материал древнего Волковыска показал, что состав рыб в Немане был довольно разнообразным, в XI—XIV вв. здесь водились рыбы шести семейств — лососевые, осетровые, щуковые, карповые, окуневые, сомовые[71]. В НоЕогрудке найдены, кроме того, кости осетра, щуки, окуня, язя [72].

Техническое оснащение рыбаков того времени очень разнообразно, рыбу ловили и летом, и зимой.

О том, что существовал подледный лов, свидетельствуют орудия, обнаруженные в Волковыске — металлический наконечник пешни, например [73]. Круглогодичный лов рыбы диктовался необходимостью пополнения запасов пищи. В действительности рыбная ловля давала ценный продукт питания и имела большое хозяйственное значение. Некоторую роль в пополнении продуктов питания играл сбор дикорастущих плодов, ягод, грибов, лесных орехов. Скорлупа лесных орехов — нередкая находка при раскопках многих памятников.

Возделывание масличных культур, льна и конопли, связано с такими домашними промыслами, как прядение и ткачество. В археологических находках прядение представлено на всех древнерусских памятниках большим количеством пряслиц, сделанных преимущественно из красного шифера. В отверстиях некоторых из них (в Гродно, Минске, Полоцке) сохранились деревянные веретена или их остатки.

Ткачество в археологических памятниках XI—XIII вв., исследованных на территории Белоруссии, также представлено соответствующими археологическими находками. На Гродненском Старом замке были найдены деревянные части ткацкого станка — сбои и челнок вместе с обломком деревянного навоя и его костяными головками, а также деревянным гребнем для расчесывания льняной кудели и рогулей для прядения [74]. Два деревянных челнока были обнаружены и во время раскопок, производившихся на Полоцком Верхнем замке, вместе с другими фрагментами ткацкого станка. Об этом же свидетельствуют нередкие находки (в Минске, Полоцке, Гродно) фрагментов льняной и шерстяпой тканей.

Одной из отраслей домашних промыслов в древней Руси было бортничество, цель которого — получение меда и воска. В эпоху древней Руси мед был единственным продуктом, который можно было использовать в качестве сладкого блюда. Из него же изготовляли напиток, заменявший населению дорогостоящие привозные вина, доступные лишь феодалам.

Использование в пищу меда, по-видимому, было известно и раньше, но «бортные урожаи» широко известны в древней Руси. Можно предполагать, что разводить пчел в ульях начали еще накануне татаро-монгольского нашествия. В некоторых погребениях на территории Белоруссии обнаружены ножи-медорезы, весьма близкие по форме соответствующим инструментам современных пчеловодов.

Воск неоднократно упоминается и в письменных источниках как один из товаров древней Руси, являющийся предметом торговли с зарубежными странами наряду с мехами и рабами. Куски воска, иногда

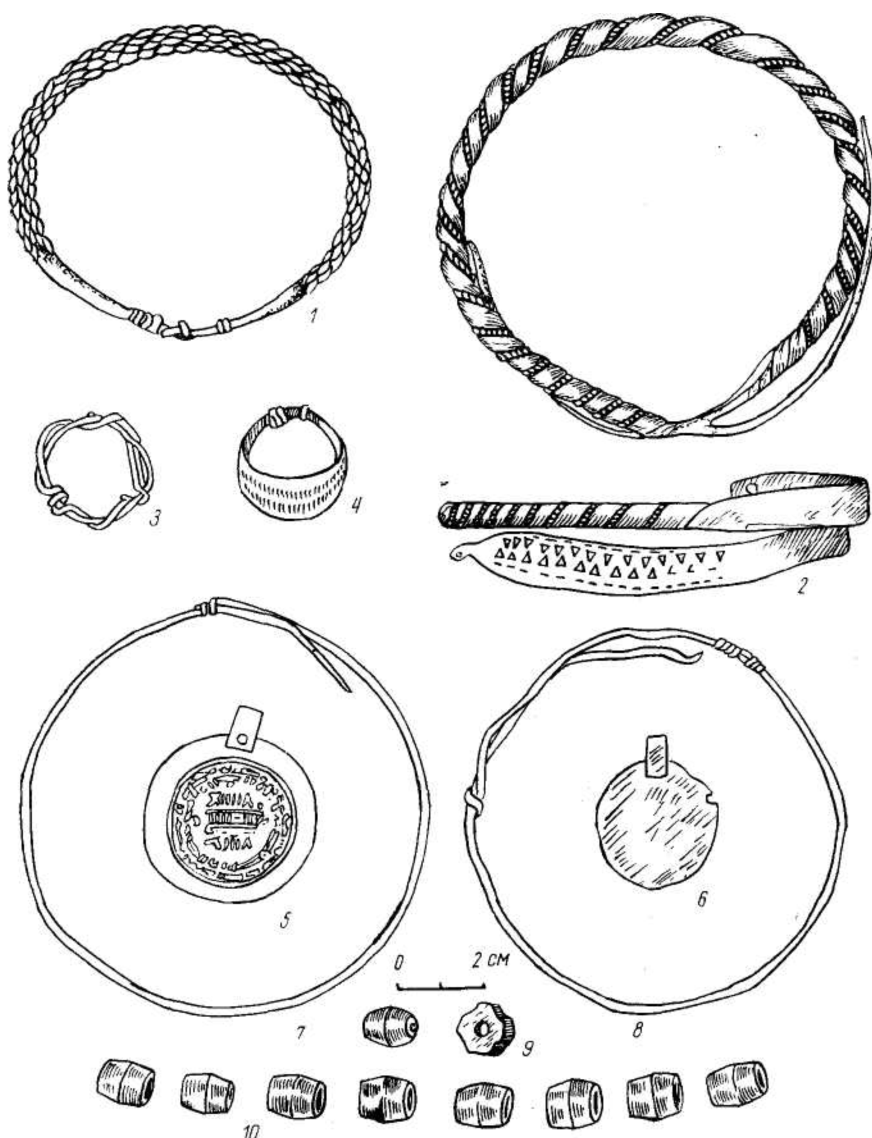

Рис. 22. Вещи из клада XI в. из Горовлян:

1—браслет, *2*—шейная гривна, 3—проволока, *4*—перстень, 5—*6*—монеты с приклепанными ушками, 7—*8*—кривичские височные кольца, 9—*10*—золоченые бусы (стекло), 1—*8*—серебро

крупных размеров, были обнаружены при раскопках Минска, Полоцка и других городских центров древней Руси.

Особое место в хозяйственной деятельности населения, в частности сельского, занимали и такие домашние промыслы, как смолокурение, добывание дегтя. Смола, например, широко использовалась при подготовке к дальнему плаванию лодок, шедших с товарами за границу (в Византию), а также при их ремонте в местах крупных «волоков», где деревянные ладьи приходилось на катках перетаскивать по суше из одной речной системы в другую. Посуда, в которой хранился деготь, найдена при раскопках Минска и Полоцка.

Не только сельским хозяйством и разнообразными домашними промыслами занимались в деревне. Здесь работали и ремесленники-профессионалы. Среди выделившихся ремесленных специальностей, как и в городах, разумеется, наибольшее значение имело изготовление различных изделий черной металлургии. Местное добывание болотной руды и получение из нее железа доказывается часто встречающимися названиями деревень — «Рудня», «Рудница». В начале 900-х годов Е. Р. Романов обнаружил следы древней кузницы у подножья вала городища близ деревни Проскурин. Характерно, что на месте кузницы были найдены кузнечные инструменты — две наковальни, два молота и клещи [75]. И если часть земледельческих орудий (сошников, кос, серпов, топоров) могла быть продукцией городских мастеров, то все же, несомненно, значительное количество этих изделий изготавливалось в сельских кузницах. В специальной литературе принято считать, что железоделательное ремесло почти целиком находилось в руках деревенских металлургов [76]. Этим ремеслом было удобнее заниматься вблизи залегания руд.

Кроме кричников, «варивших» железо, в древнерусской деревне работали и некоторые другие ремесленники.

Особый интерес вызывают довольно многочисленные в древнерусских курганных инвентарях изделия местных ювелиров. Можно считать доказанным, что племенные типы женских украшений производились в мастерских деревенских мастеров с весьма ограниченным рынком сбыта. Вещевой клад сельского ювелира XI в. найден возле деревни Горовляны.

Сельские ремесленники, несомненно, обрабатывали дерево, шкуры, меха. Очень распространенным деревенским ремеслом было гончарство. Оно было вполне доступно деревенским мастерам благодаря обилию сырья и сравнительно несложной технологии изготовления глиняной посуды. В X в. здесь уже применялся гончарный круг, который сосредоточил это ремесло в руках мастеров-гончаров, обеспечивающих керамической посудой все население. Самой распространенной продукцией деревенского гончара был конусообразный горшок с ярко выраженными плечиками и отогнутым венчиком, снабженный линейным или волнистым орнаментом. Обломки таких горшков археологи находят на каждом памятнике деревенского типа. Известно, что керамика была хорошим, а зачастую в связи с отсутствием других находок и единственным датирующим материалом.

В целом во всей древней Руси, в том числе и ее западных землях, к IX в. уже сложилось и получило дальнейшее развитие (X—XIV вв.) многоотраслевое сельское хозяйство, деревенское ремесло, а также многочисленные промыслы, часть которых получила распространение еще в предшествующий период.

Глава X

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

На территории Белоруссии в X—XIII вв., как свидетельствуют источники и данные археологических исследований, было около 40 городов. Местонахождение некоторых из них не установлено достоверно.

Начало зарождения городов в Белоруссии относится к IX — первой половине X в. (Полоцк, Витебск, Лукомль). В X—XI вв. на территории Белоруссии их было в общей сложности немногим более 10. Период феодальной раздробленности ознаменовался ростом новых местных центров ремесленной и торговой деятельности. В XII—XIII столетиях на территории современной БССР (207,6 тыс. $км^2$) один город приходился на громадное пространство в 5—6 тыс. $км^2$.

Условия, при которых возникали поселения городского типа, не одинаковы, но причины, породившие их, были общими. Города зарождались там, где ремесло отделялось от земледелия. Развитие ремесла и торговли приводило к созданию городских торгово-ремесленных посадов [1]. Однако с появлением городов процесс отделения ремесла от сельского хозяйства не закончился. В жизни городского населения долго еще занятие сельским хозяйством играло главенствующую роль.

Пути происхождения городов различны. Некоторые древнейшие славянские дофеодальные поселения постепенно выростали в города. Города возникали на основе раннефеодальных замков или иногда основывались как пограничные крепости.

В древней Руси, как и в других странах, городом (градом) называлось огороженное укрепленное место. Город был средоточием ремесла и торговли, крепостью, административным центром округи или княжества, очагом культуры и распространения христианства.

Ядром города был детинец (кремль), обычно расположенный на возвышенном месте и окруженный оборонительными сооружениями. Они мешали детинцу расти вширь, поэтому улицы были узкими, застройка очень плотной. Рядом с укрепленным центром возникал посад. Часто он обносился второй линией укреплений, образуя так называемый окольный город. Разрастаясь, посад выходил за пределы окольного города. Посадские поселения тянулись вдоль берегов рек.

Размеры раннефеодальных городов сравнительно невелики. По-видимому, число жителей исчислялось одной или тремя — пятью тысячами человек. Основное население—ремесленники и купцы. В детинце они жили вместе с феодалами. Но главным местом сосредоточения торгово-ремесленного населения был берег реки. Возле нее находился торг — обязательная принадлежность древнего города.. Существенный элемент

города — курганный некрополь (могильник), располагавшийся непосредственно около него.

Многие названия древних белорусских городов образованы с помощью суффикса «ск» («цк») от названий рек, на которых они возникали: Полоцк — от Полоты, Витебск — Витьбы, Друцк — Друти, Пинск — Пины, Слуцк — Случи, Чечерск — Чечеры, Волковыск — Волковым, Турийск — Турий. С названиями городов часто связаны топонимические легенды, фантастичность которых совершенно очевидна. Так например, город Минск, по легенде, будто бы получил свое название от имени основателя города — богатыря и кудесника Менеска. Названия некоторых городов происходят от личных имен князей — основателей этих городов: Борисов построен Борисом, Браслав — Брячиславом, Мстиславль — Мстиславом [2].

В летописях есть отрывочные сообщения, позволяющие судить о социально-политической истории отдельных белорусских городов. Но в них почти ничего не сказано о происхождении городов, их топографии и застройке, хозяйственных занятиях и быте населения. Археологические раскопки в значительной мере помогают расширить наши знания о далеком прошлом городов. Совокупность письменных и археологических материалов позволяет глубже и всестороннее осветить их историю. Благодаря деятельности Белорусской археологической экспедиции Института истории АН БССР, экспедиции Белгосуниверситета, археологов Москвы и Ленинграда на территории Белоруссии почти нет древних городов, «є изучавшихся археологами.

1. ГОРОДА СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛОРУССИИ

Северную и значительную часть центральной Белоруссии занимала Полоцкая земля — одно из сильнейших раннефеодальных княжеств Восточной Европы. Максимальные его пределы в конце XI в. в основном соответствовали теперешней Витебской, северной части Минской и, по-видимому, западной части Могилевской областей. Владения полоцких князей на западе достигали Рижского залива. В XII в. Полоцкая земля распалась на уделы (Полоцкий, Витебский, Друцкий, Минский, Заславский, Логойский, Стрежевский, Городецкий).

На востоке Полоцкая земля граничила со Смоленской, географически и этнографически также причисляемой к западным землям Киевской Руси, но находящейся за пределами границ современной Белоруссии. Лишь часть Смоленского княжества (восточная половина современной Могилевской области) располагалась на территории БССР.

Сообщения летописей о Полоцкой земле, ее политическая история неоднократно подвергались исследованию как в общих трудах но истории, так и в специальных работах[3]. Археологические раскопки позволили накопить много новых вещественных источников по истории ее городов.

Полоцк (Полотеск, Полтеск). Этот город принадлежит к числу самых древнейших среди восточного славянства. Упоминается в «Повести временных лет» под 862 г. в связи с раздачей Рюриком «градов» своим вассалам. Основали Полоцк кривичи.

Уже в первые века своего существования город славился далеко за пределами Полоцкой земли. Как о сильном владении, имеющем своего князя, повествуют о нем скандинавские сказания. Договор киевского князя Олега с греками (907 г.-) ставит Полоцк наряду с Киевом в перечне городов, получающих контрибуцию с побежденной Византии.

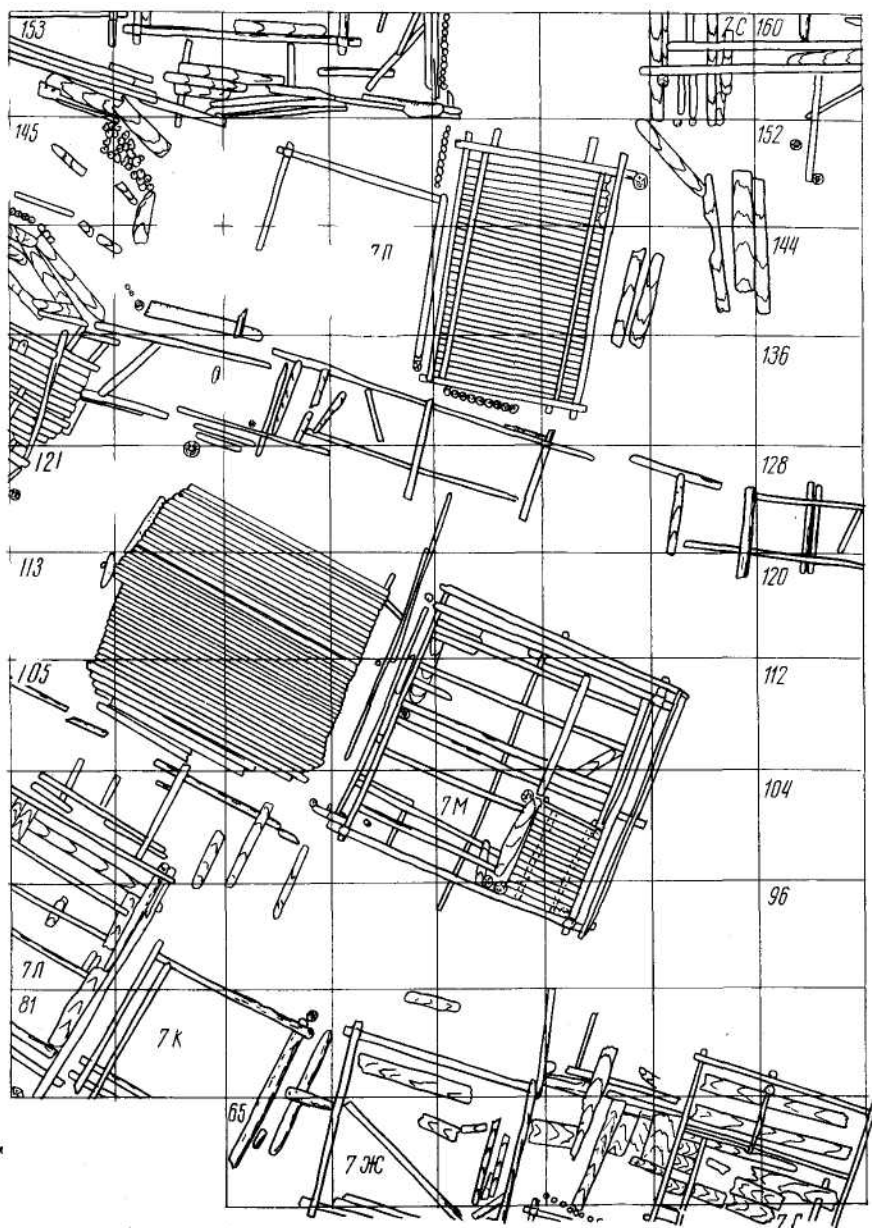

Рис. 23. План VII строительного горизонта (середина XIII в.) на Верхнем замке в Полоцке (1961 г.)

В 980 г. в Полоцке самостоятельно княжил Рогволод. Его выдающееся положение среди других князей характеризовал летописец так: «...Держащю и владеющю Полотьскую землю». После убийства Рогволода на дочери его Рогнеде женился князь Владимир. Владимир отдал Полоцкую землю своему сыну Изяславу (умер в 1001 г.). Так было положено начало новой династии полоцких князей.

В XI в. Полоцк был достаточно силен в экономическом и военном отношении. По сообщениям скандинавских саг, вся Русь в это время делилась «а три части—Новгород, Полоцк и Киев. Полоцкие князья дважды занимали Новгород (1021, 1066 гг.), боролись за Псков (1065 г.) и Смоленск (1078 г.). Причины упорной борьбы полоцких князей за эти города исследователи объясняли по-разному. Действительный смысл ее вскрыли советские историки В. Л. Янин и М. X. Алешковский. Полоцкие князья вдохновлялись идеями былого единства кривичей, рассматривали Витебск, Усвят, Псков, Смоленск и даже Новгород как принадлежавшие им по праву города. Борьба шла за главенство Полоцка над старыми кривичскими землями [4]. Однако отвоевать полоцким князьям удалось только Витебск и Усвят.

Выдающейся фигурой древней истории Белоруссии является князь Всеслав. Более чем полвека возглавлял он храбрые полоцкие дружины (1044—1101 гг.). Поэтично и образно говорится о нем в «Слове о полку Игореве». Своей отвагой и находчивостью Всеслав Полоцкий производил неотразимое впечатление на современников и был прозван «чародеем». Песни о подвигах князя-волхва вошли в эпос [5].

Во время одной из междоусобиц Всеслава схватили князья Ярославичи, отправили в Киев и посадили в поруб. В 1068 г. восставшие киевляне освободили Всеслава из заточения и провозгласили его киевским князем. Вскоре он возвратился в родной Полоцк.

После смерти Всеслава (1101 г.) Полоцкая земля была разделена между его сыновьями. Власть князей ослабла. Их назначение и смещение зависело теперь от вече — общего собрания горожан. В Лаврентьевской летописи говорится о сходстве вечевого устройства в Новгороде и Полоцке и отмечается, что к решениям веча в стольных городах прислушивались веча в пригородах. Примеры летописной истории Полоцка говорят о большой роли веча в политической жизни города начиная с 20-х годов XII в., т. е. примерно тогда же, когда и в Новгороде развивалась тенденция «вольности в князьях», победившая окончательно в ходе восстания 1136 г. Отныне князя приглашало в город вече, власть князя была очень ограничена.

Полоцкая земля в первой трети XII в. в связи с распадом Киевской Руси полностью обособилась, являясь раннефеодальным государством наряду с Новгородским, Тмутараканским и др. Полоцк того времени следует считать княжеством со слабо выраженными зачаточными чертами аристократической республики.

Полоцкое вече решало вопросы о войне и мире, контролировало деятельность князя, осуществляло высший суд. Предметом обсуждения на вече были торговые дела. От имени веча («мужей полочан») заключались договоры с Ригой и другими городами.

Если на вечевом собрании обстановка складывалась не в пользу князя, ему ничего не оставалось делать, как оставить город. Полоцк стоял на пути образования феодальной республики, наподобие Новгорода Великого. При всей кажущейся демократичности вечевого устройства в Полоцке, так же как и в Новгороде, оно по существу было организацией господства боярства и зажиточной торгово-ремеслеиной верхушки города [6].

Населению Полоцка к других соседних земель приходилось вести упорную борьбу с внешними врагами, с попытками агрессоров лишить их самостоятельности, захватить и подчинить своей власти. В начале XIII в. полочане вместе с ливами и латышами героически боролись против вторгнувшихся в Прибалтику немецких крестоносцев. Воины из Полоцка участвовали в разгроме шведских захватчиков на Неве в 1240 г. Среди славянских богатырей, отличившихся в этой битве, назван полочанин Яков: «Он наехав -на полк с мячем и мужествовав много».

Археологические раскопки позволили дополнить сведения летописей о Полоцке. Благодаря им установлено, что Полоцк возник на городище

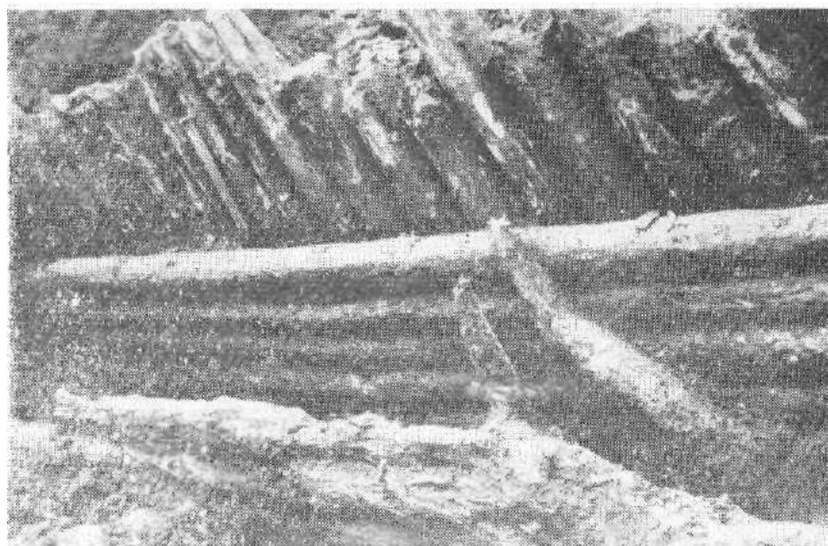

Рис. 24. Остатки дренажа и частоколов начала XIII в. из раскопок на Верхнем замке в Полонко

(площадь более 0,5 га) первобытнообщинного времени на реке Полоте.

Рядом на небольшом мысу Полоты располагалось селище. Трудно предполагать, что представлял собой в это время Полоцк, но городом он ранее начала X в. еще не был. На городище найдены материалы, близкие тем, которые обнаружены при раскопках длинных курганов Смоленщины.

Есть основания полагать, что Полоцк как город сложился на основе племенного центра полоцких кривичей VIII—IX вв. в процессе обрастания его в X—XI вв. новыми поселениями. Первоначальная крепость, где жил князь Рогволод, основана на городище. Здесь произошли драматические события, связанные с убийством Рогволода и пленением его дочери Рогнеды Владимиром Святославичем.

Важным событием для Полоцка было перенесение первоначального укрепленного центра с городища на другой участок, находившийся при впадении Полоты в Западную Двину (Верхний замок площадью до 7 га). Это произошло примерно на рубеже X—XI вв. Посадские поселения развивались как на обрывистых берегах живописной Полоты, так и на более пологом правом берегу Западной Двины (Заполотье). В X—XII вв. посад был по меньшей мере в трех местах, причем главная его часть (великий посад) занимала пространство между Полотой и Западной Двиной, включая Нижний замок.

В итоге, кроме старого и нового укрепленных центров, образовались городские районы («концы»), разделенные руслами рек, оврагами и незастроенными пространствами, возможно, используемыми под огороды. Если в IX — первой половине X в. территория Полоцка составляла примерно 1 га, то в XI—XII вв. она возросла до 70—80 га без учета малозаселенных пространств. Это говорит о бурном развитии города. За пределами города, очевидно, в нескольких местах находился курганный некрополь, полностью уничтоженный при более поздней городской застройке [7].

Раскопки в Полоцке, которыми руководили в разные годы А. Н. Лявданский, М. К. Каргер, А. Г. Митрофанов, В. Р. Тарасенко, Г. В. Штыхов производились на Верхнем замке, где мощность культурного слоя местами превышает 5 м. Вскрыта площадь 1314 м^2. Основные материалы, найденные здесь, датируются концом X—XIII вв. Вскрыты остатки дворов ремесленников. Обнаружено более 70 оснований деревянных построек — жилищ (9—25 м^2), хлевов, мастерских, остатки дренажной канавы, несколько настилов мостовой улицы или переулка (ширина немногим более 2 м).

Одно жилище (5x5 м) середины XIII в. сохранилось на шесть венцов со всем бытовым инвентарем того времени. Погибла постройка от пожара. К моменту бедствия вследствие очень быстрого образования культурного слоя ее нижняя часть оказалась почти на метр в земле и поэтому хорошо сохранилась. В углу находилась глинобитная печь. Снаружи была завалинка, устроенная из бревен. В избе проживала зажиточная трудолюбивая семья полоцкого ремесленника.

Зафиксировано 14 строительных горизонтов. Опустошительные пожары часто вспыхивали над городом. Хорошая сохранность дерева позволила путем сравнительного изучения его годичных колец установить надежные датировки полоцких древностей. При раскопках найдено огромное количество ремесленных изделий и предметов быта, а также немало замечательных произведений художественного ремесла. Археологические материалы подтверждают, что Полоцк был наиболее значительным древним городом на территории Белоруссии.

Выгодное географическое положение города при слиянии Полоты с Западной Двиной способствовало его участию в международной торговле. Первые правовые документы XIII в. характеризуют крупнейший центр, торговавший с Ригой, островом Готланд и немецкими городами.

Витебск (Видбеск). Второй по значению город Полоцкой земли. Расположен на Западной Двине при впадении в нее Витьбы. В поздней летописи есть предание об основании Витебска в 974 г. княгиней Ольгой. Киевская княгиня умерла в 969 г. Не исключено, что Ольга действительно посетила Витебск и приказала построить здесь новые укрепления [а]. Она, по свидетельству «Повести временных лет», по происхождению псковитянка, в 947 г. посетила Новгородскую землю, учредила по Луге и Мете дани, разделила землю на погосты и волости. Ее путь в эги места мог проходить через Витебск. Если в этой дате поменять местами две последние цифры, получится 974. Подобная ошибка, вероятно, произошла при одной из переписок Витебской летописи в XVIII в. В других летописях Витебск упомянут в 1021 г. вместе с Усвятом ло поводу их присоединения к владениям полоцкого князя. Дальнейшая история Витебска тесно связана с Полоцком и Смоленском — важнейшими городами кривичей, между которыми находился Витебск и часто был предметом спора.

Древнейшие части Витебска (Верхний и Нижний замок) четко определяются по чертежам- XVII—XVIII вв. Верхний замок разделялся

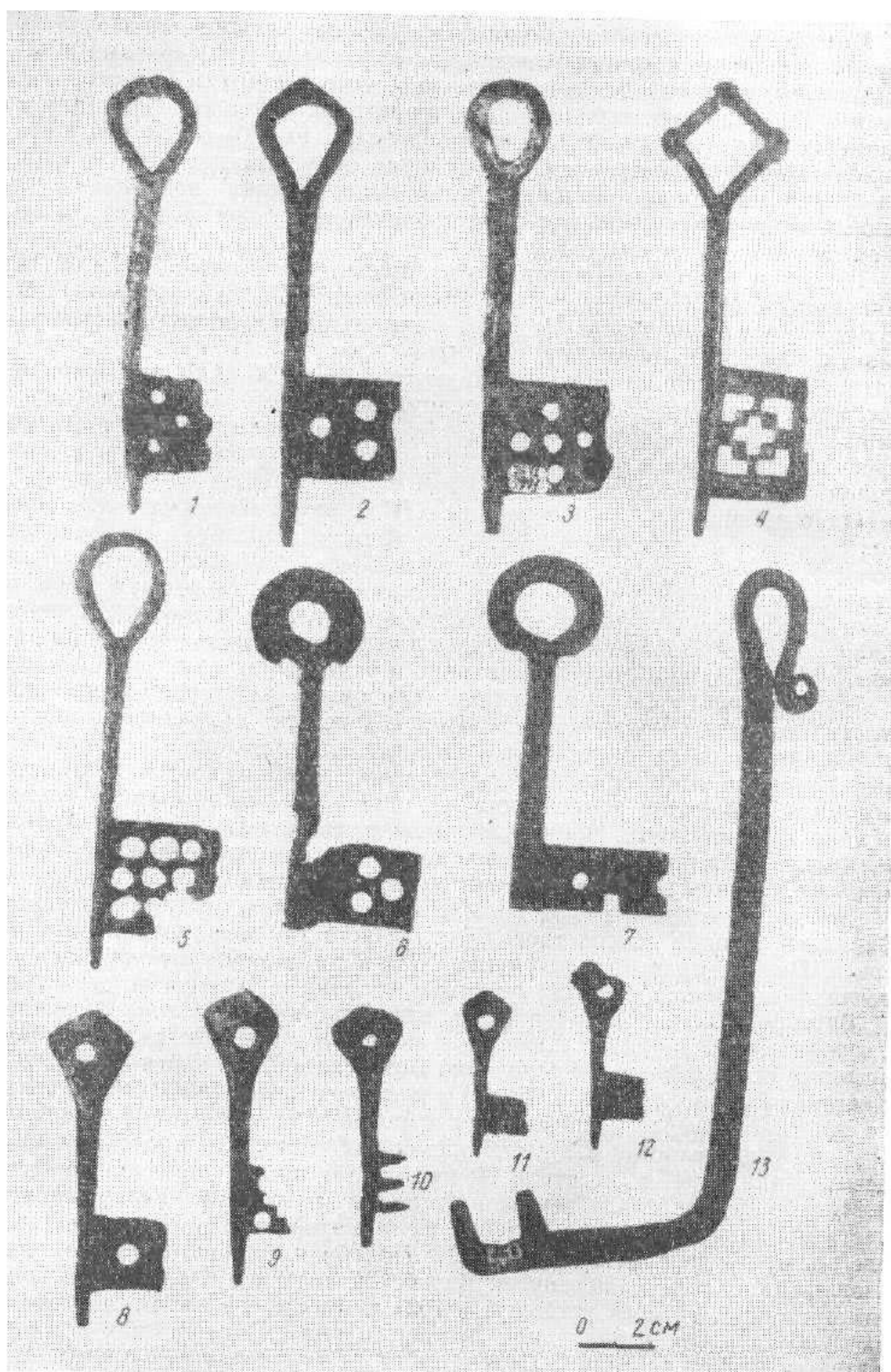

Рис. 25. Типы железных ключей из Полоцка:
1-5-середина XIII в., 6-начало XIII в., *7-XI в., 8- 12-* середины XIII в., *13-X1-XII* вв.

прудом па восточную и западную части. В восточной части находилось городище. Оно являлось первоначальным укрепленным центром Витебска, впоследствии расширенном за счет соседнего поселения, расположенного у самого устья Витьбы. Детинец города получил позже одно название Верхний замок (3 га). К нему прилегал окольный город Нижний замок (8 га), окруженный рукавом Витьбы («ручьем»).

Территория Нижнего замка сложилась из восточного и западного холмов. На вершине западного холма располагалась Благовещенская церковь (XII в.). Здесь в 1964—1966 гг. велись археологические раскоп-

Рис. 26. Лепной сосуд IX начала X в. из Витебска

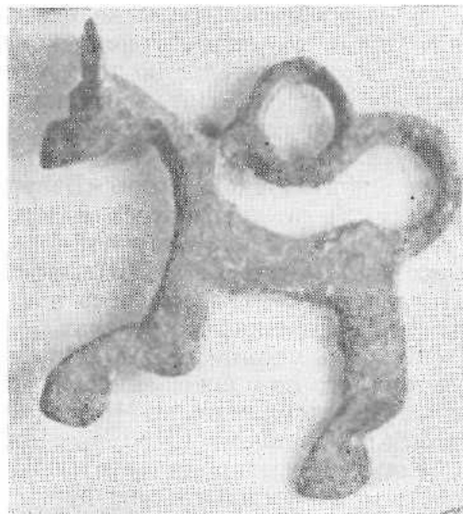

Рис. 27. Бронзовый конек XI—XII вв. *из* Витебска

ки (Г. В. Штыхов). Изучена площадь в 300 $м^2$, мощность культурного слоя 2,2—4,2 м. В нижних горизонтах обнаружены напластования IX—X вв., насыщенные обломками кружальных и вылепленных от руки славянских сосудов. Восстановленный из обломков витебский сосуд такой же, какие известны из погребний длинных курганов IX—первой половины X в.

Слой X в. богат находками. Здесь обнаружены глиняные пряслица, железные наконечники стрел гнездовского типа, своеобразная псалия, металлические иглы, бронзовая трапециевидная подвеска, обломок серебряной арабской монеты, изделия из кости, янтаря. Большой интерес представляет глиняный диск диаметром 12 см. Похожие предметы найдены при раскопках Старой Лагоди, где они датируются IX—X вв. Такие диски исчезают на рубеже X—XI вв. Они играли роль грузил вертикального ткацкого станка [9]. В напластованиях конца IX—XI вв. в разных местах раскопа найдено 62 экземпляра бус. Из них 2 хрустальные, 5 сердоликовых, остальные — из цветного стекла. Витебские бусы имеюі многочисленные аналогии среди памятников Восточной Европы[10].

Примечательно, что остатки раннего славянского поселения открыты в окольном городе, заселявшемся, вероятно, позже, чем территория укрепленного центра. Однако напластования IX—X вв. не самые древние и в Нижнем замке. Под ними выявлены наслоения, содержащие вылепленные от руки грубые слабопрофилированные глиняные сосуды.

Они находят аналогии с сосудами из селища Замковая гора близ Дедилович, городища Колочин I на Гомельщине и городищ-святилищ Смоленщины. В нижнем слое найдены также железный серп, обломки тиглей для плавки цветных металлов, каменная литейная форма для изготовления женских украшений типа лунниц. Древнейшие напластования датируются примерно V—VIII вв.[11]

Первоначальная дата славянского поселения в Витебске, так же как и в Полоцке, требует уточнения. Витебск не уступает Полоцку по возрасту и, вероятно, образовался из нескольких ранних поселений, которые срастались в единый ремесленно-торговый пункт городского типа.

В окрестностях Витебска и в самом городе неоднократно находили серебряные восточные монеты конца VIII—X вв. и целые клады таких монет. Это свидетельство того, что Витебск был большим торговым центром, расположенным на скрещивании водного пути «из варяг в греки» с «западнодвинским».

Лукомль (Лукамль, Лукамля). Это интереснейший археологический памятник Полоцкой земли. «Баварский географ» IX столетия наряду с известными по древнерусским летописям «племенами» называет другие группы населения Восточной Европы и среди них загадочное племя «lucolane», которое П. И. Шафарик переводит как «лукомляне»[12]. П. М. Шпилевский считал, что речь идет о небольшом княжестве лукомлян, которое находилось в пределах поселений древних кривичей [13].

Лукомль упоминается в «Поучении» Владимира Мономаха, который говорит, что он «пожег землю и повоевав до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьск воюя, та Чернигову». Поход этот на Всеслава Полоцкого был предпринят в 1078 г.[14]

Есть любопытное свидетельство основания в Лукомле в конце XIV в. монастыря и строительства церкви. Монастырь под названием «Жидиченского-Николаевского» был ранее на Волыни в Луцке. В 1393 г. здесь возник доминиканский монастырь. Встревоженные обитатели Жидиченского монастыря переселились в Лукомль и основали другой Николаевский монастырь, а в 1397 г. построили церковь св. Николая [15]. Лукомль в конце XIV в. был хорошо укрепленным замком Великого княжества Литовского, а в последней четверти XVI в. на месте некогда грозной крепости осталось необитаемое городище.

Сколько-нибудь значительных археологических исследований в прошлом в Лукомле не велось [16]. В 1930 г. городище обследовал А. Д. Коваленя, а в 1956 г. — Л. В. Алексеев. С 1966 г. ведет систематические раскопки этого памятника полоцко-витебский отряд Белорусской археологической экспедиции Института истории АН БССР (руководитель Г. В. Штыхов).

Лукомльское городище «Замок» расположено у самого обрыва берега Лукомки. Размеры площадки городища 63Х36 м. В 1966—1971 гг. здесь разработано пять раскопов общей площадью 524 $м^2$. Толщина культурного слоя составляет в центре площадки 2—2,2 м, но к краям она увеличивается и местами достигает более 5 м.

Выявлены напластования нескольких археологических культур, хронологически сменяющих друг друга: 1) днепродвинская (рубеж нашей эры); 2) типа Банцеровщины и Дедилсвич V—VIII вв. н. э.; 3) материалы IX — начала X вв., которые принадлежали летописным кривичам; 4) мощные напластования X—XIII вв., изобилующие находками, среди которых есть выдающиеся; 5) наслоение эпохи Великого княжества Литовского XIV—XVI вв.[17]

Большой научный интерес представляют результаты раскопок на селище, где в 1969—1970 гг. исследовано 588 $м^2$-при мощности слоя 1 м.

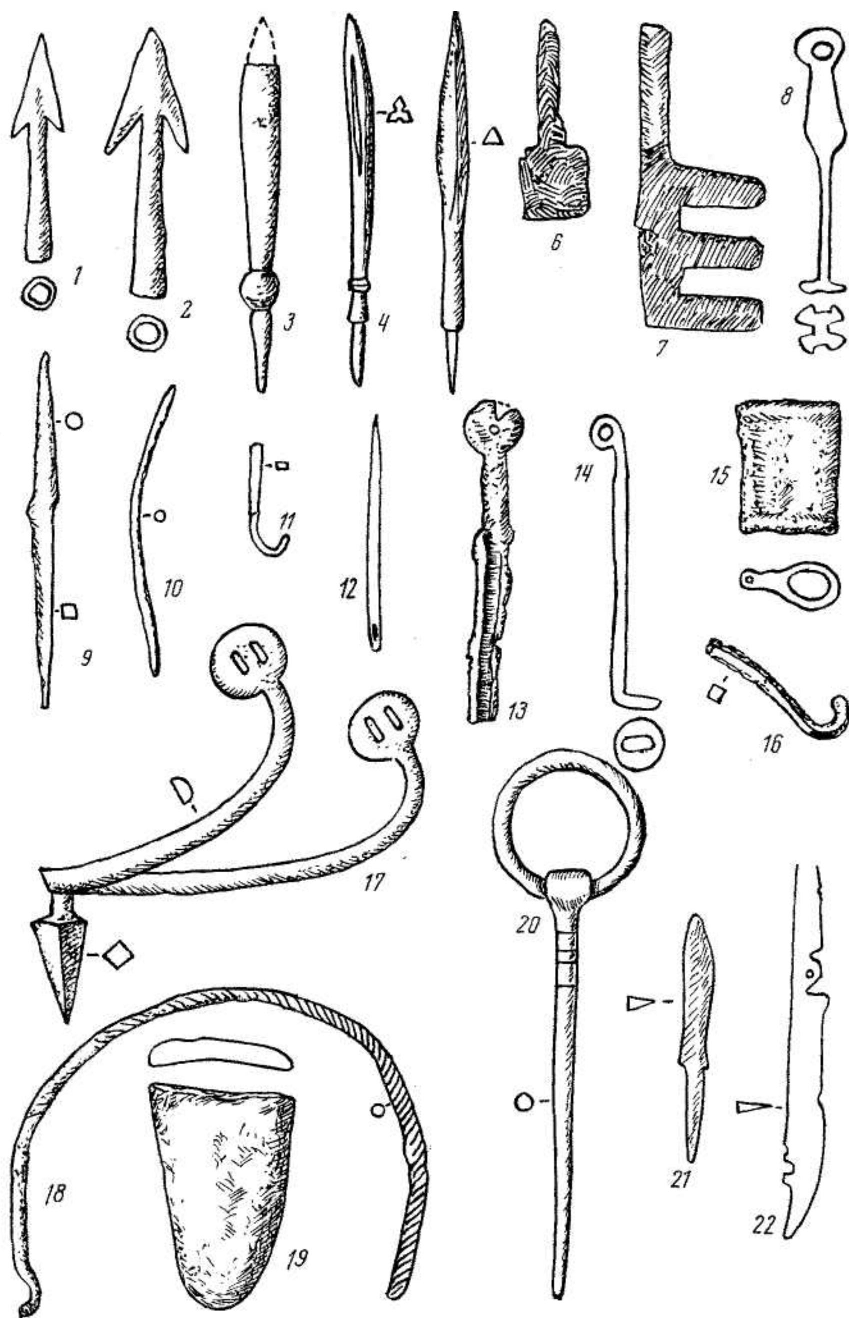

Рис. 28. Железные изделия X—XIV вв., обнаруженные на селище в Лукомле:

1—*5*—наконечники стрел, 6—*8, 13—14*—ключи, *9*—10—шилья, 11-- рыболовный крючок,
12—игла, 15—навесной замок, *J6*—обломок дужки от ведра, *17*—шпора, /8—шейная гривна, *19*—обломок сошника, *20*—острие с кольцом, *21*—лезвие ножа, *22*—лезвие складного .ножа

Здесь выявлены напластования всех тех эпох, что и на городище, за исключением днепродвинской культуры. Открыты три полуземлянки XV в., принадлежавшие выходцам из Волыни, основавшим в Лукомле монастырь.

Археологические материалы из Лукомля имеют первостепенное значение для изучения истории населения северной Белоруссии. Лукомль возник в одно время с Полоцком и Витебском как один из пунктов славян при их расселении. Лукомльский замок в IX — начале X в. представлял собой небольшую крепость кривичей. В ней могло жить несколько десятков человек. Возможно, это был родовой старейшина со своими домочадцами или «княжой муж» с челядью, который собирал дань с местного населения. Лукомль сыграл видную роль в славянской колонизации края. В X—XIII вв. здесь располагался богатый замок крупного феодала. Возле замка развивался посад старинного кривичского городка, расцвет которого приходится на XI—XII вв. Подле Лукомля находился небольшой дружинный курганный могильник XI в.

Минск (Меньск, Менеск). Впервые назван в летописной статье 1067 г. В этом году произошла кровопролитная битва князей Ярославичей с полоцким князем Всеславом на Немиге, к которой Ярославичи направились после взятия и разгрома ими Минска. Однако именно на территории современного города некогда протекала эта речка длиной всего в три километра, впадая в Свислочь. Очевидно, первоначальный Минск располагался не там, где он находится теперь.

Происхождение названия «Минск» следует связывать с именем реки Мень, Мена [18]. По-видимому, не случайно в 16 км от современного города возле деревни Городище Щемыслицкого с/с на берегу пересохшей реки Менки (бывший приток Птичи) имеются остатки интересного комплекса древних поселений. Над поймой реки возвышаются огромные земляные валы. Это укрепления двух смежных городищ — малого и большого. Общая их площадь свыше 1 га. Раскопки производили А. Н. Лявданский, А. Г. Митрофанов, Э. М. Загорульский, М. А. Ткачев [19]. Выявлены материалы нескольких исторических эпох: культуры штрихованной керамики, типа верхнего слоя Банцеровского городища V—VIII вв., а также IX в. Основные поселения относятся к X—XI вв. В XI в. вокруг городища были большие селища площадью в несколько гектаров.

По мнению Э. М. Загорульского, на этом месте существовали неукрепленные поселения сельского типа, а позже замок феодала. По предположению других, здесь до конца XI в. располагался Минск, перенесенный затем на свое теперешнее место[20]. Как бы в дальнейшем не решался этот сложный научный вопрос, наличие взаимосвязи между исчезновением поселений на Менке и возникновением нового поселения городского типа с обширным детинцем на необжитом месте на берегу Свислочи при впадении в нее Немиги кажется вполне закономерным.

Один из важных археологических памятников Минска — Замчище на правом берегу Свислочи, іна территории современного города (возле площади 8 Марта). «Старая крепость» хорошо обозначена на планах Минска XVIII в. и первой половины XIX в. Она имеет форму неправильного овала. По подсчетам Э. М. Загорульского, ее площадь 3 га. Детинец был окружен мощным валом, водами Немиги и Свислочи. Археологические исследования подтвердили, что в восточной его части первоначальный оборонительный вал находился там же, где он указан на планах XVIII в.[21] Его ширина составляла 14 м, а затем была доведена до 22—25 м. Внутри иасыпи была устроена деревянная конструкция высо-

той до 2 м, состоявшая из накатов бревен. В крепости было двое ворот — с северной и южной стороны.

Посадские поселения развивались в южном и юго-восточном направлениях и в меньшей мере в северо-восточном. Впоследствии остатки северо-восточного посада (сейчас здесь Дворец спорта) были заболочены, что нередко наблюдалось и в других древних городах Восточной Европы. Возле южных ворот крепости был рынок. Он показан на старых планах Минска под названием «Нижняя торговая площадь» (ныне площадь 8 Марта).

Рис. 29. Раскопки на Замчище в Минске (1948 г.)

Особенностью исторической топографии Минска после предполагаемого его перенесения с берегов Менки на Свислочь является то, что весь город размещался на низком месте, между возвышенностями коренных берегов рек. Поселения жались к Свислочи и к нижнему течению Немиги, и только позже окраины города распространились на соседние Троицкую (теперь на ней возвышается театр оперы и балета) и Козьмодемьянскую горы (здесь теперь площадь Свободы). Общая площадь, которую занимал в древности Минск, по-видимому, исчислялась двумя десятками гектаров. Почти весь древний город находился на правом берегу Свислочи. Посад окружал детинец и состоял из отдельных частей (концов). Один из них вначале назывался Пятницким, а позже Татарским.

Минск занимает одно из первых мест в Белоруссии по изученности городских інапластований. В течение 12-летних раскопок Минского Замчища, несмотря на мощность культурного слоя, достигающего местами 6 м, раскопками удалось охватить площадь в 1760 м^2 (раскопки В. Р. Тарасенко 1945—1951 гг., Э. М. Загорульского 1957—1961 гг.).

Культурные напластования на Минском Замчище имеют примерно ту же закономерность образования, что и на Верхнем замке в Полоцке. Наиболее значительная их зона (слой дерева) относится к XIII в. На участке раскопа, где в нижних отложениях обнаружен фундамент храма XII в., наблюдается характерное для других городов Восточной Европы количественное соотношение стеклянных браслетов. Наибольшее их число приходится на слой между третьим и четвертым деревянными на-

стилами[22], которые перекрывают фундамент храма и должны датироваться 40-ми годами XIII в. Наслоения XII в. в Минске небольшие, примерно 0,5 м. Напластований XI в. на Замчище практически нет. Найдены отдельные вещи, относящиеся, очевидно, к концу XI в.

Основу планировки крепости составляли улицы шириной в 3—4 м. Для Минска, как и для других городов, характерна устойчивая городская планировка. Вскрыты остатки 130 деревянных построек. Размеры двора горожанина не превышали 220—250 $м^2$. Обычно здесь были одна или две избы и четыре—пять хозяйственных построек. Двор огораживался частоколом и вымащивался настилом. Найдено большое количество изделий из железа, цветных металлов, кожи, дерева, кости, стекла, камня, в том числе и массивный золотой браслет. Минск — один из крупных городов древних земель Белоруссии. Он играл видную роль в их политической жизни. Постоянные упоминания Минска в летописях, князья которого активно участвовали в XII в. в борьбе с друцкими князьями за овладение полоцким престолом, дали повод некоторым исследователям не совсем правильно называть Полоцкую землю Полоцко-Минской.

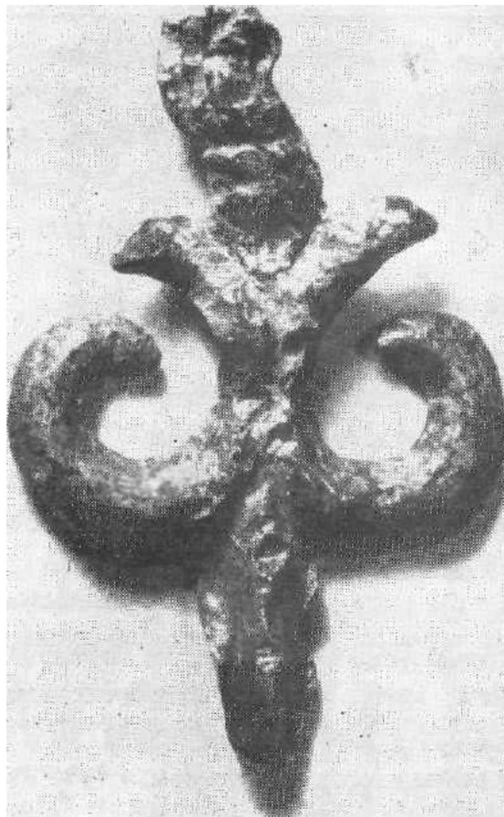

Рис. 30. Оловянное украшение XII — первой половины XIII в. из Минска

Друцк (Дрютеск). О Друцке говорится в «Поучении» Владимира Мономаха (1078г.). На страницах летописей город впервые обозначается 1092 г. Однако в евангелии XIV в. обнаружена запись, в 'которой сказано о постройке в Друцке Богородицкой церкви в 1001 г. Отсюда следует, что Друцк существовал в конце X в., па столетие раньше, чем сведение о нем попало в летопись[23]. В 1116 г. город был разорен сыновьями Владимира Мономаха — князьями Давидом и Ярополком. Жители пленены и поселены в новопостроенном городе Желни. Вскоре Друцк восстанавливается. В XII в. он выступает как один из крупных городов Полоцкой земли, становится центром особого удельного княжества. Здесь княжил Глеб Ростиславич (1168 г.). В 1180 г. город сжег черниговский князь Святослав.

Археологические остатки древнего Друцка находятся на окраине одноименной деревни в Толочинском районе Витебской области. Они представлены детинцем значительных размеров (1 га), примыкавшим к нему окольным городом (1,3 га), неукрепленным посадом и курганным

некрополем, ныне разрушенным. Детинец расположен на правом берегу Друти. Он был окружен мощным кольцевым валом и глубоким рвом. Вокруг окольного города также сохранились остатки искусственных оборонительных сооружений. Друцк — один из хорошо сохранившихся археологических памятников XI—XIII вв. на территории Белоруссии.

Планомерные археологические раскопки начал в 1956 г. Л. В. Алексеев. Они показали, что детинец Друцка возник, вероятно, в конце X в. на месте древнего родового поселения IV—V вв. н. э. Расцвет города относится ко второй половине XII — началу XIII в. На детинце вскрыты остатки двух улиц, мощенных деревом, по обеим сторонам которых располагались деревянные постройки различного назначения. Планировка города дважды менялась. Окольный город возник в конце XI — начале XII в. Следы пожарищ свидетельствуют, что он неоднократно горел. Раскопки Друцка позволили накопить большой материал [24].

Заславль (Изяславль). В Лаврентьевской летописи под 1128 г. есть рассказ о женитьбе Владимира Святославича на полоцкой княжне Рогнеде, о покушении ее на Владимира, ссылке Рогнеды и ее сына в построенный для них Изяславль. «Владимир же построил город и дал имя городу тому Изяславль», — такими словами заканчивает свой рассказ летописец.

Существование Изяславля на территории современной Белоруссии в XII в. подтверждают вполне достоверные летописные известия. В 1127/8 г. киевский князь Мстислав задумал большой поход в Полоцкую землю. Многочисленные его дружины шли «четырьми путьми» на Изяславль, Логойск, Борисов, Друцк. Основное войско двигалось на Изяславль.

Изяславский князь Брячислав Давыдович и его дружина не были в городе, и горожане открыли ворота крепости только тогда, когда убедились, что их князь попал в плен к своему шурину, который взял Логойск. Как видим, в первой трети XII в. Изяславль был хорошо укрепленным городом Полоцкой земли. Об этом свидетельствует летописное сообщение 1158 г., в котором говорится, что город брал осадой полоцкий князь Рогволод Борисович и отдал его Брячиславу Васильковичу «того бо бяше отцина».

В окрестностях Заславля названия многих урочищ связываются народной молвой с именем Рогнеды. Утверждают, будто бы Спасо-Преображенская церковь построена на месте ее монастыря. Возле Заславля есть небольшое городище «Замэчак», окруженное кольцеобразным валом, которое доныне называется «могилой Рогнеды». В честь Рогнеды будто бы получили свое название речки Княгинька, Черница и озеро Рогнедь.

150 лет тому назад Н. М. Карамзин отождествлял летописный Изяславль и современный Заславль возле Минска. В 1926 г. историко-археологическая комиссия Института белорусской культуры поставила целью изучить памятники далекого прошлого Заславля (А. Н. Лявданский, Д. И. Довгялло). В итоге существование города на этом месте ранее начала XII в. было поставлено под сомнение [25].

В 1967—1971 гг. были предприняты новые археологические раскопки в Заславле. Исследование курганов в его окрестностях подтвердило, что некоторые из них следует датировать концом X в., но основная масса их относится к XI в.[26]

В современном городском поселке вблизи средневековой цитадели XVII в. с названием «Вал» удалось открыть посад древнего города с материалами конца X—XII вв.[2г] На территории самой цитадели, площадь которой составляет. 1,5 га, вблизи Спасо-Преображенской церкви

на материке были обнаружены напластования конца X—-XI вв. В другом месте В. А. Гилеп нашел остатки полуземляночного жилища XI—XII вв.[28]

Исследования показали, что первоначальный рельеф местности, где построена позднесредневековая цитадель, был очень неровный. Здание Спасо-Преображенской церкви, по всей вероятности XVII столетия, находилось у подножия холма, который был в западной части цитадели и, по-видимому, являлся местом расположения древнего детинца небольших размеров. Его культурные напластования полностью срыты при

Рис. 31. Зачистка материна в раскопе IV и детинце древнего Заславля (1968 г:)

планировке крепости. С восточной стороны к детинцу, вероятно, примыкал окольный город.

Строители заславской крепости в XVII в. стояли перед необходимостью включить в защищенную валом площадку несколько участков, различных по высоте и характеру рельефа. Они должны были осуществить большие работы по выравниванию древнего рельефа. Почти на 4 м ниже западной части были участки южный и юго-западный. В северной половине крепости с запада на восток было резкое понижение с перепадом высот до 2—3 м. С целью выравнивания рельефа делались соответствующие подсыпки. В результате стены первой постройки Спасо-Преображенской церкви оказались на 4 м засыпанными. Они были использованы в качестве своеобразного фундамента для возведения новой постройки, существующей теперь.

За четыре года в Заславле в крепости и посаде вскрыто свыше 500 м^2 культурного слоя. В значительной степени исследован курганный могильник, который являлся некрополем древнего города. Добытые археологические материалы в совокупности с известиями письменных источников позволяют заключить, что летописный Изяславль конца X в. действительно возник на месте современного городского поселка Заславля. По всей вероятности, город назван по имени сына Рогнеды и Владимира Изяслава, впоследствии полоцкого князя (умер в 1001 г.). Какое отношение имеет Рогпеда к истории Заславля, остается загадкой, но легенда об основании города Владимиром не лишена истины. В XI—XII вв. вокруг Заславля располагалось несколько сел и феодальная усадьба в 1,5 км от детинца, на городище «Замэчак».

Логойск (Логожск). В «Поучении» Владимира Мономаха Логойск назван вместе с Друцком и Лукомлем (1078 г.). В летописях о нем говорится в связи с походом великого киевского князя Мстислава в Полоцкую землю **(1127/8** г.). **В XII** в. Логойск становится центром удельного княжества. Здесь правили князья Изяслав и Василько Володаревичи.

Остатки древнего Логойска сохранились на правом берегу реки Гайны, на территории нынешнего парка культуры и отдыха. Мощный земляной вал и глубокий ров окружают площадку в 1,5 га. Место это до сих пор называется Замковой горой или просто Замком.

Замковая гора над Гайной — детинец древнего Логойска. При раскопках в 1966, 1968, 1971 гг. здесь вскрыта площадь 420 $м^2$. Толщина культурного слоя 0,3—1,1 мм. В значительной мере древние наслоения были срыты в разные времена на подсыпку земляных валов. Установлено, что в последний раз такая подсыпка произведена в XVII в. или в начале XVIII в.

Все же древние слои в ряде мест сохранились. В них найдено много древних изделий из железа: ножи, детали замков, наконечники стрел, сошники, гиря от весов и т. д. Из привозных вещей обнаружены сланцевые пряслица, обломки амфор и стеклянных браслетов. Найдены подковообразная фибула с расширенными концами и бронзовый конек[29].

Обнаружена круговая керамика конца X в. Раскопки показали, что Логойск возник несколько раньше, чем упоминания о нем появляются в письменных источниках.

Браслав (Бряславль, Брячиславль). Этот город не известен в древнерусских летописях. О нем говорится в хронике Мацея Стрыйковского, по неизвестным источникам в 1065 г. Браслав отходил к Полоцкому княжеству и находился на северо-западных рубежах. Исследователи приписывают основание города полоцкому князю Брячиславу, и это вполне правдоподобно.

Древнее городище (Замковая гора) находится в центре современного города, на перешейке между озерами Дривято и Новято. Высокая гора (14 м) господствует над местностью. Площадь городища около 2 га. Мощный вал окружал в древности его площадку со всех сторон. Вблизи городища известны остатки курганных погребений, которые можно связывать с городским некрополем.

Археологические исследования Л. В. Алексеева свидетельствуют. что первые поселенцы появились на Замковой горе во второй половине I тысячелетия н. э. Примерно на рубеже X—XI вв. на поселении произошел сильный пожар. В последующее время (XI — первая половина **XIII** в.) интенсивность жизни на нем возросла [30]. Возможно, с деятельностью полоцкого князя Брячислава связано строительство города после пожара.

При раскопках наряду с предметами общерусского домашнего обихода встречены вещи, характерные для населения Восточной Прибалтики. Среди остатков костей животных, обнаруженных в древнейших напластованиях, преобладают кости свиньи. В XI—XII вв. в животноводстве резко возрос удельный вес крупкого рогатого скота. Браслав один из древнейших городов Полоцкой земли.

Орша (Ръша). Из летописей известно, что Орша в 1116 г. отошла от Полоцка и попала под власть смоленских князей. Летописная фраза «и взя Вячеслав Ръшю» свидетельствует, что населенный пункт был укреплен. Еще ранее в летописи говорится об урочище «на Ръши у Смоленска», где в 1067 г. был вероломно схвачен противниками полоцкий князь Всеслав. Обычно считают-это сообщение первым упоминанием об Орше в письменных источниках.

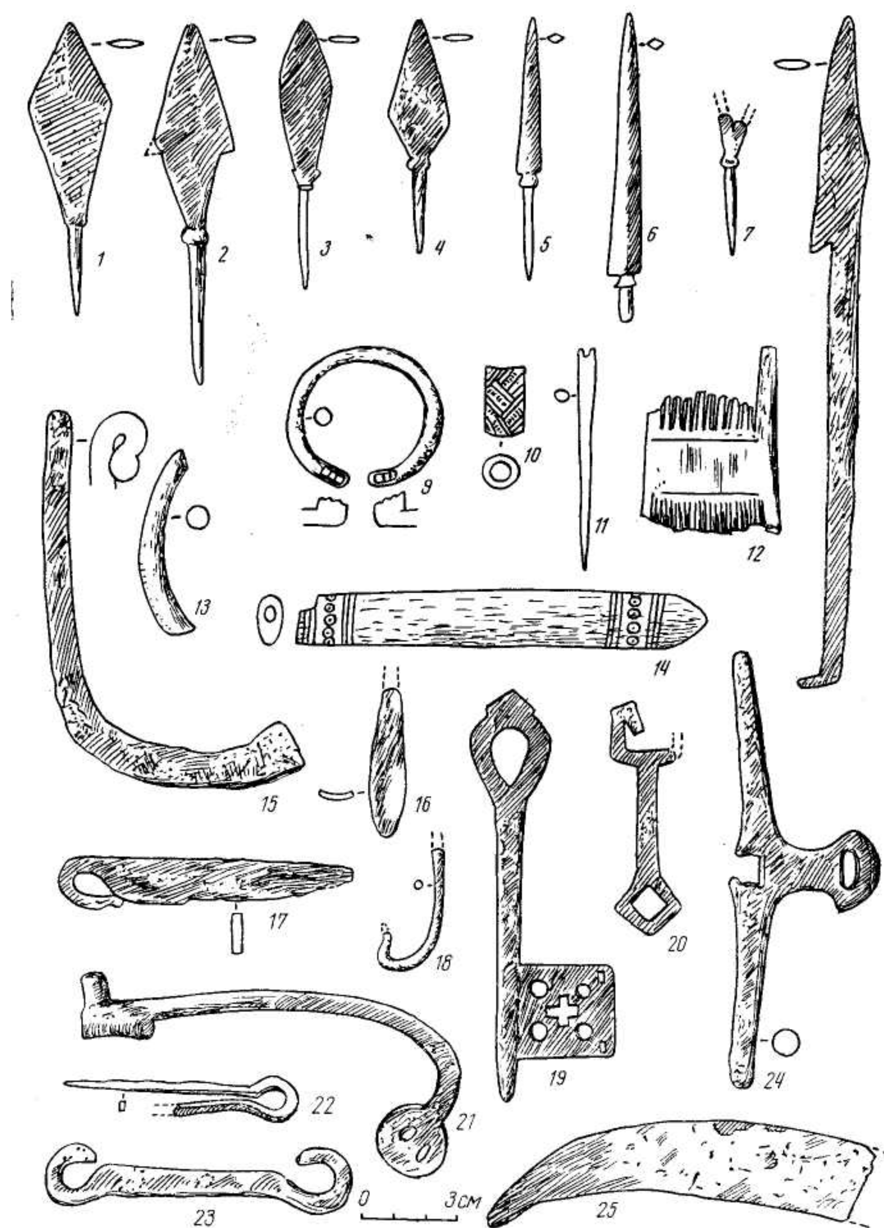

Рис. 32. Предметы XI—XIII вв. из раскопок Логойска (1971 г.):
1—*8, 15—25*—железо, *9*—бронза, *10—12, 14*—кость, ,*13*—стекло

Городище — Замковая гора находится на мысу при впадении Оршицы (летописная «Ръша») в Днепр. Древнєє название города повторяет название реки «Ръши» и, вероятно, происходит от этого гидронима. Как показывают археологические раскопки (А. Н. Лявданский, Г, В. Штыхов, Ю. И. Драгун), городище площадью 0,57 га возникло на месте поселения бронзового века примерно в то время, когда об Орше появились первые сообщения в летописях.

Общая мощность культурного слоя на Оршанском городище колеблется от 1,6 м до 3,6 м. Он делится на три основных горизонта. Наиболее значительные исследования в Орше на городище проводились в 1965—1968 гг. В. Ю. Драгуном; исследована площадь в 503 $м^2$. Средний горизонт культурных напластований на всей площади городища представляет собой желтый песок, однородный по составу и почти лишенный находок. Его толщина от 0,4 м до 1,4 м. Нижний горизонт — черная земля с прослойками угля, золы, дерева — имеет мощность от 0,2 до 2 м. Местами в нем сохранились остатки деревянных жилых и хозяйственных построек срубного типа. Дворы были вымощены бревнами. При каждой повторной застройке участки жилища переносились на новое место, иногда смещаясь на несколько метров.

В нижнем наиболее древнем горизонте обнаружено большое количество разнообразных находок XII—XIV вв. Много предметов вооружения и военного быта: наконечники стрел и копий, детали мечей, шпоры, конские удила, втоки от копий. Значительная часть изделий из железа — орудия труда и предметы домашнего обихода: замки, ключи, сошники, ножницы, кресала и т. д. Немало найдено стеклянных браслетов и сланцевых пряслиц. Из керамических изделий — амфоры, корчаги, горшки, миски, чашки, сковородки, грузила для сетей. Среди стеклянных бус есть ребристые, цилиндрические и др.

Можно полагать, что Орша возникла в годы правления Всеслава Брячиславича на восточных рубежах Полоцкой земли в качестве пограничной крепости. Однако период XI в. в археологическом материале, полученном при раскопках Орши, почти не отражен.

В конце XIV в. или в начале XV в. укрепленная часть Орши была перестроена и расширена. Старый ров, ограждавший городище с востока, был засыпан, а несколько выше по Днепру, между ним и речкой Оршицей, проложен другой. Площадь укрепленной части города была расширена до 3,5 га [31]. В связи с этой перестройкой старый вал на городище был снивелирован и его остатки перекрыли древние напластования. При сооружении новых укреплений употреблялся камень, нередко в сочетании с деревом.

«Список русских городов дальних и ближних» (1387—1392) обозначает Оршу как город «камен», т. е. имеющий каменные укрепления. Согласно инвентарю Оршанского замка 1560 г., этот замок «с каменя мурованый» имел пять башен, которые были сделаны из дерева, но четыре башни «до половины муром обмурованы». В одной из башен находился тайник для выхода к Днепру за водой. Главная башня располагалась в углу между Оршей и Днепром. Она имела въездные ворота с подъемным мостом на цепях[32]. В 1864 г. в Орше случайно на городище в разрезе вала были обнаружены остатки каменного сооружения. В настоящее время этих следов нет.

Копысь. Впервые упоминается в источниках в 1059 г., когда там умер по пути из Киева в Новгород известный новгородский епископ Лука Жидята [33]. В начале XII в. Владимир Мономах отнял Оршу и Копысь у Полоцка, и они отошли к Смоленскому княжеству. Копысь «брали как укрепленное место («И взя Вячеславь... Копыеу»)[34].

Некоторые сведения о хозяйственной жизни можно получить из уставной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича (1136 г.). С Копыси причитались такие поборы: «полюдья» — 4 гривны, «перевоза» — 4 гривны, «торгового» — 4 гривны, «кормчего» — одна десятая часть. Кроме того, взималось «погородия» — 6 гривен, «урока» — 2 лисицы, «почестья» — 35 кун [35].

Население Копыси невелико, ибо «полюдья» с него бралась всего 4 гривны. Здесь был перевоз через Днепр. Как приднепровский и пограничный пункт Копысь имела таможню (бралась торговая пошлина) и постоялые дворы (взималась корчемная дань). Это было поселение городского типа: с него бралось 6 гривен «погородия», предусматривался «урок» (дары) и «почестья» (дань натурой, которая в этом случае переводилась в деньги).

Об исторической топографии Копыси свидетельствует план 1778 г.[36] В 1950 г. Л. А. Михайловский заложил на городище «Петровский вал» шурфы[37], а в 1962 г. произвел более значительные раскопки (10Х10 м), результаты которых не опубликованы. Л. В. Алексеев ошибочно утверждает, что в Копыси найдена лепная керамика раннего железного века [38].

В 1968—1969 гг. было предпринято новое обследование Копысского городища (Г. В. Штыхов). Внутренняя площадка городища равна 80Х80 м. Периметр вала, окружающего ее, составляет 370 м. Высота вала с внутренней стороны местами достигает 5 м. Конфигурация городища изменена поздними переделками. Насыпь вала в плане образует фигуру, близкую к четырехугольной, с остатками сооружений по углам, напоминающих бастионы. Однако это не исключает того, что первоначальное городище было округлым, мысовым, с немного выступающим северным краем.

В южной части городища «Петровский вал» вскрыто 240 $м^2$ культурного слоя, толщина его 0,8—2 м. Материк сильно понижается в северном направлении. Дерево на этом участке не сохраняется. В материке в одном случае выявлена яма, в ней жернов. Это остатки какого-то хозяйственного сооружения. На этом уровне и несколько выше найдено большое количество отходов костерезного ремесла — обрезки от рогов лосей и оленей, что свидетельствует о существовании мастерской XII в. Здесь же найдены обломок костяной накладки, украшенной циркульным орнаментом, и интереснейшая шахматная костяная ладья («рух»).

Обнаружено большое количество вещей XII—XIII вв. — замки, ключи, шпоры, наконечники стрел, костяные гребни, писало и пр. В нижних пластах найдено 130 стеклянных браслетов и много керамических изделий, среди которых три корчажца, или амфорки киевского типа, которые сохранились целиком. Аналогичные корчажцы хорошо известны среди находок памятников Украины [39].

Заложен шурф (2х4 м) на северном выступе городища. Толщина культурного слоя 2,2 м. Четко выделяются два слоя: верхний черно-серый и нижний, насыщенный щепой и навозом. В нижнем слое обнаружены бревна от построек.

На территории современного поселка, почти в центре, при земляных работах прослежен культурный слой (во дворе комбината бытового обслуживания). Толщина напластований 1,4 м. Много керамики с низкой шейкой XIV—XVII вв. Есть черепки от горшков XII—XIII вв. Здесь располагался посад города. Вероятно, Копысь, как и Орша, возникла во второй половине XI в. и ранее этого не существовала.

По сравнению со всеми этими городами, расположенными на Днепре, соседний с ними Шклов, не известный летописям, старше их и существовал еще в X столетии. В Старом Шклове на городище найдена леп-

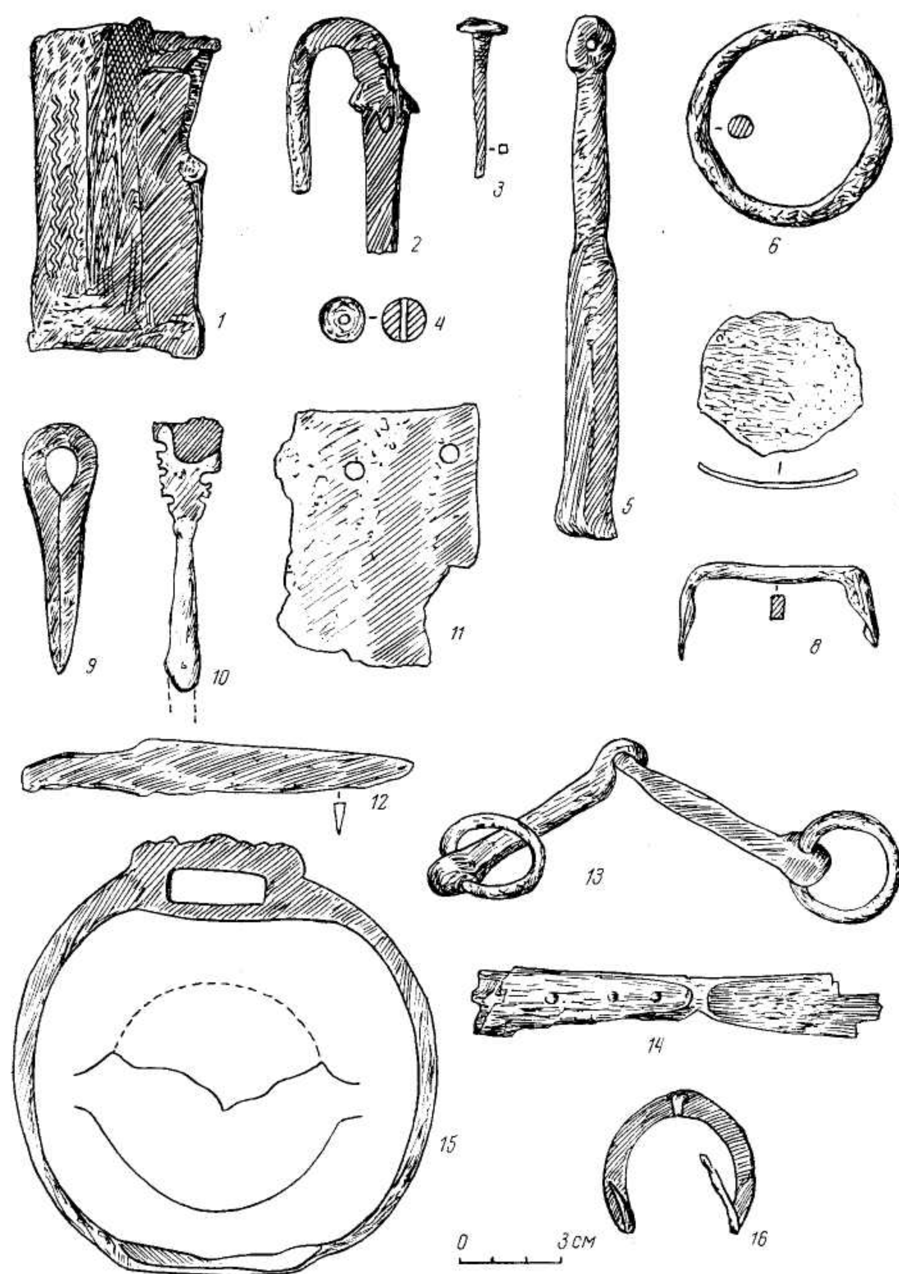

Рис. 33. Изделия XII — XVI вв. из Копыси (1968 г.):
1—3, 5—6, 8—16—железо, 4—стекло, 7—медь

ная керамика X в., а также вещи XI —XIII вв., среди них стеклянные браслеты. Возможно, Шклов являлся феодальной усадьбой.

Борисов. Этот город существовал как укрепленный пункт в XII в. Во время похода Мстислава Владимировича (1127/8 г.) на Борисов направлялось сильное черниговское войско. О времени возникновения города летописи ничего не сообщают. В этом историки присоединяются к В. Н. Татищеву, который писал: «В 1102 г. Борис Всеславич Полоцкий ходил на ятвяг и победя их возвратясь постави град Борисов во свое имя и людьми населил». О том, что город Борисов «вчинил» князь Борис Полоцкий, сказано и в белорусско-литовских летописях.

Историк XVI в. Гваньини сообщал, что Борисов — город древний, его замок окружен речкой Березиной. Действительно, на плане Борисова 1845 г. замок (городище) обозначен на острове, окруженном водами Березины [40]. Это невысокий участок площадью до 6 га недалеко от впадения Схи в Березину. Исследователи пришли к выводу: план свидетельствует об основании города на этом острове.

Раскрыть загадку начальной истории Борисова помогла топонимика. Оказывается, местные жители различают три города: Старый Борисов, просто Борисов (в нем и расположено замчище на острове) и Новый Борисов. Старым Борисовом считают территорию нынешней центральной усадьбы пригородного совхоза, носящего то же самое название. Она расположена в 4 км от города. О трех Борисовах писали исследователи истории города в 1910 г. Имение Старый Борисов принадлежало ранее князю Радзивиллу, последние его владельцы — великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич[41]. По документам 1812 г. в Старом Борисове ночевал Наполеон накануне переправы через Березину[42].

В 1968 г. в Старом Борисове было обнаружено типичное мысовое городище (исследование Г. В. Штыхова). Площадка городища овальная, размер ее 150X80 м (примерно 1 га). Городище находится на левом берегу Березины, возвышаясь на 8—10 м над широкой заболоченной поймой. Площадка городища ровная, следов вала не сохранилось. Участок отделен от коренного берега искусственным рвом. Вход на городище расположен с северо-восточной стороны. Рядом находится озерцо, из которого вытекает ручей, впадающий в Березину, русло Березины теперь пролегает в 1,6 км от городища. Вероятно, ранее здесь был один из притоков Березины. На карте 1595 г. примерно в этом месте показана речка Борисса.

Городище занимает крайнюю оконечность большого мыса, который огражден с востока озером, а с запада — длинным оврагом. Эта оконечность отделена от остального мыса искусственным рвом, за которым в осыпях заметен культурный слой соседнего селища. На селище у самого рва, отделяющего его от городища, в 1968—1969 гг. велись раскопки. Вскрыто 60 м^2 культурного слоя при толщине до 0,9 м. Под дерном находился слой серой земли в 50 см, далее черный слой с углем и находками керамики домонгольского времени. Кроме керамики, типичной для городов Полоцкой земли XII—XIII вв., найдено 7 стеклянных браслетов, 2 стеклянные бусины, обломок стеклянного сосуда, бубенец с линейкой прорезью, крупная бронзовая пустотелая зерненая бусина. Представляет интерес стеклянный кубик от мозаики синего цвета. Такие кубики употреблены для мозаики Киевской Софии (XI в.).

В 1969—1971 гг. исследована площадь в 224 м^2 на городище. Толщина культурного слоя составляла 0,8 м. Находки здесь типичные для белорусского города XII—XIII вв.: стеклянные браслеты, сланцевые пряслица, обломки красноглиняных амфор, костяные двусторонние гребни, то-

чильные камни, много железных изделий. Найдены две подковообразные бронзовые орнаментированные фибулы восточноприбалтийских типов и фишю-угорское украшение из серебра — полая зооморфная шумящая привеска. Среди остатков жилища обнаружена золотая трехбусинная серьга киевского типа (вес 4,5 г.) [43].

Встречено большое количество керамики. Все керамические сосуды относятся к двум основным типам: мягкопрофилирозанному XII—XIII вв. и позднему (с низкой шейкой). В одной из ям в материке найден обломок лепной керамики примерно IX в. Типологически керамика из Старого Борисова весьма близка керамике Полоцка и других городов Полоцкой земли.

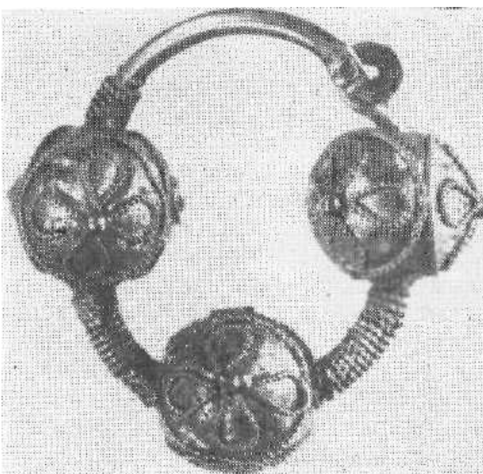

Рис. 34. Золотое височное кольцо XII—XIII вв. из Старого Борисова

Материалы археологических раскопок позволяют заключить, что город возник в самом начале **XII** в., вероятно, на месте небольшого селища в Старом Борисове. 8атем в XIV или XV вв. он был перенесен или постепенно переместился на свое теперешнее место недалеко от впадения речки Схи в Березину.

Другие города Полоцкой земли. Обычно историки считают, что па территории Полоцкого княжества было еще несколько городов: Городец (1162 г.), Одрск (1078 г.)[44], Стрежев (1127/8 г.), Неколочь (1127/8 г.), Голотическ (1071 г.).

Наиболее интересен Городец. Он упоминается в Ипатьевской летописи в связи с событиями 1162 г. на Полоцкой земле. Полоцкий князь Рогвол од Борисович предпринял поход на одного из Глебовичей, Володаря, находившегося в Городце. Володарь Глебович уклонился от боя днем, но сделал из города вылазку ночью совместо «с Литвою» и нанес осаждающим сильное поражение. Рогволод убежал в Слуцк и, пробыв здесь три дня, пошел в свою прежнюю волость — Друцк, не посмев явиться в Полоцк из-за гибели многих полочан. Горожане в Полоцке избрали князем Всеслава Васильковича. Однако Глебовичи не хотели примириться с этим. В 1167 г. Володарь Глебович пошел на Полоцк, вероятно, из Городца. Ему удалось утвердиться в Полоцке, но вскоре он потерпел неудачу под Витебском в столкновении с Всеславом, который снова захватил престол в Полоцке.

С. М. Соловьев не без оснований называет Володаря Городецким князем, а Городец считает столицей удельного княжества [45]. Городец в летописной статье (назван городом. Он имел хорошие укрепления, под прикрытием которых находилось войско Володаря Глебовича и «Литва». Еще ранее, в 1159 г., Ипатьевская летопись сообщает, что Рогволод Борисович, распределив Изяславль Брячиславу и Стрежев Всеволоду, пошел на Минск и здесь заключил с Ростиславом Глебовичем мир. Но Володарь Глебович не целовал креста, ибо «ходяше под Литвою в лесех» [46]. Эги очень немногочисленные сведения о Городце и его князе Володаре позволяют полагать, что город находился где-то возле литовских лесов западнее Слуцка й Минска, возможно, в Белорусском Понеманье.

О местоположении княжеского города Стрежева в литературе высказаны также противоречивые суждения. Полагали, что его следует искать у деревни Стрижево на северо-запад от Бешенкович, но следов города здесь не найдено [47]. Некоторые историки склонны отождествлять древний Стрежев с теперешним Стрешиным на Днепре. К такому выводу пришел Б. А. Рыбаков, проанализировав летописные известия 1127/8 г.[48] Л. В. Алексеев не согласился с этим. Тем не менее в Стрешине есть два древних района, известных под названием Старого и Нового Городка. Старый Городок сохранил признаки древнего городища. Он расположен на мысу высокого берега Днепра. Глубокий ров отделяет его от плато коренного берега реки, где находится Новый Городок. Площадка городища (75x30 м) вытянута вдоль реки. В 1966 г. на городище Э. М. Загорульский исследовал участок 10x10 м. Мощность культурного слоя составила 1,6 їм. Среди находок есть сланцевые пряслица, стеклянные браслеты. В южной части города культурный слой обнаружен под валом. Поселение возникло на городище, имевшем с напольной стороны мощные земляные укрепления XII в. Небольшое поселение существовало в это время на территории Нового Городка [49].

Был ли Стрешин на Днепре центром Стрежевского княжества Полоцкой земли, окончательно не выяснено. От решения этого вопроса зависит определение южной границы владений полоцких князей.

В еще большей степени гипотетичны многие высказанные историками предположения относительно Неколочи, Одрска и Голотическа. Л. В. Алексеев даже выразил сомнение в существовании города Неколочи, считая, что в летописи речь идет об одноименном озере, через которое протекает речка Полота.

Отходивший к Полоцкому княжеству город Усвят (Восзяч) находится в Псковской области (РСФСР). Его археологические памятники обследовала Я. В. Станкевич в 1952 г.[50], а в последние годы другие ленинградские археологи. Бывшие в вассальной зависимости от Полоцка города Кукенойс (Кукейнос, Кокнесе) и Герсике (Герцык) располагаются в Латвии и исследуются латышскими археологами [51]. Особенно большие раскопки произвел здесь в 1961—1966 гг. А. Я. Стубавс.

Происхождение городов Полоцкой земли. Имеющиеся сведения о городах Полоцкой земли свидетельствуют, что на севере Белоруссии они возникли несколько ранее и развивались быстрее, чем на юге, где славяне появились несомненно ранее и было больше плодородных земель. На территории Восточной Прибалтики (Литва, Латвия) у литовцев[52] и иных балтийских племен, предки которых занимали всю территорию северной Белоруссии, едва ли не до IX столетия н. э. города возникают только в XIII в. (не считая Герсике и Кукенойса), т. е. намного позднее, чем на Полоцкой земле.

Объясняются эти явления тем, что в IX столетии при расселении славян в центральной и северной Белоруссии в качестве укрепленных пунктов возникают Полоцк, Витебск, Лукомль и, возможно, некоторые другие поселения. Они являлись местами концентрации дани и ее сборщиков. Эти пункты славянской колонизации стали непосредственными предшественниками городов, которые выросли на их основе в результате быстрого развития здесь раннефеодальных отношений, параллельно чему шел не менее интенсивный процесс ассимиляции местного населения. Несколько позже таким же путем возникли Браслав, Заславль, Друцк и другие города.

Появление славян на территории северной Белоруссии сыграло весьма большое прогрессивное значение в исторических судьбах этого края. Оно привело к быстрой ликвидации всех существовавших до этого ин-

ститутов первобытнообщинного строя, способствовало ускорению развития раннефеодальных отношений.

Социально-экономическое развитие Восточной Прибалтики в это время имело свои особенности. Феодальное развитие здесь протекало медленнее [53] по сравнению с северной Белоруссией. Это отразилось на происхождении городов.

Более интенсивное развитие городов Полоцкой земли по сравнению с городами Туровской земли объясняется ролью Западной Двины. Путь

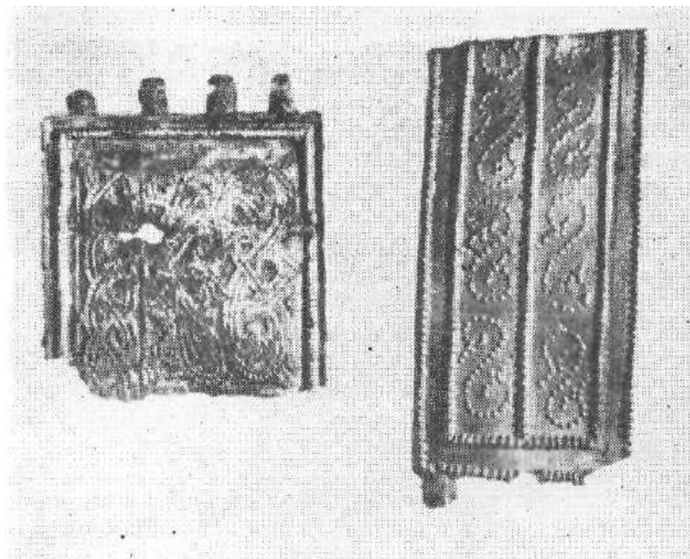

Рис. 35. Оловянно-свинцовые наручи XIII в. из Полоцка (раскопки М. К. Каргера)

по Днепру и Западной Двине имел для международной торговли очень большое значение[54].

Города, о важном значении которых можно судить по летописям, имеют крупные детинцы (около 3 га и более), значительные посады, находившиеся в нескольких местах (Полоцк, Минск). Если ранние посадские поселения располагались компактно, вокруг них возводилась вторая линия укреплений, сооружался окольный город (Витебск, Друцк), то укрепленные центры малых городов составляли менее 1 га (Лукомль, Орша, Копысь).

2. ДРЕВНИЕ ГОРОДА ЮЖНОЙ БЕЛОРУССИИ

На значительной территории современной южной Белоруссии в конце I тысячелетия н. э. сложилось Туровсксе княжество. Развитие производительных сил привело к возникновению в Киевской Руси отдельных экономических центров, вокруг которых группировались обширные территории. Значительная самостоятельность экономически обособившихся земель, развитие феодальных отношений в центре и на местах, а также свойственная феодализму децентрализация способствовали политическому оформлению отдельных областей в феодальные государственные образования — княжества.

Образование Туровского княжества не единовременный и не случайный политический акт, а закономерный результат длительного социаль-

но-экономического развития племенного союза дреговичей в течение ряда предшествующих столетий.

Туровское княжество возникло на почве, уже подготовленной предшествующим общественным развитием, на базе развившихся феодальных отношений в условиях окончательного разложения первобытнообщинного строя. Уже в начальных статьях древнерусских летописей, в которых говорится об образе жизни восточнославянских «племен» вскоре после расселения на территории Восточной Европы, дреговичи упоминаются в числе наиболее развитых в общественном отношении союзов племен, имеющих «свое княжение». На основании этого летописного свидетельства можно говорить о далеко зашедшем процессе разложения первобытнообщинного строя у дреговичей. Очевидно, в этот период у них существовало имущественное и правовое неравенство, выделилась родовая старейшина, сосредоточившая в своих руках власть, что дало возможность летописцу более поздних времен сравнить подобный строй с хорошо известным ему строем феодальных княжений и по аналогии с последними назвать общественное устройство дреговичей княжением. Конечно, нельзя полагать, что это было княжение в том смысле, в каком оно понимается в период развитого феодализма. Однако в нем имелись элементы сходства с феодальными княжениями, позволившие летописцу назвать этим термином общественное устройство дреговичей в период, предшествующий созданию древнерусского государства с центром в Киеве. Последующее летописное сообщение (980 г.) о Турове еще раз упоминает о существовании отдельного княжения и самостоятельного князя у дреговичей: «Бе бо Рогволод пришел из Заморья имяше волость свою Полотьске, а Тур Турове»[55].

В этом сообщении прежде всего обращает внимание существование в Турове самостоятельного князя и княжения, подобного Полоцкому, историчность которого не должна вызывать сомнения. Очевидно, летописец усматривал много сходного в историческом положении Турова и Полоцка, как центров самостоятельных княжений, если в столь бесспорной форме проводит сравнение между ними.

Возможно, сходными были также пути и время их включения в состав Киевского государства. Согласно летописным сообщениям, территория дреговичей при Владимире Святославиче уже входит в состаз Киевской Руси [56]. Сведений о завоевании, нападении, походах киевских князей в заселенные дреговичами земли в более раннее время в летописи нет.

Невозможность установления феодальной княжеской власти и образования феодальных княжеств без предшествующего длительного периода развития феодализма, а также летописные сообщения о княжении дреговичей и туровском князе заставляют с доверием относиться к предположению о существовании у дреговичей племенного княжения еще до включения их в состав Киевской Руси. Однако вполне естественны различия между племенным княжением дреговичей и феодальным Туровским княжеством. В хронологическом и социально-экономическом отношении княжение дреговичей предшествовало Туровскому княжеству. Княжение дреговичей существовало в период разложения первобытнообщинного строя, а княжество Туровское — в период феодализма. Общественная основа княжения дреговичей — патриархально-родовая община (хотя и на стадии разложения), в то время как общественной основой Туровского княжества была территориальная соседская община. Княжение дреговичей строилось на принципе этнической принадлежности, а Туровское княжество — на принципе феодальной зависимости, подчиненности. Туровское княжество представляет собой более высокий

уровень общественно-экономических отношений. Возникшее на основе княжения дреговичей, Туровское кiняжество было наследником его территории и населения и преемником в развитии общественно-экономических отношений. Туровское княжество не включало в себя всей территории расселения дреговичей. Поскольку ведущую роль в образовании политических объединений (княжеств-земель) играли социально-экономические факторы, постольку уменьшалось значение факторов этнических (племенных). В зависимости от уровня развития социально-экономических отношений формировались и территории княжеств-земель. Наи-

Рпо. 36. Городище древнего Турова

более передовые и развитые, а следовательно, и более сильные, распространяли свое влияние, расширяли свою территорию за счет более отсталых и слабых, причем нередко переходили па территорию соседних этнических группировок.

Непосредственным соседом дреговичей на севере были полочане, ветвь кривичского союза племен, обширного, агрессивного в колонизации земель отсталых соседей, передового в смысле развития общественных отношений, отражением чего являлось раннее оформление таких сильных княжеств, как Полоцкое, Смоленское. Неудивительно, что заселенные дреговичами земли в окрестностях Минска, Заславля, Борисова оказались в пределах Полоцкой земли[57]. Соседями дреговичей на востоке были радимичи, попавшие под влияние северян. Здесь политическая граница Туровского княжества соответствует этнической и проходит в основном но Днепру (Рсгачев — город Туровской земли) [58]. На юге соседями дреговичей были поляне, древляне и волыняне. Древляне вскоре попали под власть Киевского княжества. Но поляне, передовой в социально-экономическом и культурном отношении союз племен, быстро создали Киевское княжество, ставшее центром всех восточных славян. Непосредственное соприкосновение передового Киевского княжества с более отсталой дреговичской землей оказалось гибельным для территориальной целостности дреговичской территории в период выделения Туровского княжества: к этому времени Брагинская и Речицкая волости, заселенные дреговичами, оказались прочно включенными в сферу экономического и политического влияния Киева и неотрывно входили в состав Киевского княжества [59]. Северное Погорынье, заселенное дреговичами, служило постоянной ареной борьбы сильного Волынского княжества с Туровской землей. Борьба эта длилась до XIII в., когда оконча-

тельной победы добились волынские князья[60]. Вопрос о соответствии западной границы Туровского княжества западной границе расселения дреговичей остается открытым ввиду неясности западной границы дреговичей [61]. Западная граница Туровской земли в X — первой половине XI вв. доходила до Западного Буга, включая район древнего Берестья. Брест и Дрогичин Бужский, по-видимому, и возникли как дреговичские города. Так на основной дреговичской территории сложилась устойчивая территория Туровского княжестиа (Туровская земля)[62].

Как отдельное самостоятельное княжество Туровская земля сложилась уже к концу X в. Великий киевский князь Владимир Святославич еще при жизни своей роздал сыновьям города, ставшие столицами княжеств. Вместе с городами были розданы и прилегавшие к ним территории. Туров достался Святополку Владимировичу. Он и стал первым туровским князем, известным истории. В летописи упоминается князь Тур, скорее всего это личность легендарная, введенная летописцем с целью объяснить существование местной княжеской династии, правившей в Турове до вхождения его в состав Киевского государства.

Сложившееся на южном порубежье Туровской земли Владимиро-Волынское княжество значительно усилилось во второй половине XII в. и расширило свою территорию за счет Брестского Побужья, земель вокруг Бреста, Дрогичина, Каменца, Кобрина.

На территории расселения дреговичей в ходе развития феодального строя рано стали возникать и развиваться города.

Туров. Стольный город Туровского княжества, впервые упоминается в «Повести временных лет» в 980 г.

В истории Киевской Руси Турову по праву принадлежит одно из видных мест. Древнейший город на территории расселения дреговичей, Туров, по-видимому, был политическим и экономическим центром этого племенного союза, имевшего свою государственность (в летописи — «княжение») еще до образования древнерусского государства. В период дробления Киевского государства Туров одним из первых обрел политическую обособленность и уже в конце X в. стал столицей отдельного княжества. Важное политическое значение Турова подчеркивается выделением его при разделе Киевского государства Святополку и Изяславу — третьим по старшинству сыновьям великих киевских князей Владимира Святославича и Ярослава Всеволодовича. Туровские ннязья впоследствии неоднократно становились великими князьями киевскими. Туров становился крупным культурным центром древней Руси. Значение этого города как экономического (торгово-ремесленного), административно-политического, военного, культурного и религиозного центра настолько велико, что имя его присваивается княжеству, сложившемуся на землях дреговичей.

Туров редко упоминается в летописях. Чаще всего — это сообщение о туровских князьях и Туровском княжестве. Непосредственное отношение к городу имеют лишь две записи. Первая из них относится к 980 г. и содержит сведения о том, что «бе бо Рогволод пришел из-за моря и имяше волость свою в Полотске, а Тур Турове, от него же и туровци прозвашася»[63]. В летописи нет сообщений о том, что Рогволод основал Полоцк, а Тур — Туров. Очевидно, Туров уже существовал и назывался Туровом прежде вокняжения здесь варяжского князя, даже если и признать такой маловероятный факт в его истории. Однако в летописном сообщении о вокняжении в Турове варяжского князя Тура и происхождении названия туровцев от его имени справедливее видеть позднейшую легенду, попытку летописца объяснить происхождение названия

города. На территории Белоруссии и за ее пределами известны десятки топонимов с корнем «тур» (в том числе и населенных пунктов — Туров, Турец, Турийск, Туровля и др.). Если признать происхождение названия «Туров» от имени варяжского князя Тура, придется признать нашествие варяжских князей по имени Тур в данный период древнерусской истерии или же удивительно бурную деятельность небольшого количества их по присвоению своих имен населенным пунктам, рекам, озерам, болотам,

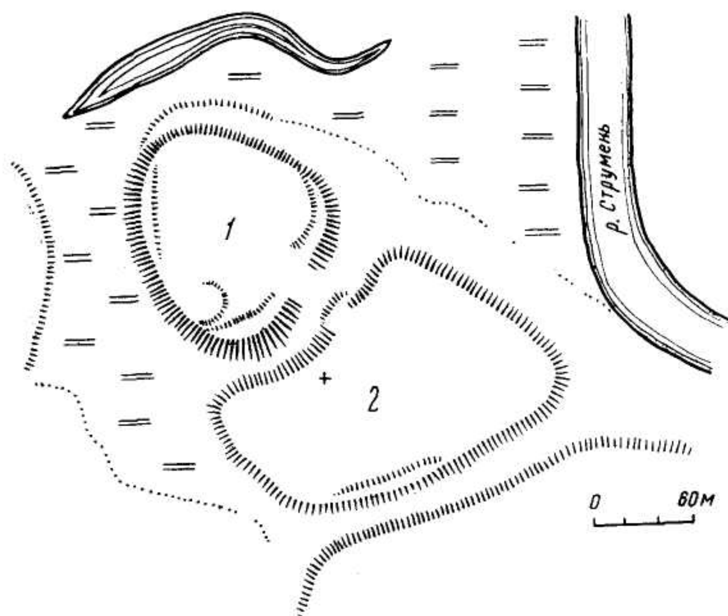

Рис. 37. План городища в Турове

горам и другим урочищам. Однако эти предположения не подтверждаются примерами с другими именами князей скандинавского и славянского происхождения. Само название «Туров» справедливо считать славянского происхождения.

Второе летописное сообщение о Турове гораздо обширнее первого. В 1158 г. князь Юрий Ярославич, внук туровского и великого киевского князя Святополка Изяславича, воспользовавшись напряженной борьбой сильнейших русских князей за киевский престол, занял Туров, вернув его династической линии Изяславичей. Утвердившийся на киевском престоле Изяслав Давидович не пожелал примириться с таким самовольством. Во главе очень крупной коалиции князей «...том же лете иде Изяслав на Ярославича к Турову... пришедше к Турову пожгоша села около его... и бяхуть крепко выходяче из города и много бываше язвеных... и стояше около города 10 недель и бысть мор в коних и так не успевше ему ничтоже взвратишася в свояси...» [64].

В этом сообщении Туров дважды называется городом и изображается мощной крепостью, выдерживавшей штурмы и десятинедельную осаду войск коалиции князей, объединявшей в своих руках более половины Руси.

Древний Туров был расположен на среднем течении Припяти, в южной части расселения дреговичей. По верхней Припяти и ее левым притокам (Пина, Ясельда, Птичь, Случь) проходил оживленный торго-

вый путь с Прибалтикой и северными районами расселения дреговичей, по правым притокам (Горынь, Уборть, Стоход) осуществлялась связь с древлянской и волынской областями, а Нижняя Припять вела к великому водному пути «из варяг в греки». Бесспорно, своим возвышением Туров во многом обязан расположению на оживленном торговом пути.

Городище Турова находится на северо-западной окраине современного городского поселения Туров (Житковичский район Гомельской области) у места впадения небольшой речки Язды в протоку Припяти—Струмень. Оно расположено на невысоком мысу, образованном низкой поймой Припяти и долиной р. Язды. План городища подчинен рельефу местности. Оборонительная система города удачно сочетает естественные препятствия и искусственные сооружения. Низкая пойма Припяти, прорезанная протеками Струмень и Домоухой, и болотистая долина Язды были надежными естественными прикрытиями городища с севера и запада. С напольной юго-восточной стороны оно отделено от береговой террасы глубоким полукруглым рвом. Такой же полукруглый ров разделяет городище на две части — детинец и окольный город. Широкие, заполненные водой рвы были мощным оборонительным средством. Остатки валов сохранились только с западной стороны детинца и вдоль напольной стороны окольного города (северная сторона детинца и окольного города срезаны при прокладке дороги). В древности, очевидно, по всему периметру городища возвышались мощные оборонитгльные валы с навальными сооружениями.

Городище древнего Турова давно известно в исторической литературе. Первым археологом, посетившим его, был В. З. Завитневич. План и описание городища в 1909 г. составил А. Снитко[65]. В 1927 г. белорусские археологи С. С. Шутов и А. Д. Косаленя [66], а в 1929 г. А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский [67] произвели исследование культурного слоя. В 1961 г. раскопочные работы на детинце проводила М. Д. Полубояринова [68] (вскрыто 240 *м²),* а в 1962—1968 гг.— П. Ф. Лысенко[69] (вскрыто 528 м²). В I963 г. па территории окольного города М. К. Каргер исследовал храм.

На городище выявлен культурный слой мощностью до 4 м. Стратиграфические слои залегают в основном горизонтально и не представляют больших трудностей при членении. В нижних пластах, непосредственно над материком, преобладает лепная керамика, подправленная на ручном гончарном круге, что хорошо согласуется с первым летописным сообщением о древнем Турове и подтверждает его возникновение во второй половине X в. В культурном слое чрезвычайно плохо сохранились предметы органического происхождения, а изделия из черного металла подверглись коррозии, потеряли форму или совсем разрушились. Хорошо сохранились изделия из стекла, кости, свинца.

В раскопках различных лет удалось выделить от 2 до 6 строительных ярусов жилых и хозяйственных построек. Все постройки наземные, срубной конструкции, рублены из сосны и дуба (2 постройки) в верхнее обло с остатком. Размеры жилых построек, как правило, 16—18 м². Полы в основном были дощатые, на лагах, по встречались и глинобитные, печи в основном глинобитные, но в третьем строительном ярусе вскрыты печи, под и часть стен которых сложены из плинфы. Под некоторыми постройками находились хозяйственные погреба. Один из них, тщательно выложенный досками и выстланный берестой, судя по большому количеству фрагментов амфор и стеклянных сосудов, очевидно, предназначался для хранения вина и принадлежал крупному феодалу.

Планировка и застройка древнего Турова в настоящее время выяснена далеко не полностью, так как на детинце вскрыта только незначительная.

часть площади, а раскопки окольного города ограничивались вскрытием остатков храма. Однако результаты раскопок и наблюдения над местностью дают возможность утверждать, что Туровское городище типично мысовое, с дугообразными рвами с напольной стороны и валами по всему периметру характерно для древнерусских городищ XI—XIII вв. Въезд на городище находился, по-видимому, с южной стороны на месте современного въезда, так как с запада и севера городище окружают болотистые соймы Язды и Припяти, а южные склоны окольного города повреждены только в месте современного въезда. В дальнейшем центральная улица древнего Турова проходила, очевидно, мимо храма в направлении детинца, а по детинцу — в направлении его северо-западного угла, так как все вскрытые постройки ориентированы в этом направлении.

Туров был одним из крупнейших культурных центров древней Руси. Здесь основана одна из первых на Руси епископий, строились храмы и основывались монастыри христианской церкви, сыгравшей положительную роль в распространении византийской культуры.

Культурный слой Туровского городища содержит значительное количество предметов материальной культуры. Вещи из раскопок детинца свидетельствуют об оживленной разносторонней экономической жизни города.

Находки криц, шлаков, сопла, зубила, изделий простой кузнечной работы (крючки, пробои, скобы, гвозди и т. д.) говорят о существовании железообрабатывающего ремесла в Турове. В раскопах найдены втульчатый наконечник копья, различные наконечники стрел, шпоры. Из бытовых предметов найдены различных размеров и форм ножи (50), кресала (2), трубчатые замки (7) и ключи к ним (11), пружинные ножницы, фрагменты рыболовных острог, блесны, пробои, скобы, пряжки и пр.

В культурном слое найдено относительно небольшое количество предметов ювелирного производства — браслеты (8), перстни (4), височные кольца (9), подвески, пряжки и т. д. Большой интерес представляют 4 овальные свинцовые рельефные (плоско-выпуклые) иконки с изображением деисусной девы Марии, великомученицы (Варвары?), преподобной (Ефросиньи, Анастасии?) и святителя (Кирилла Туровского?). По-видимому, это были вставки от запрестольного креста. Иконки найдены в слое, который датируется концом XIII — началом XIV в. Подобные иконки в археологических материалах не известны. Это дает основание видеть в них изделия местного производства. Предположение это представляется тем более вероятным, что есть убедительные основания говорить о существовании местного ювелирного ремесла. В культурном слое найдены тигельки для расплавки цветных металлов (3), льячки для разливки расплавленного металла по формочкам (4), шиферная формочка для отливки украшений, ювелирные пинцеты.

Много костяных изделий. Часто встречаются различные по форме проколки. Отдельные из них украшены орнаментом, имеют отверстия в ручках для подвешивания. Часто встречаются рукоятки, некоторые из них также украшены орнаментом. Редкая находка — костяные детали сложного лука.

В раскопе найдено 8 костяных гребней: 4 из них — в нижних слоях, принадлежат они к типу односторонних наборных и датируются X—XI вв. Отдельную группу составляют разнообразные художественно изготовленные накладки, служившие для украшения различных изделий. Одни имеют форму плоских кружков и зубчатых розеток, другие—прямых и изогнутых, коротких и длинных пластинок. Накладки украшались с одной стороны циркульным орнаментом или различными сочетаниями прямых, волнистых и зигзагообразных линий. Особый интерес представляют две

длинные (20—30 см) парные костяные пластинки, украшенные вдоль лицевой стороны двойной волнистой линией со спиральными загибами из нижней фазы волны. Поле пластины под линиями украшено косым сетчатым орнаментом, над линиями — свободно от орнамента. На целом конце одной из пластин изображен безрогий лежащий олень с подогнутыми ногами. Поле вокруг него покрыто косым сетчатым орнаментом. Интересна также длинная (40 см) изогнутая полукруглая в сечении пластина, украшенная по отполированной лицевой поверхности циркульным орнаментом. Накладки крепились к украшенным предметам при помощи костяных гвоздиков или клея. К числу любопытных находок относятся высокохудожественные изделия из кости: вертоушка с миниатюрной фигуркой собаки (волка?) на головке, плоская ложечка, опорный подшипник с отполированным в результате долгого использования гнездом, незавершенный обработкой ритуальный (?) топорик. Свидетельство высокого уровня культуры — найденные костяные шахматные фигурки (конь и слон). Совершенно аналогичные фигурки найдены в Самборе. Здесь они датируются XII—XIII вв. В раскопе найдены также игральные кости, плоская пластинка с вырезанной птицей-грифом, костяные иглы для вязания сетей, пуговицы, навершия и накладки наборных рукоятий, муфточки, трубочки, наконечники и прочие костяные изделия.

Довольно часты находки песчаниковых брусков, жерновов из шифера и ракушечника, много мелких и крупных кусков розового и фиолетового волынского шифера. При раскопках храма на территории окольного города найдено 3 каменных погребальных саркофага из толстых сплошных шиферных плит. Такой же саркофаг найден на кладбище, расположенном вблизи от городища. Здесь же найдены немногочисленные изделия художественной обработки камня: крестики-тельники, изготовленные из янтаря и шифера, шиферная литейная формочка, полуфабрикат янтарной бусины, перстня. Возможно, в Турове обрабатывали янтарь. Подтверждение этому — находки необработанных кусочков янтаря. Однако этих фактов мало для доказательства местного камнерезного ремесла.

Частой находкой в культурном слое Туровского детинца являются фрагменты стеклянных изделий — браслетов, посуды, оконного стекла, перстней. Чаще всего попадаются фрагменты стеклянных браслетов: за 4 сезона найдено свыше 1600 штук. Браслеты были различной формы — круглые, гладкие, крученые, ложновитые, витые, рифленые, треугольные и т. д. Чаще всего встречаются круглые, гладкие (около 50%) и крученые (около 30%) браслеты.

Расцветка их также разнообразна, более всего браслетов коричневого, зеленого и бирюзового цветов, меньше фиолетовых, желтых, синих. По форме сечения браслетов и их процентному соотношению, по цветовой гамме и ее распределению в пластах, а также по химическому составу стекла браслеты древнего Турова очень близки подобным находкам древнего Киева.

Много фрагментов стеклянной посуды. По химическому составу стекла и системам орнаментировки сосудов установлено, что одни из них русского производства, а другие средиземноморского. Сосуды древнерусского производства имели форму цилиндрических стаканов, а также воронковидных кубков и бокалов. Фрагменты импортной посуды найдены в слоях XII—XIII вв., что соответствует времени их производства в районах Средиземноморья. Стеклянные перстни и их фрагменты редкая находка. В слоях XI—XIV вв. найдено лишь 6 фрагментов. Оконные стекла, судя по фрагментам, имели форму плоских дисков с завернутым краем.

В связи с особенностями культурного слоя при раскопках найдено очень мало кожаных и деревянных изделий. Таковы передняя часть рас-

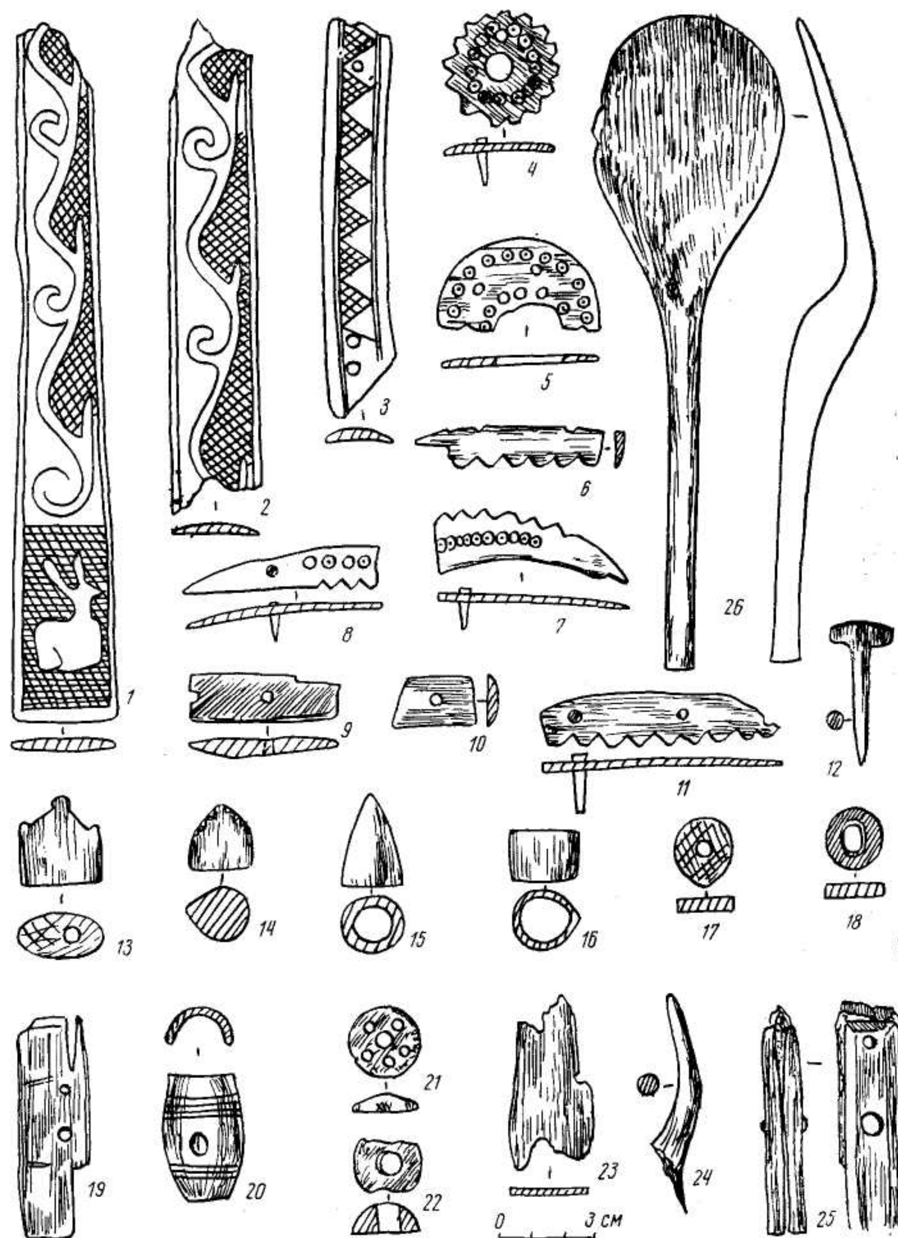

Рис. 38. Костяные украшения и предметы быта из раскопок древнего Турова (XIII—XIV вв.):

1—1.1—накладки, *12*—гвоздь для крепления накладок, *13—15*—навершия для рукоятей, *16*—втулка, *17—18*—накладки для рукоятей ножей, *19*—фрагмент гребня, *20*—фрагмент вьюрка, *21—22*—пуговицы, *23*—фрагмент пластинки, *24*—фрагмент крючка, *25*—черенок ножа, *26*—ложка

шитого узорами башмачка, внутренняя часть рукавицы, фрагменты других кожаных изделий, дубовые донца деревянных боченков.

Наиболее частыми находками являются фрагменты керамических изделий — кухонной посуды, кирпичей, поливных плиток, рыболовные грузила, подсвечники и т. д. Интерес представляют находки поливной глиняной посуды из Средней Азии.

На основании вещевых находок можно говорить о занятиях населения древнего Турова ремесленным производством (обработка железа, цветных металлов, кости, дерева и т. д.), земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством. Находки предметов импортного происхождения позволяют говорить о торговых связях с Киевом, Волынью, Причерноморьем, Средиземноморьем, Средней Азией, Прибалтикой. Археологические исследования древнего Турова подтверждают существование города еще в X в. и позволяют высказать предположение о возникновении Турова как административного, культурного и экономического центра племенного княжения дреговичей, в дальнейшем превратившегося в политический, экономический и культурно-религиозный центр Туровского княжества.

Пинск (Пинеск). По значению второй город Туровской земли, был расположен у впадения в Припять ее левого притока р. Пины. Очевидно, по имени этой реки он и получил свое название. По Пине и Ясельде шли пути в польские и ятвяжские земли в бассейнах Западного Буга и Немана, в торговую Прибалтику, по верхней Припяти и Стоходу в волынские земли, а нижняя Припять вела к великому Днепровскому пути. Сухопутные дороги из Пинска вели в Клецк, Кобрин, Чарторыйск. Выгодное местоположение Пинска способствовало его быстрому развитию. Об этом свидетельствуют размеры городища и мощность оборонительных сооружений. О большом значении Пинска свидетельствуют упоминания его наравне с Туровом, столицей княжества. Крупное экономическое значение Пинска подчеркивается его выделением в самостоятельное княжество уже при первом же разделе Туровской земли в первом поколении туровских князей, восстановивших свою династию на туровском престоле. В середине XII в. Пинск был крупнейшим экономическим центром Туровской земли.

Пинск редко упоминается в летописи. Очевидно, это объясняется его удаленностью от летописных центров и скромной ролью в политической истории древней Руси. Пинск впервые назван в летописи в связи с событиями 1097 г.[70] Очередное летописное сообщение о Пинске относится к 1158 г. и связано с походом киевского князя Изяслава Давыдовича во главе коалиции князей на занявшего туровский престол Юрия Ярославича[71]. В дальнейшем на страницах летописи упоминаются жители Пинска — пиняне и пинские князья, а название города больше не встречается.

Городище расположено на левом берегу Пины в центре современного Пинска (Брестская область) и состоит из детинца и окольного города. Валы его срыты, ров окольного города засыпан в результате перепланировки и застройки. Северный участок рва детинца засыпан и снивелирован, западный распахан, а восточный был расширен в 20-х годах под рыночную площадь. Тем не менее наблюдения в ходе археологических раскопок и земляных работ, древнейшие планы (XVIII в.) и современный рельеф местности позволили восстановить топографию древнего Пинска. Расположенное на возвышенной части коренного берега полукруглое в плане городище дугообразным рвом членилось на овальный детинец и подковообразно облегающий его окольный город. Южной стороной оно примыкало к Пине, на «ее же опирались его оборонительные рвы и валы. На территории современного города детинец локализуется в пределах

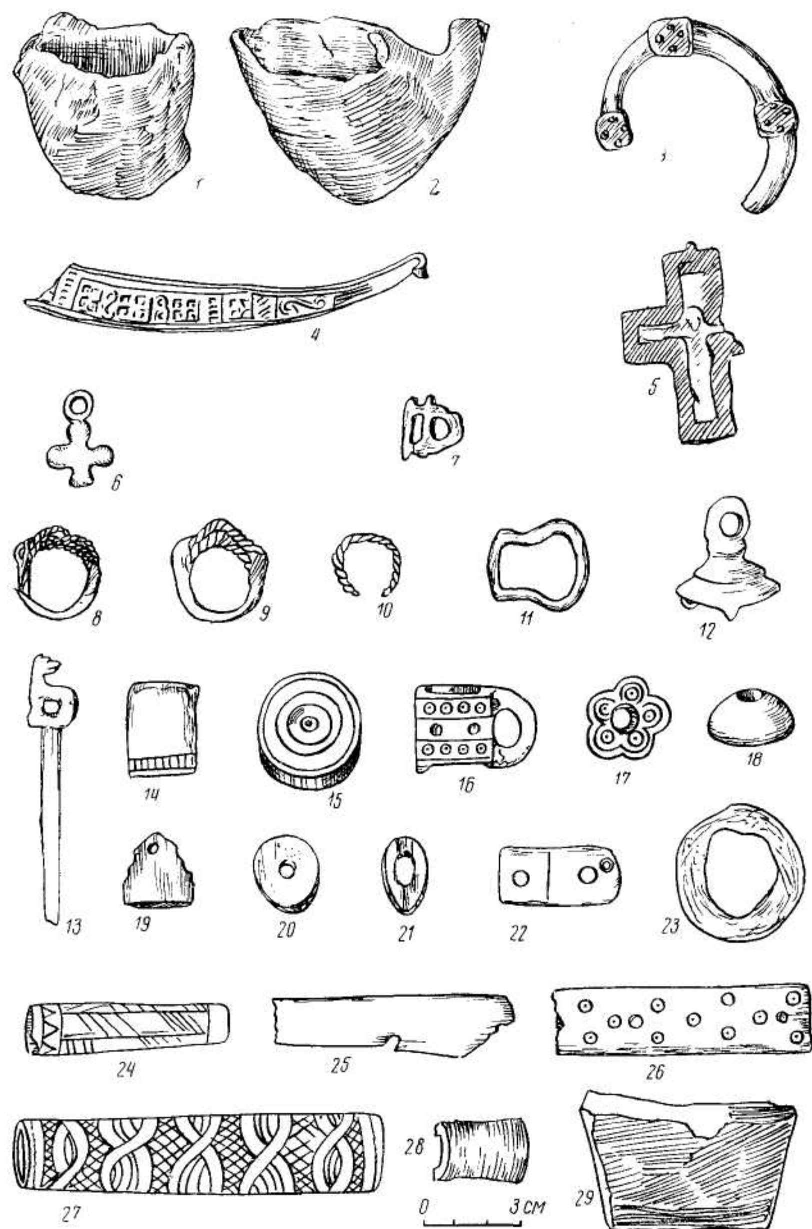

Рис. 39. Ювелирные изделия и костяные предметы из раскопок Турова и Пинска:

1—*2*—тигелек и льячка, *3*—фибула, *4*—браслет, 5—*6*—крестики, 7, 11—пряжки, *8*—10—перстни, *12*—деталь подвески светильника (паникадила), *13*—вертоушка, *14*—шахматная фигура, *15*—игральная шашка, 16—обойма ножен, *17—18*—пуговицы, *24—27*—рукоятки, *28*—втулка, *29*—подшипник; *3—,12*—ювелирные изделия, *13—29*—кость *1, 2,* 5, *6, 7—12, 13—14, 17—19, 21, 23, 27, 29*—из Турова, *3, 4, 6, 15, 20, 22, 24, 25, 26, 28—из* Пинска

современной улицы Чайковского и бывшей базарной площади. Окольный город Пинска XI—XIII вв. находился внутри современной кольцевой улицы Горького и восточная граница его находилась в районе восточной части современной площади имени В. И. Ленина и моста через Пину. Восточная граница окольного города XIV в. проходила недалеко от современной улицы Веры Хоружей, очевидно, включая в городскую оборонительную систему францисканский монастырь (известен в 1398 г.) [72].

На протяжении ряда лет пинское городище изучали археологи Т. В. Равдина, Б. В. Миролюбов, Я- И. Бибиков, П. Ф. Лысенко[73]. Раскопки выявили мощный культурный слой (до 4,5 м на окольном городе

Рис. 40. Реконструкция древнего Пинска по материалам раскопок 1963 г. (художник Е. Г. Коробушкин)

и до 6 м на детинце), в котором очень хорошо сохранились предметы из разнообразных материалов. Хорошая сохранность дерева позволила произвести дендрохронологический анализ спилов. Дендрохронологическая шкала хорошо сочетается с подобными графиками древнего Иовгорода, Смоленска, Полоцка, совпадает с датировками по вещевому материалу и надежно датирует пинские древности [74].

Археологические исследования и наблюдения в ходе земляных работ дали обширный материал об оборонительных сооружениях древнего Пинска. Основу оборонительной системы как детница, так и окольного города составляли земляные валы и рвы. Раскоп 1955 г. прорезал вал в западной части окольного города почти на всю его ширину [75]. Вершина вала срезана поздними нивелировками, высота сохранившейся части вала составляет 3 м. Однако графическая реконструкция по направлению отчетливо видных слоев поздних подсыпок вала дает его окончательную высоту около 6—8 м. Ширина его у подножья составляет около 18—20 м. Первоначальное насыпанное из песка ядро вала высотой свыше 3 м и шириной у подножья около 7,5 м имело очень крутые склоны, очевидно, вал укреплялся бревнами, жердями или глиняными прослойками. В дальнейшем мощность вала несколько раз увеличивалась, к внешнему склону (один раз к внутреннему) подсыпались слои земли, укреплявшиеся слоями сырой глины. В профиле раскопа 1955 г. прослеживается 5 таких прослоек из сырой глины. Почвенный слой под первоначальным ядром вала содержит предметы XI в. С северной стороны окольного города вал про-

резан котлованом под строящийся дом. В профиле отчетливо прослеживается устройство вала [76]. Вначале позади неширокого (6—7 м) и глубокого (4 м) рва на выбросе земли из него были поставлены вдоль по оси вала деревянные стены, от них сохранились остатки положенных друг на друга бревен (прослежено 10 бревен передней и 5 бревен задней стенки). Затем впереди деревянной стены трижды производилась подсыпка глиняным слоем, последняя из них заполнила расположенный впереди небольшой ров. Вслед за этим был воздвигнут мощный земляной вал, высота сохранившейся его части достигает 7—8 м при ширине основания до 30 м. Передний склон этого вала также был облицован слоем серой глины. По-видимому, одновременно с валом был сооружен ров, ширина которого доходит до 30—35 м, а глубина, как можно судить по профилю,— до 7 м. Несколько меньших размеров ров в западной части окольного города в котловане под жилой дом и склоны его в другом котловане и раскопе 1955 г. Широкий (до 100—150 м), распаханный в настоящее время ров детинца в древности несомненно был уже и значительно глубже. В котловане под строящийся дом на участке рва материк уходил на глубину около 9 м. Вал детинца (раскоп 1962 г.) имел ширину свыше 20 м при высоте сохранившейся части до 2,5 м. Как и в валу окольного города, прослеживается несколько последовательных подсыпок в основном с внешней стороны вала. В слое песка, расположенном на материке, найдены фрагменты керамики XI в.

Въезд на детинец был, по-видимому, с северной стороны, так как с этой стороны на плане 1794 г. заметен полукруглый выступ, в котором можно предполагать остатки основания башни детинца, защищавшей въезд в него. Для суждений о планировке детинца в настоящее время нет достаточных оснований.

Вокруг детинца полукольцом располагался окольный город. Археологические исследования и наблюдения при земляных работах представили материал, позволяющий высказать предположения о планировке окольного города. В 1963 г. в котловане под строящийся дом к северу от детинца прослежено 6 ярусов уличной мостовой, идущей в северном направлении к валу окольного города. При планировании проезда по современной улице З. Космодемьянской снесена часть культурного слоя в северной части окольного города. При этом вскрыто 5 ярусов уличной мостовсй, идущей параллельно валу окольного города на незначительном расстоянии от него. В раскопе 1963 г. вскрыт небольшой переулок, идущий параллельно этой же улице. Таким образом, в северной части окольного города прослежено две улицы, направленные от детинца к валу окольного города, и две улицы, параллельные валу. Очевидно, окольный город имел радиально-кольцевую планировку, свойственную многим древнерусским городам.

Планировка окольного города отличалась высокой стабильностью. Уличные настилы длительное время возводились поверх существовавших в более ранее время. Такое же замечание можно сделать и относительно застройки города. Расположенные по обе стороны вскрытой в раскопе 1963 г. улицы хозяйственные дворы, отгороженные от улицы частоколом, имели стабильное расположение жилых и хозяйственных сооружений. Как правило, постройки одного характера и назначения несколько раз сменяли одна другую на одном и том же месте, а в южной части раскопа 1963 г. жилые постройки сменяли одна другую 9 раз. В отдельных случаях планировка вновь возводившихся построек полностью повторяла размеры и расположение предшествующих, а в других бывали отклонения как по размерам, так и по местоположению. Характерным типом жилища были наземные однокамерные срубные постройки прямоугольной

формы, площадью около 16 $м^2$, рубленные в обло с остатком. Соединительные чашки углов и уплотнительные пазы вырубались с верхней стороны бревна. Дощатые полы клались на 2—3 лаги, врубленные между 2—3 венцами постройки. В качестве фундамента часто использовались нижние венцы предшествующих построек. Печи глинобитные. Хозяйственные постройки сооружались таким же способом. Насыщенность культурного слоя находками (за исключением дерева) в Пинске беднее, чем в Турове. Возможно, в этом сказывается преимущество Турова как более древнего города, столицы княжества, имевшего более развитые феодальные отношения, политические и экономические связи.

В Пинске найдены инструменты железообрабатывающего ремесла: зубило, пробойники, пластинчатый пинцет, инструменты ювелира — тигельки и ювелирные пинцеты, инструменты для обработки дерева — долото, сверло, циркульное сверло для глазкового орнамента. В разных раскопах и различных пластах попадались орудия сельскохозяйственного производства — сошник, обломок косы, железная оковка лопаты, серпы; предметы вооружения — 5 наконечников стрел, 2 шпоры; различные бытовые изделия — замки, ключи, ножи, пряжки, дверные ручки и крючки, подковки, «древолазные шипы» и т. д.

Ювелирные изделия немногочисленны. Наиболее интересные из них — одна створка от иконки — складня с изображением Богородицы в полный рост (XII в.), фрагмент створчатого биллонового браслета, украшенного ложной зернью и вставкой цветного стекла (камня?), пластинчатые и круглопроволочные браслеты.

Костяных вещей немного: рукоятки, гребни, втулки, пуговицы, накладки, острия, заготовки изделий, костяная вертоушка, богато орнаментироьанный односторонний гребешок, костяной подшипник с выработанным гнездом.

Довольно часто попадаются обрезки кожи, фрагменты обуви, ножны, кошельки, футляры для гребешков. Находки обзоленной шерсти говорят о местной обработке кож.

В культурном слое найдено много изделий из дерева. Это фрагменты ткацких челноков, веретена, лопаты, весла, льномялки, трепалка для обработки льна, фрагменты точеных деревянных чаш, гребни, ложки, различные части бондарной посуды. Местное их изготовление не вызывает сомнений.

К числу наиболее интересных находок древнего Пинска относятся два предмета с надписями, каменная резная икона, коллекция поливных керамических плиток. Одна из надписей («рополчевино») найдена в раскопе **1957** г. з слое **XII** в. Она нанесена на поверхность амфоры и обозначает, по-видимому, принадлежность хранившегося в амфоре вина какому-то Ярополку. По летописным сведениям в Пинске в **1183** г. состоялась свадьба князя Ярополка, сына Юрия Ярославича Туровского, разделившего Туровское княжество между своими сыновьями. Скорее всего надпись на амфоре имеет непосредственное отношение к этому исторически достоверному лицу, а может быть и событию.

Другая надпись «NACTACHNOПРАСЛЪNЪ» нанесена на поверхности шиферного пряслица и обозначает принадлежность надписанного предмета. Пряслице найдено в раскопе 1964 г. в слое XII в. и по палеографическим особенностям начертания букв относится к этому же времени.

Каменная резная иконка, изображающая Иисуса Христа ребенком, найдена в раскопе 1964 г. в слое XII в. Иконка выполнена в технике высокого рельефа, чрезвычайно художественна, мастерски изготовлена. Она не имеет прямых аналогий среди древнерусских камнерезных

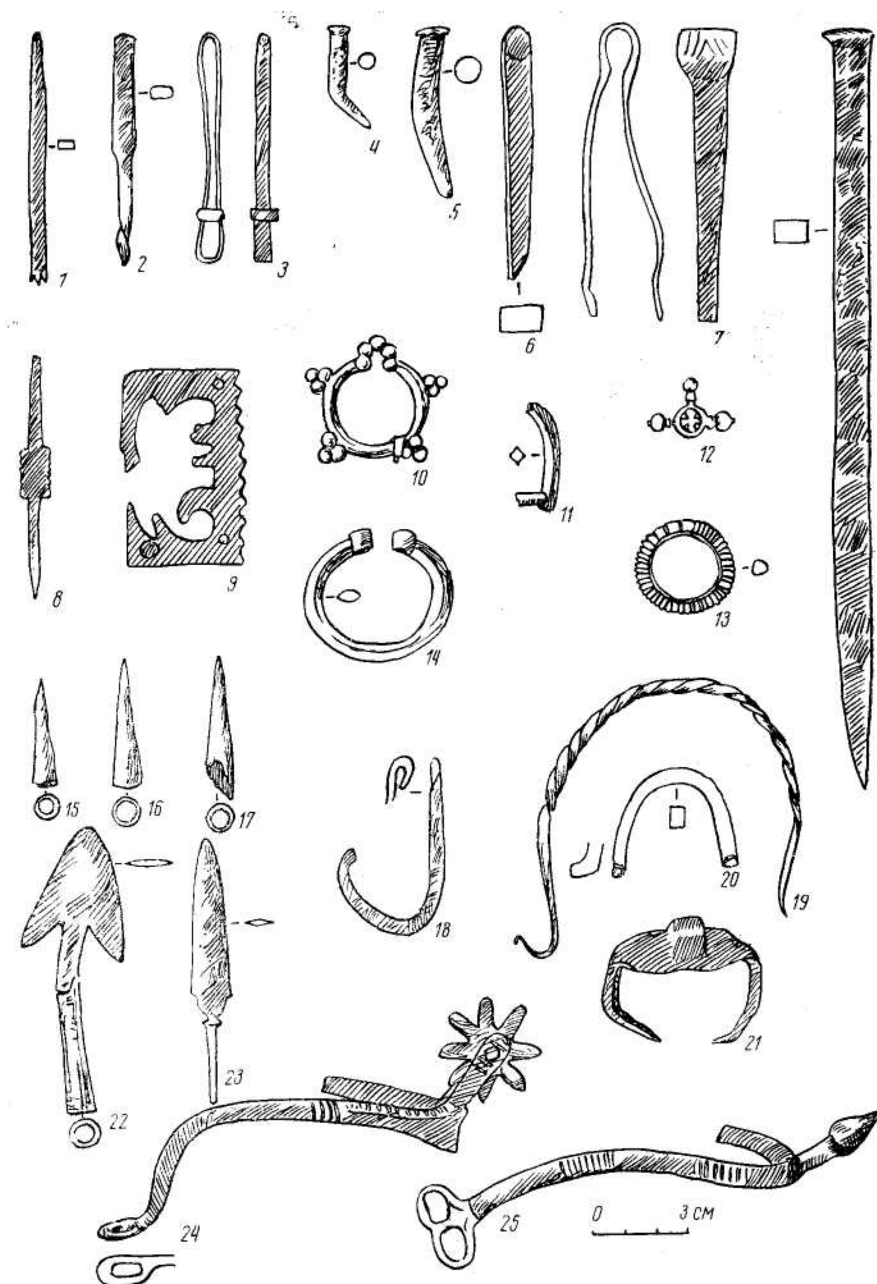

Рис. 41. Орудия труда, ювелирные изделия и предметы вооружения из раскопок Пинска (XII—XIII вв.):

1, 2—сверла, *3,* 7—пинцеты, *4—5*—пробойники, *6*— зубило, *8*—шило, *9*—накладка, *10*—подвеска, *.11*—фрагмент пряжки, *12*—крестик, *13*—поясное кольцо, *14*— фибула, *15—17, 22, 23*—наконечники стрел, *18*—рыболовный крючок, *19*—дужка от ведра, *20*—подковка, *21*—«древолазный шип», *24*—25~шпоры, *26*—долото.

изделий и превосходит по качеству изготовления и сохранности очень редкие находки в Среднем Поднепровье.

Собранная в раскопах 1955 и 1957 гг. коллекция поливных керамических плиток — богатейшая в древней Руси по разнообразию форм (свыше 30). Плитки изготовлены из белой глины и покрыты поливой коричневого, зеленого, желтого и кремового цвета. Плитки найдены в основном в слое XI—XII вв., а в более поздних слоях встречаются в значительно меньшем количестве. Плитки предназначались для украшения различными разноцветными узорами зданий монументальной архитектуры. Однако лишь незначительное количество их имеет на тыльной стороне слабые следы известкового раствора. Остальные плитки явно не были в употреблении. Возможно, они были заготовлены для укрепления строящегося здания (скорее всего собора).

Материалы из раскопа древнего Пинска свидетельствуют о занятиях населения ремеслами, сельским хозяйством, охотой, рыболовством. Судя по находкам, торговые связи город поддерживал с Волынью, Средним Поднепровьем, Северным Причерноморьем. В раскопах нет материала древнее второй половины XI в. Следовательно, летописное упоминание довольно правильно отражает время возникновения города. Скорее всего Пинск возник в качестве ремесленного и торгового центра сельской территории. Расположение датирующих предметов в нижних слоях подтверждает возникновение города во второй половине XI в., что хорошо согласуется с первым летописным упоминанием.

Брест (Берестье) — древнейший город на крайнем западе Туровской земли, расположенный на порубежье русских земель. Город, очевидно, был пограничной крепостью и опорным пунктом славянской колонизации скрестных земель. Положение на важном торговом пути, связывающем русские земли и великий днепровский путь с землями западных соседей, усиливало значение Бреста и делало его торговым центром окрестных территорий.

Происхождение названия города неизвестно. Местная легенда рассказывает о купце, замостившем болото березовыми бревнами и назвавшем это место Берестьем, на котором он и основал город со своей дружиной после возвращения из Литвы.

Берестье упоминается в «Повести временных лет» в 1019 г. как последний русский город перед «лядьской землей» на пути бегства Святополка Окаянного. Как опорный пункт дреговичской колонизации город очень скоро оказался в сфере киевской великокняжеской политики. Неоднократно он переходил в руки польских королей, но с середины XII в. прочно вошел в сферу влияния Волынского княжества. Лишь сообщения 1099 г. проливают свет на внешний облик Бреста, называя его «градом», т. е. крепостью [77]. Однако в летописи не указано местоположение этой крепости.

В настоящее время местность у впадения Мухавца в Западный Буг не имеет внешних признаков городища. Древнейшие планы Бреста, составленные до начала строительства крепости, дают основание говорить о существовании городища древнерусского Берестья на мысу у впадения Мухавца в Западный Буг. На гравюре «Осада Бреста шведами в 1657 г.»[78] постройка на мысу обозначена термином «Castellum», что значит крепость, замок. На плане конца XVIII в. мыс у слияния Мухавца и Западного Буга огражден заполненным водой полукруглым рвом и обозначен как «Замковая гора сыпаная» [79]. При строительстве крепости ров был засыпан. Характерные для древнерусских городищ X—XI вв. очертания мыса на древнейших чертежах, сохранившееся до позднего времени за этим мысом название «Замковой горы», отсутствие других удобных для

городища мест у впадения Мухавца в Западный Буг позволяют говорить, что городище древнего Берестья располагалось на этом мысу [80]. Обследования 1968 г. (П. Ф. Лысенко) подтвердили правильность этого предположения. У подножья поврежденного карьерами бастиона поздней Брестской крепости был выявлен культурный слой и обнаружена керамика домонгольского времени. Заложенный в этом месте шурф (2Х2 м) показал, что сохранившийся от разрушения культурный слой имеет мощность 3,2 м, членится на 3 стратиграфических слоя и хорошо сохраняет предметы органического и неорганического происхождения. В шурфе были выявлены остатки деревянных конструкций, деревянные, костяные, стеклянные, бронзовые и железные предметы. В первом пласту было вскрыто бревно стены жилой постройки и прилегающий к ней развал глинобитной печи. В четвертом найдена лицевая половина бронзового креста — складня, на которой выемчатой эмалью инкрустировано изображение распятия Иисуса Христа с надписью под руками распятия IC—XC и изображениями святых деисуоного чина. Аналогичные энколпионы в Киеве и Корсуни датируются второй половиной XII в.[81] В шурфе также найдены фрагменты стеклянных браслетов, костяной гребешок, фрагменты кожаной обуви, кожаные ножны для большого ножа, костяной наконечник стрелы, обломок складного ножа. Фрагменты глиняных горшков имеют высокую, плавно отогнутую шейку с поднятым вверх краем венчика. Плечики и стенки горшков покрыты густым линейным (реже рифленым) орнаментом. В пласту 5 найдены венчики горшков с косыми срезами. Подобного облика керамика позволяет датировать возникновение поселения в этой части городища рубежом X и XI вв.

Заложенный на площадке бастиона шурф также выявил культурный слой большой мощности (свыше 4 м), хорошо сохраняющий предметы органического и неорганического происхождения.

Материал в шурфах 1968 г. убедительно свидетельствовал о древности (XI в.) и городском характере поселения, оставившего вскрытый культурный слой. Этим поселением мог быть только древний Брест и скорее всего его наиболее древняя часть — детинец.

Археологические исследования городища летописного Берестья продолжались в 1969—1971 гг. (П. Ф. Лысенко).

Раскоп 1969 г. размером 16Х8 м разбит в месте закладки шурфа на дне карьера, врезавшегося в западную стенку расположенного на мысу бастиона Брестской крепости. В стенках карьера на высоту 3—4 м прослеживается выбранный культурный слой. В раскопе культурный слой имеет мощность от 3,5 до 4,95 м, членится на 4 стратиграфических слоя, имеющих сильный наклон в юго-западном направлении. Культурный слой имеет высокую влажность. С глубины 4,1 м из восточной стенки раскопа начинают бить родники. В раскопе хорошо сохраняются предметы органического и неорганического происхождения.

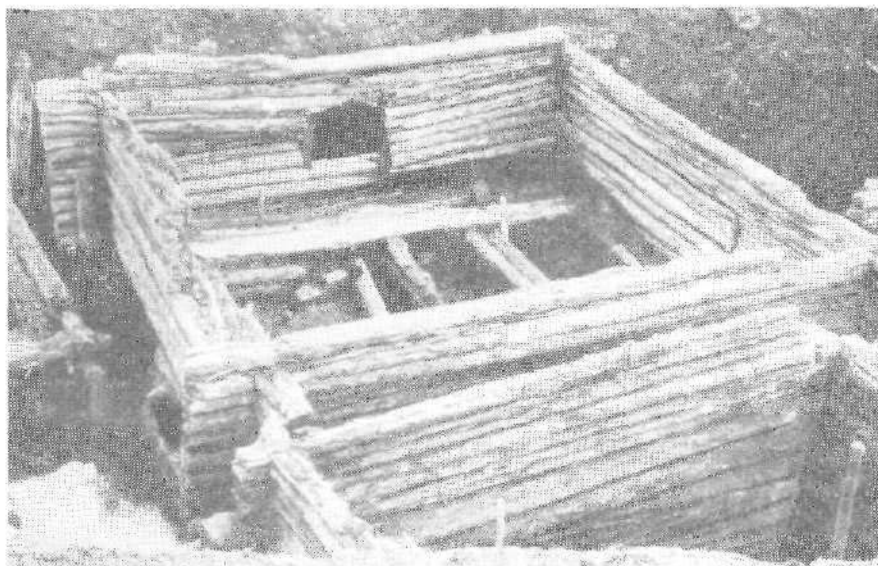
Полностью или частично вскрыты остатки 17 жилых и хозяйственных построек, относящихся к 8 строительным ярусам. Все сооружения принадлежали к типу наземных срубных однокамерных построек, возводившихся техникой рубки в обло с остатком, как правило, из сосновых бревен. Соединительная чашка угла и утеплительный паз выбирались с верхней стороны бревна. Под углы и стены иногда подкладывались бревна и плахи. Жилые постройки, как правило, квадратные в плане, имели размеры стен от 3,2 до 4,4 м, а хозяйственные — от 2,6 до 3,4 м. Полы из колотых досок в жилых (а иногда и в хозяйственных) постройках настилались поверх врубленных переводин. Печи в постройках глинобитные.

Раскоп 1970 г. размером 16Х8 м заложен на расстоянии около 45 м к юго-востоку от раскопа 1969 г. на современной поверхности бастиона.

Мощность культурного слоя в месте разбивки раскопа достигает 6,8 м (по данным шурфовки 1969 г.). Культурный слой членится на четыре стратиграфических слоя, залегающих горизонтально, сильно насыщен влагой, имеет мощную прослойку навоза и хорошо сохраняет предметы органического и неорганического происхождения.

Раскоп доведен до глубины 4,8 м, причем разработка его западной части прекращена ввиду постоянного притока поды из западной стенки.

В разработанной части культурного слоя вскрыто 13 жилых и хозяйственных построек, относящихся к 5 строительным ярусам. Застройка

Рпс. 42. Постройка XIII в., обнаруженная при раскопках Берестья

детинца была удивительно плотной. Дома на вскрытой части раскопа стояли па расстоянии от 2 до 0,6 м друг от друга. Постройки по форме, размерам и технике сооружения однотипны с постройками предыдущего года исследования. Однако сохранились они значительно лучше. Постройки 2-го и 3-го строительных ярусов сохранились от 5 до 12 венцов. Большой интерес вызывает относящаяся ко 2-му ярусу постройка № 6, вскрытая на глубине 2,36—2,48 м. Она имеет размеры 4,2Х4,4 м, ориентирована, как и все постройки древнего Берестья, углами по сторонам света. Постройка рублена в обло с остатком из сосновых бревен толщиной 16—17 см. Соединительные чашки и уплотнительные пазы вырублены с верхней стороны бревен. Сохранилась постройка на 12 венцов (па высоту около 1,4 м), а в отдельных местах есть остатки бревен 13-го венца. В юго-восточной стенке постройки на высоту от 4-го до 11-го венцов прорублен дверной проем шириной 0,67 м. Дверь открывалась внутрь постройки. В четвертом венце с внутренней стороны постройки был вырублен прямоугольный «заход» для двери, образованный горизонтальной и вертикальной вырубками в бревне по всей ширине проема. С правой стороны проема в горизонтальной плоскости паза сделано полукруглое углубление с «заходом» изнутри постройки, куда вставлялся шип двери. Верхнее бревно дверного проема имело такой же паз с углублением для шипа двери. С левой и правой стороны проема вертикально ставились тонкие (1—1,5 см), узкие (10—12 см) дощечки для того, чтобы плотно прикрывалась дверь. Дощечка с левой стороны проема 0,92 м высоты.

По-видимому, такой высоты первоначально и был прорублен проем, в настоящее время проем значительно ниже, так как полуистлевшие бревна осели и сплющились.

В стенах постройки нет никаких проемов, которые могут квалифицироваться как оконные. Над дверным проемом в 12-м венце прорублено небольшое полукруглое сквозное отверстие. В 10-м венце юго-западной стенки также было прорублено наискось небольшое сквозное отверстие. Возможно, это были волоковые оконца, или оконца для вентиляции, хотя не сохранилось ни печи, ни очага, а лишь небольшое пятно глины слева от входа в постройку.

Постройка имела пол из толстых колотых досок, положенных на лаги-переводины, которые были врублены между первым и вторым венцами постройки перпендикулярно стене с дверным проемом. Таким образом, доски пола, положенные поперек лаг-переводин, шли параллельно стене с дверным проемом. Венцы всех четырех стен постройки нумерованы насечками, начиная с нижнего венца. Концы бревен аккуратно обрублены топорами, под углы и стены постройки положены дубовые подкладки, которые выполняли роль фундамента.

К юго-восточной стене постройки с внешней стороны примыкает плотный дворовый настил из толстых широких колотых досок, уложенных поверх лаг, а от обоих концов стенки в юго-восточном направлении уходит частокол.

В постройке найден серп с деревянной рукояткой, деревянный гребешок в кожаном футляре, один целый глиняный горшок и другой раздавленный, остатки кожаной обуви. Заполнена постройка черной землей и мусором с небольшим содержанием навоза. Однако это все же не помещение для содержания скота: крупные размеры, хорошие подходы и пол, найденные вещи и характер отличного от окружающего заполнения позволяют предполагать, что постройка использовалась в качестве жилья. В слое, залегавшем на одной глубине с постройкой, найдены предметы, позволяющие относить ее существование к XIII в. (стеклянные браслеты, втульчатый лаконечник копья с длинным узким лезвием, шпора с коническим шипом и пр.).

Конструктивные особенности постройки № 6 были свойственны, по-видимому, и другим сооружениям. Так, например, в постройках № 10 и 11 из 3-го и 4-го строительных ярусов было выявлено такое же устройство нижней части дверного проема. Постройки № 7 и 9 из 2-го строительного яруса также имели насечки—нумерацию на бревнах венцов. По-видимому, в условиях густой застройки древнего Берестья ввиду тесноты и скученности построек возведение новых сооружений представляло значительные трудности и постройки первоначально рубились вне стен города, а затем разбирались и перевозились на предназначенное место. Найденные в раскопе детали кровли, так называемые кокошины дают возможность предполагать, что крыши построек были дощатые.

Культурный слой древнего Берестья сравнительно небогат находками. Однако отличные консервирующие свойства его хорошо сохраняют предметы из самых различных материалов — металла, кости, кожи, дерева, пряжи и т. д. Разнообразны предметы из черного металла. Найдены топоры, тесло, перовидное и спиральное сверло, кузнечный пробойник. Предметы вооружения и снаряжения всадника представлены наконечниками копья и дротика, наконечниками стрел, фрагментом пластинчатой брони, шпорами, стременами и удилами. Встречено значительное количество орудий сельскохозяйственного производства. Это сильно сработанный сошник, серпы, оковка деревянной лопаты, фрагмент косы — горбуши. Есть ножи, шарнирные и пружинные ножницы, трубчатые замки,

ключи и запорные дужки, прорезное овальное кресало, дверные кольца и пробои, пряжки, скобы и другие предметы.

Изделия из цветных металлов относительно немиогочисленны. Это прежде всего пластинчатые подвески, пластинчатые орнаментированные и проволочные (простые и плетеные) браслеты, пряжки и кольца. Любопытна находка биллонового колта с изображением прорастающего растения и массивной бронзовой фибулы со звездчатыми головками на квадратных шейках, инкрустированной белым металлом с нанесенным поверх узором, встречающейся в западнолитовских землях в XI—XII вв. Находка каменной литейной формочки свидетельствует о местном ювелирном ремесле.

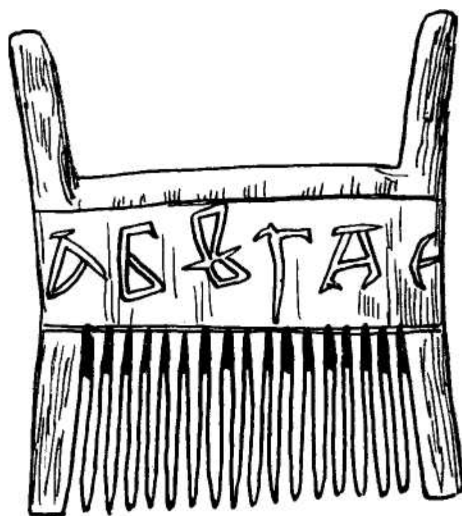

Рис. 43. Самшитовый гребень с алфавитом начала XIII в. из Берестья

Также немного костяных изделий—проколки и рукоятки, гребешок, накладки и т. д. Интересна плоская костяная пластинка в виде удлиненного треугольника со сточенной наискось короткой стороной. По виду пластинка напоминает мастихин художника, предназначенный для нанесения, растирания и снятия красок. На пластинке сохранились пятна розовой краски. В раскопе много рогов лосей и оленей со следами обработки, что свидетельствует о местном характере обработки кости.

В культурном слое хорошо сохраняется кожа и изделия из нее. Найдены кошельки, ножны, футляры и большое количество обуви различных размеров и покроя (поршни, мягкие туфли, сапоги). Часто встречаются остатки обуви с дырочками от узорной вышивки, украшавшей обузь. Многочисленные обрезки кожи и пласты обзоленной шерсти говорят о местном кожевенном и сапожном ремесле.

Одной из самых многочисленных и разнообразных категорий находок являются деревянные изделия (ножная ступа, фрагменты саней и спицы колес, весло, различные лопаты, лопаточки, тяги ткацкого станка, веретена, ритуальные булавы). В 1969 г. найдена изготовленная из одного бреема лестница. Частая находка — фрагменты бондарной посуды (клепки, донца), а в постройке № 8 раскопа 1970 г. было даже целое ведерко. Из точеной посуды встречаются тарелки и чашки, из резной — ложки и ковши. Среди деревянных двусторонних гребешков привлекает внимание самшитовый с вырезанной на обеих сторонах кириллической азбукой, найденный в постройке № 8 раскопа 1970 г. Судя по характерным начертаниям букв, надпись была сделана не позже начала XIII в., а, может быть, и в конце XII в. Очень редкая находка — шерстяная вязаная рукавичка.

Кроме раскопок древнего Берестья на детинце, в 1969 г. велись наблюдения за земляными работами на острове между правым и левым рукавами Мухавца, где сооружена цитадель Брестской крепости. В 14 крупных ямах культурный слой был мощностью от 2 до 3,5 м, темный, рыхлый, однородный, не сохраняющий предметов органического происхождения (за исключением кости) и содержащий очень мало находок.

В выбросе найдены фрагмент стеклянного браслета и керамика домонгольского времени (в том числе XI в.). По-видимому, на острове располагался окольный город древнего Берестья.

Давид-Городок. Летописи не упоминают названия этого города. Народная легенда приписывает его основание киевскому служилому князю Давиду, другая — крещенному этим именем ятвяжскому князю. Очевидно, ближе к истине предположение об основании Давид-Городка князем Давидом Игоревичем, который за постоянные ссоры и усобицы был лишен владимирского престола. По-видимому, по имени этого князя город получил свое название. Городище Давид-Городка расположено на правом берегу Горыни в современном городском поселке Давид-Городок (Столинский район, Брестская область) и занимает холм у впадения Б Горынь притока Неправды (ныне пересохшего). Холму искусственно придана форма почти правильного круга диаметром 100—110 м. В прошлом его площадка была окружена по всему периметру валом, остатки которого возвышаются в отдельных местах до 2 м. Раскопки городища в 1937—1938 гг. вел польский археолог Р. Якимович[82]. Оборонительный вал был прорезан траншеей. При этом были выявлены укрепления его ядра деревянными срубными конструкциями со ступеньчатым устройством внешней стенки, что обеспечивало внешнему склону вала необходимую крутизну. В раскопе на площадке городища вскрыто два строительных горизонта с густой застройкой и несколькими бревенчатыми уличными мостовыми.

В 1967 г. раскопки были возобновлены (П. Ф. Лысенко). В восточной части городища была вскрыта площадь 112 м^2. Культурный слой имел мощность около 3,5 м и членился на пять стратиграфических слоев, залегающих горизонтально. Три нижних стратиграфических слоя хорошо сохраняют предметы органического и неорганического происхождения. В раскопе вскрыты шесть последовательно сменяющих друга друга строительных ярусов жилых и хозяйственных построек. Сооружения четырех нижних строительных ярусов относятся к домонгольскому времени, а древнейший из них — к началу XII в. Застройка городища была очень плотной, причем плотность была наименьшей в нижнем строительном ярусе и возрастала в ярусах, относящихся к более позднему времени. Следует отметить высокую стабильность планировки и застройки городища. В отдельных случаях прослежено до 5 построек, относящихся к различным ярусам и сменяющих друг друга на одном и том же месте. Жилые и хозяйственные постройки (типа клети) принадлежат к типу наземных однокаменных срубных сооружений, аналогичных по размерам и технике сооружения постройкам древнего Турова и Пинска. Полы в постройках были дощатые на лагах, печи глинобитные. Особого упоминания заслуживает открытая в 1937—1939 гг. деревянная двухкамерная церковь, постоянно возводившаяся в одном и том же месте взамен пришедшей в негодность предшествующей [83].

В те же годы было вскрыто также несколько уличных мостовых из колотых плах, положенных на продольные лаги. Как и в древнем Пинске, уличные мостовые древнего Давид-Городка неоднократно ремонтировались и сооружались вновь поверх пришедших в негодность старых[84]. Раскопками 1937—1938 гг. были вскрыты постройки для скота из переплетенных хворостом кольев (типа кошары). Возможно, что срубные постройки для содержания скота не возводились и скот содержался во дворах под навесом и в кошарах. Ориентировка построек углами по сторонам света и традиционное для древнерусских городов расположение построек вдоль улиц позволяют предположить, что улицы в детинце древнего Давид-Городка шли в направлении с северо-запа-

да на юго-восток и перпендикулярно этому направлению. Въезд располагался, по-видимому, в северной части городища, что не противоречит предположению о направлении улиц и проездов. В границах улиц и проездов город делился частоколами на отдельные усадьбы. Остатки таких частоколов вскрыты в 1967 г. Хозяйственные дворы часто покрывались настилом из колотых досок и тонких бревен.

Интересную особенность городища древнего Давид-Городка составляют находки погребений в дубовых саркофагах. Во время земляных работ в 1936 г. было разрушено 13 погребений, а при раскопках 1937 г. недалеко от церкви и в ее пределах было вскрыто еще 10 вытесанных из дубовых стволов саркофагов. В саркофагах сохранились остатки одежды и обуви.

Культурный слой городища слабо насыщен предметами материальной культуры. Находки свидетельствуют об их принадлежности к общим для древнерусских городов типам, о чрезвычайной близости их аналогичным находкам из Турова, Пинска, Бреста и других городов южной Белоруссии. Прежде всего это инструменты железообрабатывающего ремесла. В слое, датирующемся первой половиной XIII в., найдены двое клещей. Одни клещи большие (длиной до 40 см) кузнечные, а другие малые (длиной 30 см) — слесарные, с круглыми губками и утонченными концами, на которые надевались деревянные ручки. Находка двух клещей исключает случайность утери. По-видимому, клещи были сознательно спрятаны. Возможно, недалеко от раскопа находилась мастерская кузнеца. Из кузнечных инструментов также найден в слое начала XIII в. массивный конический пробойник с расплесканной ударами верхней ударной площадкой и закругленным концом. Длина пробойника 20 см, диаметр верхней части 3,5 см, нижней 1 см. Из орудий деревообрабатывающего ремесла найдены топор, долото, бондарная уторная пилка и ложкарь.

Ювелирные изделия и костяные предметы очень немногочисленны и отличаются относительно невысоким уровнем мастерства изготовления. Найдены костяные заготовки из рога лося и оленя со следами обработки. В слое XIII в. обнаружен незавершенный обработкой костяной ритуальный топорик, неоднократно встречались иглы для вязания сетей. Много находок из кожи. В основном это обувь, сильно изношенная) нередко ее верхняя часть украшалась вышивкой, от которой сохранились дырочки узоров.

Часто встречаются различные изделия из дерева. Много донышек и клепок различных видов бондарной посуды. Найдены фрагменты точеной посуды и заготовки — болванки для их изготовления, а также ложки, иногда со сложным орнаментом по ручке, веретена. Интересная находка — сапожные колодки-правила, из слоя XII—XIII вв.

Стеклянные изделия представлены почти одними браслетами. Кроме браслетов, в раскопе найдены фрагмент перстня зеленого стекла и три стеклянные зонные голубые бусины.

Сохранившиеся в культурном слое предметы говорят о занятиях жителей древнего Давид-Городка ремеслами (железообрабатывающим, косторезным, деревообрабатывающим, гончарным, кожевенным и сапожным), земледелием, скотоводством, подсобными промыслами (охотой, рыболовством).

Интересно отметить высокий процент костей диких животных в общем костном материале (34,26%). Среди диких охотничьих животных преобладали пушные (для торговых операций). Среди костей домашних животных больше всего костей свиньи, в то время как в других городах наиболее частой находкой были кости крупного рогатого скота.

Предметы импорта говорят о связях с Киевом и Волынью. Вещевой

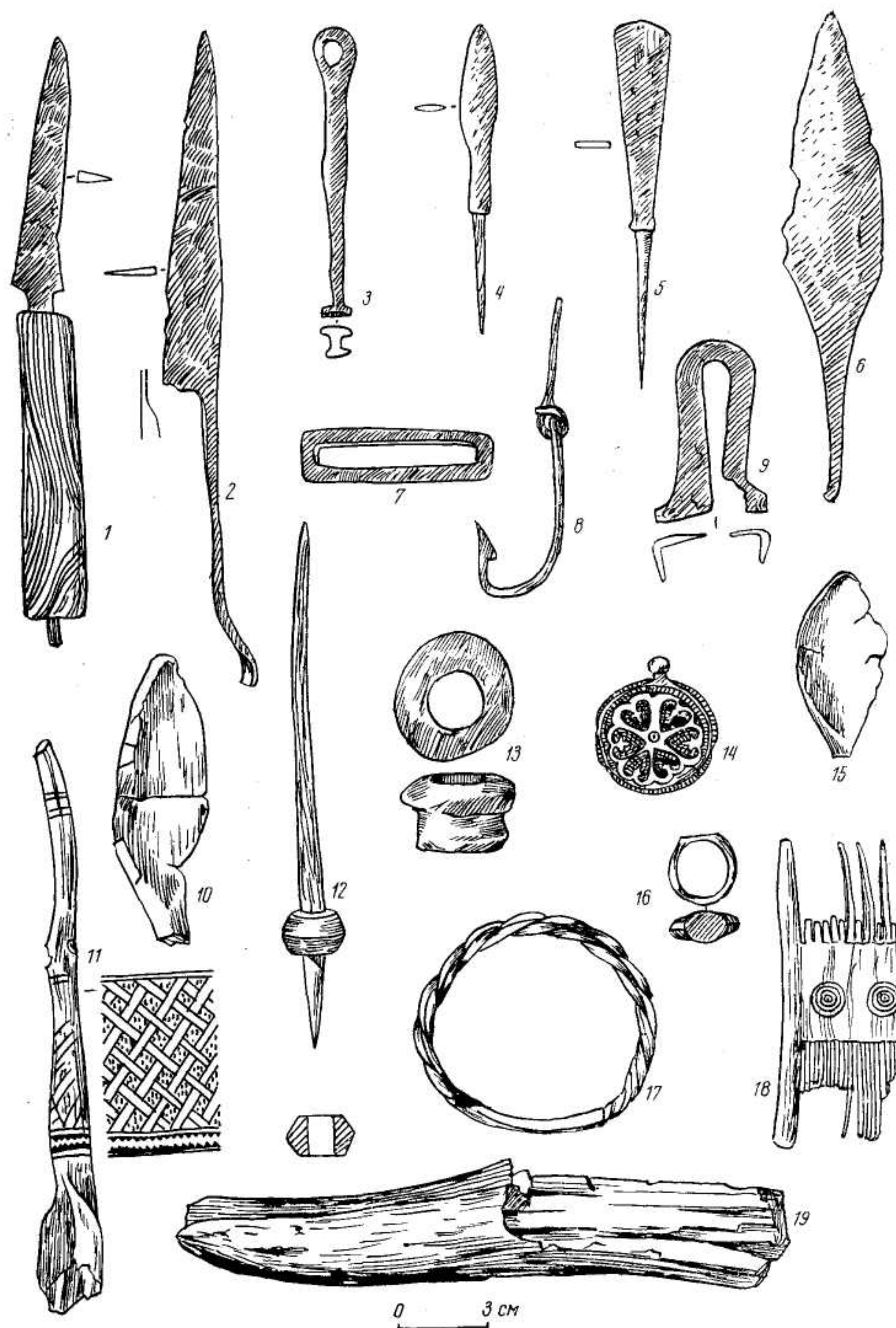

Рис. 44. Предметы из раскопок Давид-Городка (XII—XIII вв.):

1—нож с деревянной рукояткой, *2*—пружинные ножницы, *3*—ключ, *4*—*5*—наконечники стрел, 6—наконечник копья-сулицы, 7—кресало, *8*—рыболовный крючок, *9*—ушко от ведра, *10, 11, 15*—ложки деревянные, *12*—веретено с шиферным пряслицем, *13*—свинцовая булава, *14*—подвеска, *16*—перстень, 17—браслет, *18*—гребень, *19*—сапожная колодка-правило

материал раскопа 1967 г. подтверждает возможность основания Давид-Городка в начале XII в. и позволяет связывать его основание с именем Давида Игоревича.

Слуцк (Случеск). Один из наиболее значительных городов Туровской земли, впервые упомянут на страницах летописи под 1116 г. Летописец сообщает о походе Владимира Мономаха на минского князя Глеба в наказание за то, что «Глеб бо бяше воевал Дреговичи и Случеск пожег и ни каяшеться о сем ни покоряшеться...» [85]

Городище расположено на мысу у впадения в Случь ее правого притока Бычка, и планировка его подчинена рельефу местности. Полукруглый ров разделяет городище на детинец (Верхний замок) и окольный город (Нижний замок), также защищавшийся с напольной стороны оборонительным рвом.

Детинец занимает овальный холм размером 80х100 м и возвышается над прилегающей местностью на 5—б м. С запада детинец ограничен течением Бычка, с юга — низкой, болотистой поймой, протекающей вблизи Случи. К северо-востоку от детинца расположен окольный город. Оборонительная система древнего Случеска сочетала использование естественных препятствий (Случь и ее приток Бычок) с искусственными сооружениями (рвы, валы). Название города скорее всего происходит от названия реки, на которой он расположен. Городище повреждено при строительстве Дома культуры, прокладке канализации и строительстве крупных зданий на бывшей территории окольного города. В настоящее время часть городища застроена, а остальная засажена деревьями.

Вероятно, на Верхнем замке в 1929 г. закладывали шурфы А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский[86]. В 50-х годах шурфовку производил Э. М. Загорульский. В 1966 г. на детинце был заложен раскоп площадью 36 $м^2$ (П. Ф. Лысенко). Культурный слой детинца имеет мощность свыше 4 м, членится на 7 стратиграфических слоев, хорошо сохраняет предметы органического и неорганического происхождения. На разной глубине раскопа попадались остатки построек, дворовых настилов, частоколов, однако выделить строительные ярусы, определить плотность и планировку застройки из-за незначительных размеров раскопа не представилось возможным. Вскрытые постройки по своим размерам, материалу и технике сооружения аналогичны постройкам Турова, Пинска. Бреста, Давид-Городка. В отдельных постройках сохранились остатки глинобитных печей. К одной из построек примыкал плотный дощатый настил, поверх которого в толстом слое древесной коры часто находили большое количество обзоленной шерсти, обрезков кожи, фрагментов обуви. Возможно, это остатки рабочего комплекса мастерской кожевника-сапожника. Культурный слой содержит предметы различного назначения. В раскопе найдены крицы и предметы простого и высококачественного кузнечного ремесла, костяные заготовки и изделия, обзоленная шерсть и фрагменты кожаной обуви, деревянные веретена и шиферные пряслица. Находки деревянной посуды токарного производства, клепок и донышек ведер и боченков говорят о местном деревообрабатывающем ремесле, сработанного сошника, фрагмента косы-горбуши и мельничного жернова — о занятиях земледелием, а костей домашних и диких животных — о занятиях скотоводством и охотой. Найденные фрагменты стеклянных браслетов, амфор, шиферных пряслиц и янтаря подтверждают существование тесных связей с Киевом, Причерноморьем и Волынью. Вещевой материал из предматерикового слоя свидетельствует о возникновении города на рубеже XI—XII вв.

Клецк (Клеческ) —дреговичский город, расположенный в верховьях Лани, на порубежье полоцких и туровских земель. Впервые в летописи

Клецк упоминается в 1128 г.[87] Отсюда отправляется со своими войсками Вячеслав Ярославич, участник знаменитого похода Мстислава Владимировича на полоцких князей. Очевидно, в это время Клецк был стольным городом отдельного княжества.

Городище, расположенное на северо-западной окраине современного городского поселка Клецк (Минской области), состоит из детинца и окольного города, разделенных рвом. В плане детинец имеет форму почти правильного круга с размерами площадки 80—86 м и возвышается над поймой Лани на 9—10 м.

С северо-запада болотистая пойма реки Лань подходит к подножию детинца и смыкается с дугообразным рвом, опоясывающим детинец с восточной стороны. Под детинец использована часть коренного берега,

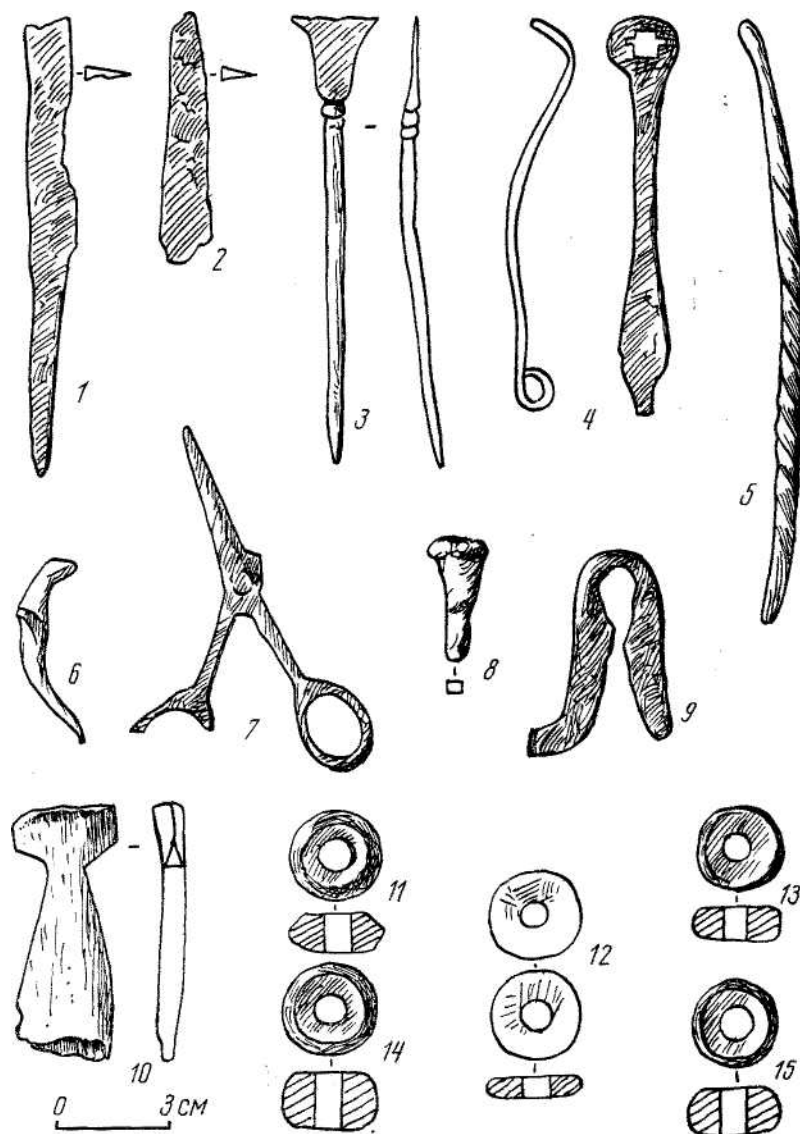

Рис. 45. Находки из детинца древнего Слуцка

а его круглая форма сложилась при возведении искусственных оборонительных сооружений. За исключением северо-западной части, валы проходят по всему периметру детинца. Окольный город имеет форму эллипса с размерами по осям 110Х400 м, в западную сторону которого врезался детинец. Оборонительные вал и ров хорошо сохранились в его северо-восточной части.

Культурный слой детинца сильно поврежден при строительстве замка магнатов Радзивиллов. В 1966—1967 гг. на детинце были заложены три раскопа общей площадью 116 $м^2$ (П. Ф. Лысенко). Лишь на незначительной площади раскопов (44 $м^2$) удалось выявить культурный слой под разрушениями мощного сооружения (по-видимому, замка). Сохра-

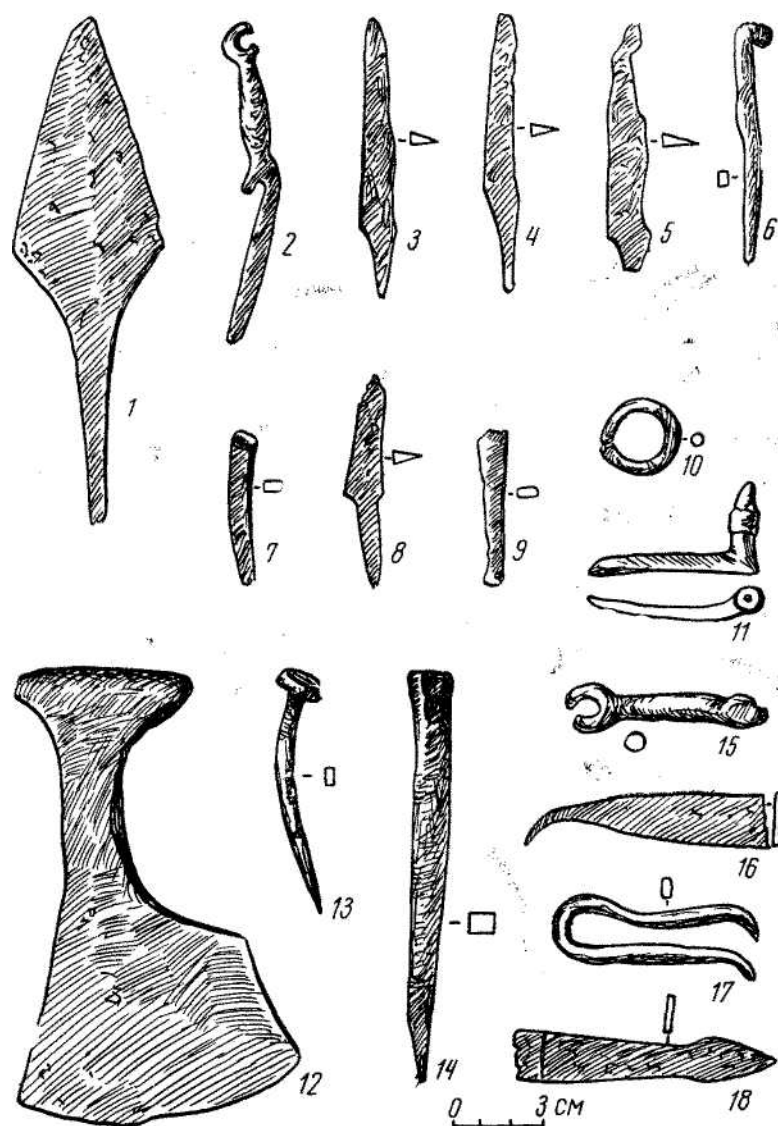

Рис. 46. Вещи из детинца древнего Клецка:

1—наконечник копья, *2*—фрагмент ключа, *3—5, 8*—ножи, *7, 9*—фрагменты ножей, 6--острие, *,10*—кольцо, 11—фрагмент шпоры, /2—топор, *13*— гвоздь, *14*—долото, *15*—часть удил, *16*—пластинка, /7—пробой, *18*—фрагмент завесы

нившийся культурный слой имеет небольшую мощность (около 1 м), однороден по составу, не сохраняет предметов органического происхождения и очень беден находками. В числе последних типичные предметы городского быта — фрагменты стеклянных браслетов и шиферные пряслица, бруски, а также немногочисленные железные изделия — ножи, долото, топор, удила, наконечник стрелы, наконечник копья — сулицы. Распределение браслетов и пряслиц по раскопочным пластам не отражает какой-либо закономерности в их распределении. Наиболее ранняя керамика датируется XI в. В предматериковом слое и материковых ямах найдено три мукомольных жернова и обгорелые зерна (пшеницы, ржи, ячменя, овса, гороха, чечевицы и конских бобов). В составе сорняков найдены зерна костра ржаного, что позволяет говорить о паровой системе земледелия и преобладании посевов ржи[88], в остеологическом материале обращает внимание высокий процент диких животных (46%). Это говорит о значительной роли охоты в хозяйстве обитателей детинца древнего Клецка[89].

В шурфах на территории окольного города выявлен культурный слой небольшой мощности (0,7—1,2 м), однородный по составу и не сохраняющий предметов органического происхождения. Керамика нижних пластов окольного города аналогична керамике нижних пластов детинца, что позволяет говорить об относительно одновременном возникновении детинца и окольного города.

Значительный процент кермики нижних слоев шурфов на территории окольного города и керамика нижних пластов раскопа на детинце датируются XI в. Это позволяет говорить о возникновении города несколько раньше первого летописного упоминания.

Мозырь. В первый раз назван в летописи в 1155 г.[90] Однако все летописные сведения упоминают лишь о политических событиях в городе. Возникший на территории расселения дреговичей, Мозырь вскоре оказался включенным в состав Киевского княжества. Городище древнего Мозыря находится в современном Мозыре (Гомельская область, средняя Припять), на горе Коммунаров (бывшая Спасская гора), и занимает мыс между широкими и глубокими оврагами. Высокие обрывистые склоны городища делали его почти неприступным. Площадка в плане «напоминает ромб, застроена и распахана, укрепления не сохранились. Отсутствие предметов XI в. в подъемном материале позволяет отнести рремя возникновения города к XII в., что соответствует первому летописному упоминанию.

Копыль. Этот город находится у северного порубежья туровских земель. Появляется в летописях сравнительно поздно — в 1274 г.[91], когда луцкий князь Мстислав Данилович во время похода на Новгород литовский «пошел бяшеть от Копыля воюя по Полесью».

Под городище, которое находится в городском поселке Копыль (Минская область), использован высокий, подправленный ледниковый останец в долине Мажи. С северной стороны оно защищено Мажей, с восточной и южной — глубоким и широким рвом. По периметру городища заметны напоминающие валы возвышения.

Вблизи него располагаются несколько курганных могильников, в одном из которых в курганах найдены погребения с трупосожжением X в.

Рогачев. Расположен на мысу у впадения Друти в Днепр. Впервые Рогачев упоминается летописью под 1142 г. в числе туровских городов, розданных киевским князем Всеволодом Ольговичем своим братьям[92]. Единство судеб с другими городами Туровской земли, а также местоположение на территории расселения дреговичей дает основание говорить о его принадлежности к Туровской земле.

Городище находится на южной окраине современного Рогачева и известно местному населению под названием «Замок королевы Боны». Южный мыс высокого берегового плато, образованного поймами Днепра и Друти, отделен с напольной стороны полукруглым рвом. Планировка городища подчинена рельефу местности, и его площадка имеет подтреугольную форму. В 1966 г. на городище были заложены два шурфа, а в 1967 г.—раскоп площадью 112 $м^2$ (П. Ф. Лысенко). Культурный слой имеет небольшую мощность (до 1,66 в шурфах и до 1,3 м в раскопе), однороден, не сохраняет предметов органического происхождения и очень беден находками. В раскопе найдены немногочисленные фрагменты стеклянных браслетов, шиферные пряслица, топор, шпоры, рыболовный крючок, ключ трубчатого замка. Керамика также немногочисленна. В предматериковом слое найдена керамика XI в.

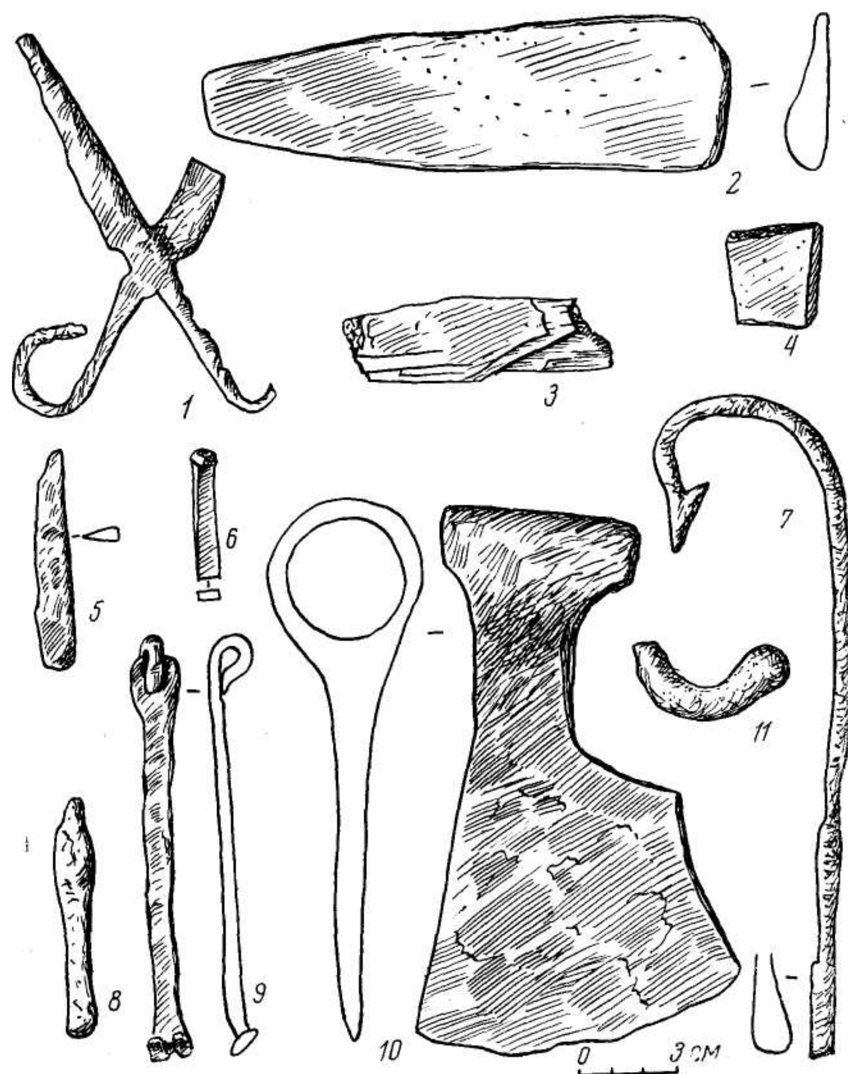

Рис. 47. Бытовые предметы из раскопок Рогачева:

1—ножницы, *2—4*—бруски, 5—нож, *6*—пружина дужки замка, 7—рыболовный крючок, *8, 9*—ключи, *10*—топор, фрагмент кольца

Исключительная бедность культурного слоя предметами материальной культуры не дает возможности говорить об экономической жизни населения на городище древнего Рогачева, равно как и о характере самого поселения. Можно лишь с известной степенью достоверности на основании керамики предматерикового слоя говорить о возникновении поселения на Замковой горе в Рогачеве в **XI** в., т. е. несколько раньше первого летописного упоминания этого города.

Каменец и Кобрин. В конце XIII в. на территории южной Белоруссии становятся известными по письменным источникам Каменец и Кобрин. Их исторические судьбы тесно связаны с Брестом.

Каменец, согласно летописи, основан в 1276 г. В этом году Владимир Василькович, князь владимирский, «... посла... мужа хитра по имени Олексу... в челнох воз верх реки Лесны, абы где изнаити такого место город поставити, се же изнашед место таково и приеха ко князю и нача поведати, князь же сам еха с бояры и слугам, и улюби место то над берегом реки Лясны, и отереби е, и потом сруби <на «ем город, и нарче ему Каменец, зане бысть земля каменна...» [93] Эту дату и следует считать временем основания города[94]. В дальнейшем в восхвалении умершего Владимира летописец приводит дополнительные сведения о строительстве города: «Князь же Володимер в княжении своем... за Берестием зруби город на пустом месте нарицаемом Лесне, и нарече имя Каменец, зане бысть каменна земля, езда ж в нем столп камен высотою 31 (17.— *Л.П.)* сажен, подобен удивлению всем зрящим на нь...»[93] Каменец также неоднократно упоминается летописью по случаю приездов сюда Владимира Васильковича и других князей.

Городище древнего Каменца располагается в современном Каменце Брестской области. Оно непосредственно примыкает к известной Каменецкой башне, являвшейся основным его оборонительным средством. Разрастание позднего города непосредственно на городище древнего и крупные земляные работы во время реставрации Каменецкого столпа сильно повредили городище, что препятствует реконструкции исторической топографии древнего Каменца. В 1960 г. П. А. Раппопорт проводил обследования городища, во время которых выявить культурный слой не удалось.

В 1970 г. на предполагаемом городище были заложены разведочные шурфы (П. Ф. Лысенко), выявившие рыхлый однородный культурный слой темной окраски, мощностью до 2,5 м, не сохраняющий предметов органического происхождения (за исключением кости). В шурфах найдены шиферное пряслице, стеклянные браслеты (2), керамика послемонгольского времени, кости домашних и диких животных.

О Кобрине летописные сведения еще более скудные. **В 1287** г. владимирский князь Владимир Василькович, составляя завещание в пользу брата своего Мстислава Васильковича, особой грамотой оговаривает передачу Кобрина в пожизненное владение своей жене: «дал еемь княгине своей по своем животе город свои Кобрынь и с людьми, и з данью»[9]". Названный в грамоте городом, Кобрин был, по-видимому, укрепленным пунктом, административным, экономическим центром окрестной территории. Городище древнего Кобрина археологически не изучалось.

Происхождение городов южной Белоруссии. Археологическое изучение городов южной Белоруссии позволяет сделать несколько обобщений относительно времени, характера и путей их возникновения.

Зарождение городов на территории южной Белоруссии относится в основном к XI—XII вв. В X в. по письменным источникам здесь известен лишь Туров (980 г.), в XI в. впервые упоминаются Берестье (1019 г.)

и Пинск (1097 г.), в XII в.—Случеск (1116 г.), Клеческ (1128 г.), Рогачев (П42г.),Мозырь (1155 г.).

В начале XIII в. возникает Давид-Городок. Во второй половине XIII в. становятся известными Копыль (1274 г.), Каменец (1276 г.), Кобрин (1287 г.)-

Время возникновения большинства городов Туровской земли в основном правильно зафиксировано древнерусскими летописями и незначительные отклонения наблюдаются только в сторону их более раннего происхождения по сравнению с летописным упоминанием.

Изучение условий расположения древних городов южной Белоруссии и особенностей их планировки позволяет высказать предположение о большей близости этих городов к городам Южной и Западной территорий древней Руси. Здесь также известны ранние сложные мысовые городища, однотипные оборонительные сооружения. Особенность данной территории — отсутствие крупных по размерам городищ, что является отражением относительно слабого участия древних городов южной Белоруссии в общерусской экономической и политической жизни.

Материальная культура древних городов южной Белоруссии не имеет локальных особенностей и принадлежит к типам, общим для всей территории древней Руси. Вскрытые жилые и хозяйственные постройки относятся к типу наземных срубных однокамерных сооружений, господствующих в лесной зоне Восточной Европы. Вещевой материал не имеет каких-либо отличительных локальных черт и принадлежит к общим для древней Руси типам. Все же можно отметить, чы форма гончарных сосудов значительно ближе сосудам Среднего Поднепровья и Волыни, чем к сосудам более северных районов.

Материалы раскопок свидетельствуют о значительной социальной дифференциации населения древних городов. Основную массу населения составляли ремесленники, хотя есть все основания считать, что в городах жили и торговцы, и представители военно-служилой и земледельческой аристократии, а также князья и духовенство. В то же время р, городах не выявлено локальных районов с расселением в них какой-либо специфической прослойки населения.

На базе интенсивной экономической жизни в городах значительного развития достигла культура. Здесь распространялась письменность, развивалось прикладное искусство, совершенствовалась строительная техника. Принятие христианства, строительство церквей и монастырей способствовало распространению грамотности, возведению крупных сооружений монументальной архитектуры, созданию оригинальных произведений древней письменности. В Турове была основана одна из первых на Руси епископий.

Исследования не позволяют сделать вывод о возникновении городов в качестве преимущественно военного опорного пункта княжеской власти. Таким путем, очевидно, возник только Брест, опорный пункт дреговичской колонизации в условиях враждебного окружения ятвяжских и ляшских племен.

Весьма примечательно, что большинство крупных и наиболее древних городов расположено в областях .наиболее плодородных почв и наиболее древних земледельческих районов (Туров, Пинск, Слуцк, Клецк, Мозырь). Очевидно, эти города возникли в первую очередь как ремесленные центры по обслуживанию населения наиболее плодородных и густо заселенных районов. Конечно, это не значит, что в возникновении городов Туровской земли играл роль только один фактор необходимости ремесленного обслуживания сельскохозяйственных районов. Большинство крупных городов Туровской земли расположено на оживленных вод-

ных путях, связывавших различные области Восточной Европы (Туров, Пинск, Мозырь). Естественно, что города вместе с тем выполняли и роль административных центров окружающих земель, и роль крепостей и опорных пунктов. Но, очевидно, среди причин возникновения городов Туровской земли в районах 'наиболее плодородных почв доминирующей была причина ремесленно-торгового, а не военно-оборонительного характера.

3. ПОДНЕПРОВСКИЕ И ПОСОЖСКИЕ ГОРОДА ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ

В северо-восточной части Белорусского Поднепровья было несколько городов Смоленского княжества — Кричев, Мстиславль, Пропойск, вероятно, Лучин. Ценным письменным источником по их истории, кроме летописей, служит упоминавшаяся грамота князя Ростислава Мстиславича XII в.

Небольшая часть современной Гомельской области с городами Гомель, Речииа, Чечерск отходила в древности к Черниговскому княжеству. Гомель и Чечерск возникли на радимячской территории, Речица — на пограничье радимичей и дреговичей. Брагин относился к Киевскому княжеству.

Могилев. В древних летописях нет сведений о Могилеве. Однако на территории современного города поселения существовали уже в раннем железном веке, а также в период Полоцкой Руси.

В Могилеве известно Пелагеевскоё городище в урочище «Змеевка», на правом берегу Дубровенки, возле моста по проспекту Мира. Его площадка имела овальную форму (примерно 25X20 м). Толщина культурного слоя составляла 40 и более сантиметров. В 1930 г. здесь небольшие раскопки вел В. Р. Тарасенко. Он нашел лепную гладкостенную керамику, угли и остатки обгорелого дерева, закопченные камни [97]. Городище многослойное с остатками культур железного века (VII в. до н. э.— VIII в. н.э.) и эпохи раннего феодализма.

Важные сведения об археологических памятниках Могилева и его окрестностей были собраны в дореволюционные годы выдающимся белорусским ученым Е. Р. Романовым. В 2 км от Могилева, в урочище «Городщизна», вверх по Днепру, на правом берегу реки, в 1 км от высокого берега на лугу он открыл селище с лепной и круговой керамикой разных эпох, в том числе XI—XII вв.

Наиболее удобным местом для укрепленного поселения на территории современного Могилева была возвышенность Могила при впадении реки Дубровенки в Днепр, где сейчас находится парк имени Горького. Е. Р. Романов утверждает, что здесь на «Валу» существовало древнейшее городище значительных размеров. Недалеко, в обрыве Дубровенки, он нашел лепную толстостенную керамику[98], относящуюся, по-видимому, к середине I тысячелетия н.э. Вероятно, возле городища существовали селища V—VII вв. Вблизи этих мест до 1888 г. сохранялись погребальные курганы. В них находили стеклянные золоченые бусы XI в. и другие вещи[99].

Городище «Вал» — пример сложного укрепленного поселения. Здесь, по сообщениям поздней местной хроники, в 1267 г. был построен Могилевский замок, вокруг которого позже сформировался город [100]. Авторы этой хроники утверждают, что замок получил название от имени князя Льва Даниловича, Могия (Могучий лев), который будто бы ооновал его [101]. Другие полагают, что Могилевский замок построил внук Льва Даниловича — Лев Юрьевич около 1319 **г.**

В период позднего феодализма Могилев имел три пояса укреплений. Историческую топографию старого Могилева исследователи сравнивают с планировкой Москвы [102].

Много других легенд и преданий существует о происхождении названия города. В Барколабовской летописи — памятнике Белорусской письменности XVI—XVII вв.— сказано: «Лета 1526 г. больший замок зароблен, и принято много горы Могилы, на которой теперя замок Могилев стоит, по на горце Могиле, назван Могилев» [103]. Однако, учитывая,

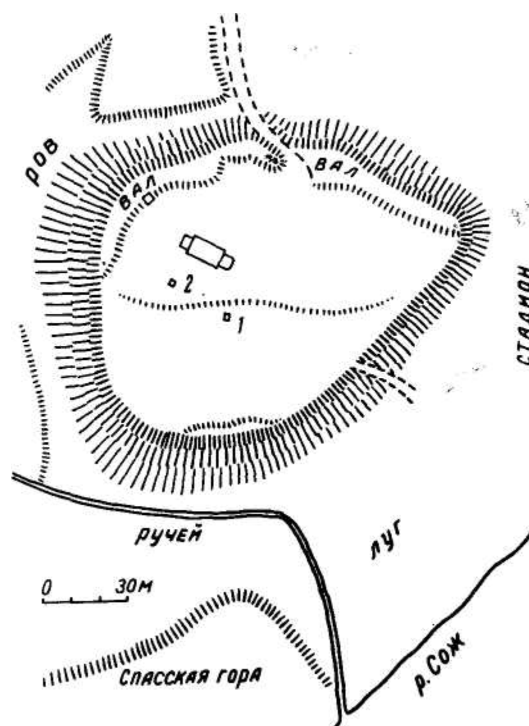

Рис. 48. План городища «Замковая гора» в Кричеве. 1, 2 шурфы, 1967 г.

что в названии города присутствует суффикс принадлежности «ев», исследователи склонны считать происхождение названия «Могилев» от личного имени Могило [104].

Кричев. Числится в «Списке русских городов дальних и близких» конца XIV в. Назван также в списке городов, замков и земель, которые находились под управлением литовского князя Свидригайло. Этот документ датируется 1430—1432 гг. [105] В 1440 г. Кричев упоминается в Новгородских летописях. Между тем в уставной грамоте Ростислава Мстиславича (1136 г.) назван Кречют, плативший 10 гривен дани, в котором исследователи усматривают Кричев.

По народному преданию, Кричев в незапамятные времена назывался Кривичевым и был основан кривичами. Город расположен на правом берегу Сожа, при впадении Кричевки [106].

На плане Кричева 1778 г. на правом берегу реки Сож показана «крепость» округлой формы [107]. С восточной ее стороны находится Ставок, воды которого в старые времена заполняли глубокий ров, отделяющий «крепость» от плато коренного берега Сожа. В народе это городище называется «Замковая гора».

Площадка Замковой горы немногим превышает 0,5 га. В. В. Седов считает, что городище построено во второй половине XII или начале XIII вв. По его мнению, Кречют, по-видимому, был центром небольшой волости и располагался на этом месте [108].

В 1967 г. на Замковой горе в Кричеве были проведены небольшие археологические раскопки (Г. В. Штыхов). В шурфе близко к центру городища обнаружен культурный слой мощностью в один метр. Он содержит много керамики с зеленой поливой и печными изразцами XVII—XVIII вв. В предматериковом слое серой земли найдена более ранняя керамика (XII—XIII вв.). В шурфе, заложенном в северо-западной части городища, мощность перемешанного культурного слоя достигала 2 м.

В Кричеве на территории современного города известно другое городище. Оно расположено в 2—3 км от Замковой горы и называется «Городцом» или «Пречистенской горой». Это интересное городище, очень важное для изучения ранней истории Кричева, почти полностью разрушено водами, ветром, кладоискательскими ямами. Сейчас от городища осталась небольшая, но довольно высокая горка. Восстановить размеры городища не представляется возможным. Возле городища протекает ручей. На юг от городища местность до настоящего времени называется Гончаровкой.

На этом разрушенном городище можно найти как легшую, так и круговую керамику раннефеодальной эпохи. Здесь встречается лепная керамика милоградского и зарубинецкого облика, керамика типа Дедилович (V—VIII вв. н.э.). Есть лепная керамика, подправленная на гончарном круге. Много керамики круговой с высокой шейкой и волнистым орнаментом. В 1967 г. при обследовании городища найден древний железный пинцет. По словам местных жителей, здесь были найдены стеклянные браслеты.

Судя по всему, первоначальным укрепленным центром Кричева было городище «Городец». Оно было заселено, начиная с раннего железного века. Возможно, в XII или **XIII** вв. укрепленный центр Кричева был перенесен на Замковую гору. Однако, чтобы более уверенно говорить об этом, необходимы новые широкие археологические раскопки.

Мстиславль. Согласно приписке, сделанной не ранее 1150 г. к уставной грамоте князя Ростислава, Мстиславль обязан был платить смоленскому князю «погородие» (которое взималось с городов), а также вносить «почестье» (натуральные дары) лисицами [109]. Этим зверем всегда изобиловали его окрестности. В 1156 г. князь Изяслав Давыдович «стояще у Мстиславля створища мир с сыновьями своими». Значит Мстиславль в это время уже имел укрепления, его приходилось осаждать. В 1180 г. город был столицею удельного княжества. Здесь княжил Мстислав Романович. Летопись приписывает ему основание города, названного по его имени. Возможно, Мстислав усилил городские укрепления или расширил их. В 1196 г. Мстислав Романович, заняв смоленский престол, присоединил свой удел к Смоленскому княжеству. Этот князь после битвы на реке Калке в 1223 г. погиб в татарском плену.

В Мстиславле известно два археологических памятника — Девичья и Замковая горы. Девичья гора — городище раннего железного века, к истории Мстиславля отношения не имеет [по].

Древний Мстиславль располагался на Замковой горе. Это очень высокая возвышенность на правом берегу живописной реки Вихры. Гора со всех сторон окружена оврагами. Ее площадка 140X130 м. Единственный вход на городище имеется, с юго-западной стороны. На городище с восточной стороны сохранился вал. С юга к крепости примыкал окольный город, окруженный валом.

В Мстиславле проводит систематические раскопки московский археолог Л. В. Алексеев (вскрыто 600 $м^2$ культурного слоя). Они показали, что город Мстиславль, расположенный в некотором отдалении от путей сообщения, возник в XII в. Обнаружены остатки деревянных построек XIII—XIV вв., много орудий труда, украшений и бытовых предметов [111]. В культурном слое хорошо сохранились многочисленные изделия из кожи, обувь и пр.

Лучин. Известен по грамоте Ростислава Мстиславича и, следовательно, существовал в 1136 г. В Ипатьевской летописи говорится, что князь Рюрик Ростиславич покинул Новгород в 1173 г. и возвращался с семьей в свои южные владения. В Лучине у него родился сын Михаил-Ростислав. В память об этом князь построил здесь церковь святого Михаила и подарил новорожденному «его Лучин город». Согласно уставной грамоте, Лучин как пограничный пункт, лежащий на важном водном пути, платил «мыто» (пошлина за право провоза товаров) и «корчмити», т. е. пошлину с корчем, устроенных в нем. Городок был торговым и таможенным пунктом. Кроме этого, он платил «полюдье» (княжескую дань). Возможно, речь идет о Лучине, расположенном на Днепре возле Рогачева. Здесь выявлены остатки древнего населенного пункта.

В 1896 и 1905 гг. Е. Р. Романов обследовал археологические памятники возле Лучина (ныне деревня в Рогачевском районе). Е. Р. Романов описал огромную курганную группу, в которой тогда насчитывалось 130 насыпей. Он раскопал 6 курганов. В пяти случаях обнаружены погребения в гробах без сопровождающего погребального инвентаря. В шестом случае гроб стоял на подстилке из слоя золы с углями. Возле костяка у ног стоял горшок и лежало шиферное пряслице, около головы было шесть кривичских височных колец из Серебряной проволоки, подле шеи — несколько бус, в том числе две синие стеклянные с ромбической инкрустацией, у пояса находился ножик. Погребена старая женщина. Представляет большой интерес сообщение Е. Р. Романова, что возле Лучина «были найдены великокняжеские серебряные рубли киевского периода (пластинчатые), «айден был ларец с кладом серебряных гривен, браслетов, серег и т. п.»

В 30-е годы исследования в Лучине производил белорусский археолог А. Д. Коваленя. Он опубликовал планы двух городищ, описал их [112]. Б. А. Рыбаков считал Лучин на Днепре колонией смоленских кривичей [пз]. Городища в Лучине обследовали О. Н. Мельниковская, Л. Д. Поболь. По определению О. Н. Мельниковской, на городище Попова гора есть материалы милоградской и зарубинецкой культур, а также эпохи Киевской Руси. На втором городище культурный слой почти отсутствует, но встречаются находки домонгольского времени.

В 1966 г. на городище Попова гора произвел исследования П. Ф. Лысенко. Площадка городища имеет полукруглую форму (90—100 м в диаметре), окружена оборонительными валами (до 2,5 м), с внешней стороны которых слабо прослеживается распаханный ров. С южной стороны вал имеет разрыв, очевидно, с этой стороны был въезд. С северной стороны городище примыкает к обрыву Днепра и разрушается во время половодья. В двух шурфах выявлен культурный слой мощностью до 1,6 м.

Найдены фрагменты стеклянных браслетов, шиферные пряслица, обломок железного сошника. Круговая керамика нижних пластов датируется XI—XII вв. В обнажении культурного слоя обнаружен железный шлак, сохранивший форму лещади домницы.

Брагин (Брягин). Расположен в зоне смешения дреговичей, полян и северян. Возникнув как дреговичский город, он вскоре попадает в за-

висимость от киевского князя, В 1147 г. «...по том же времени како уже рекы сташа пославше Ольгович и Давидовича дружину свою с половцы воеваша Брягин...» "[14] Это был поход черниговских князей в отмщенье князю киевскому Изяславу **Мстиславичу** за разорение черниговских городов. В 1187 г. киевский князь Рюрик Ростиславич подарил «город Брягин» своей снохе Верхуславе.

Узкая возвышенность, на которой расположен Брагин, прорезана рукавом Брагинки. Наиболее удобная для древнерусского города часть **возвышенности** ограничена с восточной **и** северной стороны болотистой поймой Брагинки и руслом ее рукава. С южной напольной сторюны ее

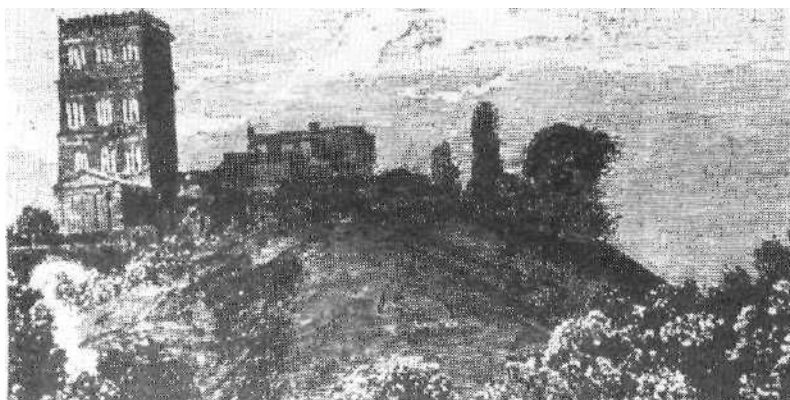

Рис. 49. Городище в Гомеле

отделяет неширокая и неглубокая низменность**,** напоминающая заплывший оборонительный ров. Склоны к пойме Брагинки еще и сейчас довольно круты. Западную границу городища определить трудно, так как при строительстве крупных зданий изменился рельеф местности. Раньше здесь был расположен замок князей Вишневецких, а использование древнерусских городищ при строительстве феодальных замков представляет собой обычное явление. Примечательно, что часть города к югу от предполагаемого местонахождения древнего Брягина и в настоящее время называется «Загородье». По-видимому, именно здесь был расположен древний Брягин [115]. Однако с полной уверенностью говорить об этом можно лишь после археологических исследований.

Гомель (Гомий**,** Гомье). Гомель возник на территории расселения радимичей. Город стал известен с 1142 г. в связи с ожесточенной борьбой черниговских Ольговичей и Мономаховичей за киевский престол. Смоленский князь Ростислав Мстиславич, узнав о битве Ольговичей с киевским князем Изяславом Мстиславичем, «поиде на волость их и взя около Гомия волость их всю».

В результате событий 1142 г. черниговским князьям удалось вернуть Гомель снова под свое подчинение. Черниговский князь Изяслав Давыдович, ставший великим киевским князем, удержал за собой город. В 1159 г. во время междоусобий он бежал в Гомель, где дожидался приезда своей жены. Из этого следует, что Гомель имел укрепления, за которыми пыталась укрыться княжеская чета "[6].

После смерти Изяслава (1161 **г.**) владельцем Гомеля стал Святослав Ольгович, однако в 1165 г, город захватил Святослав Всеволодович.

В короткий промежуток времени Гомель переходит сначала к Олегу Святославичу, известному неудачными набегами на половцев, а затем к герою «Слова о полку Игореве» —Игорю Святославичу[117].

Древнейшее городище расположено на берегу Сожа, где сейчас находится парк культуры и отдыха имени А. В. Луначарского. Оно было на отроге берега за бывшей дворцовой постройкой при впадении в Сож Гомеюка. Городище возникло в раннем железном веке и основано населением, которому принадлежат памятники милоградской культуры.

В период феодальной раздробленности Гомель занимал всю территорию между двумя рвами, где теперь располагается областной краеведческий музей и Дворец пионеров. На плане Гомеля 1783 г. здесь при впадении Гомеюка в Сож показано большое городище овальной формы (замок). К западу от замка, где ныне раскинулась центральная площадь, по-видимому, находился древний посад города[118].

В 1926 г. на Гомельском городище вел небольшие раскопки археолог И. X. Ющенко, во время которых и были обнаружены напластования раннего железного века и эпохи Киевской Руси X—XII вв. Мощность культурного слоя составила 2,5 м[119].

В 1822 г. при строительстве моста Гомель—Ново-Белица был найден клад, в котором оказалось 82 арабские монеты саманидской чеканки (896—943 гг.). В окрестностях Гомеля в 1893 г. вел раскопки курганов В. Б. Антонович.

Чечерск (Чичерск). В Ипатьевской летописи впервые назван в 1159 г., когда великий князь киевский Изяслав Давыдович возвращает его во избежание усобиц Святославу Ольговичу черниговскому. В той же летописи под 1168 г. о Чечерске говорится как о городе Черниговской земли, лежащем на пути из Киева в Смоленск.

Городище древнего Чечерска расположено на Чечере. Оно занимает северо-восточную, выступающую часть высокого берегового плато и отделено от него широким (20—25 м) и глубоким (3—7 м) рвом. Форма городища круглая, площадью около 0,5 га. В 1928 г. раскопки вели здесь А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский [120].

Первые поселенцы на Чечерском городище появились в эпоху первобытнообщинного строя, примерно 2—2,5 тыс. лет тому назад. Они были носителями милоградской и зарубинецкой культур. В дальнейшем Замковая гора запустела. Трудно сказать точно, сколько времени прошло до того, как здесь снова появились люди, которых можно считать первыми жителями Чечерска, как населенного пункта городского типа. Археологические материалы свидетельствуют, что это произошло не позже XI столетия.

Речица. Упоминается в Густинской летописи под 1213 г., а в первой Новгородской летописи под 1214 г. как город «черниговский». В этом году она была рагромлена новгородским князем Мстиславом.

Название города буквально повторяет наименование небольшой реки — Речица, которая протекала в пойме Днепра, впадая в него почти напротив Речицкого городища (обозначена на плане города XVIII в.). Название типично славянское (основа «река» со старославянским суффиксом «ица»).

Укрепленный центр города (Старая крепость) располагался на обычном городище первобытнообщинного времени (ныне парк над Днепром). Его площадь теперь составляет примерно 0,25 га, но часть городища разрушена у обрыва Днепра. На городище земетны остатки древнего вала. Возле городища на высоком берегу Днепра.возник посад. Он полукольцом окружал Старую крепость[121], не распространяясь, по-видимому, от берега Днепра далее современной Советской улицы. Старый

рынок находился у горы при слиянии Речицы и Днепра. Речица была небольшим городком на северо-западных рубежах Черниговской земли. Этот городок имел все основные элементы древнего города — крепость, посад, рынок.

На Речицком городище в 1953 г. вел небольшие раскопки Э. А. Сымонович. Культурный слой оказался сильно перемешанным и бедным находками. В нем найдена лепная керамика милоградской и зарубинецкой культур, а также кружальная посуда феодальной эпохи.

В 1909 г. на правом берегу Днепра возле городища в песке была случайно обнаружена медная византийская монета императора Иоанна Цимисхия (964 г.).

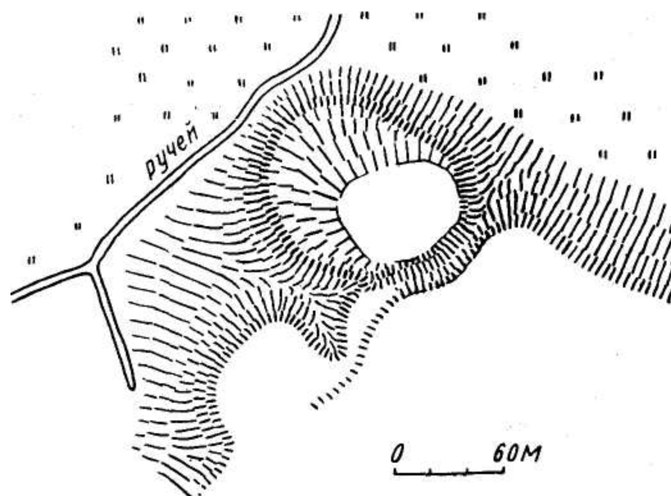

Рис. 50. План городища в Чечерске

Славгород. До 1945 г. назывался Пропойском. Древнее его название Прупой или Пропошеск. Прупой впервые упомянут в уставной грамоте Ростислава Мстиславича (1136 г.). В это время Прупой был слабо населен. С него причиталось «полюдия» 10 гривен. В росписи, устанавливающей поборы с городов («погородие»), Прупой вообще отсутствует. Возможно, в середине XII в. он не считался городом и представлял собой первый смоленский пункт на Соже у границы с Черниговским княжеством на пути из Среднего Поднепровья в Смоленск, и здесь находились постоялые княжеские дворы.

Однако в прошлом роль Пруиоя в жизни населения Белорусского Посожья была более значительной, чем в XII столетии. Это один из немногих древних городов, расположенных на территории расселения радимичей. Как уже отмечалось, в 984 г. воевода киевского великого князя Владимира Волчий Хвост разбил радимичей на реке Пещань (Песчанка). В бассейне Сожа есть несколько речек Песчанок. Одна из них — небольшой правый приток Сожа — протекает в 6 км от Славгорода. В литературе обычно с этой Песчанкой связывают события 984 г.

Городище древнего Прупоя (Замковая гора) расположено на крутом правом берегу Сожа недалеко от устья речки Прони. Склоны городища обрывистые. Оно вытянуто с севера на юг, очень хорошо укреплено самой природой. Размеры городища 40x95 м. В специальной литературе отмечалось, что на памятнике есть следы милоградской культуры, культуры штрихованной керамики и эпохи Киевской Руси[122].

В 1967 г. велись небольшие археологические раскопки (Г. В. Штыхов). Мощность культурного слоя оказалась 1,8 м. На глубине 1 м от дневной поверхности найдена древняя керамика, изготовленная на гончарном круге, стеклянные браслеты черного и голубого цвета. Редкая находка — браслет красного цвета. Встречены также сланцевые пряслица, стеклянные бусы. Одна бусина лимоновидная, тройная, из синего полупрозрачного стекла. Такие бытовали в X — первой половине XI в. На материке найдена лепная керамика. Помимо черепков милоградской культуры и культуры штрихованной керамики, есть обломки сосудов VI—IX вв.

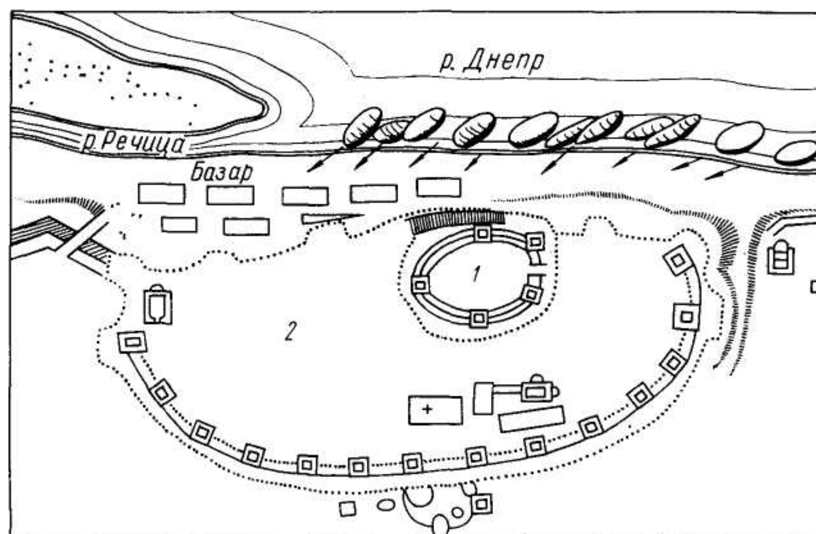

Рис. 51. План Речицы в середине XVII в. с обозначением древнейшей части города:

1—детинец, 2—окольный город

Внизу, у склона городища обнаружена лепная керамика позднезарубинецкого времени (II—V вв. н. э.), а у обрыва реки севернее Замковой горы — керамика эпохи Киевской Руси. Напротив того места, где Проня впадает в Сож, найдены древние железные предметы, среди них кресало.

Археологические раскопки говорят о весьма длительном времени заселения Прупойского городища и окружающей его территории с самого начала железного века. Наиболее темным местом в истории Прупоя остается IX в. н.э. Можно считать доказанным его существование в XI столетии. Не исключена и более ранняя датировка напластований города [123].

Что же представлял собой Прупой в это время? Какую роль играл в жизни радимичей?

Ответить на эти вопросы можно лишь связав историю Прупоя с историей других посожских и радимичских городков. Б. А. Рыбаков, например, отметил: «Из всех городков, которые называет летопись в междуречье Десны и Днепра, только три могут считаться безоговорочно радимичскими — это Гомьи, Чичьирьскь и Прупой». В радимичских юродках X—XI вв. он усматривал маленькие цитадельки «тверди», построенные местным населением для отсиживания в них во время родовых междоусобиц и нападения князей, собиравших полюдье. На основе этих «твердей» медленно развивались в XII—XIII вв. небольшие города,

центры ремесла и торговли[124]. У радимичей нельзя назвать какой-нибудь крупный населенный пункт городского типа, наподобие Полоцка у полоцких кривичей, который явился бы значительной централизующей силой.

4. ГОРОДА БЕЛОРУССКОГО ПОНЕМАНЬЯ

Область, расположенная в бассейне верхнего Немана с городами Гродно, Новогрудком, Волковыском, Слонимом, Здитовом, в исторической литературе называется «Черной Русью». Границы «Черной Руси» в своих работах определяют Н. Н. Воронин, М. К. Любавский, В. Б. Антонович, П. Д. Брянцев и др.[125]

«Черная Русь» была известна в Венеции еще в середине XV в., она отмечена на карте, составленной в 1459 г. монахом Фра Мауром для португальского короля Альфонса V. В. И. Ламанский предполагал, что в Польше и Литве «Черная Русь» была известна в XIV в., возможно, и ранее[126].

Само название обычно связывается со временем образования Великого княжества Литовского, часть которого стала именоваться «Черной Русью». Понятие «черный» означало состояние зависимости, угнетения [127]. Не исключено, однако, как считает Н. Н. Воронин, что за этим термином скрываются более древние особенности этой территории, сложившиеся в процессе соприкосновения различных этнических элементов [128]. В. И. Пичета в своей работе «Образование белорусского народа» указывает, что «Черная Русь» — это особое этническое ядро в бассейне верхнего течения Немана, где встретились полоцкие кривичи, припятские дреговичи и литовские племена [129]. И. Д. Беляев связывал это название с колонизацией земель дреговичей полочанами. К дреговичам, вошедшим в состав Полоцкой земли, было «применено наименование «Черной Руси» в отличие от главного племени «Белой Руси» или полочан-колонизаторов» [130]. Е. Ф. Карский в своей работе «Белорусы» связывал происхождение термина «Черная Русь» с черными кафтанами жителей этих мест в отличие от белорусов, которые в большинстве случаев одеваются в белые свитки или белые кожухи и носят белые шапки [131]. В XVI в. в Польше «Черной Русью» называли ту часть восточнославянских земель, которая принадлежала Польше, а «Белой Русью» — Московскую Русь [132]. По-разному решается историками вопрос об истоках колонизации Белорусского Понеманья. Полоцкой колонией считали «Черную Русь» М. К. Любавский, И. Д. Беляев, В. И. Пичета[133]. По мнению А. М. Андрияшева и Е. Ф. Карского, колонизация Понеманья шла преимущественно из земель дреговичей [134]. Н. П. Барсов писал, что ятвяги верхнего Немана были оттеснены за Нарев и Бобр «благодаря воинственной деятельности Ярославичей» и славянской колонизации, вышедшей из коренных земель кривичей, дреговичей, древлян и полян [135]. По В. Б. Антоновичу, существовавшие в землях ятвягов города были основаны волынскими князьями по мере покорения ими этой страны [136].

Основываясь на гидронимических данных, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев пришли к выводу, что восточные славяне, осваивавшие территорию к северу от Припяти вплоть до верховьев Немана, пришли сюда с востока, с днепровского левобережья, и лишь позже «уже на глазах истории стали распространяться к северу, вытесняя или ассимилируя более древнее население» [137].

Наличие в бассейне верхнего течения Немана-реки, повторяющей название «Рось днепровская», Н. Н. Воронин считает свидетельством проникновения сюда славянской колонизации с юга. Вместе с тем он допу-

екает также продвижение славян к верховьям Немана с востока (по правобережным притокам Березины)[138].

Для окончательного решения вопроса об истоках славянской колонизации необходимы дальнейшие археологические исследования. Однако уже теперь не приходится сомневаться в том, что на рубеже I и II тысячелетий земли Верхнего Понеманья были полностью освоены славянами. В XI—XII вв. здесь уже существуют их города: Гродно, Турийск на Немане, Волковыск на притоке Роси Волковые, Слоним на Щаре, Новогрудок на водоразделе Сервечи и Молчади, вероятно, Свислочь в верховьях Свислочи и др.

В «Хронике Быховца» говорится, что к моменту нашествия полчищ Батыя на Русь славянские поселения занимали все Верхнее Понеманье и Среднее Побужье [139]. Это же следует из сообщений хроники М. Стрыйковского [140].

Древние судьбы «Черной Руси», расположенной на отдаленном порубежье Полоцкой и Галицко-Волынской земель, почти не нашли отражения в письменных источниках (как русских, так и зарубежных). Летописные известия, относящиеся к истории этого далекого края, весьма скудны и фрагментарны. Эти известия касаются главным образом русско-ятвяжских и русско-литовских отношений.

Приведем здесь некоторые сообщения русских летописей о Литве с конца XI до конца XIII в.

Под 1040 г. в «Повести временных лет» сообщается: «Ярослав иде на Литву». Кроме того, в Новгородской первой летописи младшего извода под 1044 г. находим известие: «Ходи Ярослав на Литву» [141]. Куда именно были предприняты эти походы, летописи не сообщают. У литовского историка Т. Нарбута есть сообщение о том, что Ярослав разбил литовцев где-то в окрестностях Слонима, затем перешел Неман и подчинил себе Литву по левый берег Вилии [142].

Под 1132 г. в Ипатьевской летописи говорится о большом походе на Литву, организованном князем Мстиславом Владимировичем киевским: «Ходи Мьстислав на Литву, с сынъми своими, и с Олговичи, и с Всеволодом Городеньским»[143]. В этом походе, свидетельствует летопись, участвовали гродненские силы во главе с гродненским князем Всеволодкой Давидовичем. Следовательно, Гродно в то время был уже столицей удельного княжества.

Около середины XIII в. в Новогрудке утвердился князь Миндовг, с именем которого связано начало образования Великого княжества Литовского [144]. Сам Миндовг княжил в Новогрудке, а сыну своему Войшелку, который находился в вассальной зависимости от великого князя, передал Слоним и Волковыск.

В 1252 г. галицко-волынские войска Даниила и Василько Романовичей вторглись в Понеманье: «Данило же и Василко поидоста к Новоугородоу. Данилъ же и Василко, брать его, разгадавъ со сыномъ, брата си посла на Волковыскъ, а сына на Оуслонимъ, а сами иде ко Здитову, и поимаша грады многы и взвратишася в домы» [145]. По мирному договору, заключенному около 1254 г., вся эта территория была передана Войшелком сыну Даниила князю Роману Даниловичу. Женившись на дочери Глеба Волковысского Елене, Роман стал княжить в Новогрудке.

В 1256 г. войска Романа Новгородского, Глеба Волковысского и Изяслава Свислочского участвуют в походе Даниила и Василько Романовичей на ятвягов [146].

Мирные отношения между галицко-волынскими и литовскими князьями продолжались недолго. В ответ на вторжение русско-татарских войск Бурундая и Василько Романовича в собственно литовские земли и

землю ятвягов (1258 г.) литовские князья Войшелк и Товтивил схватили и убили Романа Даниловича. Тогда Даниил Романович предпринял новый поход в «Черную Русь». Чем кончился этот поход, летопись не сообщает. Даниил занял Волковыск, но остальные города «Черной Руси» остались за Литвой. Как свидетельствует Ипатьевская летопись, Войшелк опять стал княжить в Новогородке в качестве вассала Миндовга [147].

После смерти Миндовга (1263 г.) началась ожесточенная борьба за великокняжеский престол. Одно время на престоле утвердился его сын Войшелк (1247—1267 гг.). Вначале Войшелк управлял совместно со своим зятем галицким князем Шварном Даниловичем, причем «Черная Русь» была подвластна Шварну [148]. Позже Войшелк,- передал великое княжение Шварну Даниловичу, а сам удалился в монастырь.

После смерти Шварна Даниловича великим литовским князем стал Тройден. Земли Белорусского Понеманья снова переходят под власть литовских князей. Попытки галицкого князя Льва Даниловича, использовать татар для того, чтобы вернуть эти земли, успеха не имели. Волынские князья сумели отвоевать только Слоним и Турийск.

В Ипатьевской летописи есть описание двух походов «на Литву» с участием татар. Во время одного из них объединенные русско-татарские войска дошли до Новогрудка, окольный город которого был втайне от других русских князей захвачен Львом Даниловичем. Подошедшие затем князья возмутились поступком Льва и «возвратишася во свояси». Второй поход (1277 г.) тоже не принес удачи галицко-волынским князьям. Князь Мстислав Луцкий и сын Льва Юрий потерпели поражение под Гродно. Татары самостоятельно «повоевали» окрестности Новгородка [149].

В конце княжения Тройдена между Литвой и Галицко-Волынской Русью установились мирные отношения. Волынский князь Владимир Василькович продавал хлеб зависимым от Тройдена ятвягам. Княжившие после Тройдена братья Будивид и Будикид возвратили волынскому князю Мстиславу Даниловичу Волковыск, «абы с ними мирь держал» [150].

Гродно (Городно, Городень). Под 1116 г. в Ипатьевской летописи читаем: «Том же лете Володимер (Мономах) отда дщерь свою Огафью за Всеволодка». В этом сообщении еще не говорится, что Всеволодка — это гродненский князь, но уже в 1128 г. «Всеволодка из Городна» участвует в походе на Полоцк.

О времени возникновения города никаких сообщений в летописях нет. Все имеющиеся в письменных источниках ранние упоминания, связанные с Гродно, касаются не самого города, а деятельности отдельных гродненских князей. Единственное летописное известие, связанное с жизнью города, относится к 1183 г. «Того же лета Городен погоре всь и церквы каменая от блистания молние и шибения грома» [151].

Скудность письменных данных о начальном периоде истории города затрудняла решение вопроса о местонахождении летописного Гродно. Одни исследователи (Н. Кукольник, В. Б. Антонович, А. С. Сементовский, В. В. Грязное) считали, что упоминаемое в летописи Городно—это современное Гродно на Немане. По мнению других (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Н. П. Барсов, Д. М. Милютин), исключительно большая отдаленность неманского Гродно от важнейших древнерусских политических центров не позволяет связывать с ним сообщения летописей. Эти авторы летописное Гродно определяли в одноименном местечке на правобережье Припяти (в 50 км к юго-востоку от Пинска). Некоторые историки летописные сведения XII в. относили к Гродно пинскому, а сообщения XIII в. связывали с Гродно неманским. Ответ на вопрос о местонахождении древнего Гродно могли дать лишь археологические исследования.

Раскопки в Гродно были начаты польскими археологами Ю. Едковским (1932—1937 гг.), 3. Дурчевским (1937—1939 гг.) и продолжены советским археологом Н. Н. Ворониным (1949 г.). Работы велись па территории так называемого Старого замка. Старый замок, или Замковая гора,— это высокий (до 32 м) треугольный в плане мыс, расположенный у впадения Городничанки в Неман. К востоку от Старого замка за глубоким оврагом находится Новый замок (возник в XIV—XV вв.), а на

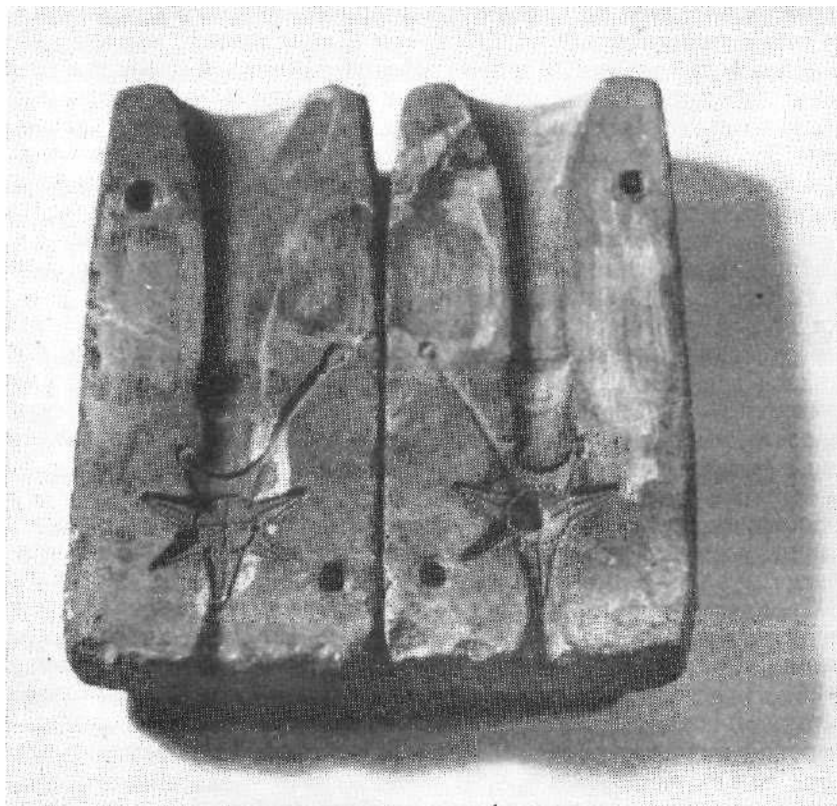

Рис. 52. Каменная отливочная форма конца XII — начала XIII в. из Гродно

противоположном берегу Городничанки есть возвышенность, известная под названием «Коложи». Здесь сохранились остатки выдающегося памятника архитектуры XII в.— Борисоглебской церкви.

В процессе археологических раскопок и различных земляных работ было установлено наличие древних напластований не только на Старом и Новом замках, но и на значительном расстоянии от них (на современных Замковой улице, улице Олега Кошевого, Советской площади). Согласно старым описям города, примерно в 650 м к юго-востоку от Замковой горы была Курганная улица (по-видимому, здесь когда-то находился курганный могильник). Часть города по берегу Немана называлась Подолом. Сюда вела Великая улица. Все эти названия типичны для топонимики древних городов восточного славянства.

Возникновение поселений на Замковой горе относится ко второй половине или даже к концу XI в. Уже само положение укрепленного центра на высоком неприступном мысу говорит о его военном назначении. Архе-

ологические данные подтверждают правильность этого предположения. В вещевом материале первоначального поселка наиболее богато представлены замки, ключи и предметы вооружения (шпоры, сулицы, наконечники стрел и т. д.). Следовательно, в составе поселения были состоятельные вооруженные люди, в том числе конные воины-дружинники. Наряду с воинами здесь жили и работали ремесленники (гончары, ювелиры, косторезы, кузнецы, столяры, плотники и др.). Все поселение было, несомненно, окружено оборонительными сооружениями — земляным валом с деревянными стенами или тыном. От этих древнейших укреплений не осталось, к сожалению, и следов. Первоначальная крепость на Замковой горе существовала недолго. Вскоре после возникновения она погибла при пожаре [152].

В начале XII в. гродненская крепость превратилась в резиденцию князя, центр удельного княжества. Возможно, это превращение было связано с прибытием в город князя Всеволодка Давидовича с женой Агафьей, дочерью Владимира Мономаха. Несомненно, что прежде всего были восстановлены сгоревшие укрепления. Затем были проведены большие нивелировочные работы, которые сместили остатки сгоревших построек. Где-то в крепости, по-видимому, в восточной нераскопанной части строятся дворцовые княжеские постройки и жилища дружинников. Позже в центре крепости возводится большая богато украшенная церковь (Нижняя), а вслед за ней — кирпичные башни крепости. Территория вокруг церкви застраивалась деревянными домами. При этом, если первоначально застройка крепости деревянными зданиями была довольно редкой, то со временем (особенно после пожара 1193 г.) она стала все более плотной. Ориентировка церкви определяет ориентировку построек и мощенных деревом улиц. Одна улица проходила с севера на юг мимо западной стены храма, другая — с запада на восток мимо южной его стены. Городские ворота располагались в восточной части крепости.

Жилые постройки имели размеры от 3,4Х3,4 м до 4,4 м. Некоторые срубы стояли на «стульях» из вертикальных свай или камней. Внутри жилых изб были дощатые полы. В одном из углов помещалась глинобитная с включением камня печь на деревянной платформе. Кровля настилалась по стропилам и имела «курицы». Внутренние дворики мостились деревом и, возможно, прикрывались навесами на столбах. Хозяйственные постройки отличались от жилых изб лишь меньшими размерами, техника их была такой же. Общий облик застройки и характер строительных приемов типичен для древних городов лесной полосы Восточной Европы. Н. Н. Воронин особо отмечает сходство строительных приемов и застройки Гродненской крепости с деревянной застройкой Давид-Городка — города князя Давыда Игоревича, отца Всеволодки гродненского.

В XII — первой половине XIII в. наблюдается быстрый экономический и культурный подъем города, который прекрасно иллюстрируется количеством и качеством находок, обнаруженных в слоях этого времени. Хотя ни дворец князя, ни жилища дружинников не исследовались, обилие предметов вооружения, разнообразие дорогих привозных и высокохудожественных местных изделий не вызывают сомнения в аристократической принадлежности значительной части населения Замковой горы. Ремесленный посад в XII—XIII вв. занимал обширную территорию к востоку и северо-востоку от крепости в пределах излучины Городничанки и возвышенности, занятой позже Новым замком.

Во второй половине XII—XIV вв. в материальной культуре Гродно наблюдается некоторый .упадок. Это было связано с той боевой обста-

новкой, в которой находилась крепость. Скачала борьба литовских и галицкс-волынских князей за обладание «Черной Русью», затем борьба с тевтонскими рыцарями — все это не могло не сказаться на экономике и культуре города [153]. Однако никаких оснований для утверждений о каком-то резком упадке культуры или изменении ее характера в «литовское время» {как писал Ю. Едковский) вещевые материалы из слоев XII—XIII вв. не дают. Старые восточнославянские традиции отчетливо прослеживаются как в планировке и застройке крепости, так и в хозяйственной и культурной ее жизни.

Новогрудок (Нювгородок, Новогород, Новый Городец). Вопрос о первом упоминании города в летописях решить трудно. В. Н. Татищев сообщал, что в 1119 г. минский князь Глеб с полочанами «начал воевать области Владимировых детей, Новогородскую и Смоленскую».

Рис. 53. Костяное орнаментированное изделие XII в. из Новогрудка

По мнению других историков, это событие (если оно действительно было) произошло в 1117 г. В Ипатьевской летописи под 1235 г. упоминается князь Изяслав «Ногородьский» — союзник или вассал Миндовга. Прямое сообщение о «Новогороде» понеманском относится к 1252 г. Здесь был коронован Миндовг — великий князь литовский. Новогрудок стал первой столицей Миндовга, По сообщению Ипатьевской летописи, в 1253 г. Даниил Галицкий «плениша всю землю Новгородскую». Среди других сообщений летописи о борьбе галицко-волынских и литовских князей особый интерес представляет сообщение под 1274 г. о существовании в Новогрудке наряду с детинцем так называемого окольного города [154].

По мнению некоторых исследователей, Новогрудок являлся центром новой области, образовавшейся в результате колонизации Понеманья славянами, пришедшими из Среднего и Верхнего Поднепровья. В. Т. Пашуто высказал предположение, что в Новогрудке (или в одном из православных монастырей самого Новогрудка, или, может быть, даже в том монастыре, который основал Войшелк на Немане «межи Литвою и Новымъ городкомъ») велось свое летописание [155]. Эту точку зрения разделяет Н. Н. Улащик [156].

Новогрудок представляет собой сложный археологический комплекс. Детинец города располагался на возвышенности, известной под названием Замковая гора. К северо-западу, западу и юго-западу от детинца простирается окольный город. К последнему примыкает холм, на котором находится церковь Бориса и Глеба.

Археологическое изучение Новогрудка началось в I956 г. славяно-литовским отрядом Прибалтийской экспедиции (рук. Ф. Д. Гуревич) и продолжается до настоящего времени.

Археологические исследования позволили удревнить историю города почти на три столетия. Многолетними раскопками на территории окольного города установлено, что поселение здесь возникло в конце или, может быть, даже во второй половине X в.[157] Первоначально (в X—XI вв.) это было довольно скромное, по-видимому, неукрепленное поселение [158] с однородным составом населения. В XII в. поселение резко меняет свой облик. Окольный город становится местом, где жило богатое население. В это время здесь возводятся большие со стеклянными окнами дома. Стены одного из них были даже покрыты фресковой росписью. Владельцы богатых жилищ имели зависимых от них ремесленников (ювелиров, косторезов и др.), работавших в пределах этих же домов [159]. На примыкавшем к окольному городу холме в XII в. была возведена церковь Бориса и Глеба. (Храм находился в том месте, где в начале XIV в. была построена сохранившаяся до наших дней церковь под этим же названием).

Однако и в XII в. вся территория окольного города была заселена знатью. В то время как в центральной и северной части сооружаются богатые дома, южная часть застраивается обычными срубными постройками, жители которых занимались сельским хозяйством и различными промыслами. В южной части окольного города с конца XI и до середины XIII в. существовало также и христианское кладбище. Характерно при этом, что поселение и кладбище чередуются: погребения, появившиеся на том месте, где в X в. стояли жилища, сменяются постройками XII—XIII вв., которые в свою очередь чередуются с новыми погребениями[160].

В середине XIII в. жизнь в окольном городе замерла и перешла на детинец. Это событие в жизни города было, несомненно, связано с усилившейся борьбой галицко-волынских и литовских князей, в ходе которой город неоднократно переходит из рук в руки. В этих условиях городская знать покидает слабо укрепленный окольный город и предпочитает жить под прикрытием мощных оборонительных сооружений детинца.

На основании раскопок, проведенных на территории детинца, можно утверждать, что заселение его произошло в конце X — начале XI в., приблизительно одновременно с заселением окольного города. В XII—XIII вв. жизнь на детинце была очень интенсивной. Именно к этому времени относится большинство обнаруженных здесь сооружений. После XIII в. жизнь на детинце не замирает, как это произошло в окольном городе, а продолжается вплоть до середины XVI в.[161] В XIII—XVI вв. здесь был сооружен каменный замок.

Одним из важнейших результатов археологического изучения Новогрудка является выявление различных типов жилищ: обычных наземных срубов, срубов, углубленных в землю, дерево-глинобитных и глинобитных построек. В северной части окольного города в слоях XII—середины XIII в. обнаружены три жилые постройки, возведенные одна над другой. Верхняя постройка была сооружена из глины с примесью кирпича и белого пористого камня. Под ней находился срубный дом площадью 8,8x6,6 м, разделенный перегородкой на две неравные части (печь находилась в меньшей его части). И, наконец, самая нижняя постройка представляла собой в плане огромный квадратный глинобитный дом площадью в 76 м^2 [162].

Наряду с громадными глинобитными домами и большими наземными срубами, являвшимися жилищами привилегированных слоев населения, в окольном городе (особенно в южной его части) неоднократно встречены постройки рядовых горожан. Это были небольшие (до 30 м^2)

наземные срубные дома с глинобитными печами или печами-каменками и деревянными полами. Помимо наземных срубных жилищ, в X—XI вв. известны срубы, углубленные в землю. Наличие в Новогрудке дерево-глинобитных домов и углубленных в землю срубов свидетельствует, по мнению Ф. Д. Гуревич, о какой-то южной домостроительной традиции [163].

Среди огромной массы обнаруженных раскопками находок следует отметить две серии особо богато представленных вещей — это амфоры и дорогая стеклянная посуда. По количеству амфорной керамики Новогрудок занимает одно из первых мест (только в 1957—1963 гг. здесь обнаружено более 2200 фрагментов амфор) [164]. Среди уникальной новогрудской коллекции стекла есть сосуды, неизвестные ранее в городах древней Руси (кубок из группы «Hedwigsglaser» — «бокалы Ядвиги.» или кубок из тонкого прозрачного стекла красно-фиолетового цвета, украшенного богатой золотой росписью). Наряду с древнерусским стеклом в Новогрудке найдены сосуды, изготовленные в византийских, ближневосточных (в частности, сирийских) и западно-европейских мастерских [165].

Находясь на границе древней Руси и Литвы, Новогрудок, как и Гродно, испытывал, безусловно, литовское и западное влияние. Ф. Д. Гуревич допускает возможность пребывания в городе литовского населения[166]. Однако характер культуры памятника в целом близок к культуре городов Киевской Руси.

Волковыск (Волковыйск, Волковысск) на страницах летописи появляется под 1252 г. Вскоре (1256 г.) летопись называет имя князя, сидевшего тогда в Волковыске, Глеба, на дочери которого Елене был женат сын Даниила Романовича галицкого Роман Новгородский[167]. Под 1260 г. летопись сообщает о взятии Волковыска Даниилом Романовичем и полонений князя Глеба. Следовательно, в середине XIII в. Волковыск был столицей небольшого удельного княжества.

Проведенные в Волковыске археологические исследования показали, что городу, известному по сообщениям русских летописей, предшествует трехсотлетняя долетописная история. Волковыск — одни из древнейших, а может быть, и самый древний город «Черной Руси». В разные годы раскопками в Волковыске руководили Ю. Едковский (1925 г.), Г. И. Пех (1958), В. Р. Тарасенко (1954—1956), П. А. Раппопорт (1959), М. К. Каргер (1966), Я. Г. Зверуго (1965—1971).

На территории современного Волковыска есть несколько мест, с которыми связана древнейшая история города. Прежде всего это высокая с крутыми склонами гора, известная местным жителям под названием «Шведской». Почти круглая в плане площадка горы окружена мощным (до 7 м высотой) оборонительным валом. С запада к Шведской горе примыкает другая возвышенность — Замчище. По высоте она несколько уступает первой, но зато значительно превосходит ее по размерам. Площадка Замчища защищена валом только с западной напольной стороны. Третья возвышенность волковысского археологического комплекса, так называемый Муравельник, находится примерно в 0,5 км к востоку от Шведской горы. Площадка этого городища почти по всему периметру окружена валом[168]. В 200 м к северо-востоку от Муравельника до недавнего времени был большой одиночный курган неправильно округлой формы (раскопан в 1969 г.).

В связи с топографией древнего Волковыска необходимо назвать еще три пункта в пределах современного города. Это, во-первых, район современного переулка Кутузова, где в 1949 г. Г. И. Пех обнаружил полуземляночное жилище с архаичной кружальной керамикой и глиня-

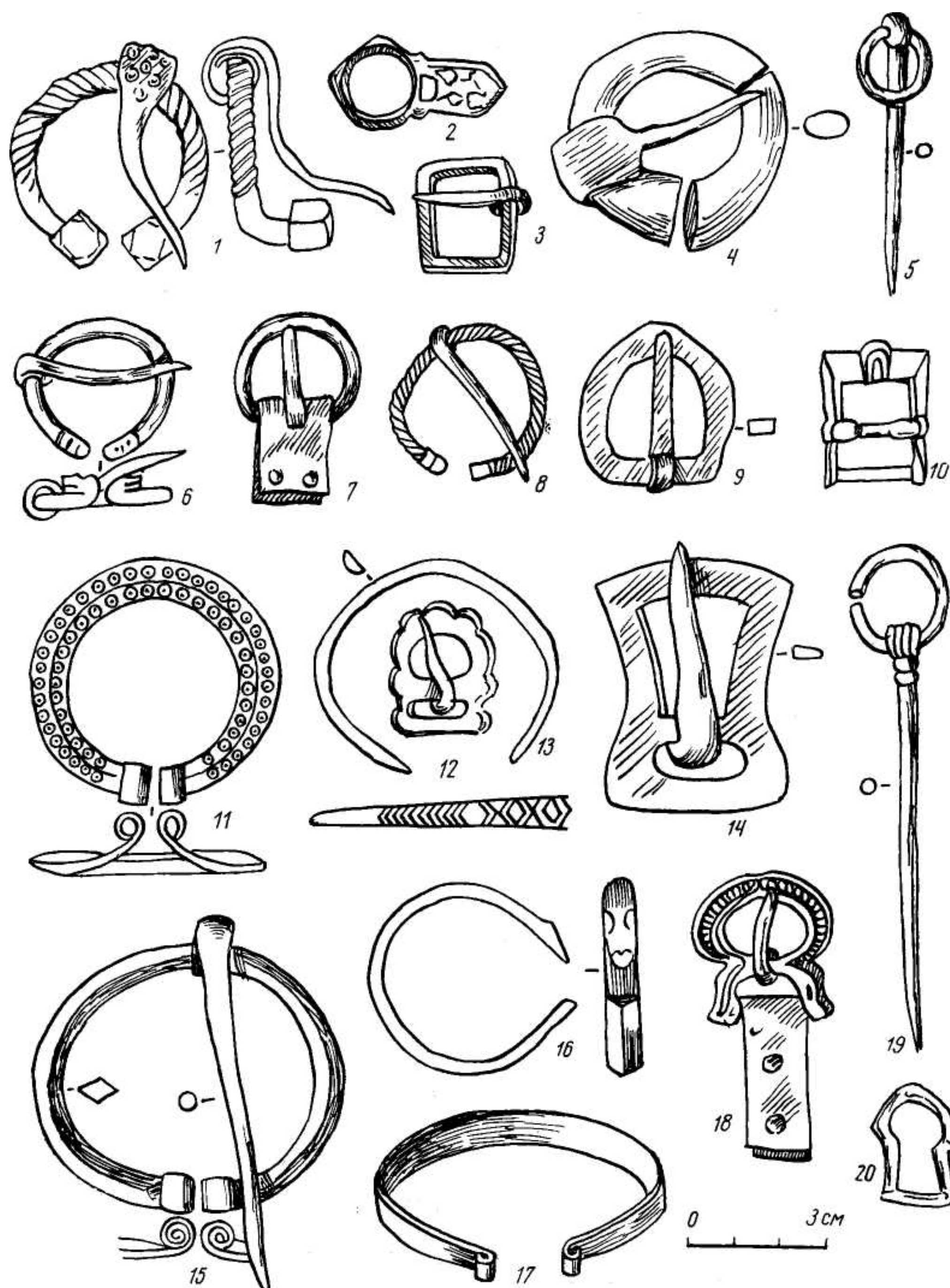

Рис. 54. Находки из Волковыска (конец X — первая половина XIV в.'):
1, 2, 4—6, 8—1,1, 13, 15—20— бронза, *3,* 7, *9, 12, 14*— железо

ными пряслицами. Во-вторых, участок между улицей Кутузова и левым берегом Волковым. Здесь при земляных работах неоднократно попадались отдельные кости и целые скелеты людей. И, наконец, низинный берег Волковыи. у моста на улице К. Маркса. Здесь найдены керамика эпохи Киевской Руси и шиферные прясლица.

Проведенные в Волковыске многолетние археологические работы позволяют нарисовать картину заселения отдельных частей города. Наиболее рано была заселена Шведская гора — в середине или второй половине X в. Возникновение поселений на Муравельнике и Замчище относится к рубежу X—-XI вв.[169] В конце X — начале XI в. появились также поселения в окрестностях Муравельника и на левом берегу Волковыи в районе переулка Кутузова. В XI—начале XII в. была заселена территория, примыкающая к Шведской горе и Замчищу, а несколько позже — территория на берегу Волковыи у моста по улице К. Маркса.

Археологические работы на Шведской горе не дают четкого ответа на вопрос, каков характер возникшего там поселения на начальном этапе его существования. Был ли это замок, являющийся одновременно и крепостью, и жилищем феодала, -или это была только крепость, управляемая предводителем гарнизона, и в которой феодал не жил, сказать трудно. По-видимому, укрепленное поселение на Шведской горе было именно крепостью, предназначенной для защиты северо-западных границ Киевской Руси. Во второй половине или, может быть, даже в середине XII в. волковысская крепость становится княжеским замком. В отложениях второй половины XII—первой половины XIII в. обнаружено много высокохудожественных, исключительно ценных изделий как местного производства, так и привезенных из других стран. Таковы костяные фигурки богатого шахматного набора, костяные и каменные иконки, бронзовые резные медальоны и др. Особого внимания заслуживает изготовленное в Южной Германии костяное навершие в виде головы льва с человеком в раскрытой пасти. В Западной Европе такие навершия применялись для украшения тронов и почетных сидений духовной и светской аристократии [170]. Об аристократическом характере Шведской горы в XII—XIII вв. свидетельствуют даже костные остатки. Здесь найдены кости павлина, орла-беркута и ястреба-тетеревятника[171]. Павлин — птица декоративная, орлов и ястребов князья и дружинники использовали в качестве ловчих птиц.

Городом в собственном смысле этого слова, т. е. средоточием ремесла и торговли, Волковыск становится в первой половине или даже в самом начале XII в. Специфика ремесленного производства древнего Волковыска состояла в том, что здесь особо широкое развитие получило изготовление различных видов оружия и оборонительных доспехов. Волковысская коллекция предметов вооружения воина и снаряжения боевого коня — богатейшая в Белоруссии[172]. Наряду со свободными ремесленниками в городе было ремесленное население, находившееся в полной личной зависимости от князя.

По уровню ремесленного производства Волковыск не отставал от других древних городов. Более того, здесь, по-видимому, впервые обнаружено применение прослойки из весьма чистого железа при наварке стали на обушки ножей и кос. Это свидетельствует не только о существовании высокой техники кузнечного ремесла, но и о значительном опыте мастеров, ибо, по современным данным, кузнечная сварка, выполненная с применением пластических прослоек, обеспечивает более надежное соединение [173].

Наиболее значительное развитие в Волковыске получило косторезное дело (особенно во второй половине XII—XIII вв.). Ни один город Бело-

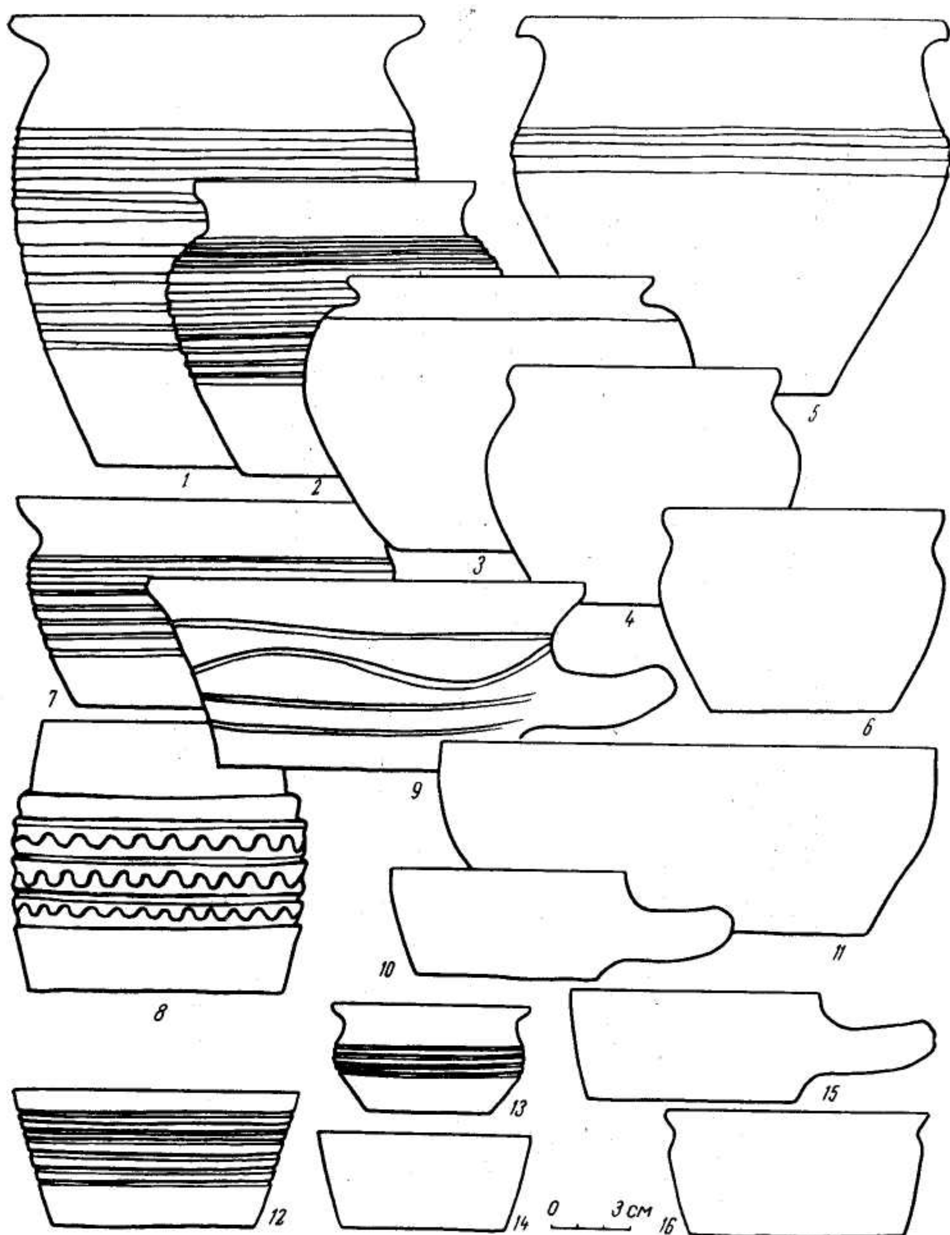

Рис. 55. Типы глиняной посуды из Волковыска (XI—XIII вв.):
1—7—печные горшки, *8*—сосуд с вертикальным горлом, *9—16*—миски, чашки, черпаки

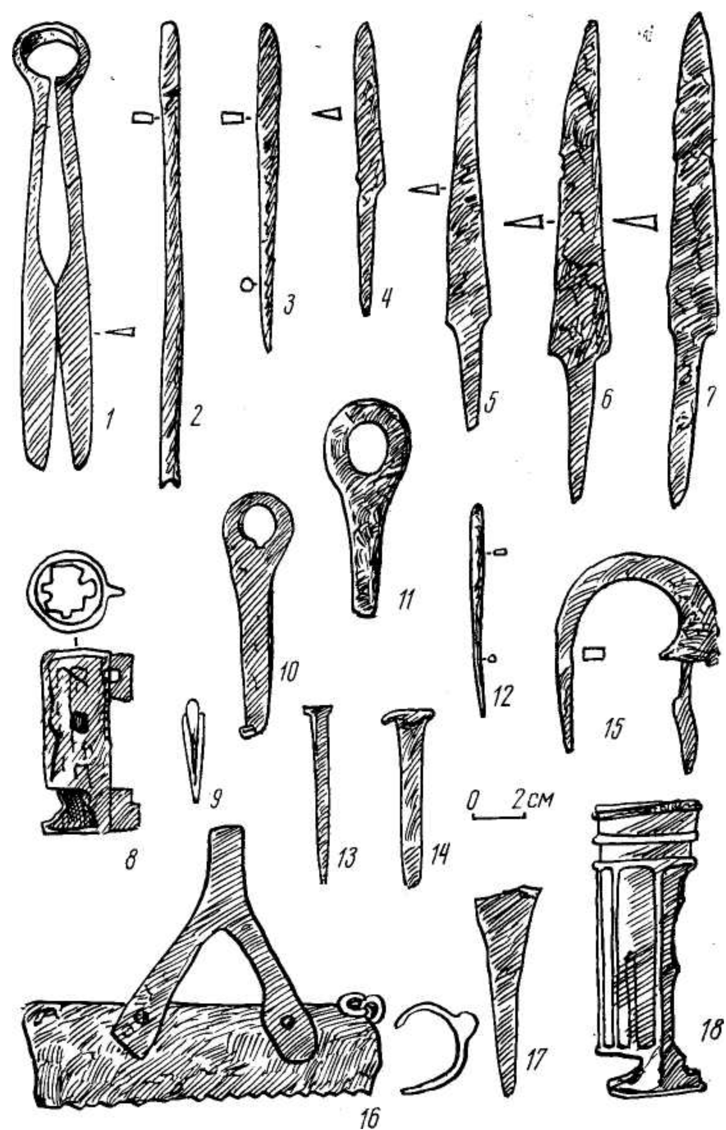

Рис. 56. Железные изделия из древнего Слонима:

/—7, 12—орудия труда, *8*—11, *13*—15, *П, 18*—предметы быта, 75—скребница

Рис. 57. Вещи, обнаруженные при раскопках городища возле деревни Турейска Щучинского района Гродненской области:

1—17, 20, 22, 23—железо, 18—глина, *19, 21*—камень

руссии не может пока сравниться с Волковыском как по разнообразию предметов из кости, так и по количеству изделий, отличающихся высоким художественным совершенством.

Раскопки установили наличие в Волковыске двух типов жилищ: полуземлянок и наземных срубных домов. Полуземляночные жилища сооружались только на начальном этапе жизни города (X—XI вв.). В XII—XIV вв. строились только наземные дома. На Муравельнике обнаружены лишь остатки полуземлянок, на Шведской горе и Замчище вскрыты жилища обоих типов[174].

В конце XII—первой половине XIII в. в жизни Волковыска был момент, когда покойников хоронили прямо на территории города на Шведской горе и Замчище. Очевидно, это было связано с осадой города [175]. Местонахождение городского могильника до сих пор не установлено.

В конце XIII—начале XIV в. постоянная жизнь на Шведской горе прекратилась. Границы Великого княжества Литовского были в это время отодвинуты далеко на юг и восток. В связи с этим отпала необходимость в содержании постоянного крепостного гарнизона. Вся жизнь сосредоточивается теперь на Замчище и на территории, расположенной у его основания. Во второй половине XIV в. замерла жизнь и на Замчище. Город переместился на берега Волковыи. Что же касается Муравельника, то это городище было заброшено еще в XI в.

Слоним (Усл.оним, Вслоним) впервые в Ипатьевской летописи упоминается под 1252 г. Город сразу оказался в центре бурных военно-политических событий, развернувшихся в Белорусском Понеманье в связи с борьбой галицко-волынских и литовских князей.

Археологические раскопки в Слониме начал Г. И. Пех (1959 г.) и продолжил Я- Г. Зверуго (1968 г.). Исследовалась небольшая возвышенность, расположенная в центре современного города, известная среди старожилов под названием Замчища[176]. Мощность культурного слоя здесь достигает 5—6 м.

Особенность культурных напластований слонимского замчища — повышенная влажность почвы, которая обеспечивает изумительнейшую сохранность органических веществ. Добытые при раскопках предметы предстают перед исследователями в том виде, в каком они когда-то попали в землю: кожа не потеряла эластичности, деревянные изделия сохранили свой первоначальный вид, даже трава и листья остались зелеными. В слоях XI—XV вв. прекрасно сохранились настилы мостовых из тонких бревен и плах. Одна улица шириной 5—6 м проходила с севера на юг, другая, более узкая (шириной 3—4 м), шла в направлении с северо-запада на юго-восток и примыкала к первой с запада.

По обе стороны мостовых сохранились остатки жилых и хозяйственных построек. Размеры их самые разнообразные: от маленьких хозяйственных построек размером 2,2x1,8 м до сравнительно больших жилых домов площадью около 20 $м^2$. Большинство построек срубные, из хвойных (реже лиственных) пород. Все они рублены в обло. Обнаружен!^! и сооружения столбовой конструкции, которые, по-видимому, имели преимущественно хозяйственное назначение. Печи в жилых постройках располагались в одном из углов, чаще всего сразу же у входа. Сохранились основания печей, ограниченные уложенными на ребро досками, концы которых входят под прямым углом в пазы массивного столба (другие концы досок примыкают к стенкам).

Обнаружено большое количество деревянных изделий: миски, кубки, ковши, лопаты, детские мечи и луки, гребни, застежки к одежде, клепки и днища от ведер, детали ткацкого станка, веретена, вилки для кудели,

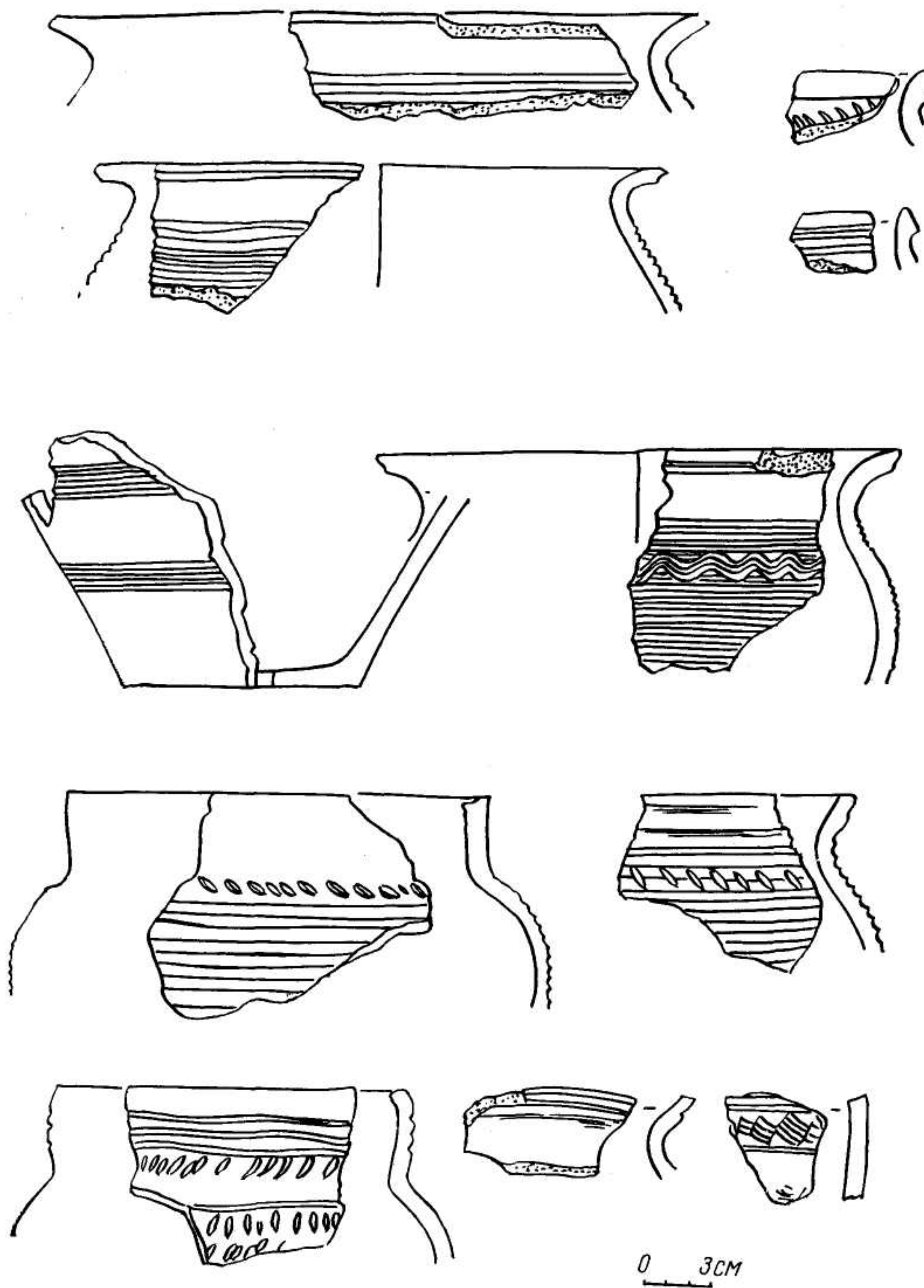

Рис. 58. Керамика XI—XII вв. из раскопок городища около деревни Здитово

колотушки для льна и т. д. Встречено много разнообразных изделий из кожи (всевозможная обувь, в том числе орнаментированная вышивкой, футляры, ножны). Найдены обрывки шерстяных и льняных тканей[177].

Среди металлических предметов назовем золотую монетовидную ажурную привеску, медный кувшинчик изящной формы, железный шлем с наносником. Среди других находок — костяная шахматная фигурка в виде желудя, костяной кружок с изображением каких-то животных, шиферное пряслице с процарапанными знаками в виде креста и полумесяцев. Особый интерес представляет обломок тонкостенного стеклянного сосуда с золотой росписью на арабском языке [178]. Фрагменты стекла с арабскими надписями найдены при раскопках другого понеманского города — Новогрудка, а также в Киеве, Мстиславле [179].

Археологические раскопки убедительно свидетельствуют о том, что уже во второй половине XII в. Слоним был богатым и благоустроенным городом: широкие мостовые, добротные бревенчатые дома, высокая материальная культура, значительное развитие ремесла и торговли. Однако о времени возникновения города до проведения более широких исследований нельзя сказать ничего определенного. Пока можно считать установленным, что в конце XI— начале XII в. поселение на слонимском Замчище уже существовало.

Турийск (Турьск). В летописи появляется одновременно с другими городами Понеманья. Под 1253 г. Ипатьевская летопись сообщает о большом походе против Литвы галицко-волынских войск Даниила и Василька Романовичей. Первоначально войска «плениша всю землю Новогородьскую» и взяли Гродно, затем князья послали «много своя пешьце и коньники на грады ихъ и плениша всю вотчину их». В ответ войска сына Миндовга, по-видимому, Войшелка, «воева около Тоурьска». Новое упоминание Турийска в Ипатьевской летописи (под 1276 г.) связано с поселением литовским князем Тройденом в районе Гродно и Слонима пруссов из Поморья. Этому князю удалось также захватить Дрогичин. Волынские войска в свою очередь заняли Слоним и «Тоуриискъ на реце Немне»[180]. В этой летописной статье указано и местонахождение города.

Остатки летописного Турийска находятся возле деревни Турейск Щучинского района. Городище занимает середину возвышенной гряды на правом берегу Немана. С запада и востока оно ограничено дугообразными глубокими рвами, а с юга — крутым склоном, спускающимся в пойменную долину реки[181]. С северной напольной стороны площадка городища защищена валом.

Раскопки Турийска проводились К- Т. Ковальской (1961 — 1962 гг.) и Я- Г. Зверуго (1969—1970 гг.). Небольшой объем проведенных работ не позволяет пока с необходимой достоверностью нарисовать полную картину жизни города, отчетливо представить его внешний вид, детально изучить планировку и застройку его отдельных частей. Археологическое изучение древнего Турийска по существу только началось.

Уже первые годы раскопок показали, что Турийск был не рядовым сельским поселением, а небольшим городом, входившим, по-видимому, в состав Гродненского княжества [182]. Особое развитие в городе получило железоделательное ремесло. Во всех пластах, на всех раскопанных участках городища в большом количестве попадались шлаки крицы, обломки глиняных сопел [183]. Наряду с обработкой железа в городе были развиты и другие ремесла (гончарное, косторезное, обработка цветных металлов, обработка дерева, ткачество и др.).

Время возникновения поселения на территории древнего Турийска может быть пока определено лишь в широких хронологических рам-

ках — вторая половина XI—XII в. Его материальная культура весьма близка культуре других городов Белорусского Понеманья.

Здитов. В летописи упоминается под 1252 г.[184] Исследователи уже давно предполагали, что он находился на месте современной деревни Здитово в Березовском районе Брестской области или вблизи нее. В дореволюционные годы Е. Р. Романов вел на территории деревни небольшие раскопки. Был обнаружен значительный культурный слой с остатками обгорелых бревен, кирпичей, глиняной посуды. Встречены пустотелые печные изразцы эпохи позднего феодализма [185]. В литературе отмечалось наличие древних поселений в окрестностях Здитово [186]. Но вопрос о месте расположения города эпохи Киевской Руси не был решен .

В 1967 г. стало известно о городище, находящемся в нескольких километрах от деревни Здитово, близ деревни Старомлыны [178]. Оно расположено на правом берегу Ясельды близ дороги на Хомск. Памятник испорчен сельским кладбищем, но местами на нем сохранился непотревоженный культурный слой. В 1970 г. здесь вел раскопки М. А. Ткачев [188], а в 1971—Я. Г. Зверуго. Обнаружено множество керамики, типичной для XI—XIII вв. Таким образом, вероятно, первоначальный город Здитов находился именно здесь.

Несвиж. Согласно письменным источникам, в битве с татарами на реке Калке в 1223 г. среди погибших князей был Федор Несвижский. На этом основании некоторые историки относят возникновение Несвижа к домонгольскому времени и считают его княжеским городом, существовавшим на территории Белоруссии. В Несвиже сохранился замок-резиденция князей Радзивиллов XVI—XVII вв. Археологические исследования в городе не производились.

Глава XI

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДОВ

В городах Киевской Руси важной формой производственной деятельности большой части населения было ремесло, которое, как и торговля, составляло одну из черт их экономики. Значительный уровень развития ремесленного производства городов древних земель Белоруссии доказывается не только многими образцами его продукции, но и открытием, как уже отмечалось, при археологических раскопках остатков ремесленных мастерских в Полоцке, Минске, Пинске, Новогрудке, Друцке, Заславле, Мстиславле, Копыси и др.

Вместе с тем даже в крупных городах важную роль играло сельское хозяйство. Еще большее значение приобрело оно в экономической жизни малых городов — горожане занимались земледелием, разводили много скота. Остатки стойл и большое количество костей домашних животных встречаются при раскопках всех городов. Животноводство для горожан — это и продукты питания, и тягловая сила, и сырье для кожевенного и косторезного ремесел. Занимались горожане охотой, рыбной ловлей, собирательством. Об этом свидетельствуют повсеместные находки костей диких животных, рыбьей чешуи, лесных орехов и диких плодов.

Натуральное хозяйство преобладало в экономической жизни города. Тем не менее не оно определяло хозяйство города, а ремесло и торговля. Крупные города не могли существовать без постоянной связи с волостью. Продуктов сельского хозяйства они производили меньше, чем потребляли.

1. РЕМЕСЛО

В условиях натурального феодального хозяйства необходимой предпосылкой успешного развития ремесленного производства были местные источники сырья. На территории Белоруссии всюду распространены значительные запасы дерновой, болотной или озерной железной руды, из которой местное население изготавливало железо в количестве, необходимом для железообрабатывающего ремесла. Белоруссия богата нерудными ископаемыми: глинами, супесями, известняками. Глина и песок служили основными материалами для гончарства и использовались в строительном деле. Известняки пережигались на известь, которая употреблялась в кожевенном и строительном деле. Валунные камни находили применение в строительном деле и при высекании мукомольных жерновов.

Животноводство и охота обеспечивали сырьем кожевенное, сапожное, косторезное ремесла. Бортничество давало воск, используемый в ювелирном, сапожном и других ремеслах. Огромные лесные богатства обеспечивали черную металлургию дешевым и качественным топливом— древесным углем и способствовали развитию деревообрабатывающего ремесла.

Однако ювелирное дело не имело местной сырьевой базы. Цветные и благородные металлы получали в результате торговых операций.

Обработка черного металла. Одним из самых важных видов производств было добывание железа, основного материала для изготовления разнообразнейших орудий труда, оружия и предметов быта. Как и в предшествующее время, в раннефеодальном периоде железо получали из руды сыродутным способом, в основе которого лежал процесс восстановления железа из дерновой, болотной или озерной руды. Железо, как и прежде, «варили» в домницах[1]. Принцип устройства домниц оставался прежним, но размеры увеличивались, технология и оснащенность улучшились, а производительность возрастала.

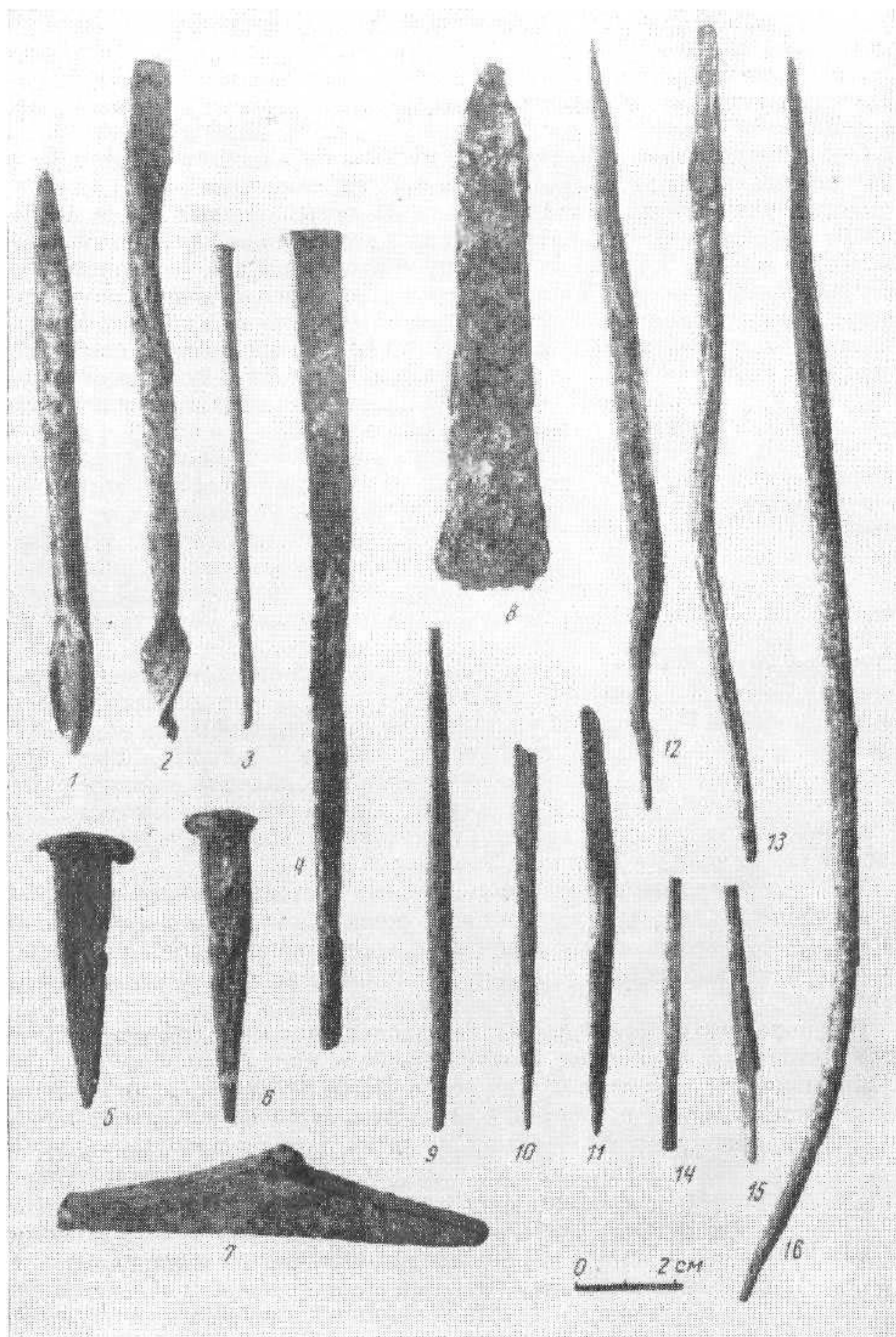
Домницы, как правило, сооружались вблизи источников сырья, металлургия в основном была побочным занятием сельских жителей[2]. В древних городах остатки домниц встречаются редко. На территории современной Белоруссии они открыты в Волковыске, Пинске, Турийске. Городское железообрабатывающее ремесло базировалось на привозной продукции крестьян-металлургов, поступавшей на городской рынок в виде товарных криц. Крицы найдены при раскопках Полоцка, Минска, Турова, Логойска, Заславля и многих других городов.

Обработка железа была важнейшим видом городского ремесленного производства. Городские ремесленники из железа и стали делали сельскохозяйственные орудия и инструменты для разнообразных ремесел, высококачественное оружие и всевозможные бытовые предметы. В кузницах крицы неоднократно проковывались для более полного удаления посторонних примесей из железа. При раскопках Полоцка обнаружена кузница [3], пострадавшая от пожара в XIII в. Следы кричных мастерских найдены в Друцке и Заславле.

Из железа производилась сталь. Разные способы закалки стали были крупным техническим достижением ремесла. Кузнецы хорошо знали способы изготовления стали путем науглероживания железа. Это требовало специальных знаний и, как правило, было делом городских ремесленников [4].

В городах археологи очень часто находят различные предметы бытового назначения — кованые гвозди, дверные кольца, пробои, крючки, скобы, заклепки, обручи и дужки ведер, ножи, ножницы, замки, ключи, рыболовные крючки, остроги и т. д. Реже встречаются инструменты различных видов ремесел — клещи, молотки, зубила, пробойники, топоЬ ры, долота, сверла, скобели. Так, в Друцке были обнаружены кузнечный молоток, наковальня и несколько видов зубил [5]. В Полоцке, Минске, Друцке, Давид-Городке нередкая находка — кузнечные клещи. Такие клещи найдены в кургане иод Заславлем вместе с монетой конца X в. Здесь, вероятно, был погребен ремесленник.

Более редкие находки — предметы вооружения — наконечники копий, фрагменты кольчуг и пластинчатых броней, а также предметы снаряжения коня и всадника — шпоры, стремена, подковы. В Волковыске найдено большое количество предметов вооружения и снаряжения всадника. Одних железных наконечников стрел 226 штук[6]. В Полоцке в слое середины XIII в. обнаружено 14 железных пластин для доспехов —

Рнс. 59. Железные орудия труда из Полоцка:

1—2-сверла XIII в- *3—6*--пробойники XIII в.. 7—ювелирный молоточек XI в., 8—зубило XIII в., *9—.16*—шилья XII—XIII RR.

«брони дощатые». Из них 13 заготовок и только одна пластина полностью отработана. Остатки пластинчатого досиеха обнаружены в Бресте [7], Новогрудке, Друцке и т. д.

Исследования находок из раскопок Минска [8], Полоцка и Волковыска свидетельствуют, что городские ремесленники применяли разнообразные технические приемы. Значительная часть предметов изготовлена простой кузнечной ковкой (гвозди, скобы, дверные кольца, пробои, дужки ведер и т. д.). Однако при изготовлении орудий труда (ножи, ножницы, топоры, сверла, долота, зубила, косы, серпы и т. д.) применялась более сложная технология: на рабочие грани наваривались стальные полосы, в дальнейшем подвергавшиеся закалке. Ценные изделия иногда инкрустировались цветными металлами. В Минске найден инкрустированный серебром наконечник копья, в Гродно, Полоцке, Турове — инкрустированные бронзой и оловом шпоры, в Полоцке и Пинске — ножи. Исключительно высокое мастерство требовалось при изготовлении хитроумных конструкций трубчатых замков, запиравшихся пружинным механизмом и состоявших из нескольких десятков деталей. Кроме этих приемов обработки железа, мастерам были хорошо известны рубка зубилом, обработка напильником по твердому и мягкому припою, паяние, обточка, полировка.

Ювелирное ремесло. Око достигло высокого уровня в белорусских городах. Высокохудожественные ювелирные изделия в раскопках встречаются, как правило, в единичных экземплярах. Однако и они в состоянии раскрыть многообразие средств и приемов обработки цветных металлов, находящихся в техническом арсенале древних ювелиров, высокое исполнительское мастерство, приведшее к созданию шедевров ювелирного искусства.

О местном характере ювелирного производства говорят многочисленные находки ювелирных льячек и тигельков, литейных формочек и пинцетов. В Минске, Полоцке и Новогрудке вскрыты остатки ювелирных мастерских. Большое количество литейных тигельков и формочек в Полоцке и Гродно позволяет говорить о местном ювелирном производстве. В Турове найдены большие куски свинца и бронзы, сырья для ювелирного производства, а также тигельки и льячки со следами расплавленной бронзы. Материалом для ювелирных изделий служили привозные медь, свинец, олово, серебро и их сплавы [9]. Золотые ювелирные изделия чрезвычайно редки, но все же и они встречаются при раскопках (Минск, Новогрудок, Полоцк, Лукомль, Старый Борисов, Слоним).

Ювелиры владели разнообразными приемами обработки цветных металлов. Одним из основных приемов было художественное литье. Металл расплавлялся в тигельке или льячке на специальном горне. Из воска мастер изготавливал модель украшения и заливал его жидкой глиной. После просушки форма обжигалась, воск вытапливался и на его место заливался металл. Для извлечения изделия форму приходилось разламывать. Таким образом отливались объемные украшения. Такой способ исключал массовое производство. По восковой модели отливались также плоско-выпуклые украшения — лунницы, подвески, височные кольца. Именно таким способом изготовлены найденные в Турове 4 свинцовые миниатюрные иконки-вставки. После отливки иконки были обработаны чеканом.

В XII—XIII вв. распространился способ отливки ювелирных изделий в каменные разъемные формы, очень тонко вырезанные из мягких пород камня, различных сланцевых пород и мелкозернистого известняка. Отливочные формы найдены при раскопках Гродно, Минска, Волковы-

ска, Слонима, Мстиславля, Друцка, Турова, Новогрудка. Наибольшее их количество обнаружено в Полоцке — 21 экземпляр[10]. В формах отливали подвески, перстни, браслеты — наручи, пуговицы, крестики, височные кольца и другие изделия. Отлитые из чистого олова или бронзы золотистого цвета они были похожи на украшения из серебра и золота. Появление техники литья в каменных разъемных формах означало переход ювелиров к массовому производству изделий на рынок. Из цветных металлов методом отливки иногда изготавливались предметы вооружения. В Гродно найдена литая бронзовая булава с выступающими пирамидальными концами, а в Турове — две небольшие свинцовые булавы в форме куба с усеченными углами.

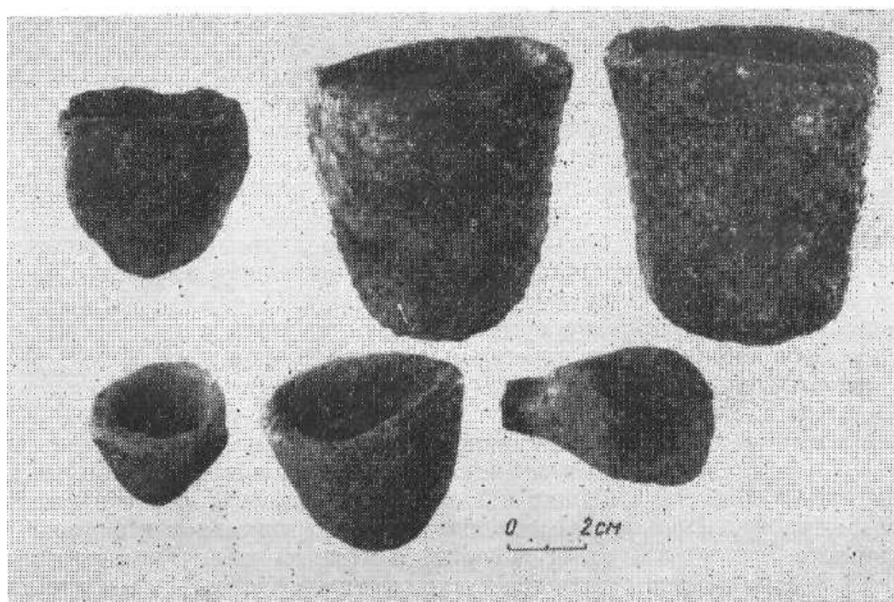

Рис. 60. Глиняные тигли XIII в. из раскопок в Полоцке

Городские ювелиры владели искусством отливки пустотелых объемных украшений с тонкими стенками и сложной рельефной орнаментацией —бус и других изделий. Замечательные формы для таких отливок найдены в Гродно, Полоцке, Друцке.

В древности был известен способ получения выпуклых рельефных изображений тиснением — штамповкой. На вырезанный в твердом металле образец — матрицу — накладывали тонкопрокованный лист меди, серебра или золота, покрывали свинцовой пластинкой и ударами молота плотно обжимали вокруг матрицы. На листе оттискивался рельефный рисунок. Свинцовые и бронзовые матрицы найдены в Новогрудке. При украшении изделий способом чеканки узор выбивался стальным пуансоном. На рабочем конце пуансон имел узор.

Другой интересный способ художественной обработки металла — так называемое огневое золочение червонным золотом — применен на изделиях, обнаруженных при раскопках Нижней церкви Гродненского детинца (XII в.). В Волковыске найдена иконка святого Дмитрия, выполненная глубокой гравировкой, образующей черный- контурный рисунок, на блестящем фоне золоченой меди.

Многие ювелирные изделия покрывались зернью. Мельчайшие шарики серебра или другого блестящего металла выкладывались различными узорами по поверхности изделия, покрытой тонким слоем припоя, и после прогревания в горне прочно приставали к поверхности. Зернью украшались бусы, височные кольца, привески. Зернью украшены характерные для дреговичей ажурные медно-серебряные бусы и трехбусинные височные кольца.

Часто применялась скань: на поверхность предмета в виде спиралей, розеток, линий напаивались витые жгуты очень тонкой проволоки или же все изделие целиком состояло из витых проволочных жгутов.

Среди ювелирных изделий из раскопок городов часто встречаются проволочные браслеты, перстни, височные кольца. Проволока вытягивалась с помощью специального приспособления — волочила. Разогретый на горне металлический прут поочередно протягивался через все более узкие отверстия волочильной доски до нужной толщины. Широко применялся также способ отковки разогретой проволоки на наковальне с полукруглым желобком.

Вершина древнего ювелирного искусства — эмаль. Эмаль — это стекловидный сплав, способный окрашиваться в самые разнообразные цвета, дающий после застывания твердую, гладкую и блестящую поверхность. Эмальерное -искусство требовало от мастера глубоких знаний о составлении и окраске эмалевых смесей, термической обработке изделий и исключительно тонкой работы при нанесении узоров. По технике изготовления эмаль бывает двух видов — выемчатая и перегородочная. При изготовлении изделия из эмали первого вида в самом предмете соответственно орнаменту или изображению делались углубления, выемки в металлической основе, заполнявшиеся массой соответствующих цветов, после чего изделие обжигали в горне. Одна из таких находок обнаружена среди остатков Гродненской церкви (1183 г.) [и]. Выемчатая эмаль по медной основе — вид массовой продукции киевских эмальеров, однако в упрощенной технике она могла изготавливаться периферийными мастерами.

Еще более тонкой работы требует украшение изделий в технике перегородчатой эмали. В Полоцке в 1962 г. найден небольшой фрагмент такого изделия. На крошечном кусочке золотого изделия помещалось свыше десятка тонких золотых ленточек шириной в полмиллиметра, припаянных ребром к поверхности и образующих орнаменты в виде крестиков и кружочков. Эти фигурки величиной менее миллиметра заполнены эмалью трех ярких цветов — синим, белым и красным. Часть золотого медальона, выполненного перегородчатой эмалью, найдена при раскопках в Новогрудке. Шедевр эмальерного искусства — знаменитый крест Евфросиньи Полоцкой, изготовленный в середине XII в. в Полоцке.

Кроме ювелирных изделий, цветные металлы использовались и в хозяйственных целях. В Полоцке и Турове обнаружены куски кровельного листового свинца, а также фрагменты больших бронзовых котлов.

Гончарство. При раскопках городов наиболее частая находка — фрагменты глиняной посуды. Хрупкая и недолговечная, она быстро разбивалась. Посуда — неизменный предмет повседневного обихода. Постоянный спрос на посуду обусловливал развитие гончарного производства. До X в. на территории Белоруссии посуда изготавливалась из глины вручную лепным способом. К глине добавляли дресву (толченый камень) или песок, чтобы изделия не трескались при сушке. В X в.

появился гончарный круг. Связь гончарной техники с лепной прослеживается в находках Витебска, Лукомля, Браслава.

Гончарный круг представлял собой небольшой деревянный диск, вращающийся на вертикальной оси. Мастер вращал круг ногой или рукой и одновременно формовал сосуд. Часто поверхность сосуда украшалась волнистым или линейным орнаментом, который наносился палочкой при вращении сосуда на круге. Сформованный и просушенный сосуд обжигался в обычных печах или гончарных горнах. Иногда сосуды имели на днище различные рельефные клейма, чаще всего круги с радиальными линиями. Значение клейм не совсем ясно.

Исследователи считают их знаками ремесленников или заказчиков, иногда связывают клейма с верованиями.

Наиболее массовый вид продукции гончаров — печные горшки. Изготавливались, кроме того, миски, кувшины, крышки для посуды, ковши, светильники, детские игрушки и т. д. Глиняная посуда гончаров древних земель Белоруссии имеет некоторые местные черты, но

Рис. 61. Костяные изделия из раскопок древнего Турова:

1—гребень, *2*—втулка, *3*—*4*—декоративные украшения, 5—шахматная фигура, *6*—7—детали сложного лука, 8—рукоять ножа, *9*—накладка, *10*—*11*—острия

в общем очень похожа на посуду, характерную для всех восточных славян.

С обработкой глины сязано также производство тонкого широкого красного кирпича звонкого обжига. Он оттискивался в формах, затем просушивался и обжигался. Такой кирпич (плинфа) применялся при строительстве монументальных каменных сооружений. Особенно многочисленны находки плинф при раскопках Полоцка. Для строительства крупных сооружений часто требовался специальный фасонный, так называемый лекальный кирпич, предназначенный для выкладки определенной детали сооружения, а также плоские декоративные керамические плитки для украшения пола и стен. Лекальный кирпич обнаружен при раскопках храмов Полоцка, Гродно, Турова и Новогрудка, керамические плитки — в Полоцке, Пинске, Гродно, Турове, Логойске, Друцке. Большое разнообразие керамических плиток встречено в Пинске (31 тип). Покрытые одноцветной глазурью коричневого, желтого, зеленого цвета они составляли разноцветные различных форм орнаменты и придавали помещению яркий праздничный, нарядный вид [12]. К керамическому производству относится и производство в Гродно голосников, больших кувшиноподобных сосудов, укладывавшихся в стены храмов для облегчения их конструкции и улучшения акустики, В Гродно и Пинске найдены фрагменты детских игрушек — коней, а в Гродно и Турове — кубические поливные подсвечники.

Производство поливных керамических плиток тесно связано со стеклоделием. Одним из центров стеклоделия был Полоцк. В первой половине XIII в. здесь возникли мастерские, в которых изготавливали браслеты — любимые украшения горожанок [13]. До этого времени подобные изделия привозились в города Белоруссии преимущественно из Киева. В Полоцке, Турове, Новогрудке найдены фрагменты оконного стекла и сосудов, возможно, местного производства.

Обработка дерева, кости, камня, янтаря. Большого развития достигла техника обработки дерева. Из дерева местных пород плотники («древоделы») строили жилые и хозяйственные сооружения, городские стены и башни, мосты и мостовые. Основным инструментом при возведении всех деревянных построек был топор. Пила была известна в Киевской Руси уже в X в., но в строительном деле она не применялась. Для обработки дерева применяли долота, скобели, тесла, сверла. Столяры («тесляры») с их помощью изготавливали самые разнообразные изделия: сохи, бороны, ткацкие и токарные станки, льномялки, ведра, кадки, ложки, миски, ковши, лопаты, ладьи и т. д. Некоторые деревянные предметы покрывались художественной резьбой. Для обработки дерева применялся токарный станок. Точенная на станке посуда найдена при раскопках Полоцка, Минска, Гродно, Пинска, Бреста, Давид-Городка.

При раскопках древних городов довольно часто встречаются изготовленные из кости предметы — гребни, проколки, накладки, рукоятки, пуговицы, а также очень много заготовок и незавершенных обработкой предметов. Отдельные предметы по качеству обработки сродни высокому профессиональному мастерству, что позволяет предполагать выделение обработки кости в самостоятельный вид ремесла.

В косторезном деле в качестве сырья использовались главным образом рога и трубчатые кости крупных животных — лося, благородного оленя, косули, тура, домашних' животных. Основными инструментами ремесленника-костореза были нож, топор, пилка, сверло. Отходы косторезного ремесла встречаются повсеместно, но больше всего их в Копыси.

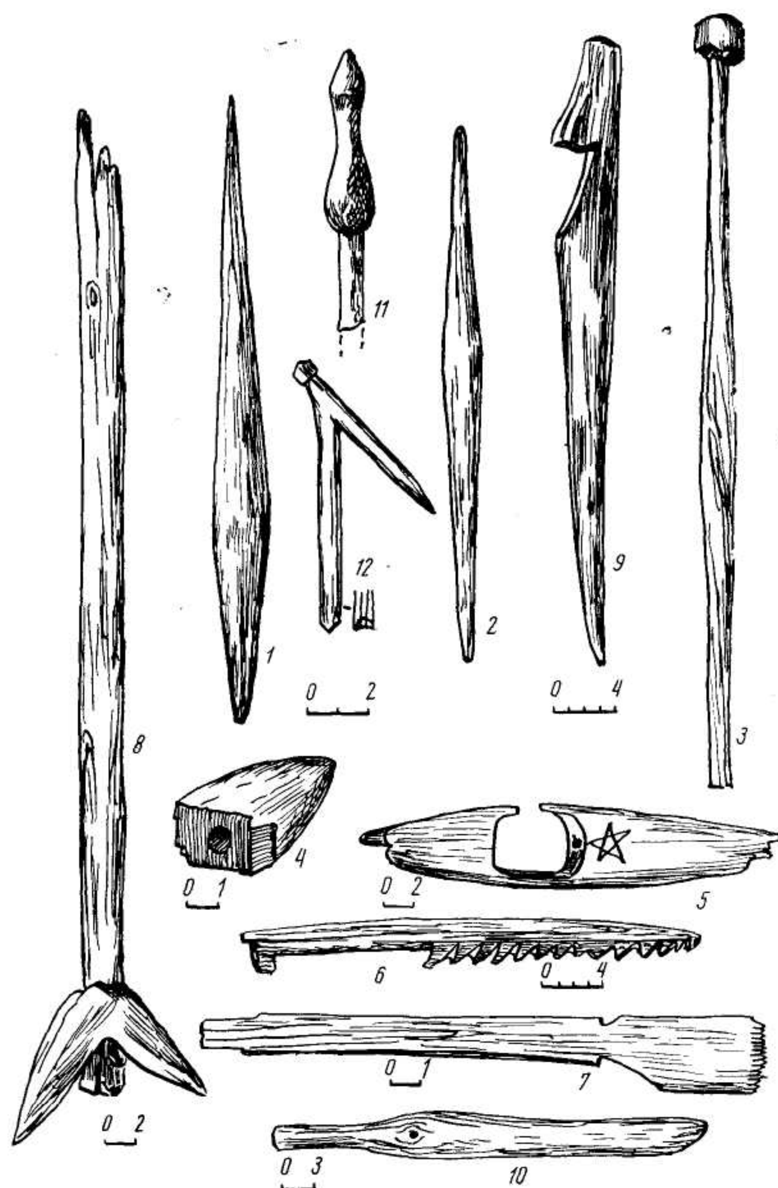

Рис. 62. Деревянные изделия XIII в. из Полоцка:

1—2, 11—веретена, *4—5* челноки для ткацких станков, *8*—«ботало» для ловли рыбы, 7—гребень для расчесывания льна, 6, *10*—«трепашки» для обивки льна, *12*—«жерлица» рогулька для ловли крупной рыбы

Найдены выточенные на токарном станке изделия, что свидетельствует об использовании токарного станка и в косторезном ремесле.

Перед обработкой кость предварительно распаривали и кипятили, после этого она легче поддавалась обработке. Орнамент на поверхности изделия наносился ножом, резцом, сверлом или циркулем. Значительно реже употреблялась плоскорельефная резьба с углубленным вокруг изделия фоном.

Распространенной формой ремесленной деятельности была обработка камня. Камнетесы были связаны со строительным делом. При строительстве Витебской церкви Благовещения (XII в.) широко использовались блоки из местных доломитизированных известняков, залегающих недалеко от Витебска. Фундамент минского храма сложен из гранитных камней, а стены внутри облицованы известняковыми плитками. В Гродно валунные полированные камни использовались для украшения фасадов церквей XII в. В Турове из массивных сланцевых плит, привезенных из окрестностей Овруча, сооружались саркофаги, которые открыты при археологических раскопках.

Из песчаника и сланца делались точильные бруски. Они встречаются повсеместно в большом количестве. Из мягких пород камня вырезались иконки. Они найдены в Полоцке, Минске, Пинске. Изумительно тонкая, действительно ювелирная работа по камню — многочисленные каменные составные литейные формы.

Обработке подвергался и янтарь. Из янтаря изготавливались бусы, крестики, пуговицы. В Турове найдено много кусков янтаря, янтарных изделий, а также заготовок янтарных бусин и перстней.

Кожевенное и сапожное ремесло. Особое значение в экономике городов имело выделывание кожи. В климатических условиях Белоруссии потребность в хорошей кожаной обуви возрастала. Ее готовые экземпляры и орудия кожевенно-сапожного ремесла найдены при раскопках городов, в культурном слое которых сохраняются вещества органического происхождения. В Полоцке открыты остатки кожевенной мастерской середины XIII в. Постройка, в которой она располагалась, имела размеры 24 $м^2$ и предназначалась исключительно для выделки кож. В Минске вскрыта мастерская сапожника XII в., где найдено много кожаных изделий и инструментов сапожника. В Пинске вскрыт двор кожевенника — сапожника, обнаружены кожи, подвергшиеся обработке, многочисленные отходы сапожного производства. Химико-технологическое изучение кож, найденных при раскопках Полоцка, Минска и Пинска, свидетельствует, что эти кожи близки современной высококачественной юфти. Тщательное исследование кож и других археологических, этнографических материалов позволили восстановить древнюю технологию выделки кож. Сначала шкуру золили в растворе извести, затем соскабливали волос и квасили в кислом хлебном растворе. В настое из коры ивы, ели, дуба кожу дубили, затем окрашивали в черный или красный цвет, добавляя соли железа, смазывали дегтем. Получался добротный материал «усмие» (так называли тогда кожу). Древний способ изготовления усмии составлял основу выделки юфти на протяжении почти девяти последующих столетий[14].

Из хорошо выработанной мягкой кожи шили выворотную обувь без твердого задника и каблука. Наиболее простая обувь того времени — поршни. Они по внешнему виду похожи на лапти, их носили с оборами. Поверхность женских башмаков часто украшалась узорами, вышитыми разноцветными нитками. В Полоцке, Минске, Давид-Городке, Гродно найдены сапожные колодки-правила, которые использовались при изго-

товлении обуви [15]. Кроме обуви, из кожи делали кошельки, ножны, футляры, руковицы, кожей красного цвета обтягивали воинские щиты.

Прядение и ткачество. В хозяйственной жизни города определенное место занимали прядение и ткачество. Пряли при помощи веретена, па конец которого .насаживался грузик — пряслице. Прядение было занятием каждой женщины не только в деревне, по и в городе. Пряли из овечьей шерсти, льна, конопли. Ткани изготавливались до XIII в. па вертикальных ткацких станках, а затем на горизонтальных. Челноки и детали горизонтальных станков найдены в Полоцке, Гродно, Минске, Пинске. Шерстяные нити употреблялись не только для тканья, но и

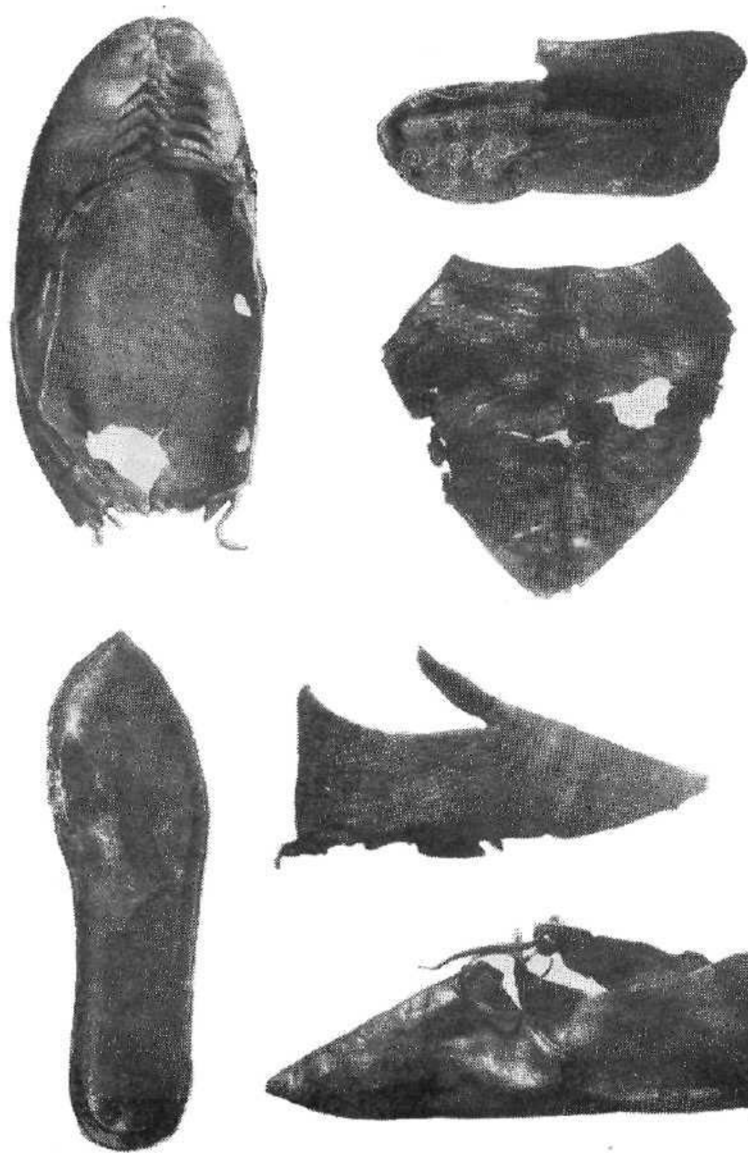

Рис. 63. Кожаная обувь XII—XIII вв. из Минского замчища: поршень, башмак, перед сапога, подошва, туфли

для вязания. Шили одежды иглами, похожими на современные. Из шерсти валяли войлок. Войлок употреблялся на Руси как материал для походных шатров, покрывал, попон, шапок.

Техника ремесла. Организации ремесленников. В ремесленном производстве, в домашних промыслах и военном деле применялась в основном ручная техника. Механизмы приводились в движение только мускульной силой работающего. По принципу рычажных механизмов устраивались воздуходувные кузнечные меха, камнеметные машины — пороки, весы различных типов, льномялки, ткацкие станки. Были механизмы, в которых использовалось вращательное движение (ручные точила, блоки, токарные станки). В ремесленном производстве широко применялось формообразование изделий, сыгравшее большую роль в развитии техники. Оно осуществлялось при изготовлении глиняной посуды на гончарном круге, в токарных и сверлильных приспособлениях.

Техника обработки различных видов сырья в городах достигла высокого уровня. Опытным путем древние ремесленники выработали рациональные формы инструментов, освоили важные технологические приемы обработки сырья и изготовления изделий. Городские ремесленники и в более позднее время хранили традиции древнего ремесла, основывались на нем и развивали дальше. Однако поступательное его развитие и усовершенствование было ограничено узкими рамками ручной техники.

Уже в период раннего феодализма существовала дифференциация ремесленников по производственному признаку. В городах Киевской Руси исследователи насчитывают до 60 различных специальностей [16]. Но узкая специализация городского ремесла не была полной, окончательной. Широкий спрос на ремесленные изделия существовал не всегда, и при его отсутствии ремесленники должны были производить в одной и той же мастерской разнообразные предметы. В многолюдных семьях городских ремесленников различные ее члены могли заниматься разными, даже не родственными ремеслами. Только с помощью такого предположения можно объяснить обнаружение в одной и той же постройке в Полоцке (40-е годы XIII в.) несомненных признаков занятий ювелирным и сапожным ремеслом и изготовления деревянных ложек.

В письменных источниках не содержится сведений об организации ремесленников в домонгольское время, нет указаний на существование у них цеховых объединений по производственному признаку. Тем не менее высокий уровень развития городского ремесла вполне допускает существование таких объединений и предположение об их существовании делает вполне логичным и закономерным. Косвенное подтверждение этого предположения — расселение ремесленников по производственному принципу в ряде городов. Так, в Новогрудке за пределами детинца в окольном городе при раскопках прослежены признаки концентрации жилищ богатых ремесленников-ювелиров на одном и том же месте с XII в. на протяжении последующих 150 лет. У городских ремесленников существовало деление на мастеров и учеников. Овладение разнообразными и сложными техническими приемами изготовления различных изделий требовало длительного срока обучения.

Ремесленники и купцы жили как в укрепленной, так и в неукрепленной его части, но основным местом их сосредоточения был берег реки, где возникал город. Достаточное количество воды, удобный доступ к ней — необходимое условие для развития ремесла. Близость реки не менее важна и для торговых связей.

Посад развивался не слишком далеко от берега, но в то же время поблизости от стен крепости, служившей защитой для него. Обычно возле реки был торг. Рынок — обязательная принадлежность древнерусского города. На нем осуществлялась купля и продажа товаров.

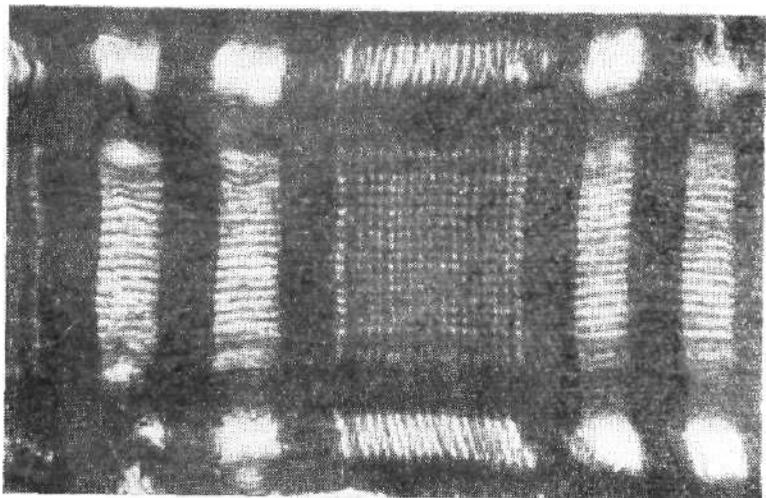

Рис. 64. Фрагмент клетчатой ткани типа латгальского виллайне из раскопок Замчища в Минске

2. ТОРГОВЛЯ

Развитие ремесла неразрывно связано с обменом и торговлей. Городские ремесленники вырабатывали изделия на заказ, на рынок. Продавая свои изделия, ремесленник приобретал сырье, продукты и необходимые ему изделия других ремесленников. Археологические материалы дают представление о границах распространения местной ремесленной продукции. Изделия, сделанные в деревенских мастерских, имели, как правило, небольшой район сбыта: 20—30 км в поперечнике[17]. Район сбыта некоторых изделий городских ремесленников был значительно большим, чем деревенских, и измерялся иногда сотнями километров.

Торговля в IX—XIII вв. развивалась в условиях господства натурального хозяйства и ограниченной потребности в привозных товарах. Внутренняя торговля имела в экономической жизни Руси большее значение, чем внешняя. Город был постоянно связан с волостью. Из деревни доставлялись сельскохозяйственные продукты и сырье для ремесленников. Изделия городских ремесленников находили сбыт среди населения волости.

Внутренняя торговля. О внутренней торговле в древних землях Белоруссии очень мало сведений. Некоторые данные получены в результате изучения состава стекол браслетов древнего Полоцка и других городов Полоцкой земли. Оказалось, что браслеты, изготовленные в Полоцке, составляли только четвертую часть изделий этого рода, поступавших на рынок в Полоцкой земле. Остальные браслеты привозили сюда из Киева. Браслеты собственного производства продавали преимуществено в самом Полоцке. Здесь их больше трети. На рынке Друцка стеклянные браслеты представлены киевскими, полоцкими и смолен-

скими образцами. В более отдаленные центры Полоцкой земли браслеты из Полоцка привозили очень нерегулярно и в малых количествах'[18]. Так, в Минске из 100 браслетов полоцким оказался лишь один, все остальные — киевского производства.

Торговые связи существовали между отдельными землями Руси, несмотря на войны и феодальные междоусобицы. Больше всего изделий в древние земли Белоруссии поставляла Киевская Русь. При раскопках белорусских городов в большом количестве встречаются сланцевые (шиферные) пряслица. В Минске, Полоцке и других городах найдено в общей сложности сотни пряслиц. Известно, что розовый сланец на Руси был только в районе Овруча на Волыни [19]. Там же располагались мастерские по изготовлению пряслиц.

Из Киевской земли привозили стеклянную посуду, оконное стекло и другие стеклянные изделия. В древних белорусских городах встречаются киевские тельные крестики и бронзовые энколпионы, иконки и другие предметы религиозного культа. Из Киева привозили белоглиняные кувшины с красивой зеленой поливой, крашеные яйца «писанки». Фрагменты белоглиняной поливной посуды киевского производства встречены в Новогрудке, Гродно, Пинске, Турове, Полоцке, Друцке, Минске, Мстиславле[20], Витебске. «Писанки» найдены в Новогрудке, Мстиславле, Гродно, Волковыске, Лукомле.

Из Причерноморья привозились красноглиняные амфоры с вином или оливковым маслом. Они найдены почти во всех древних городах Белоруссии, подвергнутых раскопкам. Наибольшее количество амфор обнаружено в Новогрудке. Очень много амфор в Волковыске. В Полоцке собрано 187 обломков и одна раздавленная амфора.

Традиционным стал ввоз из восточной Прибалтики янтаря. Привозились преимущественно необработанные куски. В Новогрудке найдено около 30 кусков янтаря и шесть готовых изделий из него. В Полоцке — 22 куска. Отдельные кусочки янтаря найдены в Минске, Волковыске и других городах.

Из Восточной Прибалтики в XI—XIII вв. привозили некоторые виды готовых украшений из цветных металлов. Наиболее популярными изделиями были подковообразные пряжки. Их много найдено в Понеманье (Новогрудок, Гродно, Волковыск[21]), в городах Полоцкой земли (Полоцк, Браслав, Логойск, Борисов). Прибалтийский импорт представлен некоторыми видами подвесок, крестовидными булавками и т. д. Некоторые типы готовых изделий из цветных металлов вывозили в Восточную Прибалтику. К их числу относятся привески — «коньки» [22].

Внешняя торговля. Внешнюю торговлю вели большие города, расположенные на крупных водных магистралях. Значение водного пути «из варяг в греки» по Днепру общеизвестно. По Западной Двине осуществлялась связь прилегающих кривичских земель с Прибалтикой и Западной Европой. С верховьев Западной Двины легко было попасть на Волжский путь, соединяющий Балтийское и Каспийское моря. Водный путь по Припяти и Западному Бугу имел значение для торговли с Польшей и Чехией. Торговля велась также по сухопутным дорогам [23]. Средствами передвижения на воде служили долбленные ладьи-«однодревки», на суше-— волокуши и телеги («колы»), а в зимнее время—сани. Остатки колес от телег, полозьев от саней, детали лодок встречены в слоях **XII—XIII** вв. при раскопках Минска, Полоцка, Бреста.

Наиболее ценными товарами, вывозимыми из древних земель Белоруссии, были меха, воск, мед. Пушнина и воск в большом количестве шли на рынки Западной Европы и Востока, где на них был постоянный спрос.

Импорт вещей из стран Запада относительно невелик. К ним относится резное павершие из моржовой кости от богато убранного сидения, найденного при раскопках Волковыска. Навершие изображает голову льва, проглатывающего человека. Привезено оно из южной Германии. Родиной литого водолея в виде конного рыцаря является северная Германия. Этот водолей первой половины **XIII** в. обнаружен среди утвари Коложской церкви в Гродно. На Минском замчище в слое **XII** в.

Рис. 65. Серебряные монеты (арабские дирхемы и западноевропейские денарии и брактеат) из Горовлянских кладов XX с.

найден обломок костяной ложечки для причастия в виде фигурки святого с рогом. По-видимому, это изделие привезено из Франции. В Новогрудке найдена бронзовая чаша из Поморья (Самбия). Из этого же города известно золотое обручальное кольцо с латинской надписью XIII—XIV вв.[24].

В Новогрудке, Турове, Слониме неоднократно встречены великолепные образцы ближневосточной стеклянной посуды. Тонкостенные сосуды, расписанные золотом и эмалью, изготовлялись в Византии. Родиной толстостенной посуды с резным и шлифованным орнаментом была Сирия. Из Византии привозили шелковые ткани и ларцы, украшенные резными костяными пластинками. Иран поставлял фаянсовую посуду с люстровой росписью, украшавшую жилища купцов в Новогрудке[25]. Обломок такого сосуда найден в Лукомле. В Турове обнаружены обломки средиземноморской посуды.

В Полоцке, Минске, Бресте и других городах в слоях XIII в. найдены гребни из самшита. Его, надо полагать, постоянно привозили с Кавказа.

Внешняя торговля была основным источником удовлетворения потребностей раннефеодальной экономики в благородных и цветных металлах. При отсутствии рудных разработок па Руси важнейшей статьей ее импорта стало серебро, спрос на которое постоянно поддерживался нуждами не только ремесленного производства, но и рыночных операций.

3. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

IX—XI вв.— период становления развитого денежного обращения в Восточной Европе. По сравнению с античным временем резко возрос объем монетных захоронений. Увеличение размеров денежных кладов, представляющих в большинстве случаев собственность отдельных лиц, является одним из бесспорных доказательств процесса имущественной дифференциации, впервые особенно четко проявляющейся в среде восточнославянских группировок именно в это время.

Современная нумизматическая литература выделяет два этапа, характеризующие денежное обращение древней Руси с точки зрения источников ее монетного импорта: период обращения арабской монеты — куфического[26] дирхема (VIII—X вв.); период западноевропейской монеты — денария (конец X — первая четверть XII в.).

Куфические дирхемы на территории Белоруссии. Здесь зарегистрировано 37 «чистых» кладов дирхемов (более 8500 монет) и 47 случаев единичных находок. Кроме того, образцы куфической чеканки в виде большей или меньшей примеси содержатся в 12 кладах с западноевропейскими монетами X—XI вв. В целом, в Белоруссии известны находки более 9500 дирхемов.

Данные о 12 из этих кладов носят слишком общий характер, исключающий возможность сколько-нибудь точной их датировки. Среди остальных 25 кладов старший датируется временем около 814—815 гг.[27], младший — примерно 985—986 гг.[28] По датам эмиссии наиболее ранний дирхем представлен экземпляром 699—700 гг.[29], самый поздний (в кладе денариев) — 1004—1015 гг.[30] Крупнейший клад содержит около 2000 дирхемов [31].

В рамках установившейся периодизации обращения куфического серебра в Восточной Европе [32] датируемые клады Белоруссии распределяются следующим образом: конец VIII в.— 833 г.— 4 клада (около 1680 дирхемов); 833—900 гг.— 6 кладов (около 1060 дирхемов); 900—938 гг.—8 кладов (более 1480 дирхемов); 938—970 гг. (и позже.— *В. Р., Г. Ш.)* — (более 3000 дирхемов).

Состав и датировка восточных монет в раннефеодальных землях Белоруссии, в целом подтверждая эту периодизацию, позволяют внести ряд существенных уточнений и поправок, связанных прежде всего с локальными особенностями денежного обращения этой территории.

Мнение о том, что регулярный приток куфической монеты на территорию Восточной Европы начался еще в VIII в.[33], не подтверждается фактическим материалом нумизматики Белоруссии (как, впрочем, и России, и Украины). На наш взгляд, следует вернуться к мнению о том, что начало стабильных поступлений дирхемов в Восточную Европу относится лишь к началу IX в. [34]

Общей характерной особенностью первых 35 лет второго периода (833—900 гг.) восточноевропейского обращения дирхема было отсутствие в нем фрагментированной монеты [35]. Однако четыре клада Северной Белоруссии, датируемые временем между 841 и 857 гг., содержат значительную примесь (от 15,4 до 55%) резаных дирхемов[36]. Это обстоятельство представляет несомненный интерес, правомерным становится предположение о существовании на этой небольшой территории в середине IX в. отличных от общерусских закономерностей денежного обращения. По-видимому, перерыв в обращении отрезков дирхемов в Восточной Европе в 833—869 гг. не затронул северной части современной Белоруссии или, во всяком случае, закончился здесь уже в 40-х гг. IX в.[37]

Мнение о том, что область среднего Днепра (включая современную Белоруссию) во ьторой период (833—900 гг.) целиком выпала из сферы обращения куфической монеты[38], с очевидностью опровергается статистикой кладов этого времени западных земель Руси. В данном случае можно с большой осторожностью говорить лишь о сравнительно небольшом сокращении импорта восточного серебра в Поднепровье, но отнюдь не о его прекращении.

Временем окончания систематических поступлений арабской монеты в Восточную Европу принято считать 70-е годы X в. Однако наличие двух

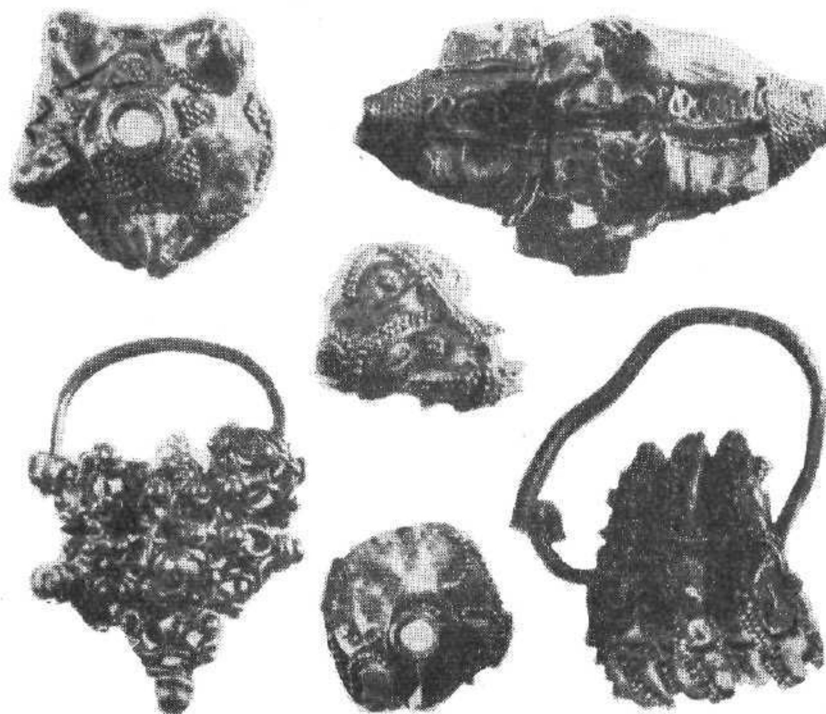

Рис. 66. Серебряные украшения XI в. из Дегтянского клада

крупных белорусских кладов 980—987 гг.[39] приводит к выводу, что значительный ввоз восточного серебра Русью был по меньшей мере на десятилетие более продолжительным.

Концентрация белорусских находок дирхемов по течениям Днепра и Западной Двины свидетельствует в пользу мнения о том, что важнейшим и, вероятно, основным путем поступлений арабской монеты на Русь был не восточный (из Волжской Булгарии)[40], а юго-восточный (из Хазарии)[41].

Примерно с середины X в. ареал обращения дирхема на территории Белоруссии начинает сокращаться, смещаясь на север, в области Верхнего Поднепровья и Подвинья.

Все дирхемы с ушками для подвешивания, найденные вне кладовых комплексов, чеканены в X в. Небольшое их количество с абсолютными датами VIII—IX вв. входит в состав кладов, зарытых лишь в X в. Это позволяет предположить, что обычай использования монетного серебра

в качестве детали женского украшения возник в древних землях Белоруссии не ранее X в. [42]

Поныне широко бытует мнение о том, что русские земли служили только перевалочным пунктом для потока куфического серебра, шедшего на запад, что арабские купцы сами осуществляли транспортировку монет, лишь порой «теряя» свои богатства по пути в Европу. Взгляд этот, получивший особенно большое распространение среди польских исследователей[43], опровергается широчайшим ареалом кладов с дирхемами и содержащимися в них изделиями местного производства. Разумеется, отдельные, наиболее предприимчивые восточные «гости» совершали далекие путешествия в Европу, однако контакты славян с арабами носили преимущественно пограничный характер. Древнерусские захоронения дирхемов — выражение внутренней концентрации богатств, основанной на базе собственного денежного обращения. Именно Русь была поставщиком мо.нет Халифата на Запад.

Куфические дирхемы настолько привились, что вызвали к жизни попытки местных так называемых «варварских» подражаний арабской чеканке[44]. Горовлянский клад (Глубокский район Витебской области) содержал 15 таких монет, использовавшихся в качестве украшений — привесок[45]. Погорелыцинская находка содержит рекордное количество подражаний куфическим дирхемам — около 100 экземпляров[46].

Обращение денария и **других монет.** С прекращением притока куфического серебра древнерусские земли начали импортировать западноевропейский серебряный денарий. Регулярные экономические связи Руси с Западной Европой установились еще в «период дирхема», шедшего на запад через Восточную Европу. Денарий хлынул на русскую территорию уже по дороге, проторенной в известней мере восточной монетой, но в обратном направлении [47].

В БССР сейчас зарегистрированы 13 кладов, содержащих денарии (около 2280 штук), и 9 их единичных находок. Старший из этих кладов

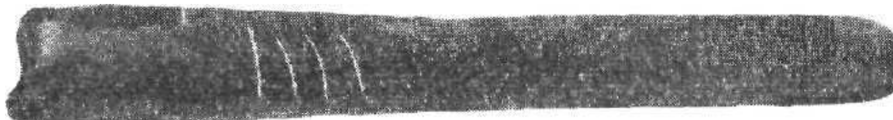

Рис. 67. Серебряный слиток с четырьмя нарезками из Полоцкого клада, найденного в 1910 г.

датируется первой половиной 80-х годов X в.[48], младший — первой половиной 60-х годов XI в.[49]

Прежде всего обращают на себя внимание следующие обстоятельства.

Область бытования денария в Белоруссии охватывает лишь Верхнее Поднепровье и Подвинье, иными словами, соответствует примерно ареалу последнего периода обращения дирхема. Масштабы обращения западноевропейского монетного серебра резко (почти в 4 раза) сократились по сравнению с восточным. Хотя спорадические поступления денария на территории Белоруссии фиксируются последним двадцатилетием X в., о регулярности его притока можно говорить лишь начиная с **XI** в.

Если импорт денария па север Руси продолжался по последнюю четверть XII в., на юг ее прекратился уже в начале XI в., то импорт в западные земли Руси занял «золотую середину». Как уже отмечалось, млад-

ший из зарытых здесь кладов европейской монеты датируется первой половиной 60-х годов XI в. Таким образом, время поступлений и бытования денария в Белоруссии продолжалось примерно три четверти века.

Из 13 белорусских кладовых комплексов с денариями лишь один не содержит куфических монет [50]. Во всех остальных кладах дирхемы присутствуют в большем или меньшем количестве, составляя в целом более 30% общего числа монет. Следовательно, в «период денария» европейская монета отнюдь не была абсолютным монополистом в выполнении функций денег на территории Белоруссии. Окончание поступлений куфического дирхема на Русь в конце X в. не означало прекращения его обращения. На западных землях Руси оно в значительных масштабах продолжалось параллельно с обращением денария вплоть до прекращения импорта последнего, т. е. до середины 60-х годов XI в.

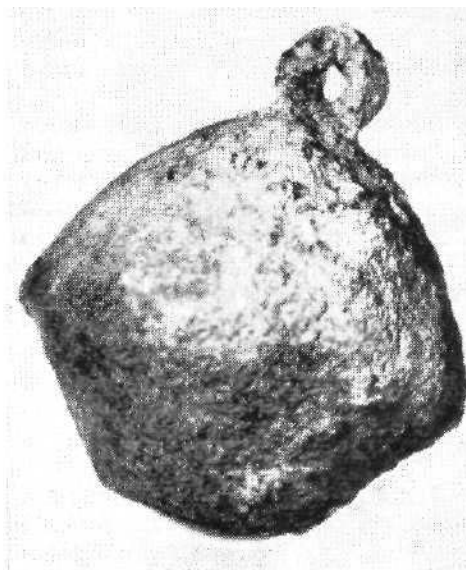

Рис. 68. Железная гиря от безмена XII в. из Логойска

Летом 1957 г. в деревне Дегтяны Копыльского района Минской области был 'найден клад, занявший исключительное место среди нумизматических находок XI в. на территории СССР. Из числа 320 сохранившихся его монет 123 оказались чрезвычайно редкими чешскими денариями (достаточно оказать, что во всех остальных кладах Белоруссии насчитывалось лишь 4 таких монеты) [51].

Незначительный компонент денежного хозяйства конца X — начала XI в. на территории Белоруссии составляли первые монеты Киевской Руси (золотые «златники» и серября'ные «сребреники») и Вигантии (золотые солиды, серебряные милиарисии, медные фоллисы). Златники чеканились в конце X в.[52], сребреники — в конце X — начале XI в. Выпуск их не имел серьезного экономического значения и носил, по сути, декларативный характер.

Безмонетный период. Слитки. С прекращением притока денария на территории Белоруссии наступает так называемый «безмонетный период», характеризующийся обращением слиткового серебра, производство которого базировалось на накопленных ранее запасах восточной и европейской монеты и лепешкообразных слитков серебра, поступавших из Германии через Новгород.

Одной из первых «ласточек» грядущего лишения древнерусских рынков монет был полоцкий клад 1910 г., сокрытый накануне безмонетного периода—-около 1060 г. В нем были денарии X—XI вв., палочкосбразные слитки серебра, их обрубки и фрагменты серебряных украшений. Помимо серебра, он содержал несколько заготовок из олова. Общий вес этой находки составлял более 9 кг[53]. Как сырьевой запас ювелира он одновременно представляет и памятник платежных единиц второй половины XI в. Его рубленое серебро имеет нередкие аналогии в

памятниках денежного обращения Северной и Центральной Европы. Оно являлось одной из важнейших статей древнерусского импорта благородных металлов, принимавшихся на вес и игравших роль денег.

Итак, слитки не сразу вытеснили из обращения монеты: часть кладов со слитковым серебром относится к последнему двадцатилетию бытования денария в западных землях Руси и содержит в своем составе куфические и западноевропейские монеты. Однако в последующее время нет возможности назвать монету, которая «разменивала» бы слитки, «вводила» бы их в сферу рынка. Эти огромные для своего вре-

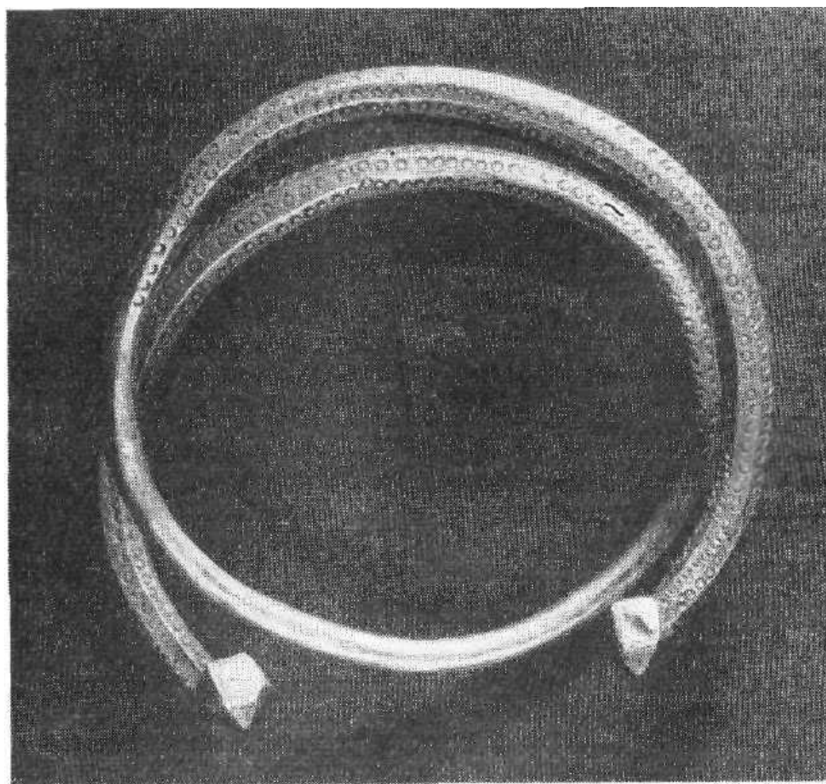

Рис. 69. Серебряная шейная гривна IX в. из клада, найденного около деревни Поречье Глубокского района

мени номиналы не могли, естественно, получить столь же широкое применение, как предшествовавшие им монеты. И, действительно, при области их распространения, почти равной территории обращения денария, количество слитков, обнаруженных в Белоруссии, едва достигает 170 экземпляров. Характерно, что слитки чаще встречаются в виде кладов, чем единичные. Это может служить подтверждением их принадлежности лишь очень узкому кругу людей. Очевидно, слитковое серебро применялось только для крупных платежей.

Для территории Белоруссии особенно характерны два вида слитков— «киевские» (в форме ромба с усеченными острыми углами, размером 9—10Х4—5 см, весом в 163—165 г) и «западнорусские» или «литовские» (палочкообразные, многие с одной или несколькими вмятинами на снимке, 10—17 см, 100—105 г). Реже встречаются «новгородские» слитки (палочкообразные, 14—20 см, порядка 200 г).

Слитки стали первыми рублями древней Руси [54]. Письменные источники нередко именуют их также «гривнами», «гривнами серебра литого» [55]. Порою на «западнорусских» слитках выцарапано другое их название— «изрой», упоминаемое документами конца XIII в.[56] Половинные обрубки слитков именовались полтинами, полурублями [57].

Акты XIII в. неоднократно сообщают о стабильных торговых контактах белорусских городов с важнейшими экономическими центрами Прибалтики. Договором 1212 г., заключенным между полоцким князем Владимиром и рижанами, оговариваются права купцов, которым «был всегда открыт свободный путь по Двине»[58]. «Смоленская торговая правда» (1229 г.) детально регулирует порядок товарообмена Смоленска, Полоцка и Витебска с Ригой. Основные статьи этого документа посвящены вопросам беспрепятственного передвижения купцов, свободы их оптовой и розничной торговли, порядку взимания пошлин, германским купцам разрешался проезд в Полоцк, Витебск, Смоленск и далее на восток, русским — в Ригу, Любек, на Готланд. Как русские, так и германские торговцы получали право купли-продажи любого количества различных товаров. Содержание «Смоленской торговой правды» свидетельствует о том, что роль универсального эквивалента в процессе товарообмена выполняли серебро и изредка золото. При оформлении торговых сделок эти металлы взвешивались весцом — официальным рыночным агентом, ведавшим сбором пошлин. Характерно, что серебро, выступая при этом в роли денег, шло в обращении и в слитках, и в различных сосудах.

Несомненным свидетельством продолжавшегося существования торговли на территории Белоруссии в «безмонетный» период являются весы и разновесы этого времени. Четыре гирьки разновеса найдены в кургане у деревни Опсы Браславского района[59]. В курганном погребении под Логойском открыты складные весы в роговом футляре[60]. Весы и гирьки неоднократно обнаруживались в курганах Смоленщины [61]. Четыре гирьки разновеса и две чашечки от весов найдены в Друцке [62]. В Новогрудке встречено 5 гирек. Наконец, в Минске обнаружен безмен «мощностью» в 7—8 пудов [63]. Гиря безмена или весов в 2250 г открыта при исследовании Логойского замчища, по внешнему виду и весу она аналогична находкам этого рода в Новгороде Великом и Кукенойсе[64].

Развитие торговли привело в крупнейших городах Белоруссии к консолидации купечества. Это, в частности, выразилось в образовании торговых корпораций, подобных «Иванскому сту» в Новгороде. Купцы уже не ограничиваются, как прежде, лишь занятиями торговлей, они прибегают к активному участию и в политической жизни города. Каждая из этих корпораций имела своего христианского патрона и посвященную ему церковь, у которой собиралась на «братчину» (упоминание о полоцкой братчине появляется в летописи под 1159 г.). Тем не менее уровень развития рыночных отношений не в состоянии был ликвидировать в целом натуральный характер хозяйства: удельный вес товарного производства в валовой продукции всего хозяйства оставался сравнительно небольшим.

Как все же осуществлялись мелкие торговые сделки на Руси в безмонетный период? Пока не представляется возможным дать четкий ответ на этот вполне закономерный вопрос. Ряд исследователей полагает, что роль разменной монеты выполняли шкурки пушного зверя, к которым прикреплялись свинцовые пломбы [65]. Пломбы — нередкая находка при археологических исследованиях городов, в Дрогичине над Бугом обнаружено около двух тысяч экземпляров пломб. . На территории Белоруссии они открыты в Витебске, Полоцке, Минске, Друцке. Часть археологов и историков склоняется к мысли о том, что пломбы — свое-

образная «охранная грамота», привешивавшаяся к тюкам товаров и гарантировавшая их качество и целостность. Представляет интерес гипотеза, выдвинутая В. Л. Яниным: роль заменителей монет могли играть достаточно распространенные виды продуктов ремесленного производства относительно стабильной и высокой стоимости (типа овручских пряслиц розового шифера [66]). Возможно, подобные «товаро-деньги» бытовали на Руси еще в период обращения куфического дирхема [67]. Но, вероятнее всего, процесс купли-продажи в древних землях Белоруссии во второй половине XI—XIII вв. выливался преимущественно в форму непосредственного обмена одного товара на другой.

Глава XII

КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ ЗЕМЕЛЬ БЕЛОРУССИИ

Замечательные археологические находки свидетельствуют о яркой, самобытной культуре древних земель Белоруссии. Разнообразно по форме и богато по содержанию прикладное искусство X—XIII вв. С каждым годом обнаруживаются при раскопках новые вещи, на которых встречаются надписи. Эти надписи — памятники эпиграфики — позволяют судить о распространении письменности среди населения. Венец материальной культуры древних городов — монументальные каменные сооружения.

Все то, что осталось от произведений прикладного искусства, памятников письменности и архитектуры, созданных на протяжении столетий нашими предками, имеет для нас огромную ценность. Эти памятники занимают почетное место в золотом фонде культуры нашей страны.

1. ПАМЯТНИКИ СФРАГИСТИКИ И ЭПИГРАФИКИ

Вислые печати. Древнейшие дошедшие до нас образцы письменности—надписи на вислых печатях. Печать (булла) — знак удостоверения документа, придания ему юридической силы. Вислые печати обычно оттискивались на свинцовых пластинках, привешивались к документам на шнурке. Печати средневековых земель Белоруссии представляют собой замечательные памятники сфрагистики (науки о печатях).

Широко известна печать полоцкого князя ИзяслаЕа Владимировича, датируемая последней четвертью X в. На лицевой ее стороне изображен знак Рюриковичей в «парадном варианте», вокруг знака надпись «Изас(лав)ос», русскими буквами передающая греческое звучание имени «Изяслав». Остатки круговой надписи сохранились на обратной стороне печати. Полоцкая печать — старейший образец славянского письма[1].

Особо интересны полоцкие печати, принадлежавшие женщинам княжеского звания, и они крайне редки для территории Восточной Европы. В науке известны два экземпляра печати, по всей вероятности принадлежавшей матери Евфросиньи Полоцкой (середина XII в.). На печати изображены святые и сделана надпись (в колонку) «Святая София», «Святой Георгий» [2].

Место находки первого экземпляра печати не установлено, второй экземпляр обнаружен в Латвии при раскопках Кукенойса. В 1962 г. в Полоцке найдена еще одна печать XII в., принадлежавшая женщине,

имя которой не известно. В Новгороде на Рюриковом городище недавно обнаружена вислая свинцовая печать самой Евфросиньи Полоцкой [3].

Владельцами печатей, кроме представителей княжеской семьи, были и епископы. На двух экземплярах полоцких печатей последней четверти ХЛ в. видна четкая греческая надпись в пять строк «печать Дионисия, епископа Полоцкого» [4]. Один экземпляр такой полоцкой печати найден на Рюриковом городище.

Крупная свинцовая печать встречена при земляных работах на территории окольного города в Пинске. На одной ее стороне — погрудное изображение богоматери, традиционная эмблема церкви. Богоматерь изображена с молитвенно воздетыми руками, в греческой иконографии она носит название «Оранта». На обороте печати погрудное изображение святого. Вероятно, булла была собственностью какого-то церковного иерарха.

Известна серия печатей, на одной стороне которых надпись «Дьнеслово» (скрытое, тайное слово, по Б. А. Рыбакову; слово внутри, разверни и читай, по В. Л. Янину), на другой — изображение святого. О принадлежности этих печатей было несколько предположений. В. Л. Янин считает, что они принадлежали епископам [5]. Одна из печатей имеет изображение святого Мины, по-видимому, она и принадлежала полоцкому епископу, носившему это имя, место находки — Львовщина. i

Свинцовая печать, на одной стороне которой изображен Иоанн Креститель, на другой — надпись «Дьнеслово», обнаружена в Гродно [6].

В XII—XIII вв. имели широкое распространение типы печатей с изображением святых, владели этими печатями люди, носящие те же имена, что и святые. В Витебске найдена небольшая вислая свинцовая печать диаметром 1,6 см, которая, по-видимому, принадлежала князю Рюрику Ростиславичу, сыну смоленского князя Ростислава Ростиславича, впоследствии великого киевского князя. В летописях Рюрик упоминается между 1157—1210 гг. На печати изображен христианский патрон Рюрика (христианское его имя Василий) святой Василий Кессарийский и на оборотной стороне — изображение святого Михаила (Михаил — христианское имя отца Рюрика).

Неожиданностью была находка в Волковыске печати с изображением самого князя. Он стоит с коротким копьем в правой руке и круглым щитом в левой, на голове — корона. Диаметр печати 2 см. Она является образцом тонкой художественной резьбы, хорошо переданы детали одежды и атрибуты княжеской власти. На печати сохранились остатки надписи «Дмитрий». Подобная булла найдена на Украине при раскопках города Воина[7] возле Кременчуга. Вероятно, это печать сына Ярослава Мудрого Изяслава, который в середине XI в. княжил в Турове[8].

Каллиграфическая красивая надпись «Симеон» читается на второй печати из Волковыска. На ней поясное изображение святого Симеона. Подобные печати неоднократно попадались в других местах за пределами Белоруссии.

Пять небольших печатей — пломб собрано в Витебске у обрыва Западной Двины. На них изображения каких-то нерасшифрованных знаков, порой похожих на буквы. На одной печати — пломбе надпись «Петр»[9]. Свинцовая печать — пломба с изображением Бориса или Глеба обнаружена на Минском замчище [10]. Свинцовая пломба найдена в 1967 г. при раскопках на Верхнем Замке в Полоцке[11].

Лапидарные памятники. На территории Белоруссии расположены знаменитые «Борисовы камни» — монументальные памятники эпиграфики XII в. [12] В русле Западной Двины, ниже Полоцка, известны

четыре больших камня ледникового происхождения с высеченными на них шестиконечными крестами и однообразной надписью «Господи помози рабу своему Борису».

Сохранился и поныне один из этих камней, что в 5 км от Полоцка возле деревни Подкостельцы. Население называет его Борис-Хлебник. Бытует легенда, будто па камне всегда лежит буханка хлеба. Весной камень полностью скрыт под водой и появляется постепенно, к августу оказываясь почти па суше.

«Борисовы камни» возле деревень Маковники и Ьолотки, а также близ города Друя давно уничтожены во время расчистки русла Западной Двины. Камни с подобными надписями были и в других местах: возле деревни Камено (Каменка) в Вилейском районе и близ деревни Высокий Городец Толочинского района.

Рис. 70. Свинцовая вислая печать из Волковыска с изображением св. Симеона (диаметр 2, 3 см)

В русле Западной Двины, ниже Полоцка, существовали еще два интересных камни. Один из них с надписью «Святополк-Александр» взорван в 1818 г. Другой с обозначением «Сулиборь хрьст» небольшой по размерам в 1879 г. перевезен в Москву и хранится теперь в Государственном историческом музее.

Возле деревни Дятлово Оршанского района находился так называемый «Рогволодов камень». На нем было высечено изображение креста и текст: «В лето 6679 (т. е. 1171 *г.—Г. Ш.)* мая з 7 день доспен (т. е. иссечен. — *Г. Ш.)* крест сей. Господи помози рабу своему Василию в крещении именем Рогволоду сыну Борисову». Камень уничтожен в 30-е годы[13].

Эти памятники свыше трехсот лет привлекают внимание исследователей. Ученые считают, что надписи на «Борисовых камнях» высечены по приказу полоцкого князя Бориса Всеславича, умершего в 1128 г. Однако для чего они были предназначены, мнения ученых расходились. Одни предполагали, что это межевые знаки границ княжеств, другие считали, что камни поставлены в честь посещения этих мест полоцкими князьями или связаны с важными датами в их жизни. Более вероятно другое предположение. Известно, что христианская религия пришла к нам из Вшантии в X в. До этого времени восточные славяне были язычниками. Они обожествляли явления окружающей их природы: камни и горы, озера и реки, деревья и рощи, луну и солнце. Наиболее почитаемыми предметами у полоцких кривичей были огромные валунные кам-

ни в русле Западной Двины и в других местах. Языческие верования оказались живучими. Даже в XI—XII вв. местное население упорно отвергало христианство и его святых. Славяне тайно продолжали поклоняться своим фетишам — валунным камням. Вероятно, для борьбы с языческими верованиями полоцкий князь приказал выбить на камнях кресты. При этом он хотел увековечить свое имя, чтобы его помнили христиане и не забыл бы бог за его благочестивый подвиг. Для этого на камнях высекались соответствующие надписи. Примеру Бориса последовал его сын Рсгволод. Б. А. Рыбаков считает, что с именем Бориса связан древний праздник первых яровых всходов, к которому в XII в. приурочили день святых Бориса и Глеба (2 мая) [14].

Надписи на изделиях. К полоцкой письменности относится одна из очень немногочисленных известных нам деловых записей XII в. Она сохранилась на кресте, который Евфросинья Полоцкая подарила Спасской церкви в 1161 г. Надпись на кресте заключает в себе две основные части — деловую, в которой сообщается дата вложения, имя заказчицы, стоимость изделия, и традиционное заклинание в конце (чтобы крест не был похищен), являющееся молитвой. В надписи прослеживаются некоторые местные черты, характерные для письменных памятников древних земель Белоруссии [15]. Весь текст в целом свидетельствует о существовании в Полоцке, как, вероятно, и в других городах, твердой общепринятой традиции составления деловых записей.

Надписи встречаются и на других изделиях религиозного культа. В Волковыске найден медный золоченый образчик XII в. с изображением святого Дмитрия и надписью «Димитри». На каменной иконке этого города значится «Гавриил». Изображение святого Димитрия и надпись — глубокая гравюра [16]. В XII в. в Гродно изготовлен медный образок, на котором эмалью сделана надпись «агиос (святой.— *Г. Ш.)* Иоанн»[17]. На каменных резных иконках Минского замчища написаны имена «Никола», «Стефан», «Петр» [18]. Найденный в Гродно обломок колокола первой половины XII в.— одно из древнейших изделий с рельефной надписью по краю. Каменный образок с надписью «Николас агиос» найден в Новогрудке.

Граффити. Древние надписи, прочерченные острыми предметами на вещах их владельцами, на стенах зданий, нередко встречаются в Белоруссии.

Известен обломок красноглиняной амфоры из Пинска с надписью «ополчо вино» (Рополче вино). В этом городе в 1192 г. справлял свою свадьбу пинский князь Ярополк Георгиевич. Возможно, ему и принадлежало вино, налитое в корчагу [19]. Амфора с надписью «Олъксн» (повидимому, Алексей) найдена во время раскопок окольного города в Новогрудке [20]. Обломок глиняной корчаги с процарапанной буквой «Я» обнаружен в Волковыске, а с буквой «И» — в Турове. Буква «А» вырезана на игральной кости, найденной в Волковыске.

На Верхнем замке в Полоцке в слое рубежа XII—XIII вв. обнаружены заготовка из рога лося, на поперечном спиле которого резчик нанес две кириллические буквы, и фрагмент обычной кости животного с надписью «моих». Вероятно, это часть какой-то фразы.

Часто граффити делались на сланцевых пряслицах. На такой находке XI—XII вв из Витебской области легко читается текст: «бабино пряслень», что обозначает «бабино пряслице» [21]. Гродненское пряслице имеет надпись «Г(осподи) помози рабе своей»[22]. Подобная благожелательная надпись читается на пряслице .из Волковыска. Пряслица с надписями «Настасино прасльн» найдено в Пинске [23], а «кьняжинье» и «ника» — в Друцке.

Большой интерес вызывает обнаруженный в Бресте самшитовый гребень начала XIII в. с вырезанными на нем кириллическими буквами алфавита от «А» до «Е» на одной стороне гребня **и** от «Ж» ДО «Л» на другой [24].

Надписи, процарапанные острым предметом, есть па платежных серебряных слитках. На боковой стороне слитка из клада XIII—XIV вв., найденного в 1902 г. в деревне Слободка Минского района, читается слово «птрва» (Петрова). На другом слитке из Гродненщины написано слово «Прнликовичи»[25]. В 1886 г. возле деревни Студенец Горецкого района найден серебряный слиток с надписью «княз Волод» [26].

Рис. 71. Сланцевая (шиферная) иконка XIII о. с надписью «Никола»

Граффити XII в. сделано полочаиинсм, который случайно оказался в Киевской Софии. Оно гласит: «Воинегь писал Журяговиць полоцанин» [27]. Буквы от граффити на расписной штукатурке дома **XII** в. обнаружены в Новогрудке. На внутреннем столбе Спасской церкви Евфросиньевского монастыря в Полоцке сохранилась надпись, сделанная кириллическими буквами «Месяца сентября преставился раб Иван...» Древние граффити выявлены па остатках стен Благовещенской церкви в Витебске. Особый интерес представляет рисунок воина с копьем и щитом [28].

Берестяная грамота из Витебска. В Новгороде **и** других древнерусских городах (Смоленске, Пскове, Старой Русе) обнаружены совершенно новые ценнейшие исторические источники — берестяные грамоты. Их около 500. Буквы текста процарапаны, выдавлены на внутренней стороне бересты специальным заостренным инструментом — «писалом». Ис-

следователям хорошо знакомы эти металлические или костяные стержни с острием на одном конце и лопаточкой на другом. Писала находили и на территории Белоруссии — в Полоцке, Минске, Волковыске, Новогрудке, Друцке, Браславе[29], Копыси, Слуцке. В Витебске во время земляных работ найдена первая в Белоруссии берестяная грамота. Она датируется рубежом XIII—XIV зв. Текст состоит из шести строк, написан очень четко: «От Степана к Нежилу. Если ты продал одежды, то купи мне на 6 гривен ячменя. А если чего-либо ты не продал, то пошли мне в наличности. Если же продал, то сделай милость — купи мне ячменя» [30]. Грамота представляет собой частное письмо какого-то Степана к Нежилу.

Очевидно, найденная в Витебске берестяная грамота не самый ранний памятник этого вида письменности в Белоруссии. Доказательством тому служат находки «писал» в слоях XI—XII вв. и в других белорусских городах.

Показателем распространения грамотности могут служить обнаруженные в Друцке, Минске, Волковыске, Новогрудке разнообразные застежки от книг.

Памятники сфрагистики и эпиграфики — свидетельство наличия письменности среди различных слоев населения. Знание грамоты было необходимо ремесленникам — ювелирам, камнерезам и др. Распространение грамотности — признак расцвета городской культуры.

2. ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Произведения прикладного искусства отражали интеллектуальный уровень, идеологию, вкусы и сложившиеся в IX—XIII вв. художественные традиции. Монументальные произведения искусства IX—X вв., до нас почти не дошли. Найдены лишь изображения языческих идолов.

В 1963 г. возле Шклова в овраге Серебрянки была вымыта скульптура идола. Вероятно, она была спрятана местным населением в конце X в., когда Владимир СВЯТОСЛЭЕИЧ «крестил» Русь. Неизвестный мастер, изваявший скульптуру, стремился к объемности изображения. Однако очевидна связь с плоскостной деревянной скульптурой. Со спины фигура обтесана, как столб. Туловище цилиндрическое, отношение высоты и ширины фигуры выражается пропорцией 2:1. Нижняя часть скульптуры имеет постамент. Общая ее высота 1,2 м. Высечена из известняка[31].

Украшения и другие мелкие изделия художественного ремесла погибли в пламени костров при сжигании умерших — обычае повсеместно распространенном у восточных славян в период язычества. Только по случайно уцелевшим вещам можно судить о характере некоторых украшений. В курганах **VIII** в. возле деревни Боркн Полоцкого района оказалось множество миниатюрных костяных уточек, выполненных очень искусно. В кургане близ деревни Рудня того же района найдена костяная головка лошади, на которой рельефно изображена упряжь.

Солярная символика. Орнаментация многих предметов прикладного искусства XI—XII вв. как металлических, так и изготовленных из иных материалов (кости, рога, камня, глины, дерева) уходит часто своими корнями в древнюю символику, связанную с языческими религиозными верованиями[32]. Эти орнаментальные сюжеты сохранились в народной деревянной резьбе, вышивках, керамике вплоть до последнего времени,

утратив уже свое символическое значение и превратившись в элементы украшения.

Многие орнаментальные мотивы имеют в основе изображения крест различных форм, круг нередко в комбинации с крестом, колесо, а также варианты розеток и, наконец, серповидные лунницы и звезды (с 5—6 и большим количеством лучей). Тесная связь этих орнаментальных мотивов с верованиями древних славян, как, впрочем, и многих других народов, была давно уже подмечена исследователями.

Среди символов «небесных» верований восточных славян выделяется аграрный культ солнца, выраженный различными изображениями креста, круга, колеса, розетки и их разнообразных комбинаций, являющихся своеобразными идеограммами и занимающих наиболее видное место.

Большинство предметов с такими орнаментами — это украшения женского костюма. Археологические материалы этого рода относятся в большей части к X—**XIII** вв., но они отражали целый комплекс небесных представлений славян времен господства языческих верований и играли магическую роль «оберегов», охраняющих от враждебных духов. Общепризнано, что изображения в форме креста были известны и широко применялись задолго до принятия христианства. Крест у многих народов был магическим символом орудия для добывания огня, его эмблемой, а впоследствии и эмблемой солнца как «огня небесного». Таким образом, крест еще в глубокой древности стал очистительным символом, символом воскресения и бессмертия, поскольку солнечный свет и тепло — источники жизни.

В курганных захоронениях X—**XIII** вв. встречаются подвески—крестики. Своеобразной разновидностью креста была свастика с прямоугольными или закругленными отростками на конце каждого из четырех лучей, отображавших вращение инструмента для добывания огня. Она была символом не только земного, но и небесного огня, т. е. солнца. Изображение свастики обнаружено на днище горшка **XII** в. во время раскопок на Минском замчище и в Заславле на посаде.

Особенно устойчивым орнаментальным мотивом была розетка. В курганных инвентарях этот мотив часто фигурирует в радимичских захоронениях как на головках шейных гривен, так и на круглых металлических подвесках [33]. Аналогичный орнамент был распространен в Полоцке. В этом орнаментальном сюжете нашла отражение идея о связи животворных солнечных лучей с плодородием в растительном мире, с произрастанием цветов, трав и деревьев.

Лунницы и другие амулеты. Вторым после солнца небесным светилом, изображение которого часто воспроизводилось на предметах X—**XIII** вв., была луна (или месяц), почитание которой связано с «небесными» представлениями древних славян, также имеющими отношение к аграрному культу, поскольку, согласно поверьям, уходящим своими корнями еще в язычество, луна оказывает влияние на рост растений.

В курганных инвентарях всех восточных славян, датирующихся X—**XIII** вв., повсеместно обнаруживаются подвески — лунницы. Находки эти имеют массовый характер и на территории Белоруссии, и соседней Смоленщины. В Белоруссии подвески — лунницы найдены в кургане под Борисовом [34], в Белорусском Поднепровье, в курганах радимичей, в курганных погребениях на Могилевщине, а также в Минске, Полоцке. Друцке. Во всех этих находках нашло свое отражение древнее почитание луны, связанное с аграрно-иебесным культом славян, пережитки которого в ряде случаев сохранились в быту и в более' позднее время. В некоторых экземплярах лунниц между рогами лунницы изображен

крест—символ солнца. Магическое содержание этих изображений, таким образом, в глазах славян придавало разнообразным предметам с этими изображениями значение «оберегов», предохраняющих от болезней, несчастий и всякого зла. Были обереги с символикой другого содержания. Конь с момента появления пашенного земледелия был символом добра, благоденствия и счастья, в чем сказалась особая роль коня для славянина-земледельца. Коньки встречены при раскопках курганов[35]. Найдены они также в Минске, Лукомле, Логойске, Витебске.

Амулетами были и подвески-уточки, ножики, ложечки, топорики. Ложечки — подвески найдены при раскопках Полоцка и Лукомля.

Весьма интересен найденный в Заславле бронзовый змеевик[36]. На его лицевой стороне — изображение человеческой головы, окруженной змеями. Голова покоится на узорчатом щитке с четырьмя буквами, дающими вместе слово «дъна». Слово это означало «нутро» человека, от спокойного состояния которого, согласно представлениям того времени, зависит здоровье.

Амулет — змеевик найден также в Волковыске. На лицевой его стороне изображена фигура архангела Михаила в полный рост с мощными опущенными крыльями. По краю змеевика — круговая надпись. На обратной стороне — клубок звероподобных змей, который напоминает сплетенных зверей в памятниках искусства X в. Волковысская находка относится к концу XII — началу XIII вв. Заславский и волковысский змеевики — магические обереги, охранявшие здоровье своего владельца.

С языческим почитанием змеи и, возможно, других животных связано оформление так называемых «змееголовых» браслетов, которые часто встречаются на территории Белоруссии при раскопках курганов [37]. Эти браслеты служили также оберегами. На замчище в Минске найден золотой браслет весом около 75,5 г. Он сплетен из толстых золотых проволок. На обоих концах украшения стилизованные изображения каких-то голов.

Анализ значения перечисленных «оберегов» показывает, что наши далекие предки представляли себе мир наполненным злыми духами, угрожающими благополучию человека. Защитой против «козней» этих «злыдней», «упырей» и являлись многочисленные «обереги» [38].

Геометрический, растительный, тераталогический орнаменты. Под влиянием усиливающейся христианизации, экономических и культурных влияний Византии, Западной Европы и стран Передней и Средней Азии древний орнамент с языческой символикой постепенно вытеснялся новыми орнаментальными сюжетами. Как и прежде, во многих случаях орнаментации придавалось смысловое, магическое значение. В орнаменте использовались геометрические формы и другие мотивы. Следует различать орнамент геометрический, растительный, тераталогический (стилизованное изображение зверей и птиц).

Наиболее характерные элементы геометрического орнамента — ромб, прямоугольники, квадрат, части этих фигур. Они встречаются на древних вещах. Очень популярным был циркульный орнамент. Им украшали рукоятки ножей, гребни и другие предметы обихода.

Так называемый растительный орнамент — это изображенные листья, пальметы, крины, бутоны и т. д. Они вышивались цветными нитками, часто украшали кожаные женские башмаки. Обнаружены на предметах быта при раскопках Полоцка, Минска, Мстиславля, Гродно, Слонима, Бреста и других городов.

Для дружинно-боярского быта характерен тераталогический или «звериный стиль». Различные чудовища и птицы, переплетенные при-

Рис. 72. Костяные изделия из Волковыска XII — первой половины XIII вв.:
1—7, 9—с геометрическим и растительным орнаментами, *8, 10, 11*—с терата логическим орнаментом

чудливыми ветвями, украшали самые разнообразные вещи. На замечательной пластине из Волковыска изображен дракон — фантастическое существо со змеиным туловищем и головой животного. Стилизованные изображения зверей с хвостами из [Цветов «геральдические львы» — излюбленный сюжет древнего прикладного искусства. На костяной накладке XII в., обнаруженной на замке Лукомля, выгравированы львы. Каменная плитка с изображениями фантастического зверя **XII**—начала **XIII** в. найдена в Волковыске [39].

На костяной накладке 40-х годов **XIII** в. (Полоцк) изображен дракон. У него собачья голова. Стремление приблизить на изображениях голову дракона к собачьей или волчьей было характерно для Руси.

Элементы «звериного стиля» есть на мстиславских костяных пластинах — накладках на колчан. Внизу изображено двуглавое чудовище на коротких, как у крокодила, лапах. Вся поверхность пластин орнаментирована выпуклыми валиками, «волной», «плетенкой», замысловатыми крестообразными фигурками из ромбиков, треугольников, косых крестиков. На пластинках, изготовленных местным мастером, сложно переплетаются кочевнические и русско-романские орнаментальные мотивы. Подобные пластины найдены в Минске и Друцке [40]. Очень интересен обломок кости с выгравированным изображением птицы и костяная головка дракона **XII** в. из Турова.

Люботыпными украшениями были еще и колты. Их носили у висков— подобие височных колец. На оловянном колте **XIII** в. (Минск) изображены фантастические птицы с повернутыми друг к другу головами. Две птицы (нехищные) — символ семейного счастья.

Шахматы. Миниатюрная скульптура. Раскопки белорусских городов значительно обогатили наше представление о древних шахматах. Здесь обнаружены как абстрактные, так и реалистические фигуры.

Костяная фигурка коня, стилизованная в виде цилиндрика с одним выступом в верхней части, найдена в Новогрудке (XII в.) и Турове (**XIII** в.) [41]. У слона из Друцка цилиндрический корпус венчали два выступа. А у полоцкой фигурки слона два выступа заменены более удобным для изготовления разрезом верхней части цилиндрического корпуса фигурки. Она подобна таким же фигуркам из Тракая в Литве [42].

Арабы в древности ладью называли «рухом». Рух — это название фантастической птицы, изображаемой обычно с поднятыми крыльями. Соответствующая шахматная фигура имела вид прямоугольника с двумя выступами в верхней части. Шахматная ладья — рух обнаружена в 1968 г. в Копыси среди остатков мастерской костореза **XII** в. Она напоминает арабского средневекового руха и в то же время своеобразна. Такая же фигурка обнаружена ранее в Волковыске.

Из Витебска происходит символическая фигура, которая совмещает элементы руха и натуральной ладьи. Витебская ладья имеет два характерных выступа сверху, но в отличие от восточного руха основание у нее круглое. Она воспроизводит подобную ладью **XII** в. из Вышгорода [43].

Две шахматные фигуры «короля» (Полоцк, конец **XIII** в.) хорошо Еыточены на токарном станке. Аналогичная фигура найдена в Друцке, там же обнаружены две костяные пешки. Четыре деревянные символические шахматные фигуры из одного комплекта открыты в Минске во дворе горожанина **XII—XIII** вв.

По-иному выглядели декоративные шахматы. Каждая такая фигура— это миниатюрная скульптура, в которой отражены живые наблюдения резчика. Большинство известных таких шахмат найдено в Белоруссии. Вероятно, их вырезали местные художники.

Из Гродно происходит миниатюрная шахматная ладья, являющаяся копией боевой ладьи, которые использовались на Немане и вообще на Руси в середине **XII** в. В ладье сидят четыре воина в доспехах [и]. Другая такая ладья из Волковыска изготовлена из кости. Вместе с ней найдена фигурка барабанщика — единственная изобразительная пешка древних шахмат из территории Восточной Европы, которые дошли до нас.

Барабанщик в длинной рубахе, на голове у него шапка, вероятно, войлочная, на ремне, перекинутом через плечо, висит бубен (барабан), в правой руке «ващага» — барабанная палочка. Удивляет искусство, с которым все это вырезано на фигуре размером всего лишь в 2,5 см.

Как выглядел король в комплекте таких шахмат? В старину эту фигуру называли «царем». Шахматный царь недавно найден в Лукомле. На небольшом типично шахматном основании, скрестив по-восточному ноги и руки, сидит человек. Во всем облике спокойствие и властность. На голове шапка, из-под которой, так же как у волковысского барабанщика, свисают волосы. Резчик стремился передать детали. На шапке видны ряды заклепок, вероятно, от какого-то декоративного украшения. Фигура царя в 2 раза больше барабанщика — пешки [45].

Многочисленные шахматные фигуры **XII—XIII** вв. — подтверждение высокого уровня материальной и духовной культуры древнего населения Белоруссии.

По манере исполнения к изобразительным шахматам из Белоруссии примыкает костяная ухочистка из Новогрудка. Она найдена среди остатков богатой постройки XII в. На верхней части уховертки изображен музыкант, играющий на струнном щипковом инструменте («псалтире»), поставленном вертикально. Музыкант в длинной рубахе, на голове у него войлочная шапка, такая же, как у барабанщика и воинов гродненской и волковысской .ладьей. Музыканты на изделиях прикладного искусства из белорусских городов дают нам представление об инструментах и музыкальной культуре **XII—XIII** вв.[46] **В** Полоцке при раскопках в 1967 г. в слое первой половины **XIII** в. найдена редкая деревянная скульптура женщины [47].

Предметы христианского культа. Особую группу памятников искусства составляют предметы христианского культа. Шедевр ювелирного искусства — напрестольный шестиконечный крест, изготовленный полоцким мастером Лазарем Богшей в 1161 г. по заказу Евфросиньи для основанного ею Спасского монастыря. Длина изделия 51 см. Крест Евфросиньи Полоцкой сборлый. Он состоит из деревянной основы, 21 золотой пластины с эмалевыми изображениями святых и орнаментов (лицевая и обратная стороны), 20 серебряных боковых пластин с выбитой на них пространной заклинательной надписью. Крест украшен дорогими камнями и жемчугом, снабжен мощами.

Крест Евфросиньи Полоцкой — одно из редчайших произведений мастерства **XII** в. Главная его ценность — перегородчатые эмали. Пластины лицевой стороны креста образуют иконописную композицию — большой или расширенный деисус. Три верхние фигуры (Иисус, Иоанн, Мария) образуют обычное средоточие «моления». В подборе и распределении других изображений святых есть отступления от традиции. В центре нижнего средокрестия фигурная пластина с изображением четырех евангелистов с книгами в руках (Иоанн, Матвей, Лука, Марк), а по правую и левую сторону образы архангелов — Михаила и Гавриила. По нижнему стволу креста располагаются эмалевые изображения еще трех святых (Евфросиньи, Софии, Георгия). Три последние изображения имеют непосредственное отношение к семейству заказчицы. Георгий был патроном отца Евфросиньи, а София — патронессой ее матери [48].

На обратной стороне реликвии изображения основателей православия— Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова (утеряно), а также Петра и Павла, Дмитрия, Стефана и Пантелеймона. Здесь же, внизу, драгоценная для нас мелкая надпись с именем мастера Лазаря Богши.

Крест Евфросиньи был похищен фашистскими захватчиками во время войны (в 1941 г.) из Могилева, его нынешнее место нахождения точно не установлено [49].

В древних белорусских городах при раскопках не раз попадались кресты-энкол'пиоиы, предметы, хорошо известные среди русских древностей первой половины XIII **в.**[50] Литые бронзовые энколлионы главным образом в фрагментах найдены в Минске, Полоцке, Гродно, Новогрудке, Турове. В Мстиславле 2 креста-складня. Один из них второй половины XII в. сохранился целиком. Он находился в шелковом мешочке (шелк в древности привозился только из Китая) [51].

Рис. 73. Шахматный король XII в. из Лукомля. Кость

Ценнейший материал по истории древнего художественного ремесла представляют изделия мелкой пластики— всевозможные иконки. Подлинное произведение искусства — каменная иконка из Полоцка с изображением римского императора Константина (306—337 гг. н. э.) и его матери Елены. Изделие позолочено. Фигуры святых выполнены в рост и облачены в богатые одежды византийских императоров. В нижней части одежды Елены прикреплен к поясу так называемый торакион— кусок ткани по форме, напоминающий щит. В углу иконки можно прочесть кириллическую надпись «Костятин». Вероятнее всего, иконка сделана местным мастером в XII в. По споим художественным достоинствам изделие не уступает лучшим, широко известным образцам византийской мелкой пластики. Ценность полоцкой находки состоит в том, что она показывает, в каком направлении в Восточной Европе шла творческая переработка византийских образцов. Мастера Киевской Руси тяготели к изображению драгоценных украшений одежды, очень своеобразна у них манера передачи особенностей лиц. Полоцкая находка представляет большой интерес для историков искусства периода феодальной раздробленности XII—XIII вв.

Любопытна замечательная находка из Волковыска — костяная пластинка от триптиха XII в. На ее лицевой стороне вырезаны три погрудиые изображения святых, расположенные по вертикали.

Подобные изделия широко известны в византийских древностях. На территории Восточной Европы они очень редки. Волковысская находка имеет особое научное значение. К пен неоднократно будут обращаться исследователи, изучающие историю византийского и русского искусства. Очевидно, пластинка изготовлена в самой, Византии. Не исключено, что

ее сделал и местный мастер по византийскому образцу [52]. Примерно то же самое можно сказать об иконке с изображением юного Иисуса Эммануила из Пииска.

Образок сделан из светло-серого камня (серпентина). На нем изображен Христос с высоким выпуклым лбом, зачесанными вверх волосами и без бороды. Слева и справа прочерчены буквы IC, XC. Сохранились остатки позолоты [53]. Некоторой аналогией пинской находке служит каменная иконка из Новгорода [54].

Четыре небольшие свинцовые овальные иконки — вставки из Турова, вероятно, служили украшением какого-то предмета религиозного культа. Они изготовлены методом литья с последующей чеканкой. Крупными штрихами искусно переданы черты лица, одежды и другие детали поясных изображений фигур [55].

Таким образом, древние художественные сокровища Белоруссии представлены самыми разнообразными и по содержанию и по форме памятниками старины — от незамысловатых бус и перстней до драгоценнейших образцов ювелирного мастерства. Их создавали талантливые мастера, выполнены эти изделия с большим художественным вкусом. Даже бытовые вещи порой являют собой настоящие

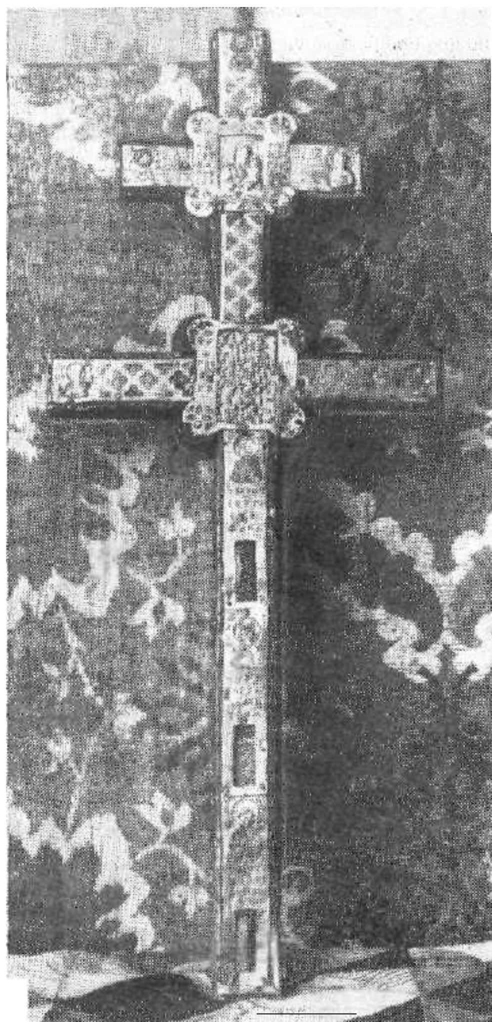

Рис. 74. Крест Евфросиньи Полоцкой (1161 г.). Оборотная сторона.

Рис. 75. Каменная иконка с изображением Спаса Эммануила XII в. (Пинск)

произведения искусства. И все это — только небольшая часть историко-культурных ценностей, которые хранит Белорусская земля. Они позволяют судить о богатой самобытной культуре населения Белоруссии X—XIII вв.

3. КАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО XI—XIII вв.

Среди разнообразных деревянных построек, которые составляли основную застройку древних городов, выделялись своей красотой и размерами монументальные каменные сооружения. Архитектура—это та же летопись мира: она говорит тогда, когда уже молча-т и песни и предания, писал Н. В. Гоголь. Древние каменные сооружения созданы народом. В них находили отражение его творческие силы, его изобретательность, художественный вкус и понимание прекрасного. Памятники архитектуры рассказывают о событиях прошлого, о жизни и культуре наших предков.

Монументальная архитектура древних земель Белоруссии представлена почти исключительно постройками культового характера — церквами. Церкви возводили очень талантливые мастера. Внешний и внутренний вид этих сооружений должен был производить и производил на людей особо сильное впечатление.

Старинные церкви были не только культовыми, но и общественными помещениями. За их каменными стенами хранились богатства государственной казны, архивы, библиотеки. В общественных церквах-храмах и возле них происходили важные собрания горожан.

Монументальная древняя архитектура дает представление о строительном деле, строительных материалах XI—XII вв. Она свидетельствует об единстве культуры трех братских народов: русского, украинского и белорусского. В то же время она дает возможность проследить, как складывалась самобытная культура каждого из этих народов. Монументальные каменные сооружения служат венцом материальной культуры древних городов. Одним из выдающихся архитектурных центров был Полоцк.

Полоцкая София. Древнейшим достоверно известным каменным храмом Полоцка является построенный в середине XI в. Софийский собор на Верхнем замке. Полоцк — третий город Восточной Европы после Киева и Новгорода, в котором существовал такой собор. Сооружение Софийского собора связано с ростом политической роли города. Полоцкая София — одна из крупнейших храмов раннефеодального периода. В огромном величественном памятнике зодчества отражена сила и значение полоцких князей. Он являлся гордостью и святыней Полоцкой земли.

В научной литературе фигурирует два варианта плана реконструкции Софийского собора. На плане, предложенном К. Шероцким, собор имеет апсиды с восточной и западной сторон, что было -необычно для православных храмов[56]. И. М. Хозеров дал реконструкцию плана Полоцкой Софии в первоначальном виде без западных апсид[5Г]. После исследовательской работы Е. Ащепкова в Полоцкой Софии в 1947 г. некоторые ученые склонились к признанию существования в храме изначальных западных апсид [58].

Тем не менее еще в 1928 г. Н. Н. Щекотихии приводил веские доказательства, что западные апсиды являются поздней пристройкой [5Э].

В основе полоцкого Софийского собора лежит схема типичного крестовокупольного храма. Тип пятинефного сооружения, какими выглядят Киевская, Новгородскай и Полоцкая София, сложился в Константино-

поле и попал в обиход зодчества XI в. Восточной Европы. Однако пятинефная основа храма оказалась переосмысленной здесь и имела свои особенности в каждом из трех храмов святой Софии. Весьма оригинальны они в Полоцком храме.

Полоцкая София исследована мало. В исторической литературе нет единого мнения в определении размеров первоначального сооружения. В последней публикации К. Н. Афанасьева они определены 30Х30 м. По обмерам других исследователей они меньшие (около 23—24 м).

Внутреннее пространство полоцкого Софийского собора разделялось 16 крестчатыми столбами (пилонами) на пять продольных нефов. Три средних нефа заканчивались гранеными апсидами. Центральному нефу отвечал главный поперечный неф точно такой же ширины. Малые нефы храма одинаковы по ширине и, вероятно, приравнены к половине ширины большого продольного или поперечного нефов. Наличие в его восточной части продольных стен — своеобразная черта, не имеющая себе аналогий. Апсиды как бы полуизолированы от храма благодаря выступам стены у их основания.

Деление внутреннего пространства на нефы выявлялось на трех фасадах прямоугольными лопатками, которых было по шести на каждом фасаде. Две пары крайних простенков равны между собой. Они разделялись пятым по счету средним простенксм, который был в 2 раза шире соседних[60].

Над средокрестием собора возвышался барабан центральной главы, нагрузка которого, вероятно, передавалась на подпружные арки, в которые переходили своими ветвями опорные столбы. Главный купол Полоцкой Софии расположен строго посередине здания при обозрении собора со всех четырех сторон. По сторонам центральной главы находилось четыре меньших купола. В «Списке русских гродов дальних и ближних» говорится о семи верхах Полоцкой Софии. По всей вероятности, она имела две дополнительные главы.

План Полоцкой Софии симметричен во всех конструктивных частях. В истории раннефеодального зодчества Восточной Европы подобной, симметрически четкой композиции многопилонного здания, какую имеет Полоцкая София, более не встретишь. В композиционном отношении собор — более простая постройка по сравнению с Киевской Софией, у которой была галерея вокруг трех фасадов.

Подобно Киевской и Новгородской Софии, хоры Полоцкого храма имели боковые ответвления. Три аркады, открывающиеся внутрь центрального помещения собора, насчитывали по одному восьмигранному опорному столбу. Сохранились остатки этого столба р. западной части с фрагментами фресковой росписи орнаментального характера. Включение в аркады Полоцкой Софии лишь одного опорного столба, так же как и в Новгородской Софии, свидетельствует об их упрощении по сравнению с Киевской Софией, для которой характерно наличие двух опорных столбов. Эта деталь позволила И. М. Хозерову предположить, что в Полоцкой Софии во втором ярусе помещения собора, т. е. непосредственно в хорах и боковых ответвлениях, находились двойные аркады (в Киевской Софии аркады тройные).

В результате детального обследования всех трех восточных апсид обнаружены ниши. Некоторые из них были древними окнами, заложенными позже. У восточной стены первоначальный уровень дневной поверхности собора был на 2,4 м ниже уровня современной поверхности. Изучены отдельные детали устройства фундамента[61].

Кладка восточных апсид древней Софии, включенная затем в восточный фасад барочного собора, была смешанной, похожей на византий-

скую. Наряду с применением плинфы размером 24ХI/ Х3,5; 29ХI8Х Х4,2 см употреблялся булыжный камень. Камни клались горизонтальными рядами. Расстояние между рядами камней разное. Ряды камней чередовались с кирпичной кладкой. В спою очередь кирпичная кладка представляла собой чередование выступающего и скрытого ряда кирпичей с заполнением цемяночным раствором полосы между выступающими рядами шириной в 10—12 см при толщине горизонтальных швов в

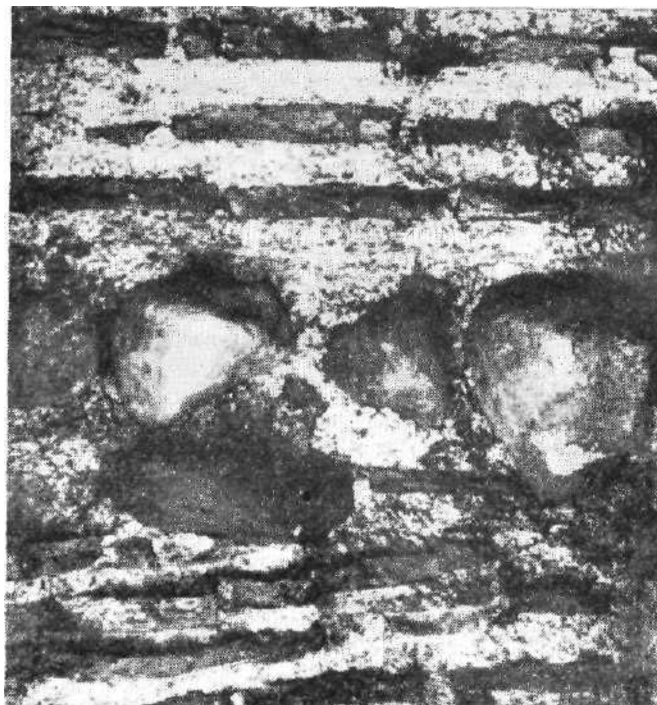

Рис. 76. Кладка Софийского собора XI в. (Полоцк)

2,5—4 см. Эта система кладки стала традиционной в Полоцке и широко применялась в XII столетии.

Некоторые кирпичи в Полоцкой Софии имели рельефные знаки на гранях. Среди них есть изображения трезубца, пятиконечной звезды и др. Наряду с несомненными чертами сходства с Киевской и Новгородскоп Софиями в решении плана и построении наружного объема Полоцкий кафедральный собор имеет особенности, свидетельствующие о весьма значительной переработке киевского образца.

Строители Полоцкого храма, стремясь создать динамичную композицию с преобладанием вертикали, подчеркнутой лопатками степ *м* гранями апсид, должны были вместе с тем сохранять определенную организацию внутреннего пространства, тяготеющего к установившимся традициям. Это противоречие было преодолено в замысле храма, снаружи воспринимаемого исключительно симметричным и правильным, а внутри кажущимся вытянутым в длину, хотя в основе плана лежал квадрат. Полоцкая София положила начало той архитектурной школе, которая получила блестящее развитие в Полоцке в последующем столетии.

В конце XV в. храм был значительно разрушен, после чего неоднократно перестраивался [62].

Бельчицкие храмы. Большим своеобразием отмечено полоцкое зодчество XII в. Ослабление княжеской власти, усиление роли веча, дробление Полоцкого княжества на уделы — все это не могло не отразиться на развитии архитектурных форм. Возник новый архитектурный стиль. Уменьшились масштабы зданий. Произошла замена пяти нефов тремя, сократились хоры, вместо многопилонных зданий строились сооружения с шестью опорными столбами. Старые конструктивные и художественные элементы монументального зодчества приобрели новый смысл.

Особое место в формировании полоцкой школы зодчества имели каменные постройки бывшего Борисоглебского монастыря в Бельчице, ныне полностью исчезнувшие. В путаном сообщении белорусско-литовских летописей основание этого монастыря, как впрочем строительство Спасской церкви Евфросиньевского монастыря и даже Софийского собора, приписывается то литовскому князю Гингвилу (в крещении будто бы Борису), то его сыну, который в списке Быховца также назван Борисом. М. Стрыйковский говорит о строительстве Борисом четырех церквей. По А. Сапунову, к мнению которого присоединяемся мы, действительным строителем во всяком случае одного из Бельчицких храмов следует считать Бориса Всеславича [63].

Еще в 20-е годы нашего столетия на левом берегу Западной Двины, недалеко от устья Бельчицы, над землей возвышались руины церквей Борисоглебского монастыря. Однако долгое время оставалось неизвестным, сколько древних церковных построек было в Бельчице, каков характер их архитектуры. До сих пор нет ясности, как они назывались.

Раскрытый И. М. Хозеровым в 1928 г. безымянный храм был большим трехапсидньгм собором, внутреннее пространство которого разделялось на нефы шестью крестчатыми столбами. Особый интерес вызывают три замкнутых притвора, примыкавшие к стенам собора. Они придают всему архитектурному сооружению крестообразный вид. Такой план. вероятно, лежал в основе первоначального замысла здания. Однако притворы приложены непосредственно к наружным пилястрам, а не в перевязь с ними. Из этого И. М. Хозеров заключил, что их соорудили вслед за возведением стен, но не одновременно с ними. Таков был в то время принцип сооружения притворов. Мысль об их возведении одновременно со стенами храма еще не возникла у строителей.

Фундамент храма заложен в песчаном грунте на глубине 1,63 м. В самом низу находились лежни из дубовых брусьев. Плинфы красного звонкого обжига. На них обнаружены рельефные знаки в виде букв и геометрических фигур. Один знак — пятиконечная звезда — аналогичен клейму, обнаруженному на кирпиче полоцкого Софийского собора.

При раскопках И. М. Хозеров обнаружил лекальные плинфы. Кирпич с полукруглым торцом, вероятно, употреблялся при устройстве полуколонок на барабане. Из лекальных сегментообразных кирпичей, по-видимому, на фасаде был устроен аркатурный пояс. Пол храма представлял собой ровно выглаженную крупноцемяночную заливку толщиной в 10—12 см. В помещении алтаря и диаконника частично сохранился пол из глазурованных плиток.

Безымянный большой собор в Бельчице, отметил Н. Н. Воронин, ближайшим образом напоминает Суздальский собор (1222—1225 гг.) и трехпритворный храм Бориса и Глеба в Старой Рязани (XII в.). Храмы с притворами появляются в Киеве и Переяславе в конце XI— начале XII в. Примечательна связь соборной церкви в Бельчице с Берестовским храмом, единственным в Киеве образцом техники чистокирпичной кладки со скрытыми рядами. Бельчицкий собор старше и наиболее архаичен в группе памятников, близких по. времени к Бельчицко-

му архитектурному комплексу, и относится к 20—30-м годам XII в. [64] В 1965 г. частичное вскрытие этого храма вел М. К. Каргер. Результаты исследования не опубликованы.

Редкий памятник древней архитектуры — церковь Бельчицкого монастыря, именуемая Пятницкой. Первоначальный храм, прямоугольный в плане, имел размеры 5,75x5,75 м (по Н. Н. Воронину). В его восточной части вскрыты остатки апсиды «прямоугольной в плане, с фланкирующими однообломными лопатками по углам». Прямоугольная апсида — сравнительно редкое явление в храмовом зодчестве Восточной Европы. Такой прием применен в памятниках Смоленска XII в.

Исследователи, видевшие руины Пятницкой церкви, отмечали устремлевность ее вверх. Небольшой по размерам храм имел сравнительно высокую апсиду, предположительно 6 м, что в 4 раза больше ее ширины. Высота основного помещения достигала примерно 7 м и, следовательно, превышала длину. Объем здания слагался их трех частей, перекрытых коробовыми сводами. Высокий четверик занимал центральное положение, К нему с востока примыкала несколько пониженная апсида, с запада находился пониженный притвор. Церковь имела двускатную кровлю (щипцом). Деревянной, по всей вероятности, была также глава храма, расположенная на ее коньке. Весь облик здания говорит о перенесении в каменную архитектуру традиций деревянного зодчества.

Принцип ступенчатой ярусности, обнаруживаемый в маленьком Бельчицком храме, нашел свое отражение в других монументальных сооружениях древнего Полоцка. Малая Пятницкая церковь — одна из «редакций» архитектурного типа башнеобразной композиции.

Единственный вход помещался в западной стене. Над ним, вероятно, было окно второго яруса. Два других окна размещались в боковых стенах. Обнаружение подземной камеры (крипты) под всем зданием, исключая алтарь, не вызывает сомнения в определении церкви как усыпальницы.

Храм построен из ярко-красной плинфы хорошего обжига, размером 3,5Х18Х31 см. Кирпич клался на розоватом растворе извести с примесью цемянки. На одном кирпиче обнаружен знак в виде трезубца. Система кладки характеризуется наличием выступающих и утопленных рядов. Выступающие ряды кирпича раскрашены в темно-коричневый цвет, отчего фасады здания выглядели полосатыми.

Третье архитектурное сооружение Бельчицкого комплекса — шестистолпный центрально-купольный храм. По И. М. Хозерову и Н. Н. Воронину, храм имел одну обширную апсиду. Но есть данные о трех выступающих апсидах. Крестчатые столбы делили внутреннее помещение на три «ефа. Боковые нефы очень узкие. Западная пара столбов соединялась простенками с северной и южной стенами, выделяя помещение широкого притвора, или нартекса. Наружные пилястры простые. Лопатки ритмично делят северный и южный фасад — два малых простенка чередуются с двумя большими.

В 20-е годы от памятника сохранялись три стены. Искаженные многочисленными переделками и починками, они все же дают возможность в какой-то мере судить о первоначальном наружном облике собора. Древние арочные окна размещались в два яруса: большие окна образовывали верхний ярус, меньшие — нижний. Следы укороченных окон сохранились над северным входом в храм и в южной стене. В помещении притвора окна нижнего яруса имеют подковообразное очертание. В поздней замуровке древних окон обнаружены старинные ставни из цельной сосновой доски .с треугольным отверстием посередине. Ставни запирались двумя деревянными задвижками, вставляемыми в гнезда

откоса оконных проемов, обмазанных здесь глиной, что говорит об устройстве ставен в целях утепления. Над притвором на коробовом своде находились хоры. Кладка свода входила в северную и южную стенки «на клиньях».

Кирпич, способ его кладки, известковый раствор с цемянкой — все это весьма близко напоминает строительные материалы и чередование выступающих и скрытых рядов кирпичей выше описанных храмов Бельчицкого монастыря. Так же, как и в Пятницкой церкви, «полосатость» фасадов была усилена окраской выступающих рядов кирпичей в темно-коричневый цвет. В уступах ниш оконных арок раскрашенные полосы смещены, что придает подкраске особый эффект. Штукатурка между полосами шероховата. Она обработана специальным деревянным штампом под плиты из ноздреватого туфообразного камня. Полоцкий зодчий, выполняя эту чисто кирпичную кладку, стремился как бы архаизировать ее под «смешанную кладку» [65].

Борисоглебский собор имел подкупольный постамент, обработанный трехлопастными «кокошниками». Характерная разбивка боковых стен лопатками указывает на выделение центральной башни собора. Среди исследователей по этому вопросу существует единое мнение (Н. И. Брунов, И. М. Хозеров, Н. Н. Воронин).

Четвертый храм Бельчицкого комплекса очень необычен и стоит особняком среди других монументальных сооружений Полоцка. Фундамент ранее неизвестного здания был открыт случайно в конце XVIII в. во время земляных работ. По этому поводу неизвестный автор составил записку, в которой содержится план сооружения, впервые опубликованный в 1962 г. Н. Н. Ворониным и подробно интерпретированный им.

Храм необычно вытянут и в восточной части имеет одну апсиду. Посередине северной и южной стен выдаются открытые внутрь полукруглые выступы (конхи). В центральной части храма есть четыре квадратных столба. Они очень широко расставлены, так что основное внутреннее пространство представляло собой помещение зального характера. Большие размеры подкупольного прямоугольника «свидетельствуют либо об исключительных размерах барабана главы, либо о башнеобразной композиции верха, сходного с верхом Спасо-Евфросиньевского собора... Последний вариант вероятнее». Возможно, храм имел три входа: с севера, юга и запада. Насколько можно судить о его строительных материалах, по сообщению автора «Записки», «тонкий и звенящий кирпич», известковый раствор «с толченным в маленькие кусочки кирпичом» здание сооружено в домонгольское время. Четвертый храм в Бельчице принадлежит к типу триконхов [66]. Аналогичный памятник открыт в 1960 г. В. А. Богусевичем в Путивле и датирован XII в. [67] Рыбаков уточнил датировку и отнес постройку к 30-м годам XIII в.[68] Церковные постройки типа триконхов распространены в архитектуре Болгарии, Румынии и особенно Сербии на протяжении почти семи столетий с XI по XVII в. Появление в Полоцке храма—триконха говорит о культурных связях города с далекими балканскими странами или с Грецией, где применялся подобный тип (Афонский монастырь).

Необычное для монастырей обилие каменных построек в Бельчице, упоминание Стрыйковского о «башнях» и каменной стене, ограждавшей храмы, наконец, прямое указание летописи под 1159 г. «бяшеть бо князь в то время на Бельцици» — все это свидетельствует, по К- А. Говорскому и Н. Н. Воронину, о том, что здесь находилась укрепленная княжеская резиденция — замок. Н. Н. Воронин рассматривает комплекс монументальных построек на Бельчице как часть зданий богато обстроенного княжеского «города».

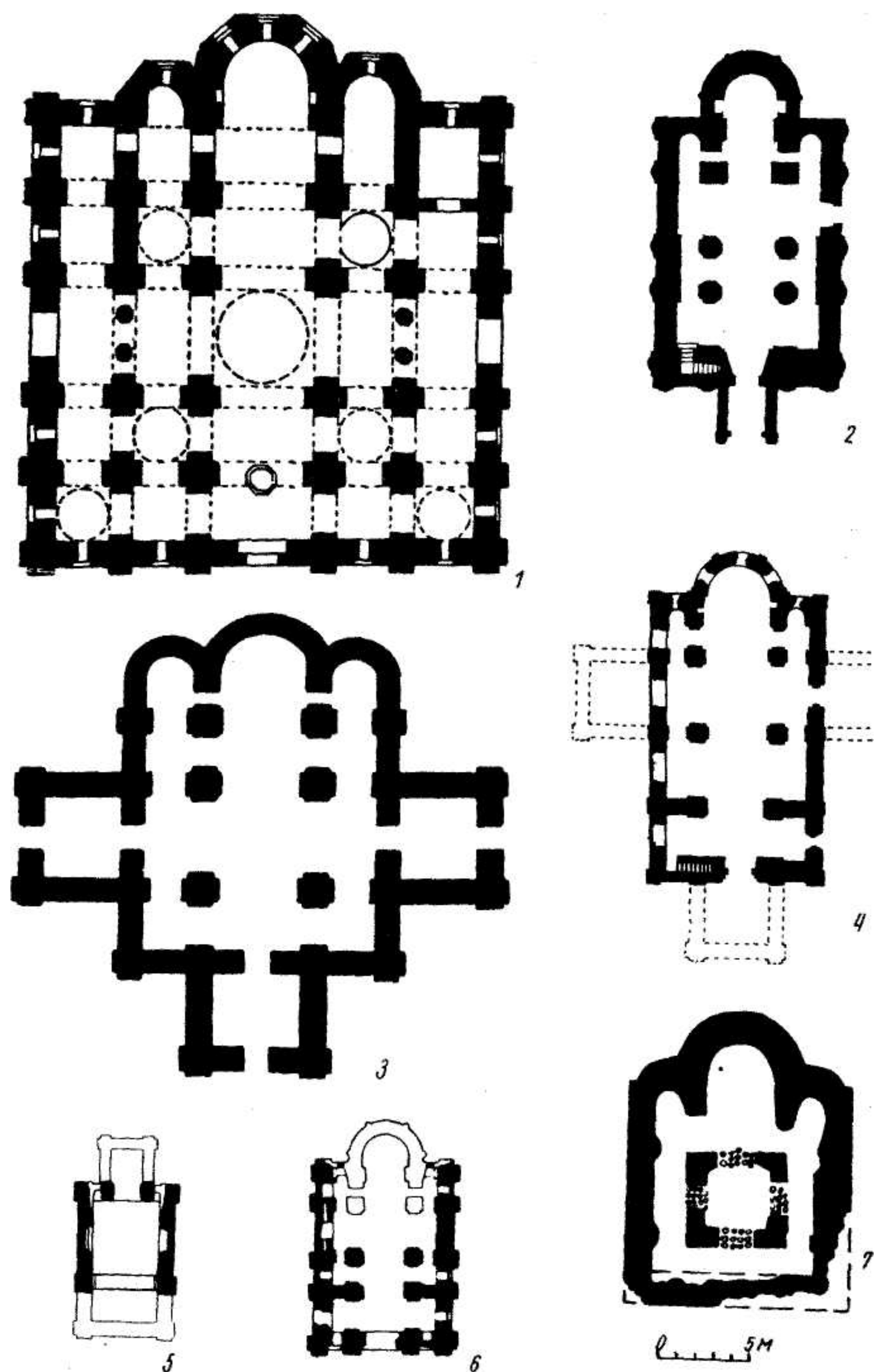

Рис. 77. Планы церквей Полоцкой земли:

1—София Полоцкая, 2—-Спасская церковь Евфросиньевского монастыря, 3—соборный храм Бельчицкаго монастыря, *4*—Благовещенская церковь в Витебске, 5—Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря, в—церковь Бориса и Глеба Бельчяцкого монастыря 6~церковь Бориса и Глеба Бельчицкого монастыря, 7—храм на детинце в Минске

Спасская церковь Евфросиньевского монастыря. Наиболее полно отражены характерные черты полоцкой архитектуры в прославленном Спасском соборе Евфросиньевского монастыря. Он представляет исключительный интерес не только для полоцкого зодчества периода феодальной раздробленности, но и для истории архитектуры Восточной Европы.

Собор находится на правом берегу Полоты в 2,5 км от Верхнего замка и сохранился до настоящего времени. Его первоначальный архитектурный облик сильно изменен после реставрации в XIX в.

Для выяснения времени сооружения Спасского собора любопытно сопоставить некоторые даты. Епископ Илья отдал Евфросинье «место святого Спаса» в присутствии князя Бориса, умершего в 1128 г. При «церковице Спаса» она организовала монастырь. Затем Евфросинья, как сообщает «Житие», строит каменный собор Спаса. Спустя более или менее длительное время, по ее заказу, видимо, в другом месте сооружается еще и Богородицкая церковь (вероятно, «новая», существовавшая в 1159 г.). Таким образом, Богородицкая церковь построена до 1159 г., а Спасская — ранее Богородицы. Спасская церковь Евфросиньевского монастыря — одна из первых церквей, посвященных новому празднику Спаса, учрежденному в Византии 1 августа 1152 г.[69]

История сохранила имя полоцкого зодчего, творческим дерзновением которого создана эта знаменитая церковь. Им был Иоанн — «приставник над делатели церковными» [70], иными словами, возглавлявший целую артель полоцких строителей-каменщиков. Образованный человек, с хорошим художественным вкусом, он постоянно был занят созиданием монументальных сооружений. К нему неоднократно обращались, прежде чем Иоанн смог явиться в Сельцо строить Спасскую церковь. Вероятно, он был занят возведением какого-нибудь другого храма. Существует предположение, что Иоанн был монахом в Бельчице[71]. Большой опыт строителей и хорошая организация работ позволили соорудить собор в течение тридцати недель. Кирпич («плиты») выжигался на месте «в пещи». Об этом говорится в житии Евфросиньи Полоцкой, написанной, вероятно, в XIII в.

Небольшой храм так называемого монастырского типа имеет размеры 8X12 м. Он значительно вытянут в направлении восток — запад **и** насчитывает шесть массивных опорных столбов, четыре из которых у оснований восьмигранной формы. Выше они четырехгранные.

Столбы делят внутреннее пространство храма на три нефа. Боковые нефы, подобно Благовещенской церкви в Витебске и Борисоглебскому собору в Бельчице, чрезвычайно узки. У собора одна выступающая апсида. Боковые алтари полуциркульного очертания скрыты. Снаружи они совершенно не видны и незначительны по размерам. Интересно отметить, что боковые апсиды, «втянувшиеся» в восточные концы узких нефов и сохраняющие внутри округлые очертания, характерны для английских построек нормандского периода [72].

Наружные пилястры Спасского собора *с* полуколонками посередине встречаются в ряде архитектурных памятников Смоленска (церкви Петра и Павла, Бориса и Глеба и др.). У всех остальных полоцких храмов пилястры прямоугольные. Лопатки ритмично делят южный и северный фасады Спасской церкви. Два широких простенка чередуются с двумя узкими. Западная стена отличается необычной толщиной, она вдвое толще северной и южной стен. Утолщение стены связано с устройством внутри нее лестничного хода на хоры.

В результате перестроек вместо прежнего сводчатого перекрытия у памятника появилась трехскатная кровля, а вместо шлемовидного купола — луковичная головка. В настоящее врем'я древним закомарам со-

ответствуют только три восточных полукружия северной и южной стен. Что же касается западных полукружий западной стены, то все они новые и помещены значительно выше старых, для чего и были надстроены последние.

Н. И. Брунов и И. М. Хозеров установили, что выдающаяся особенность Спасского храма—наличие кубического постамента, сооруженного над закомарами под барабаном купола [73]. Стороны постамента украшены трехлопастными арками. Весь объем Спасского храма в его первоначальном виде членился на три части разной высоты — с востока

Рис. 78. Реконструкция Спасской церкви Евфросиньевского монастыря

алтарь, высокое центральное помещение и притвор с запада. Композиция церкви исключительно динамична. Ее западный фасад представлял собой непрерывное последовательное стремление ввысь. Полукружия закомар приниженного нартекса и основного четверика располагались друг над другом. Они хорошо гармонировали с вписанной в постамент трехлопастной аркой. Здание, завершаясь барабаном с вытянутыми световыми окнами и шлемовидным куполом, представляет собой оригинальную законченную композицию.

Спасский храм имел верхний и нижний ярусы световых окон с северной и южной сторон. В каждом простенке было по два окна. Верхние окна почти в полтора раза меньше нижних. Над каждым окном нижнего ряда в древности были так называемые бровки. Они устроены из четырех рядов кирпича. Первый ряд кирпича выложен «зубчиками», второй несколько больше выступал наружу стены. Более всех выступал третий ряд кирпичей. Четвертый менее третьего. Здесь, в центре апсиды обнаружено замурованное окно. Его бровка имела небольшие горизонтальные отростки. Окна есть та'кже в подцерковье, которое Изучено недостаточно и, наверное, устроено значительно позже времени сооружения храма.

Изучение оконных проемов в 1947 г. подтвердило, что они изначальны. Очертание верха их — полуциркульное. Окна имели расширяющееся наружу устье. Форма косых срезов наружных откосов окна достигалась при помощи кирпичей специальной формы, одна из сторон была косой. Лекальный кирпич облегчал кладку наружных откосов окон и обеспечивал четкость их архитектурных форм[74].

Внутреннее помещение Спасской церкви поражает своей теснотой. Сооружение постамента под барабаном было дополнительной нагрузкой, что потребовало увеличить сечение столбов и толщину стен. Интерьер храма еще более загроможден устройством на хорах приделов в виде маленьких замкнутых моленен.

Другие полоцкие храмы. Неподалеку от Спасской церкви Евфросиньевского монастыря в 20-е годы нынешнего столетия выявлены остатки еще одной монастырской постройки. Они полностью изучены в 1957, 1961—1962, 1964 гг. Архитектурно-археологической экспедицией Ленинградского государственного университета под руководством профессора М. К. Каргера. Раскрытые руины оказались остатками большого трехнефного храма, к которому с трех сторон примыкали большие притворы — усыпальницы, пристроенные вскоре после завершения постройки самого храма. Кладка стен из плинф имеет «утопленные ряды» кирпичей. В толще западной стены была устроена лестница на хоры. Портал обрамляла тонкая изящная полуколонна. Храм датируется рубежом XI—XII вв. Основной объем здания в плане близко напоминает Благовещенскую церковь в Витебске. Стены притворов богато декорированы фресками, а полы выстланы майоликовыми плитками и мозаикой. Здесь обнаружены останки многочисленных мужских погребений в кирпичных склепах. По-видимому, собор был усыпальницей полоцких епископов, о чем свидетельствует житие Евфросиньи Полоцкой [75]. Храм этот погиб при пожаре

Летом 1967 г. М. К. Каргер изучил остатки другого храма на Верхнем замке в Полоцке, расположенном в 50 м от Софийского собора. Вскрыты части стен, для возведения которых употреблялся, кроме плинфы, бутовый камень. Местами они сохранились (кое-где в высоту человеческого роста). При раскопках вскрыты северная и южная прямоугольные снаружи и полуциркульные внутри апсиды и северо-восточный подкупольный столб крестчатой формы. Однако наибольший интерес представляет южный притвор храма с полуциркульной апсидой, примыкавший к среднему членению южного фасада. Аналогичный притвор был с северной стороны. Найдено значительное количество плинф с рельефными клеймами на торцовой стороне, майоликовые плитки пола, фрагменты штукатурки с фресками [76].

М. К. Каргер воссоздал план сооружения. Это был большой храм с тремя притворами, аналогией которому является церковь архангела Михаила последней четверти **XII** в. в Смоленске[77]. Разница лишь в устройстве лопаток: в Полоцком храме плоские полуколонны, а в Смоленском — пучковые. Полоцкий храм, вероятно, сооружен ранее и является прототипом Смоленского.

В Полоцке близ Верхнего замка удалось обнаружить следы двух монументальных каменных построек[78], полное раскрытие которых, к сожалению, затруднено местоположением их на тесно застроенных участках города.

Церковь Благовещения в Витебске. Почти в центре Витебска на живописном берегу Западной Двины сохранились руины Благовещенской церкви — выдающегося памятника древнего зодчества. Точных письменных известий о времени ее сооружения нет." В Витебской летописи

XVIII в. говорится, что будто бы киевская княгиня Ольга, основав Витебск в X столетии, построила на Верхнем замке церковь святого Михаила, а на Нижнем замке — Благовещенскую. М. Стрыйковский приписывает строительство Благовещенской церкви князю Ольгерду, который в XIV в. жил в Витебске.

Исследователи пришли к выводу, что Благовещенская церковь относится к XII столетию. Однако остается не ясным, в какой четверти этого столетия она сооружена. Вероятно, Ольгерд произвел капитальную перестройку церкви в XIV в. и это отразилось в местных преданиях.

Стены здания, которые теперь сохранились примерно на одну треть высоты, сложены из тесаных блоков местного желтоватого известкового камня, залежи которого имеются в большом^количестве в окрестностях Витебска. Величина блоков от 0,2 до 0,5 м. Между горизонтальными рядами блоков находятся по 2—3 ряда тонких кирпичей (плинф). Некоторые плинфы имеют на нижней поверхности интересные рельефные клейма. Раствор известковый с примесью цемянки. Употребление тесаных блоков вместе с кирпичей при сооружении стен — явление, не применявшееся в сооружениях Киевской Руси. Однако оно очень распространено в Византии и на Балканах.

Толщина стен составляет 1,1 м. Внутри них два горизонтальных пояса связей из дубовых брусьев, как это отмечено в Борисоглебской церкви Бельчицкого монастыря.

Исключительная прочность кладки способствовала тому, что в Благовещенской церкви до наших дней дошло много деталей, которые обычно очень редко встречаются в памятниках такой древности. До сего времени возвышается среди руин первоначальная лестница на хоры.

Однако ценность Витебской церкви не столько в особенностях кладки стен, сколько в замысле того талантливого мастера, который ее сооружал. Церковь имеет оригинальный план. Здание очень вытянуто, его размеры 11x18,7 м. Внутри оно делится шестью опорными столбами на три длинных нефа, с востока завершается массивной апсидой. Две боковые апсиды снаружи ничем не выражены и спрятаны в угловых частях восточной стены.

В западной части здания находятся хоры с лестницей в стене. Боковые — северный и южный — фасады равномерно разделены плоскими лопатками на четыре одинаковые простенка. Этим храм отличается от полоцкой Спасской церкви, имея с ней много других общих черт.

В плане Благовещенской церкви исследователи неоднократно отмечали западноевропейские, кавказские и даже сирийские черты [79]. Поскольку церковь мало изучена, трудно высказать окончательное решение. Бесспорно лишь то, что это сооружение стоит в одном ряду с прославленной Спасской церковью и некоторыми другими сооружениями древнего Полоцка, которые находятся у истоков нового направления зодчества, имеющего особенности местной архитектурной школы.

При раскопках в 1964 г. возле северной стены церкви Благовещения обнаружены остатки фундамента, сложенного из булыжных камней, залитых известковым раствором с примесью цемянки. Это свидетельствовало о наличии боковых притворов [80]. В 1968 г. признаки такого притвора выявлены у южной стены [81].

Кладка стен почти на метр уходит в землю. Фундамент основной постройки прорезал культурный слой IX—XI вв. толщиной в 0,6 м и за^легал в материке. В зоне культурного слоя траншея для фундамента заполнена положенной еасухо галькой, величиной с кулак или куриное яйцо [82]. Выявлена еще одна не имеющая прецедента деталь. Оказалось

что первоначальный пол «аходился на целый метр выше дневной поверхности времени возведения храма. Иными словами, здание имело довольно высокий цоколь.

Особенности полоцкой архитектурной школы. При всей неполноте и отрывочности сведений о монументальной архитектуре древнего Полоцка есть все основания считать полоцкое каменное зодчество одной из сильнейших ветвей средневековой архитектуры Восточной Европы. Уже в полоцком Софийском храме нашло отражение стремление переосмыслить другие образцы.

Крестовокупольная система храма, родившаяся в постройках Византийской империи, продолжала оставаться основополагающей в храмовом строительстве всей Восточной Европы. Однако в монументальных сооружениях все более и более проявляются самобытные черты каменной архитектуры восточных славян, впитывающей в себя традиции народной архитектуры.

В период феодальной раздробленности в зодчестве образовалось несколько архитектурных школ. Они были тесно связаны общностью основых форм и типов зданий, но различались по техническим приемам и своему творческому почерку. XII век был временем большой творческой работы архитектурной мысли, принесшей свои оригинальные результаты. К середине столетия полоцкое зодчество прошло плодотворный путь развития и успело создать собственную архитектурную школу. Накапливание опыта, обеспечение преемственности мастерства, потребность в сооружении значительного количества новых храмов — все это способствовало дальнейшему развитию архитектурного наследия в Полоцкой Руси. Основными причинами изменений архитектурно-конструктивных приемов в монументальном зодчестве Полоцка, как и в других городах, являлись новые практические задачи, вставшие перед зодчими. Возникла необходимость создания небольших храмов в соответствии с экономическими возможностями горожан, стремившихся возводить здания в различных частях города и за его пределами.

Одной из наиболее характерных особенностей полоцких построек XII в., отмечает П. А. Раппопорт, является то, что большинство их возведено посредством кладки кирпичных стен, внешне повторяющей кладку XI в., т. е. из плинфы со скрытым («утопленным») рядом. Ряды плинфы, уложенные в плоскости фасада, чередовались с рядами, скрытыми за слоем гладкозатертого известкового раствора с примесью толченого кирпича (цемянки), что создавало своеобразный полосатый рисунок кладки. В памятниках XII в. такая кладка была по существу декорацией, ибо удлиненный формат кирпичей позволял производить перевязку швов без сдвига одного ряда ллинф относительно другого. В полоцких монументальных постройках XII в. скрытые ряды плинф отодвинуты от плоскости фасада всего на несколько сантиметров, что лишает этот прием конструктивного значения. П. А. Раппопорт объясняет распространение такого приема кладки в Полоцкой земле стремлением полоцких зодчих сохранить традиционные черты местной архитектуры, которые присутствуют уже в Софийском соборе, являвшемся символом независимости Полоцка. В Полоцке не были приняты те изменения в технике возведения стен зданий, которые разработали представители киевской архитектурной школы в XII в. Вероятно, это связано с теми традиционно враждебными отношениями, которые имели место между Полоцким и Киевским княжествами [83].

Однако своеобразие полоцкого зодчества состоит не только в технике кирпичной кладки. Оно ярко выражено в творческих замыслах местных зодчих.

Полоцк дает свой образец переработки креетовокунольной системы храма. Это очевидно на примере Спасо-Евфросиньевекой церкви и безымянного храма на Верхнем замке. Здание вытягивалось по продольной оси с востока на запад. Средний неф расширялся за счет сужения боковых. Храм имел одну массивную полукруглую апсиду. Боковые апсиды снаружи не выражены. Фасады равномерно разделены лопатками. Творческий почерк местных архитекторов отмечен высоким уровнем строительной культуры.

В поисках .новых архитектурных и конструктивных приемов полоцкие зодчие не замыкались в узких границах своего феодального мирка. В архитектуре Полоцка прослеживаются черты взаимодействия различных школ зодчества, в первую очередь Киева. Обладая широким кругозором, полоцкие зодчие были знакомы с постройками православного Востока (Византия, южнославянские страны) и католического Запада.

В бурной обстановке ограничения княжеской власти и непрерывного усиления роли горожан в политической жизни города рождались смелые новаторские идеи прославленного полоцкого зодчего Иоанна. Он поставил задачу уничтожить традиционную грань между закомарами и главой и создать стремящуюся вверх, ступенчатую композицию. В итоге динамичное построение крестовокупольного храма стало общеславянской темой в архитектуре Восточной Европы. Таким образом, Полоцк — один из городов, где зародился и формировался новый архитектурный стиль, который в известной мере противостоит византийскому строительству и имеет ярко выраженные славянские черты.

Минский храм XII в. На Замчище в Минске в 1949—1951 гг. открыт фундамент каменной церкви. Возведение этой церкви было намечено на почти не обжитом участке в восточной части крепости. По неизвестным причинам церковь не была достроена, и место это использовалось для захоронений.

Фундамент предназначался для четырехстолпного храма с выступающей средней и округленными боковыми апсидами. Размеры храма 12X12 м. Стены толщиной 1,5 м скреплялись известковым раствором. Они выложены изнутри и снаружи тесаным камнем с заполнением средней части бутом [84].

На стенах возле юго-западного угла изнутри сохранились участки, облицованные кирпичеобразными блоками, высеченными из известняка-ракушечника. Эта оригинальная деталь больше нигде не повторяется в дошедших до нас памятниках Восточной Европы. Необычный архитектурный облик и особенно беспрецедентная техника кладки этого памятника свидетельствуют о местном своеобразии строительства.

Вопрос о датировке храма весьма спорен[85]. Л. В. Алексеев аргументировал ее временем не ранее начала XII в.[86] Также датировал постройку открывший ее В. Р. Тарасенко.

Зодчество древнего Гродно. Древнейшая каменная постройка Гродно — Нижняя церковь. Ее остатки были открыты польскими археологами в 1932—1939 гг.[87] Изучение церкви закончил в 1949 г. Н. Н. Воронин.

Нижняя церковь построена в первой половине XII в.. вероятнее всего во времена князя Всеволодки Давыдовича, умершего в 1142 г.

Это своеобразный шестистолпный храм. Два столба около алтарной части — продолжение внутренних стен апсид, имевших внизу арочные проемы. План здания сильно вытянут за счет его восточной части. С наружной стороны плоской дугой выделена только центральная апсида, а боковые апсиды входят в основной- объем и отмечаются внутри плоскими нишами, которые начинаются на высоте 1,04 м от пола.

Положение подкупольных столбов указывает на сильный и необычный для композиционного построения древнерусских храмов середины XII в. сдвиг центрального купола к западу. В юго-западном углу церкви сохранились остатки круглой башни, в которой размещалась винтовая лестница, ведшая на хоры [88].

Здание имело три входа: центральный с западной стороны и два боковых — с северной и южной. Уцелевшие остатки стен высотой от 1,5 до 3,5 м свидетельствуют о том, что храм представлял собой единый объем с фасадами, расчлененными широкими лопатками, со скошенными углами. Покрытие храма было, вероятно, позакомарное, но размещение пилястр на фасадах и их отсутствие на углах затрудняют представление о внешнем виде закомар. Некоторой аналогией в построении алтарной части без выявления снаружи боковых апсид могут служить постройки полоцкой архитектурной школы (Спасо-Евфросиньевская церковь, Благовещенская церковь в Витебске). Расположение столбов несколько напоминает церковь архангела Михаила в Смоленске[89].

Примечательна Нижняя церковь и в конструктивном исполнении. В отличие от полоцких храмов с утопленными рядами кирпича здесь сплошная порядовая кирпичная кладка. Она бессистемна, не соблюдена перевязка вертикальных швов, в ней использованы валунные камни. Фундаменты неглубокие, в 45—50 см, устроены из мелкого булыжника, пересыпанного землей без связующего раствора. Размер плинфы в среднем 26x15x2,3—3,5 см; горизонтальные швы 2,5—4 см. Кроме обычной прямоугольной плинфы, есть много лекальных кирпичей, применявшихся для архитектурных деталей.

На месте руин церкви найдены остатки рухнувших сводчатых перекрытий. Входные проемы и окна были перекрыты арками. В кладке стен широко использовались кувшины-голосники, служившие для облегчения стен и сводов, а также для улучшения акустики.

Отсутствие перевязки швов, ослабление кладки стен употреблением камней, непрочный фундамент — все это было причиной раннего разрушения здания. Обвал сводов и всей верхней части произошел, видимо, после удара молнии, о чем под 1183 г. сообщает Ипатьевская летопись.

Выдающаяся особенность архитектуры Нижней церкви — декоративная обработка ее фасадов. Для украшения стен применялись вставки из больших гранитных и гнейсовых валунов различного цвета с частично обработанной наружной поверхностью. Они довольно значительны — до 1,4 м, серовато-розового, черно-зеленого, коричневато-серого, красновато-фиолетового цветов. Встречаются и черные камни с синим и зеленым оттенком. Расположены камни по стене свободно, но не хаотично, наблюдается их отбор по цвету, форме и величине.

Валунный камень, распространенный в Белоруссии в изобилии, использован здесь как материал, заменяющий кирпич, и как декоративное средство. Способ употребления каменных вставок в кирпичную кладку в дальнейшем получил в белорусских землях широкое распространение.

Наружные стены Нижней церкви, особенно вверху, ярко украшены также вставками из керамических плиток и плоских чаш. Плитки, покрытые глазурью зеленого и коричневого цвета, имеют плоскую поверхность и квадратную форму со сторонами 18—20 см. Диаметр зеленых поливных чаш 26 см [90].

Сочетание красного фона кирпичной кладки с вставками разноцветных керамических плиток и полированного камня разных оттенков придало фасаду здания красочность и нарядность.

К художественным достоинствам Нижней церкви следует отнести мастерски выложенный майоликовый пол храма. Особенно красив ковер

подкупольной части, который по сложности и красоте рисунка не знает себе равных в памятниках других областей Восточной Европы XII в. Это один из ранних майоликовых орнаментальных наборов этого времени.

На всей площади церкви, за исключением подкупольного пространства, притвора и, видимо, алтарной апсиды, пол состоял из набора желтых, зеленых и коричневых квадратных плиток, уложенных в шахматном порядке. Характерно, что плитки одного цвета идут под углом 45° к осям храма. Лишь в проходе из диаконника в южный неф, кроме квадратных, применены желтые и зеленые плитки, напоминающие ласточкин хвост, образующие узкие пересекающиеся ленты. Способ укладки плиток, примененный в Нижней церкви, необычен. Его своеобразие в том, что цветовые дорожки имеют диагональное направление, в то время как в других церквах плитки повернуты углом к стене, а цветовые дорожки направлены к алтарю [91].

Другая особенность узора пола церкви: он состоит из плиток разного формата (17X17 см; 13X13 см; 11X11 см и 10,5х10,5 см). В их размещении наблюдается известная закономерность. Плитки разного формата, несомненно, украсили шахматный и крестообразный рисунки майоликового ковра.

Интересно, что в церкви наряду с майоликовыми плитками применялась обычная плинфа (26X15 см) для вымостки западного членения, а также большие полированные камни серо-фиолетового и розоватого тонов, уложенные против порталов, как коврики.

Для убранства пола Нижней церкви были применены плитки 17 видов. Поиски аналогий привели к находке в Пинске (на Замковой горе) многочисленных керамических плиток исключительно разнообразных и порой сложных форм (31 вариант). Некоторые из них сходны по форме с плитками из Гродно. Пинские керамические плитки стоят в хронологическом отношении рядом с полом Нижней церкви, поскольку они найдены в слое конца XI—начала XII в.[92]

Но наиболее близкая аналогия орнаментальному полу Нижней церкви в Гродно оказалась за пределами древней Руси. Раскопки польских археологов в Гнезно 1957—1960 гг. выявили остатки собора первой половины XI в. В нем сохранился мозаичный майоликовый пол, который представляет композицию как в целом, так и в деталях близкую к полу Нижней церкви з Гродно [93].

В обеих композициях нашли отражение традиции, присущие византийским и даже греко-римским мозаикам.

Ковровый мозаичный пол Нижней церкви, выдержанный в спокойной цветовой гамме, играл большую роль в убранстве его интерьера. На фоне розово-белых стен выделялись лишь яркие пятна алтарной преграды и подкупольная часть великолепного и своеобразного майоликового пола. Присущая ему пестрота, яркость свидетельствуют о новых вкусах его создателей — местных мастеров. Освоенное ими производство полихромной поливной керамики ознаменовало собой новый этап в развитии мозаичных полов и было самым высоким проявлением древнего керамического искусства.

В третьей четверти XII столетия в гродненском замке были построены кирпичные башни, которые по способу кладки относятся к местной архитектурной школе. Остатки одной из них, расположенные к югу от Нижней церкви, представляют собой руины кирпичного здания с очень незначительным фундаментом. Фундамент достигает глубины 30—40 см. Его основание забутовано битым кирпичом, политым известковым раствором, поверх всего выложены средней величины валунные камни.

Само здание сложено по системе порядовой кладки из кирпича размером 3—5X6—9X28—31 см на почти чистом известковом растворе. Руины башни достигают двухметровой высоты, толщина стен 1,04 м. Почти в центре северной стенки есть вход, по сторонам которого расположены две ниши с полуциркульным сводчатым верхом вышиной около 1,85 м и углубленные в стену на 0,55 и 0,69 м. Две такие ниши были и в северной стене. В башне заметны следы узкого помещения, вероятно, кладовой, а снаружи остатки пристройки.

Фасады башни украшены рядами положенных в кладку, почти не обработанных валунов гранита и гнейса светло-розового, темно-коричневого и серого цветов. В верхней части здание имело майоликовый полихромный убор. Оно было по меньшей мере двухэтажным, с перекрытием по балкам.

Башня существовала в XIII—XIV вв., затем была частично разрушена при строительстве замка Витовта, а ее материал использован в кладке новых укреплений.

Фрагменты другой башни XII в. находятся на самом мысу Замковой горы над устьем Городничанки. Это часть стены длиной около 4,5 м, высотой до 1,80 м при толщине 1,38—1,40 м. Она сложена из кирпича, близкого по своим размерам кирпичу южной башни. В южном торце стены виден канал деревянной связи диаметром 20—25 см.

Кирпичные башни XII в., по-видимому, соединялись земляными валами с деревянными стенами при помощи срубной или тыновой конструкций[94].

На высоком берегу Немана, за Городничанкой, на северо-западной окраине Гродно в местности, называемой Коложа, расположена Борисоглебская церковь, построенная в XII столетии. Она сохранилась не полностью: южная стена и половина западной в середине прошлого века рухнули в Неман. Еще раньше исчезла вся верхняя часть здания со сводами и куполом.

Борисоглебская церковь представляет собой шестистолпный трехапсидный храм. При сравнении плана этой церкви с планом других древнерусских храмов того времени обнаруживаются его особенности.

Стены сравнительно тонкие, столбы имеют круглую, колоннообразную форму, благодаря чему внутреннее пространство храма кажется просторным и имеет вид зала. Сравнительно небольшой храм (13X25 м) представляется внутри более значительным по площади. Церковь имела три выхода, на пересечении их осей возвышался купол. На два западных столба, которые были, вероятно, деревянными, опирались хоры. В юго-западном углу к ним вела лестница.

Внутри стен боковых апсид есть еще две лестницы, ведущие на существовавшие ранее балконы, которые шли вдоль северной и южной стен на уровне хоров и соединялись с ними.

Фасады храма расчленены вертикальными лопатками сложного профиля с тремя уступами, наружный уступ имеет округленные углы и напоминает полуколонну. На углах западного фасада этот профиль заменен более простым — широкой лопаткой с двойным уступом. Первоначальные оконные проемы храма не сохранились, лишь в северо-западном углу и на апсидах есть полукруглые валики, обрамления арочных перемычек. Оконные проемы имеют довольно скромную пластическую обработку, сводящуюся к арочным перемычкам без развитого профиля у дверей и арочками с валиками у окон[95].

В конструкциях этого хргма сделан значительный шаг вперед по сравнению с Нижней церковью. Кирпичная кладка выполнена более тщательно из хорошо обожженного кирпича. Его размеры в основном

25x16X3 см и 29,5X17,5X4 см. Для архитектурных деталей применен лекальный кирпич.

Толщина шва, как правило, равна толщине кирпича. Известковый раствор с добавлением кирпичной крошки, мелкорубленой соломы и кусочков древесного угля отличается большой прочностью. Фундамент заложен на глубину 1,5 м и состоит из валунных камней, уложенных насухо и пересыпанных землей. Кладка стен кирпичная, неоднородная по толщине; средний слой состоит из забутовки — кирпичного лома и мелкой булыги. Особое значение в конструкции стен имели голосники. Они уменьшали вес сводов и сокращали горизонтальный распор. Благодаря этому купол и столбы, подпирающие своды, были более тонкими.

Фасады Борисоглебской церкви, как и Нижней, украшены каменными и керамическими вставками. Но здесь этот прием более усовершенствован. Учитывая отрицательное влияние чрезмерно больших каменных вставок на прочность кладки стен, мастера Борисоглебской церкви применили вставки из камней значительно меньших размеров. Богаче и разнообразнее стал декоративный узор из майоликовых плиток. Разноцветные майоликовые кресты и узоры щедро и с большим художественным вкусом разбросаны по поверхности стен вперемешку со вставками из разноцветного камня. Фасады храма выглядят как бы инкрустированными драгоценными камнями. Керамические плитки переливаются бирюзово-зеленым, желто-золотым, золотисто-лиловым и коричневым тонами. Узоры из керамических плиток дополняются вставками из гранита, гнейса коричневого, красного, темно-малинового, серовато-зеленого, оливкового цветов.

По найденным отдельным керамическим плиткам, которые изготавливались местными мастерами, можно предположить, что пол этого храма, был еще более ярко украшен, чем в Нижней церкви. Еще богаче была его цветовая палитра, о чем свидетельствуют плитки с поливой желтого, зеленого, коричневого, белого, черного цветов и неполивные красные плитки. Очень разнообразна форма плиток. Среди них есть кольцеобразные, которые не встречаются больше нигде на территории Восточной Европы.

Волковысский храм XII в. К гродненской архитектурной школе относится недостроенный храм XII в. в Волковыске. Его фундамент был обнаружен впервые в 1956 г. В. Р. Тарасенко. В 1958 г. Г. И. Пех произвел полную зачистку и попытался составить план[96]. Схематическую реконструкцию плана этого здания предложил в 1959 г. П. А. Раппопорт[97].

Полное архитектурно-археологическое исследование памятника произвел в 1966 г. М. К. Каргер. Раскопки фундамента по внешнему и внутреннему периметру стен позволили установить, что весь фундамент хорошо сохранился за некоторым исключением. Глубина заложения в в основном равна 1 м, а местами и глубже. Траншеи для фундамента вырыты в плотном материковом песке и заполнены валунными камнями небольшого и среднего размера, уложенными без раствора. Сам фундамент лежал на материковой подошве, никаких дополнительных субструкций нет[93].

Особо хорошо сберeглись нижние части апсид, фундамент четырех подкупольных столбов, обнаруженных при исследованиях внутри храма, сохранился гораздо хуже. Первоначальную крестчатую форму имел только северо-восточный столб и восточная пара столбов, представляющая западную часть фундамента полукружия апсиды.

Характерно, что широкие фундаменты северной стены храма равны ширине восточной стены (около 1,5 м) и немного меньше ширины фун-

дамента западной и особенно южной стен. Такие колебания в размерах—обычное явление в древнерусской строительной технике домонгольского периода и известны в ряде памятников этой поры.

Необычной была другая особенность волковысского храма, установленная М. К. Картером. Внутри здания параллельно фундаменту северной и южной стен, почти вплотную к ним были заложены дополнительные более узкие полосы фундамента. Северный был доведен примерно до линии западной пары подкупольных столбов, а южный обрывался, не доходя до середины подкупольного квадрата. Эти дополнительные укрепления, судя по технике кладки и характеру материалов, сделаны вскоре после закладки основных фундаментов и были вызваны необходимостью какой-то конструктивной поправки[99].

Волковысский храм — одноапсидное здание с подкупольным квадратом, сдвинутым к западу на одно членение, что сближает его с гродненским храмом. Однако в отличие от него волковысский храм имеет несколько большие размеры и башню в юго-западном углу. Кроме того, фундаменты столбов в волковысском храме крестчатой формы, а на углах фундаментов отсутствуют скосы, очень характерные для гродненских церквей.

Наиболее характерный признак, свидетельствующий о принадлежности волковысского храма к гродненской архитектурной школе, его строительная техника. Так, в 1955 г. В. Р. Тарасенко обнаружил значительное количество больших гранитных камней с гладко отшлифованной одной или несколькими гранями[100]. Камни самых разнообразных цветов и оттенков — светло-серые, темно-серые. серо-зеленые, серо-розовые, красные и др. Их размеры также различны — длина от 0,35 до 1,2 м, ширина от 0,2 до 0,9 м, толщина от 0,15 до 0,6 м [1СИ]. Они предназначались для храма.

В 1925 г. вблизи от храма И. Йодковский обнаружил большое количество плинф, уложенных рядами [102].

В 1948, 1955, 1956 гг. на Замчище были найдены остатки напольных печей с глинобитными сводами, предназначенными для обжига плинфы [шз], а позднее — большие запасы гашеной извести [104]. В 1966 г. к северу от развалин храма М. К. Каргеру удалось обнаружить еще один значительный склад плинф [105].

Среди волковысских плинф, кроме обычных прямоугольных, попадаются плинфы лекальные. По своим размерам и форме они очень близки к материалам коложского храма и Нижней церкви в Гродно. Размеры прямоугольных плинф, по данным Я. Г. Зверуго, равны 27,5—28,5Х Х 15,5—16,5x4,0—4,5 см.

Еще более разительно сходство рельефных знаков на плинфах волковысского храма и гродненских церквей и башен XII в. Так, абсолютно аналогичны знаки — крест с расширяющимися треугольными концами, косой крест или буквы «X», стрела, зигзагообразная или волнообразная, и другие знаки [106].

Вопрос о связях гродненской архитектурной школы, истоках ее самобытности представляет большой научный интерес. Некоторые ученые указывали на возможные связи этой школы с христианской архитектурой Кавказа (храмы Абхазии), Херсонеса (через Киев) и Балкан (храмы Македонии) [107]. По общему плановому построению, по характеру кирпичной кладки и типу кирпича — плинфы, по пластической обработке стен с ее простотой и монументальностью эти памятники имели много общего с храмовым зодчеством Восточной Европы XII в. Наиболее близки памятникам гродненской школы полоцко.-витебские, смоленские, владимиро-волынские, киевские и черниговские храмы. Как бы ни ска-

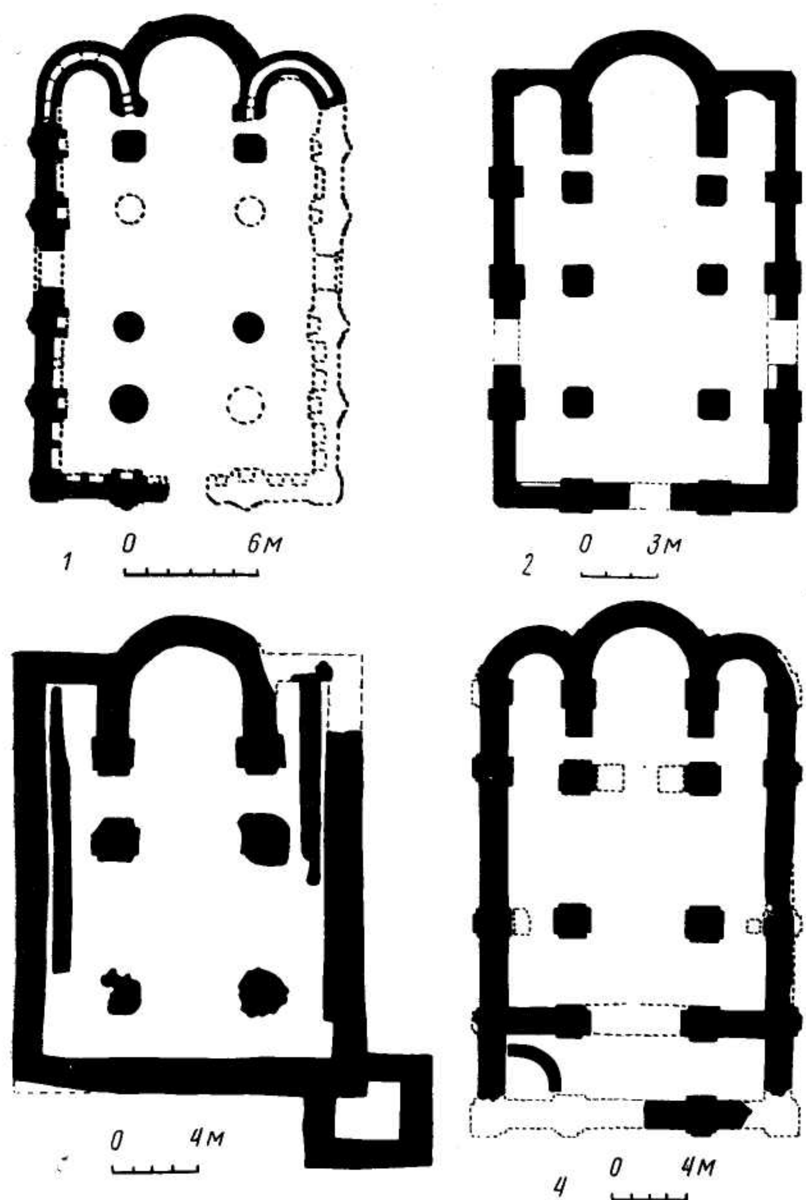

Рис. 79. Планы церквей XII в.:
1—Коложская церковь (Гродно), 2—Нижняя церковь (Гродно), *3*—Волковысский храм, *4*—Туровский .храм.

залось влияние соседей на архитектуру гродненской школы, ее самобытность объясняется сложившейся в **XII** в. местной художественной культурой. В формировании оригинального приема полихромного декорирования стен большую роль сыграло народное прикладное искусство, развитие поливной керамики, использование местных строительных материалов — валунных камней разных цветов. Богатство полихромного декора указывает на оригинальную особенность архитектуры и выявляет характерную черту в белорусском декоративном искусстве и зодчестве — любовь к многоцветию.

Таким образом, можно назвать несколько особенностей, характерных для гродненской архитектурной школы.

1. Своеобразие системы декоративной отделки фасадов с помощью вставок из различного цвета и размеров шлифованных камней и поливных керамических плиток и блюд.

2. Расположение подкупольного квадрата «а одно членение западнее в отличие от других шестистолпных церквей середины XII в. Это, вероятно, связано с какой-то особой композицией объема храма.

3. Наличие плоских наружных лопаток, а с востока — одной большой апсиды и двух боковых, которые снаружи не выявляются.

4. Размещение в юго-западном углу входов на хоры. Своеобразие и самостоятельность этой архитектурной школы еще более подчеркивается отсутствием здесь влияний романской архитектуры, несмотря на пограничное с Польшей расположение Гродненского княжества [108].

Борисоглебская церковь в Новогрудке. В 1961 г. Архитектурно-археологическая экспедиция Ленинградского государственного университета во главе с М. К. Каргером обнаружила в Новогрудке остатки ранее неизвестного храма **XII** в., которые выполняли роль фундамента у ныне существующей церкви Бориса и Глеба, построенной в XVI в. Стены древнего здания сложены из крупных квадратов пористого известняка, перемежающегося двумя горизонтальными рядами плинф на цемянке. Такая необычная техника кладки напоминает кладку церкви Благовещения в Витебске и наводит на мысль об участии витебских мастеров в строительстве новогрудского храма.

Стены здания и его углы (с двух сторон) декорированы лопатками с мощными полуколоннами. Последние сложены из лекальных плинф. Иногда эти плинфы использованы просто в кладке. Форма и размеры прямоугольных плинф очень близки к образцам, известным в других памятниках XII в.: 31Х23Х3,5 см; 23Х16Х3,5 см [109].

С северной, как и с южной стороны к древней каменной церкви примыкал притвор, сложенный из плинфы. Углы притвора также оформлены лопатками с полуколоннами.

В среднем и северном нефах церкви в нескольких местах открыты остатки полов из майоликовых плиток коричневого и желтого цветов.

Большой интерес представляют обнаруженные в ходе раскопок кирпичные галереи, пристроенные к основному храму несколько позже, вероятно, в середине XII в. Они опоясывают Борисоглебскую церковь с трех сторон. Галереи сложены по типу «утопления» рядов и в этом смысле повторяют многочисленные памятники полоцкого зодчества XII в. Это обстоятельство дает основания предположить, что галереи пристраивались, вероятно, зодчими Полоцка.

Из-за позднейших перестроек восточной части здания церкви никаких следов алтарных апсид древнего храма обнаружить не удалось. Тем не менее Л. В. Алексеев считает Борисоглебскую церковь трехапсидным храмом, который прочно связывается с полоцкой архитектурной традицией [110].

Туровский храм. Руины храма XII в. в Турове были изучены в 1963 г. М. К. Каргером.

Они принадлежали большому трехнефному шестистолпному храму, стены которого сохранились в основном на высоту 30—50 см. Однако южная стена средней апсиды и северная половина южной уцелели до высоты около 2 м.

Стены Туровской церкви сложены из плинфы (размером 25X18X X4,5 см) на растворе извести с обильной примесью цемянки в технике «равнослойной кладки». Это сближает ее с кирпичными постройками киевского, черниговского, волынского и смоленского зодчества середины и второй половины XII в. [111]

Под кирпичной кладкой стен, ниже уровня древней поверхности, повсюду сохранился фундамент, сложенный насухо из валунов. Глубина его заложения достигает 1,2 м от древнего горизонта. Бутовая кладка фундамента по ширине равна кирпичной кладке стены. Стена имеет небольшой выступ из двух-трех рядов кирпича, который должен был предохранить фундамент от дождя и талой воды.

Западная пара подкупольных столбов имеет самостоятельный фундамент, не связанный с фундаментом стен храма. Фундамент восточной пары связан с фундаментом апсид. Ленточного фундамента, связывающего здание по основным осям, нет.

Западные столбы храма примыкают к северной и южной стенам. Их кирпичная кладка, как и бутовая кладка фундамента под столбами, перевязана с кладкой северной и южной стен. Только в среднем нефе между столбами был широкий проход из замкнутого помещения, нартекса в основное помещение храма.

Пол Туровской церкви украшен ковром из майоликовых плиток, фрагменты которых найдены здесь. В отличие от значительного большинства древнерусских храмов XII в. стены не были расписаны фресками.

В соответствии с внутренними членениями здания северный и южный фасады разделены на четыре, а западный — на три части. Угловые лопатки южного, северного и западного фасадов не сохранились, но на основании многочисленных аналогий они были гипотетически реконструированы. Лопатки средних членений фасадов имеют двухуступчатый профиль. Углы второго уступа мягко округлены. Это придает ему сходство с уплощенной полуколонной. Фасадным лопаткам соответствуют плоские лопатки на внутренней поверхности стен.

Особенность декора туровского храма — гладкие апсиды, скупо украшенные небольшими плоскими пилястрами в углах, образуемых пересечением апсидных полукружий.

Развалины несут на себе печать крупной строительной катастрофы и последующего восстановления. В силу каких-то причин здание церкви будто бы разорвалось, и стены его накренились. По-видимому, причина тому — неудачная конструкция фундамента. Несмотря на значительную глубину фундамента, стены лежат в рыхлом культурном слое и лишь только подошва фундамента опирается на песчаный грунт.

Восстановление и частичная перестройка здания, сопровождавшиеся значительным поднятием пола, выполнены по типу равнослойной кладки из плинфы на растворе извести с цемянкой и, безусловно, сделаны также не позже XIII в.[112]

Архитектурно-художественный образ туровского храма в основных его особенностях близок к большой группе построек, широко распространенных в Восточной Европе в период феодальной раздробленности. По своим основным пропорциям он стоит ближе всего к Успенскому

собору во Владимире-Волынском. Оба они в отличие от киевских, черниговских и рязанских храмов XII в. имеют несколько более удлиненные пропорции. Подобно Владимиро-Волынскому собору, в туровском храме западная пара столбов примыкает к южной и северной стенам, образуя замкнутое помещение нартекса.

Особенностью туровского храма является круглая лестничная башня, остатки которой найдены в северо-западном углу нартекса. Для XII в. она представляет собой необъяснимый возврат к архаическим традициям западнорусского зодчества XI — начала XII в. и имеет лишь одну, но зато почти точную аналогию — бывшую в юго-западном углу Нижней церкви в Гродно [113].

Таким образом, особенности храма XII в. в Турове говорят о некоторой его оригинальности и самобытности. Однако этого, разумеется, недостаточно для установления новой «туровской школы» древнего зодчества. Храм пока является одиноким представителем зодчества этого района.

Оборонительные сооружения XIII в. В отличие от культовых зданий XI—XIII вв., хорошо представленных в древней архитектуре Белоруссии, очень мало сохранилось памятников оборонного зодчества этого периода. Кроме остатков каменных башен XII в. гродненского замка, до наших дней в целом виде дошла лишь одна Каменецкая башня, построенная в последней четверти XIII в.

Это сооружение, известное еще под названием «Каменецкий- столп» и «Белая вежа»[114], является уникальным памятником. Оно относится к типу так называемых «волынских башен» и имеет много общего с башнями типа «донжон», широко распространенными в XII—XIII вв. в странах Скандинавии, Центральной и Западной Европы.

Каменецкая башня находится в Каменце Брестской области и стоит на высоком левом берегу Лесной. Она построена в промежутке между 1276 г. и 1288 г. во время правления волынского князя Владимира Васильковича («Философа»); своей мощью башня и тогда удивляла всех [115].

Сложена башня из брусчатого кирпича темно-красного и желтоватого цвета размером 26,5Х13,5Х8 см, имеющего на одной из сторон характерные продольные борозды. Так называемая «балтийская» кладка (чередование двух ложков и одного тычка) имеет хорошую перевязь швов толщиною 2—4 см. Известковый раствор с примесью крупнозернистого песка отличается прочностью[116]. Высота «столпа» составляла 30 м, толщина стен — 2,5 м, а внешний диаметр «столпа» равен 13,5 м. Сооружение покоится на мощном фундаменте из булыги, пересыпанной мелким песком. Высота фундамента 2,3 м, его диаметр около 16 м [117].

Величественное и монументальное тело башни несколько сужено кверху и не имеет ни вертикальных, ни горизонтальных членений. Ее ствол имеет легкий наклон в сторону вертикальной оси. Такой строительный прием определяется конструктивной сущностью башенных стен и полностью ей соответствует. Благодаря этому она всегда кажется стройной и значительно большей, чем ее действительные размеры.

В стенах как снаружи, так и изнутри сохранилось множество прямоугольных гнезд от «пальцев» лесов. Внутри есть гнезда от деревянных балок, перекрытий, которые делили башню на пять ярусов. Перекрытия II и III ярусов двойные.

Толщину стен башни прорезали бойницы. В I ярусе их две, во II и III — по три, а в IV — две бойницы и один большой проем стрельчатого завершения, который вел на балкон. Узкие и щелевидные бойницы четырех нижних ярусов расширяются внутрь. В большинстве они имеют

плоское перекрытие, а их амбразуры завершаются полуциркульными арками.

В V ярусе прорезано четыре бойницы, которые в отличие от всех других расширяются не только внутрь, но и наружу. Форма их амбразур стрельчатая, но сильно округлена и имеет незначительную стрелу подъема. Между этими бойницами, снаружи, размещены плоские ниши с полуциркульным завершением, которые, вероятно, в древности были заштукатурены и побелены.

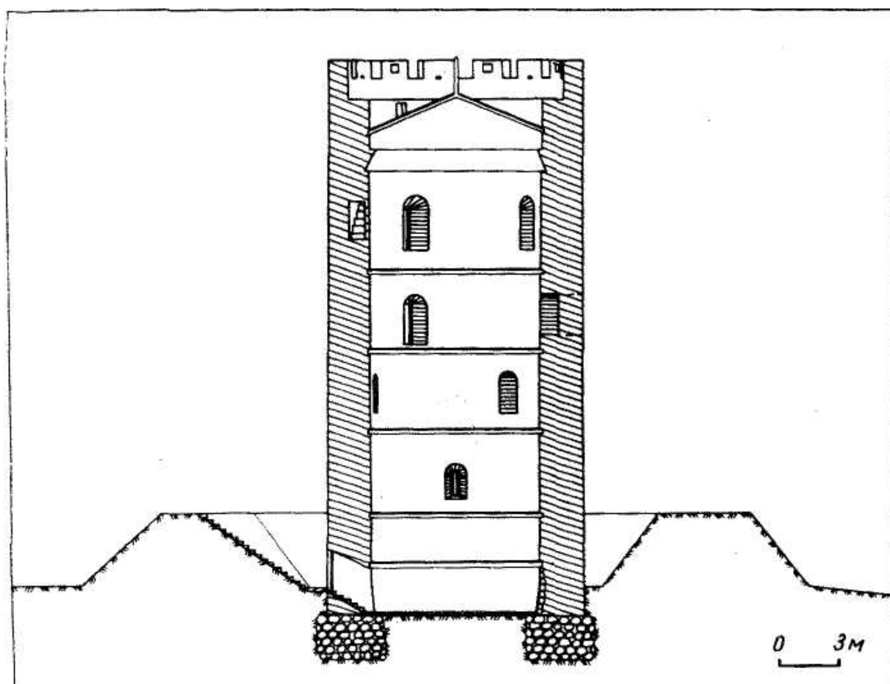

Рис. 80. К.аменецкий «столп» XIII в.

Над V ярусом в башне сохранились остатки кирпичного купольного свода с утолщенными ребрами и небольшими кронштейнами на концах. Готический свод — на нервюрах свидетельствует о влиянии западной (вероятно, польской) раннеготической архитектуры.

На уровне пазух в стенах башни есть четыре отверстия — каналы для отвода наружу воды.

С V же яруса берет начало кирпичная лестница, которая идет в толще стены и освещается двумя узкими окнами. Она выходит на самый верх башни, на боевой проход, прикрытый 14 зубцами. В зубцах есть небольшие отверстия, которые, видимо, служили защитникам в качестве смотровых щелей во время интенсивного обстрела врагом. Каменецкой башне, как и большинству военных сооружений той поры, свойственны вытянутые вверх пропорции, лаконичные и простые. Вместе с тем она не лишена суровой красоты.

Башня возвышалась над городскими укреплениями и, по-видимому, стояла внутри оборонительного вала с деревянными конструкциями на вершине. С севера со стороны Лесной укрепление прикрывалось болотистой низиной, а с трех других — оборонительным рвом.

Много испытав за долгие века, «Каменецкая вежа» местами была сильно разрушена. Однако в начале XX в. осуществлена реставрация, частично вернувшая ей первоначальный облик.

Остатки другого оборонного сооружения XIII в. обнаружены М. А. Ткачевым в ходе археологических исследований замка в Новогрудке в 1970 г. При изучении центральной башни замка «Щитовки» XIV в. выяснилось, что она имела предшественницу, более древнюю каменную башню. Мощное сооружение этой башни, уходящее на 7,5 м в глубь земли, послужило «Щитовке» надежным фундаментом. Древняя башня существовала в XIII в. и, вероятно, откосится к типу волынских.

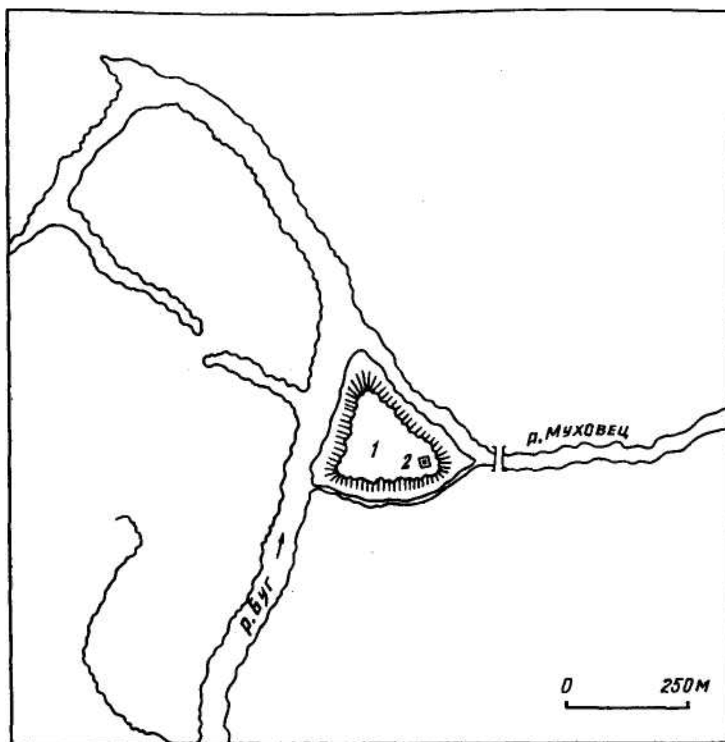

Рис. 81. План детинца Берестья (1) с обозначением места расположения древней «вежи» *(2)*

Видимо, она была построена во время правления в Новогрудке князя Миндовга или кого-то из волынских князей во второй половине XIII в. В отличие от Каменецкой вежи Новогрудская башня сложена из больших тесаных валунов на известковом растворе и имеет четырехугольную форму в плане со сторонами, близкими к размеру 12Х12 м. Фундамент высотою в 3,5 м покоился на подушке из раствора и гальки. Цоколь его равен 30 см. Валуны, употребленные в фундаменте, не отличаются высокой степенью обработки и имеют размеры в длину до 1 м и более. Камни в кладке стены средних размеров, хорошо стесаны и подогнаны. Просветы между ними заполнены мелко колотым камнем, кусочками кирпича и тщательно замазаны известковым раствором. Стены башни сохранились на высоту до 4 м. Башня как бы замыкала кольцо земляного вала XIII в., несколько выступая вперед. Разрушенная во время неизвестных событий, в XIV в. «Щитовка» стала прочным основанием новой кирпичной башни, выполненной по типу «лусковой» кладки.

В Белоруссии, кроме этих сооружений, оборонные башни были также в Гродно, Бресте, Турове и, вероятно, в Полоцке. Брестская башня, согласно летописным сведениям, была каменным «столпом», равным по высоте Каменецкому. Ее построили во время волынского князя Владимира Васильковича [118]. Судя по планам Брестского замчища, в XVIII и в начале XIX в. башня была прямоугольной формы, размером 5,9 Х Хб,3 м при толщине стен около 1,3 м, что сближает ее с древней башней из Столпья [119]. В начале XIX в. при постройке укреплений Брестской крепости остатки башни срыли при перепланировке территории древнего замчища.

В 30-х годах XIX в. была разрушена и Туровская башня, о которой сохранились весьма скудные сведения [120].

Перед городскими воротами древнего Гродно также стояла каменная оборонная башня. О ней под 1277 г. сообщает Ипатьевская летопись. Судя по гравюре XVI в., эта башня была круглой и находилась на самом ответственном участке обороны города. Во время постройки дворца Стефана Батория о«а была разобрана [121].

Предполагается, что в число укреплений древнего Полоцка также входила древняя каменная башня, используемая еще в XVI в. [122]

Таким образом, военное зодчество Белоруссии в XIII в. хaратеризуется энергичным строительством мощных оборонительных сооружений из камня и кирпича, соответствовавших времени и уровню военного образования соседних народов, которым они были противопоставлены.

4. МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ

Живопись — неотъемлемая часть христианского храма. Для искусства земель Белоруссии XI—XII вв. характерной и ведущей была монументальная фресковая живопись. Техника фресковой живописи рассчитана на долговечность. Художник писал по сырому нанесенному на стену грунту, так что краска проникала в него и приобретала большую прочность. Фрески отличались монументальностью, обобщенностью изображаемого [123].

Фрески XI в. Остатки древнейшей монументальной живописи сохранились ка стенах Полоцкой Софии. Штукатурка под росписью наносилась в два слоя. Верхний слой тонкий— 1 —1,5 см. Состав штукатурки: известковое тесто, мешанное с толченым кирпичом. Следы фресковой росписи сохранились изнутри апсид. Их стены были покрыты фресками орнаментального характера. Небольшие фрагменты фресок сохранились на опорном столбе. Их орнаментальный мотив выполнен в стиле византийской настенной живописи и близко напоминает киевские росписи. Колористическая гамма фресок Полоцкой Софии основана на сочетали красного и зеленого цветов, разделенных между собой узкой полосой белого цвета.

Роспись зданий Бельчицкого монастыря. Большой безымянный собор Бельчицкого монастыря начала XII в. был украшен фресками. На остатках западной стены в 1928 г. И. М. Хозеров обнаружил фрагмент панели. Роспись представляла разноцветные волнообразные линии (зеленые, голубые, охристо-коричневые) и имитировала мраморные плиты. Над верхней рамкой панели уцелел фрагмент фрески — зеленые листья на белом фоне. На косяках западного входа сохранились орнаменты, выполненные в византийском стиле.

Росписи были и в Пятницкой церкви этого монастыря. На восточной предалтарной стене по сторонам центрального входа в алтарь сохранилась фреска, изображающая во весь рост князей Бориса и Глеба.

У Бориса темная борода, Глеб безбородый, как отрок. У обоих князей длинные волосы. Фигуры облачены в княжеские одежды — хитон с поясом и плащ с застежкой на правом плече. На головах шапки с меховой оторочкой белого цвета. И. М. Хозеров считал изображение Бориса и Глеба на фресках полоцкого храма одним из ранних изображений этих князей, канонизированных православной церковью. Он полагал, что первоначально церковь носила название Борисоглебской и являлась, вероятно, усыпальницей полоцкого князя Бориса Всеславича.

На северной стене вверху также сохранилась монументальная фресковая живопись. В западной половине располагалась большая композиция — «Сретение». Крайняя слева фигура — Иосиф в оранжевом хитоне и зеленом гиматии. В центре — богоматерь в розовато-оранжевой одежде с младенцем. Справа — фигура первосвященника, с благоговением простершего руки к Христу [124].

В восточной половине той же стены, около прохода в жертвенник, написана большая композиция «Распятие» с редкой трактовкой темы [125]. На переднем плане изображен Иисус Христос. Его голова, склоненная вправо, носит печать драматизма. Размеры креста по отношению к фигуре Иисуса очень преувеличены. На втором плане влево от распятия — фигуры Марии и Иоанна Богослова. Их позы выражают как бы примирение с происходящим. На южной стороне стены, так же как и на северной, фрески размещались в два яруса: большие композиции вверху, одиночные фигуры под ними. Здесь прослеживалась композиция «Снятие со креста».

Богатая фресковая роспись была в Борисоглебском храме. Замечательны фрески откосов окон нижнего яруса. Роспись каждого окна индивидуальна. Если даже композиция орнамента повторялась, колорит фрески в каждом случае особый. На косяках в северо-западном углу храма уцелел растительный стилизованный узор, выполненный светло-зеленой краской. Другое окно той же стены окружено орнаментом в виде сетки, нанесенной красно-коричневой краской и обрамленной широкой полосой сурика. По косяку этого оконного проема проходила узкая полоса с растительным орнаментом.

В разных частях стен сохранились остатки фресок, изображавших фигуры святых. На северной стене под хорами помещены в рост слева фигуры воина, справа святителя. На третьей с запада лопатке изображение святого тоже во весь рост в розовато-желтых с зелеными тенями одеждах на серо-зеленом фоне. В согнутой руке, по-видимому, была книга. Н. Н. Щекотихин, расчистивший эту фреску, отмечал чрезвычайно интересную трактовку одежды. Ее складки начинались от шеи и левого плеча. Оии загибались и свободно округлялись на левом колене. По заключению исследователя, общая постановка фигуры близка к традиционным фигурам «святителей», известных по образам киевской Софии и по росписям новгородской Спасо-Нередицкой церкви.

Фрески полоцкого Бельчицкого монастыря, почти не изученные и совершенно не изданные, погибли вместе с постройками.

Фрески Благовещенской церкви в Витебске. Церковь Благовещения также имела фресковую роспись. По утверждению М. С. Кацера, в 1944 г. под толстым слоем штукатурки на левом центральном столбе иодкупольного пространства обнаружено изображение святого Николая. Часть лица, груди, правая рука сохра«или «чистые светло-зеленые, желтые, голубые и розовые цветовые тона».

Кроме этого, обнаружены еще три фрагмента росписей. Два из них — на столбах и один — на стене справа от входа.. На последнем фрагменте были легко различимы части лица, выше видна часть княже-

ского головного убора. На остальных фрагментах заметны изображения лиц, рук, одежды. Все эти фрески отличались исключительной тонкостью цветовых сочетаний, яркостью и чистотой тонов, мягкими переходами от одного цвета к другому [126].

В 1963 г. под слоем поздней побелки случайно были открыты древние фрески на наружной поверхности западной стены вокруг арки над входом в храм. Лица святых почти неразличимы. Нижняя фреска имела желтый, голубой, коричневый цвета, фон зеленый и синий [127].

При археологических раскопках, "произведенных экспедицией Института истории АН БССР, возле церкви в 1964 г. найдены куски штукатурки с фрагментами фресок. Обнаружил фрески и К. М. Каргер в 1968 г.

Стенопись Спасской церкви Евфросиньєвского монастыря. Сейчас чудесные полоцкие фрески XII в. можно увидеть только в Спасской церкви— единственном памятнике того времени, который сохранился до наших дней. Первая успешная попытка выявить древнюю стенопись была предпринята экспедицией Центральных реставрационных мастерских (Москва) в 1929 г. Реставратор Г. О. Чириков расчистил фреску на южной стене против юго-западного столба. Под восемью слоями побелки и масляных красок обнаружено изображение головы святой. Замечательная фреска, по-зидимому, Яна Златоуста найдена в алтаре в нижней части северной стены. Святитель изображен с книгой в левой руке. На противоположной южной алтарной лопатке вскрыта фреска другого святителя, вероятно, Василия. Фигуры обоих святителей представлены во весь рост. На них изображены крещатые фелони. Фрески покрыты многочисленными граффити преимущественно XV — начала XIX в.[128] Репродукцию фрески с изображением Василия опубликовал А. Л. Монгайт [129].

Расчистка стенописи велась еще в 1937, 1939—1940 гг. Обследование стен алтаря, плоскостей граненых столбов, нефов дало основание полагать, что весь собор был украшен фресками, которые сохранились под слоем поздней грубой малярной росписи. Древними фресками были покрыты некоторые наружные части южной стены. Возможно, эта живопись сделана несколько позднее, чем фрески внутри храма. Орнаментальной фресковой стенописью были украшены оконные проемы. В 1950 г. фрески снова расчищала бригада Специальных научно-реставрационных производственных мастерских (Москва) под руководством Д. Е. Брягина.

В настоящее время почти все изображения из расчисток Спасской церкви опубликованы. В одной из фресок М. С. Кацер усматривает изображение юной монахини Предславы (Евфросиньи), по заказу которой построен храм [130]. Это изображение помещено на Северо-западном столбе. Размеры вскрытого фрагмента 20 см. Фреска сильно повреждена при позднейшей штукатурке помещения. Это ценнейшее произведение древнего искусства. Неизвестный художник с исключительным мастерством нарисовал портрет. По существу это живой человек, но нимб вокруг головы свидетельствует, что особа принадлежала к числу святых. Если храм действительно расписан при жизни Евфросиньи (умерла в 1173 г.), то она никакие могла быть изображена с нимбом, ибо канонизирована неравее конца XII в., а вероятнее всего, в XIII в.

В другой манере исполнены фрески на южной стене. Напротив юго-западного столба вверху две святые во весь рост. Расчищен лишь фрагмент головы (37X50 см). Глаза большие, брови выгнутые, маленький рот. Фреска удивительно хорошо сохранілась. Фон сине-черный. Контуры лица коричневые, лицо в светло-желтом тоне, нимб желтый.

На южной стене вторая двойная фреска святых во весь рост. Длина ее примерно 1,5 м, ширина 1,2 м. Сочетание красок на изображении такое же[131].

Замечательная фреска святого со свитком в руках на северо-восточном столбе. Ее длина 110 см, ширина 47 см. Для изображения лица употреблены те же краски и цвета, что и в предыдущих случаях. Художник обратил внимание не только на лицо, но и на одежду. Преобладает охра. Всего для этой фрески употреблено пять цветов — желтый, черный, охра (красный), зеленый, белый. На фреске есть несколько граффити. Наиболее интересная надпись процарапана у ног святого. Кириллическими буквами написано «Месяца сентября преставился раб Иван...»

В специальной литературе уже отмечалось, что художники, создавшие полоцкие фрески, значительно отошли от образцов византийской живописи. Тяжелые головы, большие глаза, крупные черты придают лицам строгое, мрачное выражение. Действительно, судя по способам разрешения колористических задач и по особой манере письма, полоцкие фрески близки росписям собора Рождества богородицы Антониева монастыря (1125 г.) в Новгороде. В свою очередь это суровое искусство напоминает памятники романской живописи, в частности росписи Санта Кроче Джерузалемме в Риме (1144 г.) и миниатюры рейхенауской и регенсбургской школ [132].

Однако трудно согласиться с тем, что соборы Евфросиньевского и Антониевского монастырей расписаны одними и теми же мастерами, как это предполагают некоторые исследователи. В первую очередь этому противоречат даты постройки и росписи соборов. Невозможно предположить, чтобы Евфросинья, по заказу которой строился храм, страстная грекофилка, предпочла византийским мастерам фрескистов романского запада. Можно сделать два предположения: 1) роспись Спасской церкви произвели новгородские ученики романских фрескистов, 2) ее сделали полоцкие мастера, которые прошли тот же путь обучения, что и новгородские художники. Второе предположение представляется более вероятным: в подобных случаях Евфросинья Полоцкая предпочитала обращаться к местным мастерам (ювелир Лазарь Богша, зодчий Иоанн). По-видимому, монументальная живопись в Полоцке прошла одинаковые этапы развития с новгородской живописью.

Вероятно, в раннеполоцкой живописи, как и в ранненовгородской. наблюдалось разнообразие художественных течений, которым позже предстояло слиться в единый стиль, что имело место в Новгороде. Но произошло ли это в Полоцке и что представляло собой здесь искусство Фрески в конце XII в. за неимением материалов трудно судить.

Живопись гражданских построек. Археологические раскопки в Новогрудке показали, что стены гражданских богатых построек также штукатурились и покрывались фресками. В 1960—1961 гг. на окольном городе Новогрудка были раскопаны остатки такого жилого дома, относящегося к XII в. Это была большая пострйка площадью в 74 м^2. В ней найдено большое количество штукатурки, покрытой фресковой росписью. В живописи преобладает геометрический и стилизованный растительный орнамент. Чаще всего встречается изображение аканфа, черной краской по белой. Обычный мотив — чередование черных, белых и красных полос [133]. На одном из кусков штукатурки сохранилось изображение мужской головы в профиль. На лоб мужчины низко надвинута княжеская шапка. Обнаружена штукатурка с изображениями кириллических букв, нанесенных черной краской. Фресковые росписи гражданских построек XII в. — примечательное явление культуры древних земель Белоруссии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологические материалы — ценнейшие источники по изучению истории населения Белоруссии в период, предшествующий возникновению раннефеодального общества. Благодаря раскопкам археологических памятников получены новые данные о кривичах, дреговичах, радимичах. Это позволило по-новому осветить вопросы их формирования, установить своеобразие материальной культуры.

Образование древнерусского государства Киевской Руси было выдающимся событием в жизни народов Восточной Европы. Историческое значение этого государства заключается в том, что оно в какой-то мере объединило все восточнославянские этнические группы. Это способствовало их экономическому, политическому и культурному развитию, дало возможность успешно отражать нападения внешних врагов.

В период раннего феодализма (IX—XI вв.) феодальные отношения стали господствующими в Киевской Руси. Повсюду распространилось натуральное хозяйство. Производство было направлено главным образом на непосредственное удовлетворение потребностей самого производителя, его семьи и потребностей феодала. Основная часть продуктов производства не вступала в процесс обмена.

Все же производительные силы феодального общества, хотя и медленно, но постоянно росли. Как свидетельствуют археологические данные, в сельском хозяйстве распространились более продуктивные системы земледелия (дву- и трехполье), усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, дальнейшее развитие получили различные отрасли скотоводства. Большие перемены происходили в развитии ремесла и торговли. С ростом производительных сил общественное разделение труда усилилось, что привело к отделению ремесла от сельского хозяйства и к возникновению городов.

Во времена феодальной раздробленности (XII—XIII вв.) шел дальнейший рост городов. Развитие городов—важный фактор экономической и политической истории. Они были рамесленно-торговыми и административными центрами, пунктами средоточия военных сил. Крупные города, окрепшие к этому времени, способствовали дальнейшему политическому дроблению Киевской Руси. В условиях натурального хозяйства при слабых экономических связях между отдельными землями это закономерное явление. В городах получили распространение ремесла: кузнечное, ювелирное, кожевенно-сапожное, деревообрабатывающее, костерезное, камнесечное, а также гончарное.

Подлинными хозяевами городов оставались феодалы. Детинцы больших городов по сути были коллективными замками. Города были тесно

связаны с окружающей «волостью», «областью» или «землей». Город, и «земля» в административном и правовом отношении были едиными, а жители городов не считались отдельным сословием. В летописях фигурируют «полочане», «дрючане», «пиняне». Это и есть горожане или жители «земли», округи. В этих названиях объединены разные социальные группы. Процесс выделения города из «земли» и превращения его в особую административную единицу произошел лишь во второй половине XIV—XV вв., когда в письменных документах появились «мещане» в качестве особого сословия.

Обширные археологические материалы позволяют судить о самобытной материальной культуре древних белорусских городов, мастера которых вписали яркие страницы в историю культуры средневековья.

Искусство восточнославянских народов развивалось в русле древнерусской культуры. Вместе с тем каждое княжество или земля в зависимости от местных исторических условий вносила свой вклад в развитие культуры, в которой выделялись локальные варианты, возникали местные школы архитектуры, пластики, прикладного искусства. Процесс создания местных очагов культуры усилился в XII—XIII вв. И в белорусских городах формировалась своеобразная культура. История архитектуры и искусства з настоящее время не может обойти такие выдающиеся памятники, как полоцкие храмы и фрески, неповторимую пластику Полоцка, Минска, Турова, Волковыска. Фрески Спасской церкви Евфросиньевского монастыря исследователи поставили в ряд уникальных произведений мирового искусства. Крест Евфросиньи Полоцкой, созданный Лазарем Богшей, — этапное произведение в искусстве XII в. Черты народного искусства, обогатившего искусство пластики XIII в., прослеживаются в замечательных образцах резьбы по камню, найденных при раскопках в Минске

В эпоху Киевской Руси наряду с начавшимся формированием единой восточно-славянской древнерусской народности в языке, в культуре, быте отдельных этнических групп сохранялись особенности. Киевская Русь является этапом этнической истории трех восточнославянских народов— русского, украинского и белорусского — в процессе их становления.

Особенности этнических групп (союзов племен) обусловливались разными их субстратами, разноэтничыми аборигенными племенами, на которые наслаивались славяне, расселяясь на просторах Восточной Европы. Славяне в процессе освоения территории Восточной Европы ассимилировали не только балтов, но и ряд других неславянских племен. На балтском субстрате возникли союзы племен — полоцкие и смоленские кривичи, дреговичи, радимичи — предки современных белорусов.

Учитывая воздействие балтийского субстрата на часть восточных славян, советские исследователи (В. В. Седов и др.) объясняют источники ряда этнографических, антропологических и отчасти языковых особенностей белорусской лингво-этнической общности, оформившейся Е VIII—XII вв. до начала обособления белорусов. Следовательно, отдельные явления, характерные для братских восточнославянских — русской, украинской и белорусской—народностей, начали образовываться в глубокой древности. К XIV в. сложился комплекс особенностей, присущих этим народностям. В дальнейшем он постепенно пополнялся, придавая каждому из народов сходный, но неповторимый облик.

Советский историк В. Т. Пашуто утверждает, что вывод исследователей о славяно-балтийской основе белорусской народности многое проясняет в процессе образования другого феодального государства — Великого княжества Литовского, в частности в усвоении им в XIV—XVI вв. важнейших элементов общественно-политического строя и культуры

древних земель Белоруссии. Если прежде образование самой белорусской народности ставили в зависимость от факта образования Великого княжества Литовского, то теперь можно говорить об ее предшествующем формировании, которое получило более законченную форму в этом государстве.

История возникновения Великого княжества Литовского и роль феодалов западных земель Руси в этом процессе требует дальнейшей разработки. Однако было бы неверно преуменьшать эту роль. До начала XIV в. феодальное общество древних земель Белоруссии прошло большой и сложный путь экономического и политического развития, здесь сложилась своя государственная традиция, образовались самостоятельные княжества (Полоцкое, Туровское и др.) В Аукштайтии феодальные отношения начали складываться позднее, чем в Белоруссии, на рубеже XI—XII вв.

Великое княжество Литовское первоначально образовалось в результате политического, военного, экономического и культурного сближения литовских и белорусских земель, которое началось в конце XII в. и было ускорено немецкой агрессией и угрозой татаро-монгольского нашествия. Решающую роль сыграла позиция белорусских (а затем и украинских) феодалов, которые пошли на соглашение с литовскими князьями, ибо им нужна была сильная верховная власть, способная защищать их классовые интересы и возглавить борьбу с внешней опасностью. В середине XIII в. в Новогрудке обосновался литовский князь Миндовг. Здесь он был коронован на великое княжение (в 1253 г.). По-видимому, Новогрудок— одна из первых столиц этого государства.

Процесс включения других территорий и городов западных земель Руси в состав Великого княжества Литовского, или точнее процесс распространения власти литовских князей на эти земли, носил длительный характер. Он совершался на протяжении полутора столетий, приблизительно с первой четверти XIII в. по третью четверть XIV в. В течение этого времени белоруские земли в результате военных захватов, компромиссных соглашений или династических браков становились составными частями формировавшегося государства, которое в летописях и актовых материалах XIV—XVI вв. известно под названием «Великое княжество Литовское, Русское, Жомонтское». Земли на территории Белоруссии тогда часто назывались «русскими». Это же относится и к белорусскому языку, который на несколько столетий стал официальным языком государства. В составе Великого княжества Литовского население городов и се-л Белоруссии сохранило и развило свои национальные и культурные традиции, создало выдающиеся памятники материальной и духовной культуры, многие из которых еще предстоит изучить.

ЛИТЕРАТУРА

ГЛАВА VIII

1. А. Кир к о р. Этнический взгляд на Виленскую губернию. «Вестник Русского географического общества (РГО)», ч. 20, 1857, стр. 235—236.

2. А. А. К о ч у би н с к и й. Территория доисторической Литвы. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), 1897, № 1, стр. 60 и след.

3. И. П. Ф и л е в и ч. История древней Руси, т. 1. Варшава, 1896.

4. А. Л. П о г о д и н. Из истории славянских передвижений. СПб, 1901, стр. 91 __ 93.

5. Е. А. К а р с к и й. Белорусы. Вильна, 1904, стр. 60—63.

6. К. B u g a. Die Vorgeschichte der Aistischen Baltischen Stamme im Lichte der Ortshamenforschung Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924, str. 22, 35.

7. M. V a s m e r. Beitrage zur historischen Osteuropas. Die Ostgrenze der baltischen Stamme, Sitzungsberichte der Preussischer Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische klasse. Berlin, 1932, S. 637, 666; M. V a s m e r. Die chemalige Ausbreitung der Westlinnen in der heitigen slawischen Landem. Berlin, 1934, str. 35, 440.

8. В. Н. Т о п о р о в, О. Н. Т р у б а ч е в. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 229—244.

9. Лексіка Палесся у прасторы і часе. Мінск, 1971, стар. 6—7.

10. К. B u g a. Die Yorgeschichte der Aistischen Baltischen Stamme im Lichte der Ortshamenforschung Streitberg Festgabe, str. 33.

11. В. У р Т а и. Связи населения Латвии со славянами во второй половине I тыс. Рига, 1968, сгр. 83.

12. Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин, 1965, стр. 55—56.

13. В. А. Жучкевич. Общая топонимика. Издание второе. Минск, 1968, стр. 206—208; В. А. Ж у ч к е в и ч. Топонимика Белоруссии. Минск, 1968, стр. 127—-130.

14. П. Н. Т р е т ь я к о в. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, стр. 70.

15. М. Ю. Б р а й ч е в с ь к и й. Похождения Русі. Київ, 1968, стор. 126.

16. Т. И. А л е к с е е в а. Антропологическая характеристика славянских племен бассейнов Днепра и Оки в эпоху средневековья. Вопросы антропологии, вып. I. М., 1960, стр. 97—101.

17. В. В. С е д о в. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья. «Советская этнография», 1955, № 3, стр. 12—18.

18. В. В. С е д о в. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 173. См. рецензию на эту книгу: Г. В. Штыхаў. Ад старажытных плямёнаў — да з'яўлення беларусаў. «Полымя», 1971, № 8, стар. 239—242.

19. В П. Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969, стр. 207—208.

20. Е. А. Шмидт. Археологические данные об этническом составе смоленских кривичей в IX—X вв. Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии и Берлине. М., 1970, стр. 61—63.

21 П. Н. Т р е т ь я к о в. Некоторые итоги изучения восточнославянских древностей. КСИА, вып. 118, 1969, стр. 29.

22. А. И. П о п о в. Географические названия. М.—Л., 1965, стр. 68.

23. Другое мнение о времени появления наименований на «ичи» см. в работах: В. П. Л е м ц ю г о в а. Патранімічныя назвы Міншчыны. «Питанні мовазнаўства і методык і выкладанне моў». Мінск, 1965; В. А. Ж у ч к е в и ч. Топонимика Белоруссии, стр. 58.

24. H. L o w m i a ń s k i. Początki Polski. T. 3. Warszawa, 1967, str. 86, 94.

25. М. К- Л ю б а в с к и и. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915, 2-е изд., стр. 11 — 12; «Крывіч», 1923, № 1, стр. 14—24, 1925; № 10 (2), стр. 27—78.

26. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I М. 1959, стр. 280.
27. В. Завитневич. Область дреговичей как предмет археологического исследования. Труды Киевской духовной академии, кн. 8, 1886, стр. 572.
28. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967, стр. 375.
29. А. И. Попов. Географические названия. М.—Л., 1965, стр. 68.
30. Я. М. Гринблат. Белорусы. Минск, 1968, стр. 102.
31. М. Ф. Семенова. Из топонимики Латгале. Ученые записки Латвийского государственного университета, т. XI, Историко-филологические науки, вып. I. Рига, 1956 стр. 215, 222—223.
32. П. Шафарик. Славянские древности, т. II, кн. I. М., 1848, стр. 177.
33. Полное собрание русских летописей (в дальнейшем: ПСРЛ), т. I. М., 1962
34. ПСРЛ, т. I.
35. П. Шафарик. Славянские древности,стр. 173.
36. В. Дружчыц. Да пытання аб мове літоўскага статуту. Пстарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1927, стар. 351.
37. Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 9, «Известия ГАИМК». Л., 1934, вып. 91.
38. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 221—222.
39. Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 85—86, 101.
40. А. Г. Кузьмин. К вопросу о «полочанах» начальной летописи. В сб.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, стр. 125—127.
41. А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пгр., 1916.
42. В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896; А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории древней Руси. Рязань, 1969, стр. 148.
43. H. Lowmianski, Geneza ziemi Polockiej. «Z polskich studiów slawistycznych sekcia 3. Historia». Warszawa, 1968, str. 8—24.
44. Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959.
45. В. В. Седов. Кривичи. Советская археология. М., 1960, № 1, стр. 112—125.
46. И. И. Ляпушкин. Археологические памятники славян лесной зоны Восточней Европы накануне образования древнерусского государства (VIII—IX вв.). В сб.: «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 135, прим. II.
47. С. А. Тараканова. Длинные и удлиненные курганы. Советская археология, 1954, XIX, стр. 83—86.
48. В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 94.
49. Е. А. Шмидт. Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949—1950 гг. Сборник научных работ Смоленского краеведческого научно-исследовательского института, вып. 1, 1957, стр. 288—291.
50. Е. А. Шмидт. Балтийская культура в Верховьях Днепра во второй половине 1-го тысячелетия и. э., 1969, стр. 135.
51. В. В. Седов. Длинные курганы Себежского Поозерья. В сб.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, стр. 90.
52. В. Уртан. Связи населения Латвии со славянами во второй половине I тысячелетия. Arheologija un Etnografija, t. VIII. Riga, 1968, str. 83.
53. Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1963, стр. 85—127.
54. Г. П. Гроздилов. Археологические памятники старого Изборска. Археологический сборник Государственного Эрмитажа, вып. 7, 1965, стр. 82; Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и нач. II тыс. н. э. Материалы и исследования по археологии СССР (в дальнейшем МИА), № 76. М., 1960, стр. 122.
55. М. Х. Шмидехельм. Курганные могильники в Линдора и других местах юго-восточной Эстонии. В сб.: Из истории славяно-прибалтийских отношений. Таллин, 1965.
56. Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962, стр. 156—179.
57. В. В. Седов. Исследования в Гродненском Понеманьи. Археологические открытия 1968 г. М., 1969, стр. 346—348.
58. Г. В. Штыхов. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма, вып. 2. Минск, 1971, стр. 12.
59. Працы, I, 1928; Працы, II, 1930; Працы, III, 1932.
60. Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. Очерки истории северной Белоруссии в IX—XIII вв. М., 1966, стр. 28—53.
61. Г. В. Штыхов. Археология Полоцкой земли за 50 лет. Древности Белоруссии. Минск, 1969, стр. 118—129.

62. В. В. Седов. Слазяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 103,
63. А. Н. Л я ў д а н с к і. Археалагічныя доследы ў Полацкай акрузе. Працы археалагічиай камісіі, т. II, стар. 173—176.
64. Я. В. С т а н к е в и ч. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э., стр. 122.
65. П. Н. Т р е т ь я к о в. Восточнославянские племена, стр. 235.
66. Е. А. Ш м и д т. Поле погребений и курганы у д. Акатово Смоленской области. Советская археология, 1962, ЛЬ 4, стр. 189—196.
67. А. Н. Л я ў д а н с к і. Археалагічныя доследы ў Полацкай акрузе, стар. 195.
68. Г. В. Ш т ы х о в. Раскопки курганов под Полоцком. Вопросы истории и археологии. Минск, 1966, стр. 268—275.
69. В. В. С е д о в. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 113.
70. А. Н. Л я ў д а н с к і. Археалагічныя раскопкі ў м. Заслаўі Мінскаіі акругі. Працы кафедры археалогіі, т. I. Мінск, 1928.
71. Г. В. Штыхов. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма.
72. И. И. Л я п у ш к и н. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. МИА, № 152. Л., 1968, стр. 117—118.
73. С. Л а у л. Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии. Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки. Таллин, 1971 № 20/3 стр. 319—329.
74. Э. Д. Ш н о р е. Латгало-славянские контакты на территории Восточной Латвии во второй половине 1-го и начале П-го тыс. н. э. Acta Baltiko-Slavica, № 6, 1969. Białystok 1, 145—156.
75. Ю. В. Г о т ь е, М. В. Д о в н а р-З а п о л ь с к и й. Колонизация славянами Восточно-европейской равнины до половины XIII в. В кн.: Русская история в очерках и статьях, т. I, 1904, стр. 77, 78.
76. В В. С е д о в. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 108.
77. Е. А. Шмидт. Археологические данные об этническом составе смоленских кривичей в IX—X вв. Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине. М., 1970, стр. 62.
78. П. Н. Т р е т ь я к о в, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М,—Л., 1963.
79. ПСРЛ, т. II, стб. 282, 384.
80. Л. В. А л е к с е е в. Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения. Советская археология, 1967, № 4, стр. 157.
81. К. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильно, 1865, стр. 19, 35, 46—48.
82. Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893, стр. 131 —132.
. 83 Р Г. И г н а т ь е в. Курганы и городища Минской губернии. Минские губернские ведомости, 1878, № 51, 52; 1879, № 1—8, 10, 11, 14, 17, 18.
84. Г. X. Т а т у р. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии. М., 1892.
85. П. Ф. Л ы с е н к о. Археологические исследования раннефеодальных памятников Туровской земли. Древности Белоруссии. Минск, 1969, стр. 130—133.
86. В. 3. З а в и т и е в и ч. Область дреговичей как предмет археологического исследования; В. 3. З а в и т н е в и ч. О курганах Минской губернии. Календарь Северо-Западного края на 1890 г. М., 1890; В. 3. Завитневич. Из археологической экскурсии:..; В. 3. З а в и т н е в и ч. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье. Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца (в дальнейшем ЧИОНЛ), кн. 6. Киев, 1892; В. 3. З а в и т н е в и ч. Археологические разыскания в бассейне р. Березины. Отчеты археологической комиссии, 1892; В. 3. З а в и т н е в и ч. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губернии. Труды IX АС, т. I. М., 1895.
87. Архив Ленинградского отделения Института археологии (в дальнейшем ЛОИА), д; № 1904/184. ı
88. Архив ЛОИА, д. № 1915/91.
89. П . Ф . Л ы с е н к о . Археологические исследования раннефеодальных памятников ТуровеКой земли.
90. Ю. В. К У х а р е н к о. Средневековые памятники Полесья. Свод археологических источников, вып. Е-1-57. М., 1961, стр. 20—22.
91 П Ф Лысенко. Ясенецкий курганный могильник. Вопросы истории (Тезисы докладов XII конференции молодых ученых Белорусской ССР). Минск, 1969, стр. 43—55.
92 А В Успенская Курганы Южной Белоруссии в X—XIII вв. Труды Государственного исторического музея, вып. 22, 1953, стр. 97—124; А. В. У с п е н с к а я. Белорусское Полесье в X—XIII вв. (К истории древнерусской деревни). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1953.
93. В. В. Седов. Дреговичи. Советская археология", 1963, № 3, стр. 112—125.

94. И. П. Русанова. Территория древлян по археологическим данным. Советская археология, 1960, № 1, стр. 65—68; И. П. Русанова. Курганы полян X—XII вв. Свод археологических источников, вып. Е-1-24. М., 1966.
95. Н. А. Сиицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. Журнал Министерства народного просвещения, 1899, VIII.
96. В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 80.
97. А. М. Андрияшев. Очерк истории Волынской земли до конца XIV в. Киев, 1887, стр. 41, 46; М. В. Довнар-Запольский. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия, стр. 59; А. С. Грушевский. Очерк истории Турово-Пинского княжества XI—XII вв., стр. 12; А. В. Успенская. Белорусское Полесье в X—XIII вв., стр. 18—19; Е. И. Тимофеев. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. Советская археология, 1960, № 1, стр. 70.
98. И. В. Бируля. Северная граница распространения «парных» курганов. Археологические открытия 1965 года. М., 1966, стр. 140—142.
99. В. В. Седов. О юго-западной группе восточного славянства. Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 197, 198.
100. А. В. Успенская. Курганы южной Белоруссии X—XIII вв., стр. 119—120.
101. В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 84.
102. В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92. М., 1960.
103. Ю. В. Кухареико. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. Siavia Antiąua, t. VII. Warszawa, 1960, str. III—124; И. П. Русанова. Карта распространения памятников типа Корчак (VI—VII вв. н. э.). Древние славяне и их соседи. МИА, № 176. М., 1970, стр. 93—96.
104. Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья.КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 33—38; В. В. Седов. Дреговичи, стр. 120; В. В. Седов. Славяне Поднепровья и Подвинья, стр. 83.
105. Повесть временных лет (ПВЛ), ч. I, изд. АН СССР. М.— Л., 1950, стр. 14, 15.
106. ПВЛ, ч. I, стр. 20—21, 23, 59.
107. Т. Narbu11. Dzieje starożytne narodu litewskiego, т. II. Wilno, 1837.
108. Указатель памятников 1893 г., стр. 141—143. Древности, т. VIII. М., 1880, стр. 33—34 (Протоколы).
109. Я. Головацкиi. Археологические раскопки курганов, произведенные А. С. Уваровым в им. Вотне Могилевской губ. Виленский вестник, J\е 228, 1880, стр. 1—!?.
ПО. Д. Я. Самоквасов. Северяиские курганы и их значение для истории, стр. 195, 196, 223; Д. Я- Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 208—210.
111. А. Лоиачевскии. Археологические находки в Гомельском уезде Могилезской губ. Киевская старина, т. IX, 1885, стр. 573—577; Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда. Записки северо-западного отделения Русского географического общества (в дальнейшем РГО), кн. 1. Вильно, 1910, стр. 97—128.
112. Черниговские губернские ведомости, 1882, № 12.
113. Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. «Древности», Труды Московского археологическою общества, т. 13. М., 1889, стр. 129.
114. П. М. Еременко. Раскопки курганов Новозыбковского уезда. Записки русского археологического общества (ЗРАО). т. VIII, вып. 1—2. СПб, 1896, стр. 72—84; А. А. Сиицын. Курганы, раскопанные П. М. Еременко в Суражском уезде. Там же, стр. 84—95; А. А. Спицын. Вещи из раскопок П. М. Еременко в курганах Новозыбковского и Суражского уездов. Там же, стр. 95—102; Отчеты археологической комиссии ча 1894 г.. стр. 20, 21; П. М. Еременко. Раскопки курганов в Брянском и Елецком уездах. Труды Орловской Ученой архивной комиссии за 1904 г. и за 1905 г. Орел, 1906, стр. 87—90.
115. В. Б. Антонович. Погребальный тип могил радимичей. Археологические известия и заметки, !893, № 3, стр. 316—318; В. Б. Антонович. О раскопках в бывшей земле радимичей. ЧИОНЛ, кн. VIII. Киев, 1894, стр. 14—15; Отчет Археологической комиссии за 1893 г., стр. 10—11.
116. В. И. Сизов. Отчет о раскопках в Смоленской и Могнлевской губ. в 1890 г. Древности, т. XV, вып. 2. М., 1894, стр. 141.
117. М. В. Фурсов, С. Ю. Чоловскип. Дневник курганных раскопок, произведенных по поручению начальника Могилевской губ. А. С. Дембовецкого в течение лета 1892 г. в уездах Рогачевском, Быховском, Климовичском, Чериковском, Мстиславльском. Могилев, 1892; М. В. Фурсов. Курганные раскопки в пяти уездах Могилевской губ. в 1892 г. Труды IX АС, т.'i. М., 1895, стр. 236—245.
118. С. Ю. Чоловский. Дневник курганных раскопок, произведенных по поручению начальника Могилевской губ. А. С. Дембовецкого в течение июля 1893 г. в трех уездах Могилевской губ. Могилев, 1893.
119. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. Свод археологических источников, вып. Д1-12. М., 1962.

120. Г. Ф. Соловьева. О восточной границе дреговичей. Краткие сообщения Института археологии (в дальнейшем КСИА), вып. ПО, 1967, стр. 10—13.
121. Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. Працы секцыі археалогіі, т. III, стар. 152 (карта).
122. Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стар. 84; Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VII—XIV вв. н. э. Советская археология, 1956, XXV, стр. 141.
123. Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стар. 83, 102—105.
124. Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VII—XIV вв. Советская археология, 1956, XXV, стр. 160; Г. Ф. Соловьева. К вопросу о восточной ориентировке погребенных в славянских курганах X—XIII вв. Советская археология, 1963, № 2, стр. 107.
125. В. В. Седов. Следы восточно-балтийского погребального обряда в курганах древней Руси. Советская археология, 1961, № 2, стр. 120; В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 164—171.
126. В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 136.
127. Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стар. 119.
128. Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VII—XIV вв., стр. 159.
129. Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стар. 106—107.
130. Б. А. Рыбакоў. Радзімічы.
131. Г. Ф. Соловьева. Итоги изучения радимичских курганов в 1962—1965 гг. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 253.
132. В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 141—143.
133. A. Kamiński. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne Lodź 1953, str. 25—31.
134. Я. С. Отрембский. Язык ятзягов. Вопросы славянского языкознания, вып. 5. М., 1961, стр. 6—7.
135. J. Nalepa. Jaćwięgowie. Narwa i lokalizacja. Białystok, 1964, str. 5—6, 23—24.
136. Правда, для времени, предшествующего XIII в., А. Каминьский допускает расселение ятважских племен в бассейне реки Слины и районе верхней Свислочи.
137. Ф. Д. Гуревич. Этнический состав населения Верхнего Понеманья по археологическим данным второй половины I тыс. н. э. Исследования по археологии СССР. Л., 1961, стр. 177—178; Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья.
138. В. В. Седов. Курганы ятвягов. Советская археология, 1964, № 4, стр. 36—51.
139. ПВЛ, ч. I, стр. 34.
140. ПВЛ, ч. I, стр. 58, 103, 195.
141. ПСРЛ, т. II, стр. 702, 721, 751.
142. ПСРЛ, т. II, стб. 835.
143. В. Т. Пашу то. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 414.
144. Я. С. Отрембский. Язык ятвягов, стр. 7—8; S. Otrębski. Udział jaćwingów w ukształtowaniu języka polskiego. Acta Baltico-Slavica, I. Białystok, 1964, str. 213—214.
145. Н. П. Авенариус. Дрогичин Надбужский и его древности. Материалы по археологии, вып. 4, 1890, стр. 34.
146. J. Jaskanis. Z problematyki dotychczasowych badań archeologicznych nad Jaćweiżą w I tys. n. ery na obszarze górnego dorzecza Czarnej Hańczy. Acta Baltico—Slavica, I. Białystok, 1964, str. 52—54.
147. Там же, стр. 55—56.
148. В. В. Седов. Курганы ятвягов. Советская археология, 1964, № 4, стр. 46—47; В. В. Седов. Ятвяжское племя Дейнова. КСИА, вып. 113. М., 1968, стр. 24—30.
149. А. 3. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Труды Прибалтийской Объединенной комплексной экспедиции, I. М,, 1959, стр. 133—134.
150. В. В. Седов. Курганы ятвягов, стр. 48.
151. Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья, стр. 204.
152. Я. Г. 3веруго. Археологические работы в Волковыске. Археологические открытия 1969 года. М., 1970, стр. 309.
153. В. В. Седов. Курганы ятвягов. Советская археология, 1964, № 4, стр. 49.
154 В. В. Седов. Курганы ятвягов. Советская археология, стр. 49.
155.' И. В. Бируля. Курганы у дер. Ратайчицы. Древние славяне и их соседи (МИА№ 176). М., 1970, стр. 120.
156. А. А. Спицын. Предполагаемые древности Черной Руси. cSFAU, Л1 1—*i*. СПб, 1899, стр. 309.
157. В. В. Седов. Курганы ятвягов. Советская археология, 1964, № 4, стр. 50—Ы.
158 ЮВ Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 12; Ю. В. Кухаренко. Древнее Полесье (по материалам археологических исследований). Автореферат диссертации. М., 1965, стр. 21.

159. И. В. Б и р у л я. Курганы у деревни Ратайчицы. Древние славяне и их соседи МИА, № 176. М., 1970, стр. 122.

160. В. В. Седов. Курганы ятвягов. Советская археология, 1964, №4, стр. 51.

161. А. З. Т а у т а в и ч ю с. Восточнолитовские курганы, стр. 142, рис. 13.

162. А. З. Т а у т а в и ч ю с . Восточяолитовские курганы, стр. 133.

163. А. З. Т а у т а в и ч ю с . Восточная Литва в I тыс. н. э. Автореферат диссертации. Вильнюс, 1954, стр. 10.

164. W. H o ł u b o w i c z . Pięć lat pracy terenowej muzeum archeologicznego uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie (1933—1937). Rocznik archeologiczny, t. I. Wilno, 1937, str. 86.

165, Ф. В. П о к р о в с к и й. К исследованию бассейна Вилий в археологическом отношении. Труды X АС, т. I. М., 1899, стр. .109, 113, 134.

166. П. С. Р ы к о в. Могильник близ ст. Сморгонь. Дневник раскопок. Записки северо-западного отдела Русского географического общества, кн. 4. Вильно>, 1914, стр. 17; Ф. В, П о к р о в с к и й . К исследованию бассейна Вилий в археологическом отношении, стр. 108—110; А. З. Т а у т а в и ч ю с . Восточнолитовские курганы, стр. 135, сноска 38.

167. А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы, стр. 135.

168. Ф. В. П о к р о в с к и й . К исследованию бассейна Вилий в археологическом отношении, стр. 110—111.

169. А. З. Т а у т а в и ч ю с . Восточнолитовские курганы, стр. 135.

170. Ф. Д. Г у р е в и ч. Древности Белорусского Понеманья, стр. 61.

171. А. З. Таутавичюс. Восточная Литва в I тыс. н. э., стр. 12; Р. К у л и к а у с к е н е. Погребальные памятники Литвы конца I — начала II тыс. н. э. Краткие сообщения Института истории материальной культуры (в дальнейшем КСИИМК), вып. I—II, X, 1952, стр. 117, 122.

172. Я. Г. З в е р у г о. Оружие древнего Волковыска. Белорусские древности. Минск, 1967.

173. Ф. В. П о к р о в с к и й . К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении, стр. 87.

174. Ф. В. Покровский. Курганы по границе современной Литвы и Белоруссии. Труды IX Археологического съезда, т. I. М., 1895, стр. 195, 209'.

175. А. А. С п и ц ы н. Предполагаемые литовские курганы VIII—IX вв. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2. СПб, 1896, стр. 114.

176. А. З. Т а у т а в и ч ю с . Восточная Литва в I тысячелетии н. э., стр. 17—18.

177. Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии, стр. 196, 197.

178. А. З. Т а у т а в и ч ю с . Восточная Литва в I тысячелетии н. э., стр. 17.

ГЛАВА IX

1. В. И. Довженок. Некоторые вопросы археологического изучения древнерусского села домонгольского времени. Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej, IV. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, str. 9.

2. Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Известия Государственной Академии истории материальной культуры (в дальнейшем ГАИМК), вып. 138. Л., 1935, стр. 70.

3. Е. Э. Б л ом кв ист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 34.

4. В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленскойземл.i. МИА, № 92. М., 1960, стр. 30.

5. Н. Н. У с а ч е в . Материалы и примечания к исторической карте «Смоленское княжество XII—XIV вв.» Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1963, стр. 229—230.

6. Для обозначения укрепленных феодальных усадеб в исторической и археологической литературе употребляется также термин «замок».

7. Хрэстаматыя па старажытнай Беларускай літаратуры. Мінск, 1959, стр. 74.

8. В. И. Довженок. Некоторые вопросы археологического изучения древнерусского села домонгольского времени, стр. 11—12.

9. Ф. Д. Г у р е в и ч . Древности Белорусского Понеманья. Л., 1962, стр. 84.

10. Ю. В. К у х а р е н к о . Средневековые памятники Полесья, стр. 15.

11. А. В. У с п е н с к а я, М. В. Ф е х н е р. Поселения древней Руси. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, вып. 32. М., 1956, стр. 12—13.

12. В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли, стр. 9—14 и др.

13. Ф. Д. Г у р е в и ч. Древности Белорусского Понеманья, стр. 87.

14. Ю. В. К у х а р е н к о. Средневековые памятники Полесья, стр. 15.

15. А. В. У с п е н с к а я , М. В. Фёхнер. Поселения древней Руси, стр. 18.

16. С. Б. В е с е л о в с к и й. Село и деревня в северо-восточной Pvch XIV—XVI зв М.—Л., 1936, стр. 120 и др.

17. Ф. Д. Г у р е в и ч. Древности Белорусского Понеманья, стр. 183, 187—188, 191.

18. В. В. Седов. Сельские поселення центральных районов Смоленской земш стр. 23. '

19. Ю. В. К у х а р е н к о . Средневековые памятники Полесья, стр. 8, 24—26.

20. Г. Ф. С о л о в ь е в а. Археологические раскопки близ Рогачева Гомельской области. Археологические открытия 1969 г.М., 1970, стр. 305.

21. Ю. В. К у х а р е н к о. Средневековые памятники Полесья, стр. 27.

22. А. В. У с п е н с к а я , М. В. Ф е х н е р. Поселения древней Руси, стр. 17—18; В. И, Довжено к. Некоторые вопросы археологического изучения древнерусского села домонгольского времени, стр. 11—12.

23. См. П. А. Р а п п о п о р т . О типологии древнерусских поселений. КСИА, вып. 110, 1967, стр. 7. (П. А. Раппопорт считает одним из критериев при определении феодального замка преобладание костей диких животных над домашними).

24. П. А. Р а п п о п о р т . Мстибогов городок. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 107; П. А. Р а п п о п о р т . Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв МИА № 140. Л., IJ67, стр. 86.

25. П. А. Р а п п о п о р т . Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв., стр. 86—87; Ф. Д. Г у р е в и ч. Древности Белорусского Понема-иья, стр. 86, 192.

26. Ф. Д. Г у р е в и ч. Древности Белорусского Понеманья, стр. 86, 193.

27. Г. Ф. С о л о в й о в а . Замок рогачівських князів. Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969, стор. 111 — 112.

28. Ф. Д. Г у р є в и ч. Древности Белорусского Понеманья, стр. 45—52, 84; 218—220.

29. П. А. Р а п п о п о р т . Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв., стр. 78.

30. В. О. К л ю ч е в с к и й. Боярская дума в древней Руси. М., 1902, стр. 13.

31. Н. А. Р о ж к о в. Город и деревня з русской истории. Пг., 1918, стр. 8—9.

32. П. Н. Т р е т ь я к е » в. Сельское хозяйство и промыслы. История культуры древней Руси, т. 1. М.—Л,, 1948, стр. 47; В. П. Петров. Подсечное земледелие. Киев, 19(58.

33. Ю. В. К у х а р е н к о . Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1956, стр. 94—95.

34. Раскопки А. Г. Митрофанова 1954 г. и Э. М. Загорульского 1963 г.

35. А. Н. Л я в д а н с к и и. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научные известия Смоленского государственного университета, 1926, вып. 3, стр. 179—196; К. А. Ф л я к с б е р г. Хлебные зериа. Там же, стр. 250—251.

36. Л. Д. П о б о л ь. Деревянный плуг. «Сельское хозяйство Белоруссии», I966, •Na 8, стр. 19.

37. П. Ф. Лысенко. Отчет о полевой работе Пинского археологического отряда в 1964 г. Архив Института истории АН БССР, д. № 266.

38. Г. В. Ш т ы х о в. Раскопки в Логойске в 1968 г. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 125.

39. Л. А. М о л ч а н о в а . Материальная культура белорусов. Минск, 1968, стр. 31.

40. П. Ф. Л ы с е н к а. Раскопкі Бярэсця. Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1971, № 1, стар. 20.

41. Г. В. Штыхов. Отчет об археологических раскопках в северной Белоруссии в 1967 г. Архив Института истории АН БССР, д. 349.

42. Л. А. М о л ч а н о в а. Материальная культура белорусов, стр. 42.

43. Г. В. Штыхов. Раскопки в Лукомле в 1966—1968 гг. Древности Белоруссии. Минск, 1969, стр. 319.

44. Э. М. З а г о р у л ь с к и и. Древний Минск. Минск, 1963, стр. 77. .

45. П. Ф. Л ы с е н'к а. Раскопы Бярэсця. Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 197!, № 1, стар. 23.

46. Л. А. М о л ч а н о в а. Материальная культура белорусов, стр. 47.

47. А. В. К и р ь я н о в . Зерна хлебных растений из раскопок древнего Браслава. КСИА, вып. 81. М., 1960, стр. 107.

48. А. В. К и р ь я н о в. Материалы по истории земледелия из раскопок в Гродно. МИА, 41. М., 1954, стр. 207.

49. Определения А. В. Кирьянова, Н. А. Кирьянова. Материалы по земледелию из раскопок Волковыска. Древности Белоруссии. Минск, 1969, стр. 396—399.

50. В. П. Д у н д у л е н е . Земледелие и его орудия в Литве (до 1917 г.). Автореферат кандидатской диссертации. Вильнюс, 1968, стр. 31.

51. А. П. Ра с с и ныл. Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М,, 1959, стр. 338.

52. А Г. М и т р о ф а и о в. Банцеровское городище. Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 259—261,

53. В. И. Д о в ж е н о к. Землеробство древньої Русі' Київ, 1961, стор. 140—141.

54. Т. Н. Ко р о б уш к п н а. Материалы по земледелию XI—XIII вв. из раскопок Минска. Древности Белоруссии, 1967.
55. В. Р. Т а р а с е н к а. Сельскагаспадарчая вытворчасць старажытнага Полацка. «Весцi АН БССР», серыя ссльскагаспадарчых навук, 1960, № 2, стар 128—137
стр. 396—399.
56. Н. А. К и р ь я н о в а. Материалы по земледелию из раскопок Волковыска,
57. А. В. К и р ь я н о в. История земледелия Новгородской земли в X—XV вв МИА 65. М,, 1959, стр. 330.
58. А. В. К и р ь я н о в. История земледелия Новгородской земли X—XV вв., стр. 342—343; В. П. Л е в а ш о в а. Сельское хозяйство. В сб.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, вып. 32, стр. 25; В. И. Д о в ж е и о к. Землеробство древньоi Русi, стор. 124 и след.
59. Ю. В. К у х а р е н к о. Средневековые памятники Полесья, стр. 24.
60. В. В. Щ е г л о в а. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века. Древности Белоруссии. Минск, 1969.
61. В. В. Щ е г л о в а. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века, стр. 407.
62. Н. Н. В о р о и и н. Древнее Гродно. МИА, 41. М., 1954, стр. 199; В.И. Ц а л к и и. Фауна из раскопок в Гродно. Прилож. II к указ. работе, стр. 236.
63. Н. И. Б у р ч а к-А б р а м о в и ч, Я. Г. З в е р у г о. К изучению орнитофауны древнего Волковыска. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 216.
64. Ф. Д. Г у р е в и ч. Сельское хозяйство и промыслы древнего Новогрудка. КСИА, вып. 104. М., 1965, стр. 82.
65. В. И. Ц а л к и н Фауна из раскопок в Гродно, стр. 234.
66. В. В. Щ е г л о в а. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века, стр. 415—416.
67. Ф. Д. Г у р е в и ч. Сельское хозяйство и промыслы древнего Новогрудка, стр. 82.
68. Е. И. Г о р ю н о в а. К вопросу об остеологической статистике. КСИИМК, вып. XXV, 1950.
69. Ф. Д. Г у р е в и ч. Сельское хозяйство и промыслы древнего Новогрудка, стр. 81.
70. Н. И. Б у р ч а к-А б р а м о в и ч, Я. Г. З в е р у г о. К изучению орнитофауны древнего Волковыска, стр. 218.
71. Е. А. Ц е п к и н. Промысловые рыбы древнего Волковыска. Древности Белоруссии, 1969, стр. 400—403.
72. Ф. Д. Г у р е в и ч. Сельское хозяйство и промыслы древнего Новогрудка, стр. 82.
73. Я. Г. З в е р у г о. Сельскохозяйственные и промысловые орудия из раскопок Волковыска. Древности Белоруссии. Минск, 1969, стр. 392.
74. Н. Н. В о р о н и н. Древнее Гродно, стр. 66, рис. 29, стр. 174, рис. 94.
75. Е. Р. Р о м а н о в. Раскопки в Могилевской губ. в 1905. Отчет Археологической комиссии за 1905 г.
76. Б. А К о л ч и н. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953.

ГЛАВА X

1. М. Н. Т и х о м и р о в. Древнерусские города. М., 1956, стр. 43—44.
2. В. В. С я д о ў. Старажытнаруская тапанiмiя на беларускай тэрыторыi. Пытаннi беларускай тапанiмiкi. Мiнск, 1970, стар. 19—20.
3. В. Е. Д а н и л е в и ч. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896; Л. В. А л е к с е е в. Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв. М., 1966.
4. В. Л. Я н и н. М. Х. А л е ш к о в с к и й. Происхождение Новгорода. «История СССР», 1971, № 2, стр. 32—61.
5. Б. А. Р ы б а к о в. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 85, 98.
6. Г. В. Ш т ы х о в. Древний Полоцк (IX—XIII вв.). Автореферат кандидатской диссертации. Минск, 1965, стр. 23—32.
7. Г. В. Штыха ў. Пытаннi гiстарычнай тапаграфii Полацка. «Весцi АН БССР», серыя грамадскiх навук. Мiнск, 1962, № 3, стар. 81—90.
8. Летопись г. Витебска. «Витебская старина», т. I. Витебск, 1883, № 168.
9. Ю. И. Ш т а к е л ь б е р г. Глиняные диски из Старой Ладоги. Археологический сборник, № 4. Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962, стр. 114.
10. Г. В. Штыхов. Бусы из Витебска. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 127—131.
11. Г. В. Штыхов. Археологические раскопки в Витебске. Материалы IX конференции молодых ученых" АН БССР. Общественные науки. Минск, 1965, стр. 61—67.

12. П. Ш а ф а р и к. Славянские древности, т. II, кн. 1, стр. 215, 229.
13. П. М. Шпилевский. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю СПб 1858, стр. 169.
14. А. С. О р л о в. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 143.
15. Н. К- Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности № I—XXIII. СПб, 1907, стр. 145—146.
16. Е. Белицкий. (Е. Р. Романов). К истории Лукомльского монастыря Сеяненского уезда Могилевской губ. Виленский календарь на 1908 г. Приложения, стр". 33—33.
17. Г. В. Штыхов. Раскопки в Лукомле в 1966—1968 гг. Сб. Древности Белоруссии. Минск, 1969, стр. 316—351.
18. В. А. Ж У ч к е в і ч. Адкуль імя тваё. Мінск. «Беларусь», 1967, № 5.
19. М. А. Т к а ч е в. Прорезка вала городища на р. Менке. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 192—199.
20. Г. В. Штыхаў. Аб паходжанні Мінска. «Полымя», 1967, № 5, стар. 180—186.
21. Э. М. З а г о р у л ь с к и й. Древний Минск. Минск, 1963, стр. 17—18.
22. В. Р. Т а р а с е н к о. Материалы по археологии БССР. Минск, 1957, стр. 311.
23. М. Н. Т и х о м и р о в. Послание белорусского Пимена. «Неделя», 1965, № 36, стр. 9—10.
24. Л. В. А л е к с е е в. Полоцкая земля, стр. 149—-161.
25. Працы кафедры археалогіі, т. I. Запіскі аддзелу гуманітарних навук Інстытута беларускай культуры, кн. 5. Мінск, 1928.
26. Г. В. Штыхаў. Сляды легенды. «Маладосць», 1968, №4, стар. 139—143.
27. Г. В. Штыхов. Заелавль в свете раскопок 1967—1968 гг. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 132—141.
28. В. А. Г и л е п. Некоторые сведения о памятниках Заславля. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 143.'
29. Г. В. Штыхов. Археологические раскопки в Орше и Логойске. Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР. Минск, 1967, стр. 386—396; Ш т ы х о в Г. В. Раскопки в Логойске в 1968 г. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 122—126.
30. Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браслава. КСИА, вып. 81, 1960. стр. 95—106.
31. Ю. И. Драгун. Археологическое изучение детинца древней Орши. Доклады научной конференции аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Серия исторических наук. Изд-во БГУ им. В. И. Ленина. Минск, 1967, стр. 208—215.
32. 3. I, Даўгяла. Аршанскі замак. Працы археалагічнай камісіі, т. II, стар. 48—49.
33. ПСРЛ, т. III, стб. 212, т. V, стб. 139.
34. ПВЛ, т. I; стр. 220.
35. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник материалов и документов. Минск, 1959, т. I, стр. 51—53.
36. Ю. А. Егоров. Градостроительство Белоруссии. М., 1954, стр. 120. В этом издании допущена существенная опечатка с обозначением сторон горизонта на проектндм плане Копыси 1778 г.
37. Л. М і х а й л о ў с к і. Пятроўскі вал. «Беларусь», 1951, № 7, стар. 30.
38. Л.В. А л е к с е е в. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, стр. 312.
39. М. К. К а р г е р. Древний Киев. М.—Л., 1958, т. 2, табл. XXVI, стр. 427—435.
40. 3. I. Д а ў г я л а Барысаўскі замак. Працы археалагічнай камісіі, т. II, стар. 264—267.
41. Э. М. Клейн, Д. И. Д о в г я л л о и Н. Е. Б е л о ц е р к о в е ц. Город Борисов. Записки северо-западного отдела РГО, кн. 1, 19I0. Вильно, стр. 59.
42. Отечественная война 1812 г. Русское общество. СПб, 1912, стр. 249—250.
43. Г. В. Штыхов. Исследования в Северной Белоруссии. Археологические открытия 1969 года. №., 1970, стр. 309.
44. Л. В. А л ек с е е в. Полоцкая земля, стр. 184.
45. С. М. С о л о в ь е в. История России с древнейших времен, кн. I, стр. 519.
46. ПСРЛ, т. II, стб. 496, 519.
47. Л. В. А л е к с е е в. Полоцкая земля, стр, 183—184.
48. История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, стр. 414, рис. 236.
49. Э. М. З а г о р у л ь с к и й. Отчет о полевых исследованиях Стрешинского отщда археологической-экспедиции Белгосуниверситета им. В. И. Ленина в 1966 г. Архив Института истории АН БССР, д. № 289.
50 Я. В. С т а н к е в и ч. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, № 76. М,—Л., 1960, стр. 214—219. "

51. А. Я. С т у б а в с. Археология в советской Латвии (1945—1967), Советская археология 1967, № 4, стр. 116; П. А. Р а п п о п о р т. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, № 140. Л., 1967, стр. 92.

52. А. 3. Т а у т а в и ч ю с. Археологическое исследование средневековых городов и замков в Литве. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 35.

53. История Латвийской ССР, т. I. Рига, 1952, стр. 49.

54. Б е р н ш т е й н-К о г а н. Путь из варяг в греки. «Вопросы географии», вып. XX. М., 1950; Л. В. А л е к с е е в. Полоцкая земля, стр. 84.

55. ПСРЛ, т. II, стб. 3, 64.

56. Владимир Святославович во время раздела Киевского княжества между сыновьями выделяет Святополку Туров с прилегающими землями.

57. Л. В. Алексеев. Полоцкая земля, стр. 79, 80; А. Н. Н а с о н о в. «Русская земля» и образование древнерусского государства, стр. 157.

58 Г. Ф. Соловьева. О восточной границе дреговичей. КСИА, вып. НО, 1969. стр. 10—13.

59.М. Г р у ш е в с к и й. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV в. Киев, 1891, стр. 11.

60. А. С. Г р у ш е в с к и й. Пинское Полесье. Киев, 1901—1903; М. В. Д о в н а р-З а п о л ь с к и й. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XIII в.; А. М. А н д р и я ш е в. Очерки истории Волынской земли до конца XIV века. Киев, 1887; П А И в а н о в. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895.

61. М. В. Д о в н а р-З а п о л ь с к и й. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XIII в., стр. 59; А. С. Г р у ш е в с к и й. Очерк истории Турово-Пинского княжества XI—XIII вв., стр. 12; А. В.Успенская. Белорусское Полесье в X—XIII вв., стр. 18—19; Е. И. Т и м о ф е е в. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. Советская археология, 1961 г., № 3, стр. 70; В. 3. З а в и т н е в и ч. Область дреговичей как предмет археологического исследования, стр. 590; В. 3. З а в и т н е в и ч. Формы погребального обряда в могильниках курганов Минской губернии, стр. 226: В. В. Седов. Дреговичи, Советская археология, 1963, № 3, стр. 116.

62. А. С. Г р у ш е в с к и й. Пинское Полесье, стр. 16; А. Н. Н а с о н о в. «Русская земля» и образование древнерусского государства, карта к гл. II.

63.ПСРЛ, т. II, стб. 64.

64. ПСРЛ, т. II, стб. 492.

65. Минская старина, вып. 2, 1911, «Описание поездки в Туров и Пинск».

66. А. 3. К а в а л е н я, С. С. Ш у т а ў. Матэр'ялы з дагісторыі Тураўшчыны. Працы археалагічнай камісіі, т. II, стар. 511.

67. С. А. Д у б і н с к і. Доследы культур жалезнага перыяду на БССР у 1929 г. Працы археалагічнай камісіі, т. II, стар. 511.

68. М. Д. П о л у б о я р и н о в а. Раскопки древнего Турова (1961 г.) КСИА, вып. 96, 1963, стр. 44—50; М. Д. П о л у б о я р и н о в а. Стеклянная посуда древнего Турова. Советская археология, 1963, № 4, стр. 233—238.

69. П. Ф. Лысенко. Археологическое изучение городов Туровской земли. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 257—275.

70. ПСРЛ, т. II, стб. 232.

71. ПСРЛ, т. II, стб. 491.

72. П. Ф. Лысен к о. К вопросу об исторической топографии древнего Пинска. Вопросы истории и археологии. Минск, 1966, стр. 280—291; П. Ф. Лысенко. Археологическое изучение городов Туровской земли, стр. 260—267.

73. Материалы из раскопок 1955 и 1957 гг. в Пинске опубликованы Т. В. Равдиной в статьях: Надпись на корчаге из Пинска, КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 150—153; Поливные керамические плитки из Пинска, КСИА, вып. 96, 1963, стр. 110—112. Раскопки в Пинске, Советская археология, 1966, № 1, стр. 285—290.

74. Обработка спилов и составление дендрохронологической шкалы произведены Н. Б. Черных в лаборатории дендрохронологии Института археологии АН СССР.

75. В. Р а в д и н а. Отчет о полевых исследованиях 1955 г. Архив сектора археологии Института истории АН БССР, д. № 19.

76. Профиль снят Б. В. Миролюбовым.

77. ПСРЛ, т. II, стб. 192, 243.

78. Брестский областной краеведческий музей О. Ф. № 2314.

79. Центральный государственный военно-исторический архив, ф. ВУА, *N*° 21528.

80. П. Ф. Лысенко. К вопросу об исторической топографии древнего Бреста Материалы IX конференции молодых ученых АН БССР. Минск, 1965, стр. 82—87.

81. Г. Ф. Кор зухина. О памятниках «корсунского дела» на Руси Византийский вестник, XIV, М., 1958, стр. 133.

82. R. J a k i m o w i c z. Dawidgródek, Pińsk, 1938.

83. R. J a k i m o w i c z. "Dawidgódek, str. 17.

84. R J a k i m o w i c z Dawidgródck, str. 10, 12, 13.
85. ПСРЛ, т. II, стб. 282.
86. С. А. Д у б і н с к і . Доследы культур жалезнага перыяду на БССР у 1929 г. Працы археалагічнай камісіі, т. II, стар. 511
87. ПСРЛ, т. II, стб. 292.
88. Определение злаков и сорняков произведено Н. А. Кирьяновой в лаборатории земледелия Института археологии АН СССР.
89. В. В. Щ е г л о в а . К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века, стр. 407.
90. ПСРЛ, т. II, стб. 482.
91. ПСРЛ, т. II, стб. 873.
92. ПСРЛ, т. II, стб. 312.
93. ПСРЛ, т. II, стб. 876.
94. В истории Белорусской ССР. Минск, 1961, т. I, стр. 54, ошибочно указана дата 1196 г.
95. ПСРЛ, т. П, стб. 925.
96. ПСРЛ, т. II, стб. 903.
97. В. Р. Т а р а с е н к а . Археалагічная праца на Магілёўшчыне ў 1930 г. Працьт. III, 1932, стар. 238.
98. Е. Р. Р о м а н о в . Археологические разведки в Могилевской губернии. Записки северо-западного отделения Русского географического общества, кн. 3. Вильно, 1912.
99. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества Под редакцией В. П. Семенова. СПб, 1905, стр. 471.
100. Т. І. Ч а р н я ў с к а я . Старажытны Магілёў.«Помпікі гісторыі і культуры Беларусі». Мінск, 1970, №> 3, стар. 21—22.
101. Хроника белорусского города Могилева. М., 1887, стр. 93.
102. Ю. А. Е г о р о в . Градостроительство Белоруссии, стр. 58—59.
103. Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2. Минск, 1960, стр. 434.
104. В. А. Н и к о н о в . Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 271; В. А. Ж у ч к е в и ч. Топонимика Белоруссии. Минск, 1968, стр. 155.
105. З. І. Д а ў г я л а. Аршанскі замак. Працы, т. II, стар. 51.
106. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, т. 9. СПб, 1905, стр. 482.
107. Ю. Е г о р о в . Градостроительство Белоруссии, стр. 81.
108. В. В. С е д о в. К исторической географии Смоленской земли. Материалы по изучению Смоленской области, вып. IV. Смоленск, 1961, стр. 339—340.
109. «Смоленские грамоты XШ—XIV вв.» М., 1963.
ПО. Л. В. А л е к с е е в . Городище Девичья гора в г. Мстнславле. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 73—79.
111. Л. А л я к с е е ў . На Замкавай гары. «Маладосць», 1969, № 4, стар. 144.
112. А. Д. Кав а л е н я. Археалагічныя разведкі ў Магілёўскай, Бабруйскай і Мінскай акругах. Праны археалагічнай камісіі, т. II, стар. 149—151; Э. М у г у р е в и ч . Упомянут ли город Лудза в письменных источниках 12 века? Археологические исследования, посвященные памяти Харри Моора. Таллин, 1970, стр. 138—141.
113. Б. А. Р ы б а к о ў. Радзімічы. Працы, т. III, стар. 113.
114. ПСРЛ, т. II, стб. 311.
115. М. З а п о л ь с к и й. Брагинская волость (Исторический очерк). Календарь Северо-Западного края на 1889 г. М., 1889.
116. Ипатьевская летопись. ПСРЛ, т. II. М., 1962.
117. Б. А. Р ы б а к о ў. Радзімічы. Працы, т. III, стар. 147.
118. Г. В. Штыхов. Археологическая карта Белоруссии, стр. 99.
119. Археологические раскопки в парке им. Луначарского. «Полесская правда», 1926, 7 сентября.
120. С. А. Д у б і н с к і . Археалагічная праца на Беларусі за 1919—1928 гг. Працы, т. I.
121. Ю. А. Е г о р о в. Градостроительство Белоруссии, стр. 76.
122. О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке, стр. 193.
123. Г. В. Штыхов. Разведочные раскопки в Славгороде в 1967 г. Вопросы истории (Тезисы докладов XII конференции молодых ученых Белорусской ССР). Минск, 1969, стр. 70—76.
124. Б. А. Р ы б а к о ў. Радзімічы, стар. 120—121.
125. Н. II. В о р о н и н . Древнее Гродно, стр. 9; М. К. Л ю б а в с к и й. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1893, стр. 3; В. Б. Ант о н о в и ч . Очерк великого княжества Литовского до половины XV в. Киев, 1885, стр. 44; П. Д. Б р я н ц е в. История Литовского государства с древнейших времен. Вильно,' 1899, стр. 1.
126. В. И. Л ом а н е к и й . Белая Русь. Живая старина, 1891, вып. III, стр. 250.

127. БСЭ. т. 4. изд. 2, стр. 479; В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.—Л., 1950. стр. 121.
128. Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 10.
129. В. И. Пичета. Образование белорусского народа. «Вопросы истории», 1946, № 5—6, стр. 17.
130. И. Д. Беляев. История Полоцка или Северо-западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии, ч. I. М., 1872, стр. 14, 115.
131. Е. Ф. Карский. Белорусы. Вильно, 1904, стр. 117—118.
132. А. А. Потебня. Этнологические заметки. Живая старина, 1891, вып. II, стр. И9.
133. М. К. Любавскии. Очерк истории Литовского государства. М., 1915, стр. 18; И. Д. Беляев. История Полоцка или северо-западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии, ч. I, стр. 12; У. Пічэта. Псторыя Беларусі, ч. I. М.—Л., 1924, стр. 74—76.
134. А. М. Андр«яшев. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия, стр. 41; Е. Ф. Карский. Белорусы, стр. 66.
135. Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии, стр. 133, 185.
136. В. Б. Антонович. Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV в., стр. 11.
137. В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронима Верхнего Поднепровья, стр. 244.
138. Н. Н. Всронин. Древнее Гродно, стр. 197.
139. Хроника Быховца. М., 1966, стр. 36—37.
140. M. Stryjkowski. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846, t. I, str. 235.
141. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 181.
142. К этому, равно как п другим сообщениям Т. Нарбута, следует относиться критически, так как этот исследователь ссылался иногда на «недостоверные или даже вымышленные источники» (Н. П. Улащик. Предисловие к «Хронике Быховца», стр. 8).
143. ПСРЛ, т. II, стб. 294.
144. Около 1237 г. чернорусские войска «Изяслава Новгородьского» участвуют в походе Миндевга на польского князя Конрада Мазовецкого (ПСРЛ, т. II, стб. 776).
145. ПСРЛ, т. II, стб. 816. Это есть первое упоминание Волковыска, Слонима и Здитова в летописи.
146. ПСРЛ, т. II, стб. 831.
147. ПСРЛ, т. II, стб. 847—848.
148. ПСРЛ, т. II, стб. 862, 864.
149. ПСРЛ, т. II, стб. 874.
150. ПСРЛ, т. II, стб. 872—878.
151. ПСРЛ, т. II, стб. 634.
152. Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 45.
153. Гродненская земля и ее замок подвергались нападениям рыцарей в 1284, 1295 1296, 1305, 1306 —дважды, 1311 — трижды, 1324, 1328 гг. (В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства, стр. 417).
154. ПСРЛ, т. II, стб. 776, 819, 872—873.
155. В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства, стр. 37—42.
156. Н. Н. Улащик. Предисловие к «Хронике Быховца», стр. 25—26.
157. М. В. Малевская. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. КСИА вып. 104, 1965, стр. 92.
158. По данным П. А. Раппопорта, прорезавшего здесь вал, последний был насыпан на культурном слое XI в. (П. А. Раппопорт. Отчет о работе экспедиции по исследованию крепостей 1959 г.). Архив сектора археологии Института истории АН БССР, д. 59.
159. Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новогрудка X—XIII вв. Советская археология, № 1, стр. 251, 1962; Ф. Д. Гуревич. О жилищах окольного города древнего Новогрудка. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 77.
160. Ф. Д. Гуревич. Новые материалы по истории Новогрудка. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 119.
161. И. Д. Зильманович. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 году. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 97—98.
162. Ф. Д. Гуревич. Раскопки в Новогрудке (1960—1961). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 51—53.
163. Ф. Д. Гуревич. О жилищах окольного города древнего Новогрудка. КСИИМК, вып. 87, стр. 77.
164. М. В. Малевская. Амфоры Новогрудка XII—XIII вв. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 185.
165. Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская. Восточное стекло в древней Руси. Л., 1968, стр. 8, 12, 14, 15 и др.

166. Ф. Д. Г у р е в и ч . Об окольном городе летописного Новогрудка X—XIII вв., стр. 252.

167. ПСРЛ, т. II, стб. 816, 831, 847.

168. В. Р. Т ар а с е н к о. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 261; Г. И. Пех. Раскопки в Волковыске в 1958 г. Советская археология, 1963, № 1, стр. 231; Я. Г. З в е р у г о. Раскопки в Волковыске в 1965 г. Вопросы истории и археологии. Материалы X конференции по общественным наукам. Минск, 1966, стр. 318—319.

169. Я. Г. З в ер у го'. Археологические работы в Волковыске Археологические открытия 1969 г. М., 1970, стр. 308. алогические

170. В. П. Д а р к е в и ч . Костяное навершие из Волковыска. КСИА вып 96 1963 стр. 105—109.

171. Н. И. Б у р ч ак-А б р а м о в и ч , Я. Г. З в е р у г о. К изучению орнитофауны древнего Волковыска. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии Минск, 1969, стр. 218, 221, 222..

172. Я. Г. З в е р у г о. Оружие древнего Волковыска. Белорусские древности Минск 1967, стр. 307—341.

173. С. А. К а д н и к о. в, Г. В. К р у п ч е н к о, Я. Г. З в е р у г о. Железные изделия древнего Волковыска. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии Минск 1969, стр. 180—182.

174. Я. Г. З в ер у го. Новые данные о древнем Волковыске. Древности Белоруссии Минск, 1969, стр. 149—150, 157—160.

175. Подобное положение наблюдалось в Гродно (см. Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 54); Я. Г. З в е р у г о. Раскопки в Волковыске в 1965 г., стр. 319 __ 320; J. J o d k o w s k i . Grodzisko wolkowyskie. Grodno, 1925, str. 26—27.

176. На плане Слонима, составленном в 1825 г., Замчище имеет форму четырехугольника (примерно в пределах улиц Первомайской, Советской, Энгельса, Маяковского). Само название возвышенности можно, правда, связать с более поздним временем, когда здесь был построен замок князей Огинских. Из рисунка старого Слонима видно, что восточная сторона Замчища имела ранее более крутые склоны, а река Щара до покрытия канала Огинского протекала у самого подножья городища (там, где ныне проходит улица Энгельса).

177. Г. И. Пех. Раскопки древнего Слонима. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 277; Я- Г. З в е р у г о. Раскопки в Слониме. Археологические открытия 1968 г. М., 1969, стр. 351.

178. Г. И. Пех. Раскопки древнего Слонима. Древности Белоруссии, Минск, 1969, стр. 279.

179. Ф. Д. Г у р е в и ч , Р. М. Д ж а н п о л а д я н , М. В. М а л е в с к а я . Восточное стекло в древней Руси, стр. 13.

180. ПСРЛ, т. II, стб. 819, 874.

181. П А. Р а п п о п о р т . Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, № 140. Л., 1967, стр. 81—83.

182. К. К о в а л ь с к а я, Г. П е х. По следам прошлого. «Гродненская правда», 1962, 16 октября.

183. О богатстве окрестностей Турийска болотными рудами свидетельствуют сами названия: Руда Липичанская, Руда Яворская и др. Выходы железной руды имеются также в обрывах неманских берегов.

184. Ипатьевская летопись. ПСРЛ, т. II, стб. 816.

185. Е. Р. Р о м а н о в. По Гродненскому Полесью. Записки северо-западного отдела РГО, кн. 2. Вильна, 1911.

186. И. К. Шулицкий. Археологические и историко-географические заметки. Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильна, 1893.

187. Ю. В. К у х а р е н к о . Отчет об археологических исследованиях на территории Брестской обл. в 1967 г. Архив Института истории АН БССР, д. 292.

188. М. А. Т к а ч е в . Археологические открытия 1970 г. М., 1971, стр. 306—307.

189. Россия, т. IX, Полное географическое описание нашего Отечества, СПб, 1905, стр. 430.

Г Л А В А XI

1. Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970, стр. 136.

2 Б А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.

3. Г В. Ш ты х о в. Ремесло древнего Полоцка. Материалы конференции молодых ученых АН БССР. Минск, 1962, стр. 131.

4. Б. А. К о л ч и н. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65. М., 1959.

5. Л. В. А л е к с ее в. Полоцкая земля, стр. 124,
6. Я. Г. З в е р у г о. Оружие древнего Волковыска. Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 313.
7. П. Ф. Л ы с е н к а. Раскопкі Бярэсця. Помнікі гісторыі і культуры Беларусі Мінск, 1971, № 1. стар. 21.
8. Э. М. З а г о р у л ь с к и й. Древний Минск, стр. 52—53.
9. Г. В. Ш г ы х о в, П. Ф.Лысенко. Древнейшие города Белоруссии. Минск, 1966.
10. Г. В. Штыхов. Происхождение и материальная культура древнерусских городов Белоруссии — Полоцка и Витебска (IX—XIII вв.) • I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej, t. IV. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, str. 408, rys. 2.
11. Н. Н. Воронин. Археологические заметки, КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 29.
12. Т. В. Р а в д и н а. Поливные керамические плитки из Пинска, КСИА, 1963, № 96.
13. Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты древнего Полоцка. Советская археология, 1965, № 1, стр. 225—235.
14. Г. В. Штыхов. Опыт исследования древнерусской кожи. Советская археология, 1963, № 4, стр. 240—246.
15. К. П. Шут. Обувь древнего Минска. Материалы IX'конференции молодых ученых АН БССР (общественные науки). Минск, 1965, стр. 72—81; Г. В. Штыхаў. Шавецкае рамяство старажытиага Полацка. Весці АН БССР, серыя грамадскіх павук Мінск, 1962, № 3, стар. 81—90.
16. Б. А. Р ы б а к о в. Ремесло древней Руси, стр. 504—509.
17. Б. А. Р ы б а к о в. Ремесло древней Руси, стр. 447, 452.
18. Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты Полоцкой земли. КСИА, вып 104. 1963, стр. 49.
19. Г. О. Оссовский. Откуда привозился красный шифер. Труды III археологического съезда в Киеве, т. II. Киев, 1878, стр. 159—164.
20. Т. И. М а к а р о в а. Поливная посуда. Свод археологических источников, вып. ЕI-38. М., 1967, стр. 48.
21. Ф. Д. Г у р е в и ч. Прибалтийский импорт в Понеманье в X—XIII вв. От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966, стр. 52—58.
22. Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв, стр. 91—92.
23. Л. В. А л е к с е е в. Полоцкая земля, стр. 89—93.
24. В. П. Д а р к е в и ч. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). Свод археологических источников, вып. ЕI-57. М., 1966, стр. 27—29.
25. Ф. Д. Г у ре вич. Внешние связи древнерусских городов на территории Белоруссии в XII—XIII вв. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 281.
26. От наименования письма «куфн», созданного в конце VII в. в Ираке (гор. ал-Куфа и ал-Басра) и использовавшегося для выполнения надписей на монетах Халифата.
27. Могилев, 1822 г.—1300 дирхемов. А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасавидских *п* куфических). СПб, 1910 (в дальнейшем Марков) .N» 141.
28. Дер. Красная Миарского р-на Витебской обл., 1896 — около 300 дирхемов. Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (АЛОИА), ф. 1, д. 293, л. 50 об., 51: д. 119, *I,* 4 об., ;10—П. Марков. Дополнение, № 1.
29. Могилев, 1822. См. примеч. 2.
30. Имение Поречье Оршанского у. Витебской губ., 1883—299 целых и фрагментиронавных дирхемов, 274 целых и фірагментйірованвных денария, 1 византийский милиарисий, 1 фрагмент русского серебреника. АЛОИА, ф. 1, д. 35, л. 55 об., 56, 62 об., 63, д. 63, л. 4; д. 69, л. 29; д. 14, л. 17, 26—27 об., 29—30 об. N. Bauer. Die russischen Funcie abendlandischer Munzen des II und 12. Zeitschrift fur Numizmatik. Berlin, Bd. XXXIX (1939), XL (1930), № 65.
31. Дер. Погорелыцина Воложинского р-на Минской обл., 1955, Хр.— Нумизматический кабинет исторического факультета Белгосуниверситета мм. В. И. Ленина (Минск).

Между 1821 и 1823 гг. в имении Богомолец Витебского у. найдено «до 100 фунтов» куфических монет, из числа которых известны лишь 12 экз. (П. С. С а в е л ь е в. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории... Санкт-Петербург, 1846, № 21а; Марков, № 9). Если принять на веру упомянутый выше вес клада, то в составе его должно было содержаться от 13000 до 16000 монет. Эта астрономическая цифра вынуждает отнестись к сведениям о первоначальном весе Богомолецкой находки с большим недоверием.

32. Р. Р. Фа см ер. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. Известия Российской Академии истории материальной культуры, IV, 1925; Р. Р. Фас мер. Завалишинский клад куфических монет VIII—IX вв., Известия Государственной Академии истории материальной культуры, VII, вып. 2, 1931; Р. Р. Ф а с м е р. Два клада куфических монет. Труды Нумизматической комиссии Государственной

Академии истории материальной культуры, VI, 1927; Р. Р. Ф а с м ер. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. Известия Академии наук, 1933, Л»№ 6—7; R. Fasmer. Ein neuer Munzfund des elften Jahrhunderts in Estmschen Privatbesilz. Sitzung des Gelehrten Estnisch. Ges., 1934. Tartu, 1936; В. Л. Я н и н Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 195';. Применяемая нами периодизация основных этапов восточноевропейского обращения дне хема основана на работе В. Л. Янина.

33. В. Л. Я н и н. Денежно-весовые системы русского средневековья, стр. 82—84. N. F. Kotlar. Obrót arabskich dirchemów na territorium Ukrainy. Wiadomości numizmatyczne, zesz. 1(51). Warszawa, 1970, str. 19.

34. Р. Р. Ф а с М е р. Об издании новой топографии, стр. 476.

35. В. Л. Я н и н . Денежно-весовые системы русского средневековья, стр. 86.

36. а) Дер. Д о б р и н о, 1962—431 целых и 96 фрагментированных дирхемов. Дата зарытия — около 841—842 гг. (хр. Витебский областной историко-краеведческий музей; б) дер. Симоны Мядельского р-на Минской обл., 1961—57 целых и 68 фрагментированных дирхемов, дата зарытия — около 853—854 гг. (хр.— Минский областной музей, г. Молодечно); в) дер. Поречье Плисского р-на Витебской обл., 1960—39 целых и 6 фрагментированных дирхемов, дата зарытия — около 853—854 гг. (хр. нумизматический кабинет Белгосуниверситета); г) совхоз Соболево (недалеко от гор. Баево' Дубровенского р-на Витебской обл.) 1936—138 целых и 168 фрагментированных дирхемов, дата зарытия — около 856—857 гг. (хр.— нумизматический кабинет Белгосуниверситета). См. В. Н. Р я б ц е в и ч. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области. Нуми.чматика и эпиграфика, V. М., 1965, стр. 121—160.

37. В. Н. Р я б ц е в и ч. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области стр. 123.

38. В. Л. Я н и н . Денежно-весовые системы русского средневековья, стр. 101.

39. а) Дер. Старый Дедин Кричевского р-на Могилевской обл., 1926—201 целый и фрагментированный дирхем, 2 германских денария и >1 византийский милиариоий, время зарытия 980—985 гг. АЛОИА, ф. 2 — д. 27, л. 82 об., 104 об. 105; д. 226, л. 21; д. 29, л. 80; д. 30, л. 35; R. Vasmer. Ein im DorfeStarvi Dedin in Weissenrussland gemachter Fund kufischerMunzen, Detta hafte ar. Kung. Antikvitets Akad. Handligar Mostevarat, Stokholm, 1929, s. 45; б) Дер. Красная Миорского р-на Витебской обл., ом. примеч. 3. Время зарытия — 986—987 гг.

40. В. Л. Я н и н . Денежно-весовые системы русского средневековья, стр. 104—105.

41. В. В. К р о п о т к и н . Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, стр. 15. N. F. Kotlar, op. cit, str. 24—25, (karta), 26.

42. В. Н. Р я б ц е в и ч . Куфические дирхемы на территории Белоруссии. Древности Белоруссии. 1. Минск, 1966, стр. 255—256.

43. В. Кубяк, публикуя находку из гор. Антополя Брестской обл., приходит к следующему выводу: «Клад этот был целиком привезен с Востока, предназначался для дальнейшей транспортировки на запад...» (Wl. К u b i a k. Skarb monet kufickich z Antopola na Polesiu a szlak wodny przypiecko-bużański. Uznik a pocatky slovanu t. 11. Praha, 1958, str. 226). Арабский купец, везущий дирхемы на Балтику, фигурирует в работе В. Терлецкого (Wl. T e r l e c k i . Od denara do złotówki. Warszawa, 1964, s. 61); М. Чапкевич и Ф. Кметович в фундаментальной публикации клада из Дропичина над Бугом целый раздел посвящают рассмотрению вопроса о том, «какие арабские страны были заинтересованы в торговле с польскими землями в свете Дрогичинского клада». (M a r i a C z a p k i e w i c z, F r a n c i s z e k K m i e t o w i c z. Skarb monet arabskich z okolic Drogiczyna nad Bugiem, PAN, oddział w Krakowie. Prace komisji archeologicznej, 1. Kraków, 1960, robz. 8, str. 150).

44. Очень показательна в этом отношении каменная форма для отливки подражаний дирхемам найденная в 1891 г. в имении Евреинова у дер. Еменец Невельского у. Витебской губ. АЛОИА, ф. 1—1890; д. 220, л. 61 об.—62; 1891—д. 119, л. 1, 4, 6, 8, 9; 1892—д. 215, д. 1. Архив Государственного Эрмитажа, ф. 1, оп. 5, д. 17 (ч. 1), 1892, л. 15, 22. Реестр поступлений в 1-е отделение Императорского Эрмитажа за 1879—1892 гг. (Рукопись в отделе нумизматики Гос. Эрмитажа), стр. 90. Марков, №'13 (время находки ошибочно отнесено к- 1892 г.).

45. Г. В. Штыхаў. Галасы далёкіх продкаў. Мінск, 1968, стар. 100. Хр.—Белгосмузей (Минск).

46. См. примеч. 31.

47. Об основных путях проникновения денария на русские земли -- см.; В.М. Потин. Древняя Русь и -европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, стр. 58—73.

48. Дер. Старый- Дедин — см. примеч. 1-3. Попутно отметим, что Стародединский клад- самое старшее захоронение с денариями не только для условий западных земель Руси, но и всех русских земель.

49. Хутор Людвище Кобрныского р-иа Брестской обл., 1934—650 денариев и 1 подражание (вероятно, западноевропейское) куфическому дирхему. R. Gaettens. Der Fund von Ludwitsche, Halle. a/S, 1934.

50. Хутор Людвище — см. примеч. 21.

51. В. М. Потин. Дегтянский клад денариев середины XI в. Труды Гос. Эрмитажа, IV, 1961; В. М. Потин. Топография находок западноевропейских монет на территории Древней Руси. Труды Гос. Эрмитажа, IX. Л., 1967, № 369. Degtanski pokiad a ceskoruske stuky v XI stoleti, Moravskie numizmatycke zpravy. Brno, 1959, № 5; А. А. Быков. Восточные монеты Дегтянского клада. Труды Гос. Эрмитажа, IV; В. Н. Рябцевич. Новые монеты Дегтянского клада. Старажытнасці Беларусь Мінск, 1972.

52. Из 11 известных ныне златников 4 (а возможно, и 6) происходят из Пинского клада 1804 г. (мнение И. Г. Спасского — см. В. Н. Рябцевич. О чем рассказывают монеты. Минск, 1968, стр. 28). Архив Государственного Эрмитажа (Ленинград), ф. !, оп. 1, д. 1, лл. 1—3; д. 5, л. 1.

53. АЛОИА —ф. 1, д. 64, 1910, лл. 1, 4, 7, 9; ф. 2, д. 27, 1926, л.82; д. 226, л. 31. (Ср.—АЛОИА, ф. 2, д. 27, л. 45 об.); Г. В. Штыхаў. Полацкі скарб 1910 года, Весні Академії павук БССР (серыя грамадскіх павук), 3. Мінск, 1962.

54. В. Л. Янин. Я послал тебе бересту. М., 1965, стр. 124 (грамота № 354), 147 (№ 260) и др.

55. Н. Н. Дрочєпина, Б. А. Рыбаков. Берестяная грамота из Витебска. Советская археология, 1960, № 1. Русско-еврейский архив (документы и материалы для истории евреев в России). I. С-Петербург, 1882, стр. 13—14.

56. Известия Академии паук по отделению русского языка и словесности, т. X, пып. VI, СПб, 1863, стр. 633—636 (письмо рижских рітманов витебскому князю Михаилу Константиновичу).

57. В. Л. Янии. Я послал тебе бересту, стр. 147 (грамота № 260), стр. 154.

58. Генрих Латвийскин. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, XVI, 2.

59. В. Ф. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Труды IX археологического съезда, і. М., 1895, стр. 205.

60. К. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильно, 1865, стр. 100—103.

61. А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы у Смаленшчыне. Працы археолёіічнаіі камісіі, III.

62. Л. В. Алексеев. Полоцкая земля, стр. 105, ПО—111.

63. Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 96.

64. А. Стубавс. Некоторые археологические находки XI—XIII вв. из городища Кекнесе. «От эпохи бронзы до раннего феодализма». Таллин, 1966, стр. 171, табл. VIII, IX,

65. А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М„ 1961, стр. 318—324.

66. В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья.

67. В. Н. Рябцевич. Два менетно-вещевых клада IX в. из Витебской области.

ГЛАВА XII

1. В. Л. Янип. Древнейшая русская печать X в. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 46.

2 Г. В. Штыхов. Печать XII в. из Полоцка. Советская археология, 1965, № 3, стр. 244—245.

3. В. Л. Янн н. Полоцкий матриархат. «Знание — сила», 1970, № 12.

4. В. Л. Яиии. Именные буллы русских епископов XII — начала XIII вв. Советская археология, 1966, № 3, стр. 202; Г. В. Штыхов, П. Ф. Лысенко. Древнейшие города Белоруссии, стр. 22—23.

5. В. Л. Яниц. Печати с надписью «Дьнеслово», Советская археология, 1962, № 2, стр. 167.

6. Н.Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 198.

7. В. И. Довженок, В. К. Гончаров, Р. О. Юра. Древньоруське місто Воін. Київ, 1966, стр. 96.

8. В Л Янин Актовые печати древней Руси X—XV вв. т. I. Печати X — начала XIII вв. М., 1970.

9. Г. В. Штыхов, П. Ф. Лысенко. Древнейшие города Белоруссии, стр. 36.

10. Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 99.

11. Г. В. Штыхаў, П. Н. Захаранка. Старажытныя скарбы Беларусь Мііiск, I97I.

12. В. П. Таранович. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. Советская археология, 1946, № 8.

13. Л. В. Алексеев. Полоцкая земля, стр. 230—231.

14. Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI-XIV веков. (Свод археологических источников, вып. ЕІ-44. М., 1964, стр. 33).

15. Л. М. Шакун. Гісторыя беларускай літаратурнаи мовы. Мінск, 1963, стар. 70—71.

16. Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИИМК, вып. 62 М 1956 стр. 29—32.
17. Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 119—120.
18. Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 97—98.
19. Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV веков, стр. 34.
20. М. В. Малевская. Амфора с надписью из Новогрудка. Советская археология, 1962, № 4, стр. 238—241.
21. Л. В. Алексеев. Три пряслица с надписями из Белоруссии. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 129—132.
22. Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 64—65.
23. П. Ф. Лысенко. Шиферное пряслице с надписью из Пинска. Советская археология, 1966, № 3, стр. 248.
24. П. Ф. Лысенко. Раскопкі Бярэсця. «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі» Мінск, 1971, № 1, стар. 24.
25. М. Н. Сотникова. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода. XII—XV вв. Труды Государственного Эрмитажа, 1961, т. 4, стр. 60, 70.
26. Отчет Археологической комиссии за 1882—1888 гг. СПб, 1891, стр. 10.
27. С. А. Высоцкий. Древние русские надписи Софии Киевской, вып I Киев 1966, стр. 59.
28. Г. В. Штыхов. Отчет о разведках и раскопках в Северной Белоруссии в 1971 г. Архив Института истории АН БССР, д. № 385.
29. А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. «Советская археология» 1960, № 2, стр. 66—67.
30. Н. Н. Дрочеиина, Б. А. Рыбаков. Берестяная грамота из Витебска. Советская археология, 1960, № 1, стр. 283.
31. Г. В. Штыхов. Интересная находка. «Искусство», 1964, № 4, стр. 65—60.
32. В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси. Советская археология, 1960, № 4.
33. Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стар. 91, табл. V: 3, 4 стар. 92, табл. VI.
34. А. Н. Ляўданскі. Археалагічныя доследы у Барысаве. Працы археалагічнай камісіі, т. II, стар. 260, табл. 1, 15.
35. В. В. Седов. Амулеты (коньки из древнерусских курганов. В сб.: Славяне н Русь. М., 1968, стр. 151—156).
36. А. Н. Ляўданскі. Археалагічныя раскопкі у Заслаўі Мінскап акругі. Працы археалагічнай камісіі, т. I, стар. 11, рыс. 5.
37. Ф. Д. Гуревич. Украшения со звериными головами. КСИИМК, 1947, вып. 15, стр. 68—76.
38. Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн.: «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 396—416.
39. Г. В. Штыхаў, А. Н. Захаранка. Старажытныя скарбы Беларуси, рыс. 18, 27, 28.
40. Л. В. Алексеев. Художественные изделия костерезов из древних городов Белоруссии. Советская археология, 1962, № 4, стр. 199.
41. И. М. Линдер. Шахматы на Руси. М., 1964, стр. 63.
42. И. Линдер. Царь из Лукомля. Шахматы в СССР, 1968, № 10, стр. 10, 11.
43. И. М. Линдер. Шахматы на Руси, стр. 61, рис. а.
44. Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 76.
45. Г. В. Штыхаў. З гісторыі шахмат. «Беларусь», 1968, №5, стар. 31; И. Линдер. Царь шахматного войска. «Огонек», 1968, № 17, апрель стр. 23.
45. Ф. Д. Гуревич. Изображения музыкантов древней Руси. Советская археология, 1965, № 2, стр. 276—281.
47. Г. В. Штыхов. Работы Полоцкой экспедиции. Археологические открытия 1967 г. М., 1968, стр. 255.
48 Л В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. Советская археология, 1957, № 3, стр. 224—242.
49. А. Мальдзіс. Сляды продкаў. «Література і мастацтва», 1970, 30 кастрычніка.
50. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 263.
51. Л. В. Аляксееў. Старажытны Мсціслаў. «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі». Мінск, 1971, № 1, стар. 30.
52. Я. Г. Зверуго. Костяная иконка из Волковыска. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 200—201.
53. П. Ф. Лысенко. Каменная резная иконка из Пинска. Советская археология, 1968, № 2, стр. 295—297.
54. М. В. Седова. Каменные иконки древнего Новгорода. Советская археология, 1965, № 3, стр. 263, рис. 1, 2.
55. П Ф Лысенко. Свинцовые иконки из древнего Турова. Советская археология, 1967, № 1, стр. 281—284.

56. К. Шероцкнй. Софийский собор в Полоцке. «Записки отделения русской и славянской археологии и русского археологического общества», т. X. Петроград, 1915, стр. 85.
57. І. М. Х о з е р а ў. Полацкае будаўніцтва старадаўняга перыяду. «Запіскі аддзела гуманітарних навук», кн. 6. Працы камісіі гісторыі мастацтва, т І сшытак 1 Мінск, 1928, стар. 113.
58. К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 46.
59. М. Ш ч а к а ц і х і н . Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва т. І. Мінск, 1928, стар. 105.
60. Н . Н . В о р о н и н , М. К. К а р г е р. Архитектура. В кн.: История культуры древней Руси, т. И. М— Л., 1951, стр. 262.
61. Г. В. Ш т ы х о в. Древнеполоцкое каменное зодчество. Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 263—265.
62. S. A l e x a п d r o w i c z. Nowe źródło ikonograficzne do oblężenia Polocka w 1579 г. Kwartalnik Historii kultury materialnej, 1971, XIX, № 1, str. 3—29.
63. А. С. С а п у и о в. Река Западная Двина. Витебск, 1893, стр. 421.
64. Н. Н. В о р о н и н . Бельчицкие руины. «Архитектурное наследство», 1956, № 6, стр. 17.
65. Н. Н. В о р о н и н. Бельчицкие руины, стр. 8.
66. Н. Н. В о р он и н. К истории полоцкого зодчества XII века. К.СИА вып 87 1962,, стр. 103—104.
67. В. А. Б о г у с е в и ч. Розкопки в Путивльско-му кремлі, «Археологія» XV Киіз 1963, стор. 168, рис. 3.
68. Б. А. Р ы б а к о в . Раскопки в Путивле. Археологические открытия 1965 года М., 1966, стр. 154—156.
69. В. Л. Я н и н . Полоцкий матриархат. «Знание — сила», 1970, № 12, стр. 19.
70. Житие блаженыя Еуфросинии... Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. Мінск, 1959, стар. 76.
71. Н. Н. В о р о н и н. У истоков русского национального зодчества. «Ежегодник Института истории искусства». М., 1952, стр. 264.
72. П. Н. М а к с и м о в . Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова. «Архитектурное наследство», 1960, № 12, стр. 31.
73. Н. И. Б р у н о в. Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск, Смоленск в сентябре 1923 г. М., 1926, стр. 3.
74. Г. В. Ш т ы х о в. Дрезнеполоцкое каменное зодчество, стр. 280—283.
75. М. К. К а р г е р. Памятники древнего зодчества Белоруссии. Тезисы докладов на заседаниях, посвященых итогам полевых исследований, 1962 г. М., 1963, стр. 25; М. К. К а р г е р. Отчет о раскопках в Полоцке в 1964 г. Архив Института истории АН БССР, д. № 251.
76. М. К.. К а р г е р. Раскопки руин древнего храма в Верхнем замке Полоцка. Археологические открытия 1967 года. М., 1968, стр. 257—258. М. К. К а р г е р. Отчет о раскопках руин древнего храма на Верхнем замке в Полоцке в 1967 г. Архив Института истории АН БССР, д. № 308.
77. М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, стр. 81, рис. 34.
78. Г. В. Ш т ы х о в. Древнеполоцкое каменное зодчество, стр. 287—289.
79. Н. Б р у н о ў . Беларуская архітэктура XI—XII ст. Зборнік артыкулаў. Мінск, 1928, стр. 279—280.
80. Г. В. Ш т ы х о в. Археологические раскопки в Витебске. Материалы IX конференции молодых ученых. Общественные науки. Минск, 1965, стр. 63; Г. Штыхаў. Благавешчанская царква ў Віцебску. «Літаратура і мастацтва», 1968, 22 красавіка.
81. М. К. К а р г е р . Раскопки руин церкви Благовещения в Витебске. Археологические открытия 1968 г. М., 1969, стр. 355.
82. Г. В. Штыхов. Отчет о раскопках в Витебске и археологических разведках в Полоцке, Шклове и Орше, в 1964 году. Архив Института истории АН БССР, д. № 243, стр. 10—11.
83. П. А. Раппопорт. О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII веке. Труды института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Серия «Архитектура», вып. 3. Л., 1970, стр. 18—21.
84. В. Р. Т а р а с е н к о . Древний Минск. Материалы по археологии БССР. Минск, 1957, стр. 221.
85. Э. М. З а г о р у л ь с к и й. Древний Минск, стр. 42.
86. Л . В . А л е к с е е в . Полоцкая земля, стр. 204—207.
87 J. J o d k o w s k i . Grodno wczesnośredniowieczne w świetle prac wykopaliskowych dokonanych na Królewskim Zamku Starym w Grodnie w latach 1.932 i 1933. Przegląd historyczno-wojskowy, t. XII, z. I. Warszawa, 1934; L. Durczewski. Stary Zamek w Grodnie w świetle wykopalisk, dokonanych w latach 1937^1939. «Nieman», 1939.

88. Н. Н. В о р о ни н. Древнее Гродно, стр. 106.
89. В. И'. К у д р я ш е в. Гродно. М., 1960, стр. 1-3—14.
90. Н. Н. В о р о н и н. Древнее Гродно, стр. ПО.
91. М. В. М а л е в е к а я. К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно. Культура Древней Руси. М., 1966, стр. 148.
92. Т. В. Р а в д и н а. Поливные керамические плитки из Пинека. КСИА вып 96 1963, стр. 110—111. ' *
93. G. M i k o l a i c z y к, K. 2 u r o w s к i. Wyniki badań archeologicznych w katedrze gnieźnieńskiej w 1958 roku. Sprawozdania archeologiczne, t. XIV. Warszawa i in. 1962, str. 196—197, rys. 5; K. 2 u r o w s к i. Wyniki badań archeologicznych w Gnieźnie w roku 1959, str. 205, R. 2; *Q*. Mikolajczyk. Sprawozdania z prac archeologicznych stacji archeologicznej w Gnieźnie w 1960 roku. Tam że, str. 218—220, rys. 2, 3.
94. Н. Н. В о р о и и и. Древнее Гродно, стр. 130, 136^138.
95. В. И. К у Д р я ш е в. Гродно, стр. 18.
96. Г. И. Пех. Раскопки в Волковыске в 1958 г., Советская археология, 1963, № 1, стр. 231.
97. П. А. Раппопорт. Раскопки в Волковыске в 1959 г. Советская археология, 1963, № 1,етр. 239^240.
98. М. К. К а р г е р. К вопросу о памятниках зодчества XII в. в Волковыске. В сб.: Славяне и Русь. М., 1968, стр. 426.
99. М. К. К а р г ер. К вопросу о памятниках XII в. в Волковыске.
100. В. Р. Т а р а с е н к о. Отчет о работе Волковысской археологической экспедиции за 1955 г. Архив Института истории АН БССР, д. 14.
101. Я. Г. 3 в е р у г о. О строительном материале храма XII в. на Волковысском замчище. Тезисы, докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 161.
102. J. J od k ow s ki. Grodzisko Wolkowyskie. Grodno, 1'925 г., str. 24.
103. Г. И. Пех. Раскопк-и в Волковыске в 1958- г. Советская археология, 1963, № 1, стр. 233.
104. Я. Г. Зв е р у г а. О' строительном материале храма XII в. в Волковыске, стр. 161.
105. М. К. К а р г е р. К вопросу о памятниках XIГ в. в Волковыске, стр. 428.
106. Я. Г. 3 в е р у го. О строительном материале храма XII в. в Волковыске, стр. 156—158.
107. M. W a l i c k i. Cerkiew Sw. Borysa i Gleba na Kaloży pod Grodnem. Studia do dziejów sztuki, w Polsce, t. I. Warszawa, 1929; J. Jodkowski. Świątynia warowna na Koloży w Grodnie. Grodno, 1936. В. И. Кудряшов. Архитектура города Гродно. Автореферат, кандидатской диссертации. М., 1960.
108. П. А. Р а п п о п о р т. О взаимосвязях русских архитектурных школ в XII веке, стр. 21.
109. М. К. Кар г ер. Раскопки храма Бориса и Глеба в Новогрудке. Археологические открытия 1965 г. М., 1966, стр. 165; М. К. К а р г ер. Отчет о раскопках, архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР' в 1965- г. Архив Института истории АН БССР, д. № 264.
110. Л. В. А л е к с е е в. Полоцкая земля, стр. 217.
111 М. К- Картер. Новый памятник зодчества XII в. в Турове. КСИА, вып. 100, 1965, етр, 131—133.
112. М. К. Картер. Новый памятник зодчества XII в. в Турове, стр. 137—138-.
113. Н. Н. В о р о н и н. Древнее Гродно, стр. 106; П. А. Р а п п о п о р т. Раскопки в Волковыске в 1959 г. Советская археология, 1963, № 1, стр. 240.
114. Название «Белая' вежа» — позднее и относится к концу XIX в. В действительности же в. древности, вежа не белилась. Исключением являются наружные плоские нищи с полуциркульными завершениями. См. М. А л е к с я ю к. Пра Белую вежу і, Белавежскую пушчу. «Літаратура і мастацтва», 1971, 9 ліпеня.
115. ПСРЛ,, т. II, стб. 925.
116. П. А. Раппопорт. Волынские башни. Материалы и исследования по археологии СССР, № 31. М., 1952, стр. 206.
117'. Исследован в 1970 г. М. А. Ткачевым. Отчет о летних полевых исследованиях 1970года Архив Института истории АН БССР, д. № 377.
118. ПСРЛ, т. II, стб. 927.
Г19 FI А Раппо-порт. Военное зодчества западно-русских земель X—XIV вв. Л., 1967, стр. 146.
120 В Б а л а б у ш е в и ч і. Камекецкий столб. Литовские епархиальные ведомости, № 24, I88I, стр. 210.
121. ПСР'Л, т: II,,стб: 878. Н. М. Воронин. Древнее Гродно,, стр. 189.
122: В:. В. Косточкин.. Русское оборонное зодчеств конца XIII;—начала XVI веков. М., 1962, стр. 100; Е. Д. К в ит ни ц к а я.. Архитектура. Белоруссии XIV—XVI вв. Всеобщая история архитектуры, т. 6. М., 1968, стр. 458.

123. М. К. К а р г е р . Живопись. В кн.: История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 342.
124. Н. Н. В о р о н и н. Бельчицкие руины, стр. 12.
125. М. Ш ч а к а ц і х і н. Фрэскі Полацкага Барысаглебскага манастыра. «Наш край», 1925, № 1, стр. 23, рыс. 3.
126. М. С. К а ц е р. Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода. Минск, 1969, стр. 25—26.
127. Г. В. Штыхов. Отчет о раскопках в Полоцке и Витебске в 1963 г. Архив Института истории АН БССР, д. № 216, стр. 9.
128. С. М я л е ш к а. Праца навукова-даследчай экспедыцыі Цэнтральных дзяржаўных рэстаўрацыйных маистэрняу у Полацку. «Наш край», 1929, №8—9, стар. 77.
129. А. Л. Монгайт. Фрески Спас-Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Сб. « Культура древней Руси». М., 1966, стр. 138, рис 1.
130. М. С. К а це р. Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода, стр. 25—26.
131. Г. В. Ш т ы х а ў. Полацкія фрэскі XII стагоддзя. Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск, 1970, № 1, стр. 29—32.
132. В. Н. Л а з а р е в. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 24.
133. Ф. Д. Г у р е в и ч . Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. КСИА, 1964, № 99, стр. 98—100.

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ К «ОЧЕРКАМ ПО АРХЕОЛОГИИ БЕЛОРУССИИ»

ЧАСТЬ I

ЧАСТЬ II

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОЧЕРКИ ПО АРХЕОЛОГИИ БЕЛОРУССИИ. ЧАСТЬ И.

Редактор Г. Вольская. Младший редактор Е. Некрасова. Оформление и художественное редактирование Л. Усачева. Технические редакторы А. Атлас, И. Волоханович. Корректор В. Сарванова. Печатается по постановлению РИСО АН БССР. АТ 16608. Сдано в набор 6/V-72 г. Подписано в печать 15/УШ-72 г. Формат 70Х108'/іб. Бумага тип. N» I. Физ. печ. листов 15,5. Усл. печ. листов 21,7. Уч.-изд. листов 20,1. Изд. заказ 106. Тип. заказ 341. Тираж 1050 экз. Цена 1 р. 58 к. Издательство «Наука и техника». Минск, Ленинский проспект, 68. Типография имени Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Госкомитета СМ БССР по печати. Минск, Ленинский проспект, 68.